

ВМЕСТЕ

47

Георгий Товстоногов Рядом с интеллигентом

Николай Леонов Деньги или закон

С турфирмой

"Флегран Турист Сервис"

на остров

ИСКЬЯ

в Неаполитанском заливе

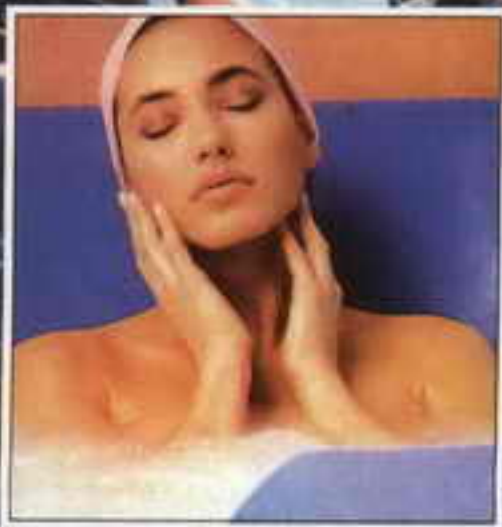
ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ

Целебные грязи и термальные источники

Лечение: ревматизм, полиартрит, ожирение, экземы

Специальной диеты: простатит и псориаз, гинекология

и косметика

тел. 912-7360, 912-3976

СМЕНА

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛлюстрированный журнал
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИН ДАВЫДОВ
худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.06.97.
Подписано и печати 25.07.97.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр. отт. 17,64.
Уизд. л. 23,10.

Тираж: 52470 экз.
Заявка № 2065
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832

**Учредитель — коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

10 (1596) ОКТЯБРЬ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 12** СВЕТЛАНА СЕМИНА
проза **КОШКИ-МЫШКИ**
Рассказ
- 76** РИЧАРД ДЕМИНГ
ЭЛЕМЕНТ РИСКА
Зарубенный рассказ
- 180** НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ
**ДЕНЬГИ
ИЛИ ЗАКОН**
Криминальная повесть
- 60** ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА
казня
- 166** ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН
- 4** ИГОРЬ ГАМАЮНОВ
время и мы **ОХОТА
НА ПРИЗРАКОВ**
- 28** СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
**НЕФТЯНОЙ
РУБЛЬ**
Беседа с первым вице-президентом
компании «ЛУКОЙЛ» Сергеем
Мунурой
- 35** ЛЕОНИД КУЗНЕЦОВ
**ФИЛИППИНСКИЙ
ФЕНОМЕН**
- 62** МАЙЯ ОРЛОВА
**ОТ СУМЫ
ДА ОТ ТЮРЬМЫ...**
- 93** ИРИНА САВЕЛЬЕВА
**БЕСПОЩАДНЫЙ
ДИАГНОЗ**
- 132** ГАЛИНА БРЫНЦЕВА
**ЛЕЧИТЬСЯ
МОЖНО
И В РОССИИ**
- 46** ЛЮБОВЬ РУСЕВА
исборки и клубника **ВЛАДИМИРСКИЕ
МОНОМАХИ**

104 ИВАН ЗЮЗИОНИН
**УНЕСЕННАЯ
ОГНЕМ**

118 ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА
ФЕДОТОВ

146 **РЯДОМ
С ГЕНИЕМ**

Беседа с секретарем
Г.А. Тавстоглова
Ириной Шымбаровой

■ **ЭКОЛОГИЯ И РИСУН**

На 1-й обложке:
фотохуд АЛЕНДЕЯ МЕЛЬНИКОВОГО.
Агентство ФотоАртис

А Н О М И Н С

ЛОУРЕНС БЛОК СМЕРТЬ В МЕДОВОМ МЕСЯЦЕ

Повесть "Смерть в медо-
вом месяце" несколько от-
личается от известных се-
риалов Лоуренса Блока.

Здесь нет привычных ге-

роев - детективов, частных сыщиков и полицейских. Так прекрасно начавшийся медовый месяц молодой пары Жилл и Дэвида Уэйдров неожиданно прерывается. Они оказываются не только свидетелями убийства, произошедшего в пансионате у тихого озера, но и жертвами насилия. Новобранные решают не обращаться за помощью к полиции, а самостоятельно провести расследование и отомстить убийцам и насильникам.

ОЛЕГ ПАРНОВ КРЫША

Он был московским "лабу-
хом". Стал бизнесменом...

Деньги, бандиты, милиция

и тогда, и ныне - суть его жизни. И все это, в конце концов, "достало" его...

Записки бывшего "лабуха" написаны очень откровенно: бизнес в России сегодня - это гремучая смесь шаль-
ных денег, криминала и изощренного ума. Риск, несто-
имость и беспредел - слагаемые сиюминутного "успеха".

ОХОТА НА

ИГОРЬ ГАМАЮНОВ

БИЛЕТ

ПЯТ

ПРИЗРАКОВ

КТО ЕСТЬ КТО

Призраки эти – во плоти. Они передвигаются по Москве и другим российским городам в дорогих "мерседесах". Их офисы охраняются профессионалами, прошедшими боевую подготовку. Обладая огромными богатствами, они ухитряются не платить налогов (уже известно около 150 способов их уклонения от налоговых сборов!), покупают особняки и виллы в теплых странах, куда

и сбегают, почуввав близость нарастающей десницы закона.

Об истинных масштабах их деятельности можно лишь догадываться, так как они обоняют существовать в тени, а результаты своего предпринимательства для контролирующих органов обозначают весьма скромными суммами на банковских счетах, ну, миллионов 10-15, не более. Хотя доход некоторых коммерческих структур лишь за один день наличными достигает 25 миллиардов рублей. Эти призраки – короли "черного налета". Виртуозы "двойной" бухгалтерии любую сделку оформляют дважды: в договорах для налоговой инспекции проходят мизерные суммы, а в отчетных документах для себя – подлинные.

В минувшем году только по одной Москве нелегальный налично-денежный оборот (ускользнувший от налогового обложения) составил, по прикидкам специалистов, около 60 триллионов рублей!.. А сколько – по всей стране?! И не это ли одна из причин тощего бюджета России, а следовательно – задержек с выплатами зарплат работникам бюджетной сферы?

Для того, чтобы вернуть в бюджет утаенные налоги и пресечь утечку российских капиталов за границу, работает налоговая полиция.

Предотвращая попытки вести "двойную" бухгалтерию, пресекая уничтожение компрометирующих документов и подкуп налоговых инспе-

нторов, эта, новая для России, силовая структура зачастую вступает в схватку с охраной криминальных фирм. Отслеживает и преследует каналы, по которым уходит из страны ценное сырье. Раскрывает агентов, внедряемых в налоговую полицию криминальными структурами для получения нужной им информации.

Словом, налоговая полиция делает все, чтобы отстоять экономическую безопасность России. Для этого и была создана такая силовая структура пять лет назад. Сейчас о ее работе можно писать не только статьи и очерки, а остросюжетные повести и романы, снимать скрытой камерой документальные кадры и создавать со спецэффектами боевики, очень похожие на повседневную жизнь налоговых полицейских.

Такая вот у них работа.

Из интервью с генерал-лейтенантом, заместителем директора Департамента налоговой полиции РФ Александром Ивановичем ФИРСОВЫМ.

— Наша налоговая полиция — законнорожденное дитя рыночной экономики. Ведь если раньше государство получало свои деньги в результате принудительного деленка, то сейчас бюджет формируется за счет отчисляемых налогов.

— *Но силовой характер вашей структуры говорит о том, что кое-кого принуждать все-таки приходится...*

— Есть такой анекдот. Петр I проснулся ночью, растолкал Меншикова и спрашивает: "Как ты думаешь, что страна моя сейчас делает?" Меншиков, почесавшись, зевнул и отвечает: "Ворует". Смех смехом, а традиция эта у нас, и соналению, не изнита. И тому же условия рыночной экономики делают искусство воровства не только более масштабным, но и изощренным. Ведь коммерческие структуры у нас в большинстве своем криминализи-

рованы. Вот и приходится власть употреблять, где слово закона не действует.

— *Но есть же налоговая инспекция, милиция, суд, наконец. Неужели всего этого недостаточно?*

— И соналению, нет. Когда речь идет о миллиардах рублей и миллионах долларов, дане, казалась бы, опытные Остапы Бендеры теряют рассудок. Дают своей охране команду — не пускать на порог налогового инспектора. А если и пустят, то не покажут ему ничего подлинного — одни фальшивки. У милиции же свои забот хватает — с бандитизмом и ганг не справится. Российская налоговая полиция, как, впрочем, и финансовая гвардия Италии или подразделения налоговых расследований в США, специализируется именно на такого рода преступлениях — уклонение от уплаты налогов в крупном и особо крупном размере, что, собственно говоря, влечет за собой уголовную ответственность.

ПИРАТЫ В БУДУЩЕМ МОРЕ ЭКОНОМИКИ

Операция по частному предпрятию "Дея" длилась восемь месяцев. Оперативники налоговой полиции, люди опытные, немало повидавшие на своем веку, были просто ошеломлены: если судить по документам, за полгода фирма эта заработала гроши — 27 миллионов рублей всего. Но в то же время ежеквартальный оборот ее имел совсем иной размах — 10-15 миллиардов рублей.

И еще одна особенность. Раслагалась фирма в Нальчике, а следы ее — для оптовых закупок продуктов питания — были разбросаны делено за пределами этого города: в Ставрополе, Краснодаре, Ростове-на-Дону. И везде у фирмы действовала сеть своих магазинов.

Проверили счета "Дея" в "Терруниверсалбанке" — суммы смешоточно маленькие. Значит, рассчитыве-

отся "черным налом", из рун в руки? Проследили за доверенными лицами фирмы, приезжавшими в Москву и закупавшими здесь за наличные большие партии товара. Выяснили: шласть "двойная" бухгалтерия – одна для налоговой инспекции, другая – для себя. Причем, приезжая в Москву, жили скрытно – никаких гулянок, все тихой сапой, даже соседи по лестничной площадке не знали, кто рядом с ними снимает квартиру. Шмыгают какие-то очень скромные и тихие люди с незапоминающимися лицами.

Набардино-Балнарская и Московская налоговые полиция завершили операцию уже будучи стопроцентно уверенными, что криминал есть. Причем – не шуточный.

Так оно и оказалось. В Москве, на улице Сумской, появилась группа захвата, занявшая все ключевые точки подъезда и лестничной площадки, в дверь позвонил человек в штатском, не оказавшие никаких неприятностей квартиранты открыли дверь. Во время обыска был обнаружен целый мешок документов "двойной бухгалтерии" – накладные, квитанции, договора, сертификаты, а на кухне, в небольшом сейфе, 1,3 миллиарда рублей и 160 тысяч долларов. Одновременно в Нальчике, Краснодаре, Ставрополе, Ростове-на-Дону был арестован на складах фирмы ее товар. Подсчитали стоимость, оказалось – на 10 миллиардов рублей.

Нам же изворачивались на допросах тихие и скромные люди. Нам ввалили изо всех сил. Пытались запутать следствие, но все больше путались сами. Уклонение от налогов сделало их очень богатыми людьми, но с одним серьезным изъяном, который ученые-экономисты именуют "групповым эгоизмом". Умом-то они принимали: чем меньше платят налогов и чем богаче становятся, тем больше народу остается без зарплаты. А вот сердцем нам-то не очень

все это ощущали. В силу своего очерствения.

Процесс этот у некоторых людей происходит очень быстро – идущие в руни легкие деньги туманят голову, действуя наркотически. Такая история произошла с неким 35-летним господином Завгородним, основавшим в Мурманске ТОО "Полярная сова". Бизнесмен и его жена затеяли трудоустроить отечественных моряков на временную работу за границу. О чем широкоуведомительно заявили. Пошли к ним не сразу, постепенно – народ у нас нынче, наученный горьким опытом обманно-иллюзорных пирамид, стал осторожен. Но в офисе Завгороднего все было солидно, неторопливо, основательно. При оформлении документов даже присутствовал курчавоголовый и смуглолицый, в пиджачной тройке, заграничный партнер, который, как потом выяснилось, кроме того, что говорил на ломаном русском, был приехавшим из Африки студентом, обучавшимся в одном из мурманских вузов.

"Морские волны", бывавшие в разных передрягах, уже у порога офиса теряли свою подозрительность, выкладывая за фантасное оформление на "импортную" работу от 350 до 900 тысяч рублей. И терпеливо ждали весточки, когда укладывать чемодан. А весточки все не было.

Неизвестно, как долго смогли бы ждать очарованные "Полярной совой" моряки, но вмешалась налоговая полиция. Оказалось, господин Завгородний, ежегодно собирая с доверчивых моряков немалые суммы, "крутил" их в банне, налогов же не платил. И никого нигде не трудоустроивал. Правда, он тут же понадеялся, пообещав в ближайшее время выплатить государству свой долг. Даже дал полицейским подписку о невыезде. А сам тайно, вместе с женой, тут же отбыл в Испанию, где его дожидался просторный собственный дом. Нам же он посмеивался

над мурманскими "морскими волками", покачиваясь в кресле-начальне с бокалом золотистого бренди!

Правда, посмеивался недолго. Потому что Российская налоговая полиция обратилась в Интерпол, который господина Завгороднего быстро нашел, посадил в самолет, а затем, в аэропорту Шереметьево-2, передал в крепкие руки наших налоговых полицейских, немедленно отправивших Завгороднего в мурманский следственный изолятор. Ему повезло, что его не передали в еще более крепкие руки мурманских моряков: страшно представить, с какой сноровистостью они зашили бы этого мнимого благодетеля в мешок и с каким несмываемым чувством торжествующей справедливости нинули бы его в Баренцево море.

Из интервью с генерал-лейтенантом, заместителем директора Департамента налоговой полиции РФ Александром Ивановичем ФИРСОВЫМ.

— Вам не кажется, что вашими внезапными проверками подсознательно руководит презумпция виновности, то есть убеждение, что воруют все, только в разных количествах?

— Нет, не кажется. Мы же действуем не методом тыка и не гадаем на кофейной гуще. В соответствии с законом об оперативной деятельности проводим предварительную работу и лишь потом, обнаружив серьезные основания, едем "в гости".

— То есть вы используете все технические средства — прослушивание, наружное наблюдение, засыл агентов в штат подозреваемой фирмы?

— Разумеется. Но только в рамках закона. С людьми, которые подрывают экономическую безопасность страны, церемониться нельзя. Разве они, обманывая миллионы на-

ших грандан, заставляя их выворачивать из карманов последнюю копейку, испытывают угрызения совести? Взять хотя бы организаторов финансовых пирамид: это же пираты в будущем море нашей экономики!

— Неужели ваше вмешательство может остановить их деятельность? Наши граждане в массе своей так привыкли верить в чудо!

— Но именно наше вмешательство в деятельность гигантски разросшейся пирамиды MMM и задержание ее "архитектора" Сергея Мавроди отрезвило многих наивных вкладчиков. А ведь эта пирамида уже достигла своей критической массы, и ее обязательное саморазрушение грозило России всем теперь известным "альбанским вариантом": народными волнениями со стрельбой и грабежами.

ХМЕЛЬНОЙ ДУРМАН, ПОРОНДАЮЩИЙ ЧУДОВИЩ

Не так давно налоговая полиция обнаружила 151-й способ уклонения от налогов. Он стал широко известен, поэтому рассказать о нем можно. Способ предельно прост. Кто опробовал его первым, пока неизвестно, но вот тот, кто первым попался.

Директор Киришского биохимического завода Ленинградской области господин М-в*, будучи очень контактным человеком, завязал знакомства с зарубежными фирмами и заключал с ними липовые договоры на поставку водки. Зная, что в производстве экспортных партий водки существуют послабления в налоговом обложении, директор так увлекся, что поназаклучал сразу несколько сотен фальшивых контрактов. А водку тем временем продавал в пределах своего отечества. Не облагаемая налогом, она принесла огромную неучтенную прибыль — в уго-

тоном деле предъявлено и взыскано в госбюджет 90 миллиардов 70 миллионов рублей.

То, что водочные прибыли действуют на предпринимателей гораздо сильнее самого хмельного дурмана, выяснилось бунвалом в наши дни. Ну, о директоре Ниришского завода можно сказать мягко – потерял ориентацию от приятного головокружения. Но беспристрастная статистика дает нам и другие примеры: подобно хроническому алкоголизму тайные водочные прибыли меняют людей до неузнаваемости. Внешне они вроде бы те же. Внутренне – другие: настороженнейшие, готовые к агрессивному взрыву, и насилью, лишь бы отстоять свои богатства.

"Алкогольные короли", осуществляющие нелегальный водочный бизнес, знают, их главный противник – налоговая полиция. Стараясь "прятать" свои операции и доходы, они тем не менее предчувствуют: столкновение неизбежно. И – запасаются оружием. Вот лишь один эпизод. В Буденновске Ставропольского края налоговая полиция после серии операций раскрыла несколько подпольных цехов по розливу фальсифицированной водки. Изъято 86 тысяч бутылок. "Алкогольные короли" поставлены перед выбором: или прекращать свой теневой бизнес, или выходить из тени на свет, организуя свое производство в соответствии с санитарными нормами и установками закона.

В момент, когда пшутся эти строчи, озорбленные "водочные короли", по оперативным данным, лихорадочно закупают оружие (на границе с Чечней это не проблема). И – анонимно – звонят руководителям местной налоговой полиции, угрожая: не оставите нас в покое, тягело-вам придется. Но уже подключилась и действиям налоговой полиции Федеральная служба безопасности, уже обнаружила несколько их складов – с гранатами и минами разной модификации, с тротильными

шашками, осветительными ракетами и взрывчатыми веществами... Всерьез готовятся "алкогольные короли" к встречам с налоговой инспекцией!.. Хотя, скорее всего, рассчитывают не столько на боевые действия, сколько на затяжную психологическую войну.

Но если бы водочные воротилы видели врагов только в сотрудниках налоговой полиции!.. Воспаленное воображение рисует претендентов на их "богатство" среди своих же. Подозрительность перерастает в маниакальную уверенность, мутит разум, толкает на изуверские преступления. Человек становится чудовищем, для которого чужая смерть – лишь способ сохранить и приумножить свои деньги.

Внешне эти архангельские фирмы были достаточно респектабельными. Их руководители – тонне: директор ТОО "Луч" Ю. Кологреев, директор негосударственного пенсионного фонда "Север" А. Илюшечнин, президент компании "Северный финансовый дом" С. Прохоров. Оказалось, что под крышей ТОО "Луч" действовал подпольный цех по розливу водки. Налоговые полицейские подсчитали, что через него прошла 41 тысяча 798 деналитров технического спирта. Какими были их доходы? Только один эпизод такой незаконной операции со спиртным дал им 1,3 миллиарда рублей, из которых, разумеется, ни копейки не было уплачено в счет налогов.

Но это все, так сказать, приписка. А сама сказка впереди. Причем – страшная сказка. Большие деньги рождают большие страсти, и вот между партнерами начались разборки. То один стал заявлять, что его долю в прибылях надо бы увеличить, то другой. Одного из особо настырных сотрудников, некоего Севостьянова, все эти респектабельные господа пригласили в киоск, принадлежащий А. Илюшечнину, и выяснили, что тот, несмотря на обстоятель-

ный разговор, стоит на своем. Тут же и порешили: возмутителя спокойствия убрать, пока он не заразил своими идеями остальных. Приговор привел в исполнение Кологреев — там же, в ниосне. Ну а чтоб возмутителя ненароком не нашли, упановали его в железную бочку и залили бетоном. Так и торчала эта бочка неподалеку от ниоска как безымянный памятник безграничной жадности, которую порождает легкие деньги.

Но не этим кончилась "страшная сказка", случившаяся в Архангельске. Спустя год палач Кологреев, насмотревшись, как другие руководители фирм не в пример ему хорошо живут, вдруг решил: а ведь прав был убиенный им Севостьянов, пребывающий до сих пор в залитой бетоном бочке, — рвачи они! Нет, чтоб делить все по справедливости! И сказал нан-то об этом вслух. С ним поступили проще: дело было зимой, его вывели на берег Северной Двины и, пристрелив, закинули в прорубь.

Неизвестно, как долго тянулась бы эта цепочка взаимного уничтожения, если бы архангельские сыщики и налоговые полицейские, занявшись этими респектабельными фирмами, не распутали бы весь клубок их преступлений...

А началось-то всего лишь с алкогольного дурмана, дававшего "алкогольным королям" ненаконтролируемые прибыли, которые и превратили их в чудовищ, готовых ради лишней сотни долларов уничтожить друг друга.

Из интервью с генерал-лейтенантом, заместителем директора Департамента налоговой полиции РФ Александром Ивановичем ФИРСОВЫМ.

— Но, наверное, не только любители "двойной бухгалтерии", создатели недолговечных пирамид и воротилы подпольного водочного бизнеса становятся вашими "клиентами"?

— Не только. Среди них немало тех, кто готов ради собственной выгоды на берегу Средиземного моря перепрыгнуть за гроши на Запад чуть ли не всю российскую нефть. Таких оказался в Элисте руководитель нефтегазодобывающего комплекса "Нафнефть" Владимир Басангов. Он со своим напарником перегонял за границу нефть, никак не отразив сделки в финансовых документах. За что и поплатился двумя годами лишения свободы. В Самарской области ТОО "Волго-Транс", торговавшее нефтепродуктами, сырыло непогодооблагаемую прибыль, и руководители этого товарищества были сурово наказаны.

— А как вам удается проверять банки?

— По-разному. Если оперативные данные серьезные, посылаем группу. Иногда охрана банков бывает нам достаточно лояльна, не чинит препятствий, видя представленные нами документы, разрешающие такую проверку в соответствии с законом. А вот если у руководителей рольце сильно в пушку, бывают эксцессы. Нас пытаются не пустить. Тогда наши боевые отряды вынуждены врываться силой. Бывает, полоним на пол лица вниз банковскую охрану и банковских служащих и держим их в таком негодном состоянии минут 10–15, пока налоговые инспекторы не "снимут" с компьютерных файлов всю документацию. После такой встряски банки, жаловавшиеся, будто они на грани банкротства, оказывались при деньгах и немедленно выплачивали в бюджет уставные доходы.

— Словом, ваши "клиенты" — недобросовестные юридические лица. А физические, у которых может быть немалый теневой бизнес, остаются за пределами вашей досягаемости?

— Да, к сожалению. Налогообложение физических лиц можно было бы производить, подсчитывая их

расходы. Ведь эти, прячущиеся в тени, призваны строить себе громадные коттеджи, покупают дорогие автомобили, шикуют в ресторанах, летают отдыхать на Канарские острова. Но из налоговой инспекции, ни у налоговой полиции пока нет права обчислять их расходы и взыскивать с этих сумм соответствующий подоходный налог.

- Почему?

- Потому что закон, проект которого уже давно готов, Госдумой так и не принят.

РАБОТА ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

Известно, что в налоговой полиции работают только профессионалы. Это специалисты разных областей и сфер - экономисты, следователи, сыщики. У всех - немалый опыт. Кто-то до этого работал в БЮС, кто-то в НГБ, кто-то в МВД. Здесь собраны высококлассные мастера своего дела. У них есть все. Или, скажем мягче, почти все: необходимая техника, центры подготовки кадров, боевые отряды, плавающие в любое время суток выехать на маршрут, остудить пыл охраны проверяемой коммерческой структуры.

Их пытаются подкупить, причем за немалые деньги - предлагаемые суммы взяток колеблются от 10 до 500 тысяч долларов. Случается это редко, еще реже удается: с начала текущего года уголовные дела по факту получения взяток возбуждены только по трем сотрудникам (в МВД - таких дел сотни).

Они гибнут, выполняя свой долг. Им паностят. Поднигают их личные автомобили. Взрывают двери их квартир.

А они продолжают работать, не считаясь со временем, выкладываясь до конца. Конечно, кто-то все-таки не выдерживает - уходит. Кто-то остается.

Из интервью с генерал-лейтенантом, заместителем директора Департамента налоговой полиции РФ Александром Ивановичем ФИРСОВЫМ.

- Куда уходят, Александр Иванович?

- В те самые коммерческие структуры, которые мы время от времени проверяем. Бывают казусы: приезжаем в офис фирмы, а нас встречает ее охрана из знакомых лиц - бывшие наши работники.

- Они довольны своим переходом?

- Материально - да. Потому что даже самому рядовому, не хватающему звезд с неба, бывшему сотруднику налоговой полиции платят в фирме от 1 тысячи долларов в месяц и выше. А вот насчет своего душевного состояния - молчат. Не думаю, что, переметнувшись туда, они чувствуют себя хорошо морально. Как бы ни оправдывали они себя необходимостью поправить свое материальное положение.

- Неужели ваше, столь необходимое стране, силовое ведомство не в состоянии платить своим высококлассным специалистам достойную зарплату?

- Парадокс, но - так. Ни наш Минфин, ни Минэкономики, видимо, не понимают простой истины: чтобы корова регулярно давала молоко, ее надо как следует и регулярно кормить. Мы посчитали: налоговая полиция на каждый вложенный в нас рубль дает сотни рублей дохода. Ведь мы возвращаем в госбюджет немалые деньги! А государство без конца задерживает нам выплату зарплаты, пенсионный фонд...

- И все-таки вы работаете...

- Да, работаем. Потому что твердо знаем: страна окончательно рухнет в хаос, нищету и наглое торжество вороватых супербогатых халуг, если мы отступимся от своего дела.

КОШКИ. МЫШКИ

СВЕТЛАНА СЕМИНА

12

1

...**Н**еженка. Ах, какая я все-таки неженка! И как это приятно — быть самой настоящей неженкой... Не-женкой... Подставлять личико ласковому солнышку, закрывать глаза и совершенно ни о чем не думать!..

Лизон по-кошачьи потянулась, раскинула золотистые волосы веером по подушке и прислушалась. Все было тихо в этот предрассветный час. Лишь легкий ветерок играл занавеской да тикал будильник на прикроватной тумбочке. Она повернулась на правый бок, но сон уже оставил ее, нахохленную и неприкаянную, в самый неподходящий момент первого утра в санатории.

«Ну вот, — затосковала она, — всегда так. Не спится именно тогда, когда есть все возможности для этого. Хоть бы Мими проснулась. Нет, спит себе сладко в кроватке и в ус не дует».

Лизон встала, нашла в ворохе вещей розовый махровый халат, запахнулась и вышла на балкон, опоясывающий все здание. Затем решительно вернулась в комнату и наклонилась над дочерью:

— Мими, вставай!

Ребенок захныкал, но не проснулся.

— Вставай, Мими! Слышишь, что я тебе говорю? — Лиза легонько потрянула девочку. — Вставай, а то потом долго заснуть не сможешь.

Мими открыла глаза и громко заплакала. Новый день начался.

Допивать второй стакан Лизе совершенно не хотелось. Пришлось даже поугуговаривать себя несколько минут.

Ну, дорогая, это же очень полезно. Некоторым остается только мечтать о том, чтобы здесь оказаться. А какой великолепный источник!

Лиза поставила стакан на мраморную столешницу и вдруг услышала свое имя. Обернувшись, она заметила у входа Жанну.

— Давай погуляем и поболтаем, — предложила Жанна. — Погода чудная!

Они вышли и, пройдя немного по аллее, присели на скамью.

— Я сюда каждый год приезжаю, иногда даже дважды в год, — прервала паузу Жанна. — Если бы не эти источники, вероятно, меня уже не было бы. Раньше это был очень популярный курорт, а теперь... Санатории пусты, медработники живут впроголодь. Все сплошь вегетарианцы. Луиза — массажистка первоклассная, старшей медсестрой числится в одном из санаториев, а как рада была нянкой подработать.

— Кстати, спасибо за Луизу. Они с Мими сразу нашли общий язык, — прервала ее Лизон.

— А сколько Мими?

— Год и два месяца.

— Такая забавная девочка!

— Да уж, забавная. У нее большие проблемы со здоровьем.

— Я знаю, Георгий говорил, что у нее сильная аллергия.

— Не только аллергия, — подтвердила Лизон и хотела подробно огласить весь список диагнозов, поставленных Мими за последний год, но Жанна неожиданно повела разговор о другом.

— Лиза, когда Георгий передавал мое предложение об отдыхе в Цхалтубо, что он обо мне рассказал?

Лизон пожала плечами:

— Да, по-моему, ничего особенного. Я хотела сказать, ничего нового. Он о тебе год назад рассказывал, когда вы только начинали вместе работать. Я помню, он тогда был просто счастлив, что встретил таких партнеров по бизнесу. Вы как-то смешно познакомились! — Лиза наморщила лоб, как бы вспоминая, а на самом деле задавая себе вопрос: почему Жанну это вдруг заинтересовало?

— Да, да, — закивала Жанна, — действительно смешно. Я с Найтом гуляла, а Георгий навстречу шел. Вдруг Найт к нему меня потянул и у его ног на брюхо упал. Георгий его обойти хотел, а тот пополз за ним. Так мы и познакомились. Найт нас познакомил.

— А какой Найт породы?

Жанна о чем-то задумалась и не расслышала вопроса. Сидела, ничего не замечая вокруг, и улыбалась.

“Странная она какая-то.” — подумала Лизон, взглянула на часы и ужаснулась. Было уже без четверти два.

— Ой, как поздно! Побегу я. Мими спать нужно укладывать.

— Луиза, верно, ее уже уложила.

— А вдруг она без меня не заснет?

Лизон вспорхнула со скамейки и, не попрощавшись, умчалась.

Она нашла Мими, мирно посапывающей в тени огромного дуба. Луиза сидела рядом с коляской и читала "Здоровье".

- Как вы тут без меня? - шепотом спросила Лиза.

- Все хорошо. Я ее в час покормила, а сейчас гуляем, - так же тихо ответила Луиза.

- Луиза, ты можешь идти. Я с ней побуду.

- Да вам самой отдохнуть надо, - попыталась возразить Луиза.

- Ничего, я привыкла.

Луиза встала и, чтобы не шуметь, лишь кивнула на прощание. "Добренькие все какие! Вот если бы она с Мими бесплатно сидела. Я бы тоже с удовольствием журнальчик за доллар в час читала".

Лизон устроилась поудобнее и прикрыла глаза.

"Какая замечательная вещь - деньги, и какое дурацкое занятие - растить детей. Тяжелое, особенно когда они болеют. Папаша тоже хорош. Дает двести долларов в месяц, и делай с ними что хочешь. А я только врачам за консультации сто плачу. А питание? А лекарства? Скорее бы малышку в детский сад, и - на работу!"

При мыслях о работе Лизон достала сигареты и закурила. Заниматься прежней своей трудовой деятельностью она не хотела. Причем не хотела настолько, что это нежелание явилось одной из причин рождения внебрачного ребенка.

Юра один из первых в Москве взялся за расселение коммуналок, подключив к этому делу Лизон и Ирину Петровну - начальницу ДЭЗа. Ирина Петровна имела небольшой процент от прибыли соответственно паю, внесенному в общий котел. Юра справедливо полагал, что зарплата не является достаточным стимулом для самоотверженного труда. Поэтому все его служащие работали за процент. Первое время, пока собственный его капитал был невелик.

Лизе досталась самая черная работа, ее пай был самым маленьким. Она обходила жителей коммуналок, уговаривая их разгехаться; расчищала купленные по дешевке у пьяниц квартиры; сама ремонтировала их; частенько бывала заложником при передаче денег и документов.

Лиза не могла рассчитывать на многое со своим паем. Еще повезло, что у нее вообще оказался хоть маленький, но первоначальный капитал.

Как-то зимой ей позвонил Максим и без долгих предисловий предложил:

- Выходи за меня замуж!

Она не видела Максима около года, с тех пор как они окончили институт. Конечно, у них были хорошие отношения, приятельские даже, но замуж!

- Ты что там, в обморок упала?

- Нет, - наконец смогла выговорить Лиза, - просто удивилась. Не шутит так.

- Не шучу я вовсе. У меня приглашение в Америку пропадет, в посольстве думают, что я там, молодой-холостой, остаться захочу.

— А ты не захочешь? — не без ехидства прервала его Лизон.

— Лиза, не нервнирай меня! А за каким лешим мне туда ехать? Небоскребы я и по телевизору видел.

— Ничего не понимаю. Так ты едешь или не едешь?

— Если я быстренько женюсь, то спокойно получу гостевую визу, потому что у меня здесь останется горячо любимая молодая жена. Это они считают достаточной гарантией моего возвращения.

— Им очень хочется, чтобы ты сюда вернулся?

— О, Лиза, хватит испытывать мое терпение! Им не хочется, чтобы я там остался!

— А ты, стало быть, собираешься остаться?

— Ну, наконец-то!

— То есть речь идет о фиктивном браке?

— Ну, я бы не стал это так называть. Скорее о дружеской услуге. Ты — мне, я — тебе.

— А ты мне что?

— Мою признательность и благодарность по гроб жизни!

— Это не разговор.

Максим помолчал немного и изменившимся голосом сухо поинтересовался:

— А разговор — это что?

Лиза устроилась в кресле поудобнее, закурила "More" и коротенько изложила Максиму свои взгляды на жизнь вообще и на данную проблему в частности.

За определенную сумму она согласилась на время стать его женой. Деньги, полученные Лизон после процедуры бракосочетания, и стали ее первоначальным капиталом, который через три года каторжного труда принес значительную прибыль. Она купила себе двухкомнатную квартиру в центре и сделала евроремонт.

Юра, приехавший взглянуть на новое жилище подружки, был поражен. Он молча ходил по квартире, и выражение его лица становилось все суровее и суровее. Лизон, предчувствуя неприятности, молчала, собираясь с силами для решительного объяснения.

— Так, — Юра уселся в кресло. — Что это такое? Насколько я помню, ты должна была снести стену между гостиной и спальней и сделать большую студию из этой двухкомнатной квартиры?

— Да... — еле слышно пролетела Лизон, боясь оторвать взгляд от его ботинок.

— Вот я и спрашиваю: что это такое?

Лизон глубоко вздохнула и, как всегда переигрывая, беззастенчиво защебетала:

— Тебе что-нибудь не нравится?

Вместо ответа Юра направился в маленькую комнату. Лизон пошла следом.

— Зачем здесь это? Ты с ума сошла или в детство впала?

Лизон тоскливо оглядела комнату. Кроме занавесок и обоев, в ней пока ничего не было. Но и этого оказалось вполне достаточно для... Отступать было некуда, и Лиза поменяла тактику.

– Юрочка, я хотела сделать тебе сюрприз. Я надеялась... думала, что тебе понравится...

– Что понравится?!

– ... Эта детская. Обойчики такие симпатичные, с мишками. Помнишь, они тебе в магазине понравились? – Лиза беспомощно замолчала.

Юра подошел к окну и закурил.

– А к той стеночке кроватку поставим...

– Когда?

Лизон подошла к нему и, положив ладони на плечи, поцеловала в щеку.

– Через полгода.

Он решительно отстранился и холодно процедил:

– Ненормальная. Выбрала время.

– А чем тебе время не нравится? – закричала Лизон. Слезы хлынули из глаз. – Мне уже тридцатник скоро! И никого, кроме тебя, у меня нет... И не хочу никого!

Он мельком взглянул на нее, такую несчастную и жалкую.

– Лиза, ну, как ты не понимаешь! Еще два-три года, и квартирный бизнес перестанет приносить такую прибыль. Вот тогда и рожай, если уж тебе так приспичило. Ты же знаешь, что у нас с Верой двое детей. Лиза! Подумай еще раз. Я, конечно, признаю твоего ребенка, но это все, что я могу для вас сделать, – твердо сказал Юра и, не оглядываясь, вышел.

Лизон услышала, как в прихожей хлопнула дверь.

“Ушел! Все-таки ушел! Ну, сейчас такое начнется...” – с тоской подумала она и обреченно качнула головой.

Беременность проходила тяжело. Сказывались возраст и плохое здоровье. Лиза подолгу лежала на сохранении и Юру практически не видела.

“Ему, бедному, теперь приходится работать за двоих, – утешала она саму себя. – Ведь надо же кому-то обеспечить наше будущее”.

Девочка родилась раньше срока с целым букетом заболеваний. Но Лизон верила, что деньги и соответствующий уход сделают свое дело. Мими должна расти богатой и здоровой.

Юра забрал их из роддома и привез в Лизину квартиру. Он очень торопился на сделку, поэтому побыл немного, сфотографировался с дочкой и со словами: “Это вам на первое время”, – вручил Лизе измятый конвертик.

Лиза растрогалась до слез. Они попрощались, и Юра уехал.

В конверте оказалось двести долларов. По сравнению с Юриними расходами на первую семью сумма была мизерная, но Лизон верила, что со временем она возрастет. Главное – начало положено.

Малышка постоянно болела, почти не спала по ночам, и Лизон прокляла все на свете за первые два месяца. Ее мать отказывалась сидеть с внебрачным ребенком, няни просили не меньше трех долларов в час, затраты на покупку лекарств и питания тяжким бременем легли на Лизу. Она попыталась добиться уве-

личения пособия, но Юра с удивлением посмотрел на нее и сухо произнес:

— Я тебя предупреждал.

Правда, он нашел няню подешевле, но платила ей Лизон из собственных денег.

Как-то во время очередного посещения дочки Юра поинтересовался, не захочет ли Лиза с малышкой отдохнуть в Цхалтубо, куда их приглашала Жанна, заимевшая шикарную виллу в горах.

Лизон знала, что Жанна уже год является компаньоном Юры.

— А почему она нас приглашает? Она что-то знает о нас?

Юра кивнул:

— Да, я все ей рассказал: и о тебе, и о ребенке.

— Зачем?! — Лизон была поражена.

— Если бы ты ее знала, то не задала бы этого вопроса. Она не только мой компаньон, но и самый близкий друг. Надеюсь, станет и твоим другом.

— Юра, я удивлена... Позволь, но...

— Так ты едешь или нет?

Конечно, Лизон согласилась.

2

— Вставай! Ну вставай же наконец! — Мама начинает сердиться. — Уже восемь! В школу опоздаешь!

Жанна лежит на животе, уткнувшись носом в подушку.

— Ты меня слышишь? — Мать наклоняется и заглядывает в ее лицо. — Что с тобой? Ты плачешь?

— Ма... Я не могу пошевелиться.

— Не разыгрывай меня, дорогая, не время... — мать озабоченно прикасается к ее лбу, — чуть теплый.

— Я... тебя... не разыгрываю. Я совсем не могу пошевелиться.

— То есть как не можешь пошевелиться?

— Очень больно... Давно уже... Я вот тут лежу и плачу...

Вызвали врача. Его визит Жанна помнила смутно. В памяти остался лишь испуг родных и, вероятно, еще больший испуг врачихи. Жанна не понимала, почему руки не хотят слушаться, почему расстояние до туалета стало непреодолимым, почему колени и локти на глазах распухают и перестают двигаться. Ведь только вчера тренер хвалил ее результат на стометровке.

— Вот и добегалась. Небось фуфайку шерстяную скинула, вот тебя ветром-то и обдуло, — рассуждала бабушка, собирая Жанну в больницу. — Апрель — это тебе не лето красное! Ужо в другой раз умнее будешь.

Очень скоро Жанна узнала, что "другого раза" у нее не будет. Свое семнадцатилетие она встречала в инвалидном кресле. По мнению врачей, мучиться ей оставалось недолго: около двух лет. Два года. Целых два года или всего два года? Жанна ломала го-

лову над этим вопросом и никак не могла однозначно ответить на него...

Замуж Жанна выходила, сидя в инвалидном кресле.

С Олегом они дружили с детского сада, и ее не особенно удивило его предложение. Она внимательно выслушала его сбивчивую речь и спросила только:

— А твоя мама в курсе?

Олег густо покраснел, но твердо проговорил:

— Главное, чтобы ты была согласна.

— А почему бы и нет? — подумала Жанна. — Это даже забавно. Кто-то же должен о нем заботиться".

По вечерам Олег подрабатывал диск-жокеем. Он познакомил Жанну со своими друзьями, и она с интересом окунулась в этот новый для нее мир. К тому времени, когда Олега после окончания института забрали в армию, у нее было несколько собственных сольных программ и куча знакомых ди-джеев в разных частях света.

Операция, лечение на курортах и неустанные тренировки вернули подвижность ее телу, но Жанна каждый день чувствовала, что болезнь рядом, лишь затаилась на время.

После гибели Олега в Таджикистане, она уехала в Штаты развешаться и познакомилась с бывшими советскими, торговавшими секунд-хендом. Пересадка этой идеи на новую, российскую почву принесла Жанне первые серьезные деньги. Она вернулась на родину и открыла парочку тренажерных залов и массажных салонов. Все, что имело отношение к телу, было свято для Жанны.

В поисках объектов для прибыльных инвестиций она обратила свой взгляд на московский рынок недвижимости, а затем взяла его полем своей деятельности. Прибыль превзошла все ее ожидания, и через пару лет у нее был собственный дом в центре Москвы. Выгуливая недалеко от него Найта и телохранителя, Жанна и познакомилась с Георгием.

Встреча эта была предопределена Богом. Именно так сказала Жанна, когда, сидя за столиком в ресторане, они отмечали двухнедельный юбилей знакомства.

— Знаешь, мне было как-то беспокойно последнее время. Казалось, что что-то должно произойти...

Чувствуя волнение Жанны, Георгий поднес ее ладонь к губам и поцеловал. Его огромные темно-карие глаза с нежностью смотрели на нее.

— Господи! — вырвалось у нее. — Как одинока я была все это время!

— Зато теперь нас двое, — тихо произнес Георгий.

Какое-то время оба молчали. Георгий легонько поглаживал ее пальцы и, внезапно нахмурившись, спросил:

— Это что? Что это за порезы?

Жанна отдернула руку:

— Я... Это следы операции. Она была необходима, чтобы увеличить амплитуду движения пальцев. Хотя... — Жанна грустно улыбнулась. — Не много же она дала.

— Бедная моя, — вырвалось у Георгия. — Что тебе пришлось вынести...

Они молча тянули свои коктейли, не отрывая глаз друг от друга. Потом, не сговариваясь, поднялись и, не притронувшись к еде и поразив официанта небывало щедрыми чаевыми, поехали к Жанне.

Впервые за столько лет Жанна чувствовала себя счастливой. Она влюблена! С опустыленным одиночеством покончено! Они встречались с Георгием ежедневно. Он был внимателен и заботлив, предупредителен и нежен. Через два месяца вопрос о слиянии капиталов был решен. Они составили совместную программу дальнейших инвестиций и сняли новый офис. Теперь их кабинеты были рядом.

Георгий представил Жанну семье, и ее поразили печаль и погруженность в себя его жены Веры.

— Понимаешь ли, Жанна, — пытался объяснить ей Георгий, — Вера — нереализованный человек. Если бы ты видела, как хороша она была на сцене! И ничто в этом мире не может ей помочь. Ни счастливое материнство, ни все это... — Георгий махнул рукой в сторону огромной хрустальной люстры. — Я чувствую, что виноват перед ней.

Жанна удивленно встрепенулась:

— Почему, хотела бы я знать.

— Ей надо было оставаться в театре, а я уговорил ее родить второго. Знаешь, и ребенка хотелось, и... женщины в доме, для себя только...

— Но у нее был выбор! — возмутилась Жанна.

— Ты думаешь? — Георгий с сомнением поморщился. — Разве, когда любишь человека и не хочешь его потерять, у тебя есть выбор?

— У живого человека всегда есть выбор. Ты так не думаешь?

— Жанна, я должен кое-что тебе рассказать. У меня есть дочь.

Жанна смотрела на него и молчала.

— Она... то есть ее мать... Мы с ее матерью... — он не знал, что сказать дальше. Его глаза, устремленные на Жанну, молили о помощи.

— Ты ее любишь?

— Нет! То есть... Она забеременела и решила рожать. Зачем ей это нужно? Я так и сказал, но она все равно родила. Девочку.

— Понятно, — Жанна откинулась на спинку кресла. — Сколько сейчас ей лет?

— Она совсем маленькая. Полгодика.

— Часто ее навещаешь?

Георгий пожал плечами:

— Ты же знаешь, что нет.

— Это неправильно.

— Неправильно? — поразился Георгий.

Жанна кивнула.

— А как правильно?

— Не знаю еще, но обещаю позаботиться об этом.

Через полгода после этого разговора, собираясь на "очередную профилактику", Жанна попросила Георгия передать приглашение Лизон погостить у нее на вилле.

3

- Лиза! - услышала Лизон голос Жанны.

Она, вероятно, уснула, читая газету. Еще бы, ведь Жанна на полчаса опоздала. Лизон неодобрительно покачала головой, глядя на часы. Стоило в такую рань подниматься, чтобы потом ждать целых тридцать минут, нет, даже тридцать две.

Она нарочито медленно встала и подошла к машине.

- Я уж подумала, не случилось ли чего.

- Нет, ничего. Все в порядке. Мы едем без Мими? - заинтересовалась Жанна.

- Она так сладко спала, что я не стала ее будить, - последовал ответ. - А долго на виллу ехать?

- В горах сорок километров - это не то, что по Москве, - назидательно проанес телохранитель, принявший сегодня на себя функции шофера.

Жанна задумалась о чем-то, наблюдая окрестности из окна, и разговор оборвался.

- Сколько стоит этот дом? - спросила Лизон, когда они наконец расположились в гостиной с бокалами в руках.

Жанна пожала плечами:

- Я его сравнительно давно купила, поэтому сложно сказать...

- Я вот тоже подумала, а не купить ли и мне? Только не дом в горах. Добираться неудобно, да и присматривать некому. Квартирку в самом городе. Полторы-две штуки долларов - и отдыхай сколько влезет! Радоновые ванны - такое блаженство! И для здоровья хорошо, и для фигуры. И на продукты цены низкие! Я все-таки экономический факультет окончила и знаю, что экономия - один из важнейших источников прибыли! Пожалуй, так я и сделаю, - задумчиво проговорила Лизон, - куплю квартиру. Можно будет на отдых всей семьей приезжать.

- Всей семьей? - неожиданно заинтересовалась Жанна.

- Ну да! Я, Мими и Юра.

- Без Веры? - уточнила Жанна.

Лизон удивленно взглянула на Жанну: "О чем это она?"

Жанна молчала, изучающе глядя на собеседницу.

- Ах, да, я и забыла, что нас у Юры двое! - решила отшутиться Лизон.

- Нас у него трое, - серьезно поправила Жанна.

- Трое? - машинально переспросила Лизон.

Жанна кивнула в ответ.

Лиза поставила стакан на столик и скрестила руки на груди.

- Что ты имеешь в виду?

- А то, что и у меня, если можно так выразиться, роман с Георгием.

— И ты так спокойно об этом говоришь?! — с негодованием крикнула Лизон.

— Если я не ору, то это отнюдь не означает, что я спокойна, — поправила ее Жанна. — Никак не думала, что это произведет на тебя такое сильное впечатление. В конце концов, ты же ему не жена.

— А вот и нет, — мысленно возразила Лизон. — С тех самых пор, как родилась Мими, я ему жена!

Между тем Жанна продолжала:

— И бросать тебя одну с ребенком никто не собирается! Я просто хотела с тобой объясниться. Думаю, что при условии полной откровенности друг с другом мы могли бы правильно выстроить наши взаимоотношения, чтобы всем нам было легко и комфортно.

— Но я люблю его и не собираюсь ни с кем делить! — возразила Лизон.

— Надеюсь, этого не потребуется. Я, собственно, о другом хотела с тобой поговорить. Вижу, как тяжело тебе с Мими, и хочу предложить свою помощь.

— Не нуждаюсь, — отрезала Лизон.

— Другого ответа я и не ждала от тебя сейчас, но в будущем всегда можешь на меня рассчитывать. Своих детей у меня быть не может...

— Твой толстолобик отвезет меня в город?

— Решила уехать? Ну, как знаешь...

Лизон проснулась на другое утро с дикой головной болью. Луиза пыталась что-то рассказать ей о вчерашнем, но для Лизы это не имело никакого значения. Только одно волновало ее: когда первый самолет в Москву?

4

Через три часа после приземления самолета во Внуково Лизон сидела в кабинете Юры и ждала его.

Наконец послышались знакомые шаги.

— Зачем ты здесь? — холодно спросил он.

— Я? Здесь? Негодяй! Обманщик! Ничтожество!

— Или ты немедленно закроешь рот, или больше никогда меня не увидишь, — бесстрастно объявил Георгий. — Что ты хотела мне сообщить?

— Говорят, ты нашел новую мать для своей дочери?

— Лиза, я люблю эту женщину и не потерплю, чтобы ты говорила о ней в подобном тоне!

— А что ты сделаешь? Охрану позовешь? Трус несчастный! У тебя даже не хватило смелости самому рассказать о ней! О том, что ты с ней спишь! Интересно, а Вере она тоже доложила?

— Замолчи сейчас же, — с угрозой в голосе произнес Георгий.

— Хорошо, я замолчу, но хочу напомнить тебе о твоём обещании, — более миролюбиво продолжала Лизон.

— О каком? — без особого энтузиазма поинтересовался Юра.

— Не спать с другими женщинами!

Георгий внимательно посмотрел на нее:

— Если надеешься выиграть, то не надейся, — сухо заметил он, когда Лизон закрывала за собой дверь кабинета.

Лизон бежала по улице и рыдала, размазывая ладонями по щекам слезы и тушь. Перебегая Тверской около Никитских ворот, она услышала резкий свист и сразу попала в объятия милиционера.

— Стоять!

Лизон смотрела на него и молчала.

— Ну что мне с вами делать? — вздохнул милиционер. — Оштрафовать, что ли?

Лизон заартачилась:

— Никуда я с вами не пойду!

— Это я с тобой никуда не пойду, идиотка несчастная. На вот, — он достал из планшета газету, — почитай-ка на скамеечке. Газету вернешь через пятнадцать минут. И чтобы я тебя тут больше не видел!

Лизон медленно поплелась к скамейке и, выбрав местечко поближе, развернула газету.

Глаза привычно пробежали столбцы с частными объявлениями.

“Так: снятие порчи, сглаза, приворожение, возврат мужей... Можно, конечно, попробовать, но не возникнет ли некоторая путаница, — озабоченно размышляла Лизон, — нас у него действительно несколько, какую он в итоге предпочтет? Действовать нужно наверняка. Никакого риска!”

“Мы поможем в решении ваших проблем! Укажем путь выхода из кризисных ситуаций! Новейший психологический практикум, разработанный американскими врачами, — игра на Поле жизни!” — гласило следующее объявление.

“Пожалуй, мою ситуацию вполне можно назвать кризисной. Так почему бы не сыграть в эту игру? Тем более что она — американская. Для начала неплохо”. — Лизон записала телефон и поднялась со скамьи, ища глазами милиционера. Тот бодро билетчивал водителя иномарки и даже не глядел в ее сторону.

“Уже забыл обо мне!” — с некоторым разочарованием подумала Лизон, выбросила газету в урну и с высоко поднятой головой пошла по бульвару.

Она в тот же день позвонила по номеру, указанному в объявлении, и записалась на игру в ближайший уик-энд. Девушка-секретарь объяснила ей, куда и когда приехать, и несколько раз напомнила про паспорт.

— А зачем вам мой паспорт? — поинтересовалась Лизон.

— С вами будет заключен договор о неразглашении конфиденциальных сведений.

Такая таинственность пришлась Лизон по душе, она даже примирилась с завышенной, на ее взгляд, стоимостью сеанса — сто долларов.

Вместе с Лизон в игре участвовали три женщины. Они сидели вокруг необъятного стола, освещенного лишь светом трех огром-

ных свечей, установленных посередине, и, делая ходы и общаясь с ведущим, почти не видели друг друга.

У Лизон никак не получалось родиться. Игра должна была начаться именно с этого. Из кучи карточек разного цвета и размера нужно было вытянуть определенную.

— Видите, — женщина-ведущий многозначительно посмотрела на Лизон, — вы никак не можете родиться. Это означает, что вы не хотите решать свою проблему.

Проблема эта, предварительно сформулированная с помощью все той же женщины, в виде помятого листка бумаги лежала здесь же, на столе, постоянно попадаясь на глаза Лизон.

Игра была долгой и запутанной. Игроки, взаимодействуя друг с другом и с ведущим, получая послания "свыше", то есть вытягивая их из сотен специальных карточек, ход за ходом медленно продвигались по Полю жизни к финалу, переходя с уровня на уровень.

Удивительным для Лизон было то, что все эти достаточно хаотичные действия привели ее партнерш к получению самых настоящих инструкций, следуя которым они могли рассчитывать на успешное разрешение своих проблем. Не повезло только самой Лизон.

В заключительном послании она прочитала следующее:

"Вы не хотите ничего сделать сами, а ждете, что придет некто и сделает все за вас".

— И что же мне теперь делать? — спросила Лизон у женщины, проводившей игру. — Вы считаете, что я оправдала свои сто долларов, получив это?

Игнорируя второй вопрос, женщина ответила на первый:

— Знаете, результат игры во многом зависит от вашей открытости. Вы не были достаточно правдивы и многое скрыли. Этим все объясняется. Плохо то, что многое скрыто и от вас самой. Здесь вам может помочь хороший психолог.

— Но я не знаю хорошего психолога! — с отчаянием в голосе воскликнула Лизон.

Женщина внимательно на нее посмотрела, нашла в записной книжке телефон и продиктовала его, добавив:

— У Льва Сергеевича частная клиника в Луизиане. Не знаю, в Москве ли он, но, если вы дозвонитесь, считайте, что вам повезло.

— Как мне вас благодарить? — обрадовалась Лизон.

Женщина скромно улыбнулась в ответ:

— Не берите в голову... Да, не забудьте сказать, что вы от Раисы Семеновны.

Уже через день состоялась первая встреча Лизон с преуспевающим психоаналитиком Львом Сергеевичем Мирилашвили. Она была поражена необъятными размерами доктора, сочетавшимися с невероятной подвижностью. Как трудолюбивая пчела, сновал он меж двух компьютеров, установленных в его кабинете, и секретарской, отвечал на телефонные звонки, ругался с сантехником по поводу засорившегося унитаза и, несмотря на явную занятость и перегруженность, сумел со-

сфокусировать свое внимание на исследовании Лизиной проблемы.

Подробно изучив результаты компьютерной обработки многочисленных анкет, заполнением которых Лизон занималась не менее двух часов, он спросил:

- Так кто, говорите, вас ко мне направил?

- Райса Семеновна, — с готовностью в четвертый раз повторила Лизон.

- Так, так... — доктор сделал пометку в кожаном ежедневнике и снова взял в руки анкеты.

- Очень интересно... Да-с. Полагаю, с вами будет очень интересно работать. Завтра и начнем. Да-с, завтра будет в самый раз.

Лизон некоторое время еще чего-то ждала, затем робко спросила у доктора, погруженного в изучение головокружительных кривых, выданных компьютером:

- А сейчас я уже могу уйти?

Слывшим нежеланием Лев Сергеевич оторвался от распечатки: - Да, вам пришлось изрядно потрудиться, поэтому идите и отдохните хорошенько. Завтра нас с вами ожидает работа. Идите, милая. Жду вас завтра в это же время. Прощайте.

На цыпочках, стараясь не нарушать творческой тишины, установившейся в комнате, Лизон выпорхнула в коридор и, на прощание кивнув секретарше, направилась к входной двери.

- А деньги? — остановил ее бесстрастный голос.

- Деньги? — Лизон замешкалась. — Да-да, конечно... Сколько и вам должна?

Секретарша поправила прическу и сообщила:

- Тридцать.

- Рублями можно?

Секретарша утвердительно кивнула.

Лизон торопливо отсчитала необходимую сумму и, поблагодарив секретаршу за бдительность, которая не позволила ей уйти, не расплатившись, покинула приемную.

"Интересно, во сколько мне обойдется общение с психоаналитиком? — размышляла Лизон по дороге домой. — И на что я могу рассчитывать за эти деньги?"

Но даже после двенадцатого сеанса она не могла сказать по этому поводу ровным счетом ничего определенного. Каждое занятие начиналось с постановки проблемы, решению которой оно посвящалось.

Это занимало изрядное количество времени, поскольку врач и пациент никак не могли прийти к консенсусу: то Лизон не нравилась формулировка, то она вообще не видела в этом никакой проблемы, то возражала против методов доктора.

В самом начале одного из сеансов Лев Сергеевич сделал следующее заявление:

- всю свою жизнь вы страдаете от недостатка любви. Сначала вам не хватало родительской любви. Затем у вас не складывались взаимоотношения со сверстниками. Это привело к некорректным взаимоотношениям с людьми вообще.

Доктор неожиданно погладил Лизон по голове. Свою реакцию, последовавшую вслед за этими действиями врача, сама Лизон впоследствии называла не иначе как стародевической.

Тихонечко отталкиваясь каблуком от пола, она откатилась от кресла Льва Сергеевича. Продолжая говорить о дефиците любви в Лизиной жизни, доктор, кресло которого тоже имело колесики, тихонечко подкатил к ней и снова погладил Лизон по голове.

“Вероятно, таким способом он пытается восполнить недополученную мною в детстве родительскую нежность”, — догадалась Лизон, но, снова оттолкнувшись от пола, увеличила дистанцию между креслами.

Нисколько не смущаясь Лизинными действиями и продолжая говорить о важности и незаменимости витамина, название которому “любовь”, Лев Сергеевич вновь вплотную приблизился к Лизон. Она попыталась отодвинуться, но внезапно обнаружила, что сиденье уперлось в стену, и немедленно вскочила на ноги.

— Что с вами? — невозмутимо поинтересовался доктор.

— Мне нужно... в туалет! — выпалила Лизон.

— Видите, какие у вас неправильные реакции, — удовлетворенно отметил Лев Сергеевич.

Вместе с увеличением затрат на посещение психоаналитика в Лизон нарастали агрессия и раздражение. Лев Сергеевич виртуозно вскрывал гнойники застарелых Лизинных проблем, о которых она и сама догадывалась, но не спешил переходить к их решительному искоренению, ожидая каких-то действий в этом направлении от самой Лизон. Плата по тридцать долларов за сеанс, она рассчитывала получить не неприятные известия о нарушенной сексуальной ориентации, а конкретную программу действий, следуя которой она сможет избавиться от груза приобретенных по жизни комплексов. В конце концов ей начало казаться, что у самого доктора большие сексуальные проблемы, и она безтрепетно рассталась с ним.

Следующие несколько дней Лизон провела в тоске и соплях.

“Почему я такая несчастная? За что мне больной ребенок? Почему я так мучаюсь и никто этого не ценит? Что делать? Почему Лев Сергеевич говорил, что я все время хожу по кругу? Я, наверное, действительно хожу по кругу... Но что мне делать, если я не могу отказаться от Юры...”

Ах, почему это случилось именно тогда, когда все наконец устроилось по-моему...”

Она медленно поднялась и вяло подошла к телефону. Порывшись в сумке, Лизон нашла нужную визитку и позвонила Жанне.

— Мне нужно с тобой поговорить, — грустно проговорила она.

— Я считаю, что нам не о чем разговаривать.

— Мне кажется, я поняла, о чем ты говорила тогда на вилле.

— Неужели? — Жанна была явно удивлена.

— Ты полагаешь, что я должна дать Юре свободу, освободить его от обязательств передо мной. Ведь так? А если я смогу...

Жанна оборвала ее:

— Ты не сможешь.

— Почему? — встрепенулась Лизон.

- Потому что ты - жертва, а жертвы никогда ничего не делают сами, они ждут этого от других.

Лизон почувствовала головокружение. Одно и то же, постоянно одно и то же. Может быть, она сходит с ума?

- Почему я жертва? Не хочу быть жертвой!

Но Жанна не услышала ее, она уже положила трубку.

Через несколько дней в Лизиной квартире раздался гудок домофона. Она никого не ожидала в это время и, подумав о Юре, радостно кинулась открывать. Через несколько минут в подъезде раздался страшный грохот. Лизон выскочила на площадку, увидела троих мужчин с непонятными металлическими предметами в руках и в ужасе застыла.

- Принимай подарок, хозяйка! - радостно заревел один из них.

С чувством облегчения Лиза узнала в нем телохранителя Жанны.

- А что это такое? - поинтересовалась она.

- Как что? Не видно разве? Тренажер это. Мышцу качать.

- А мне-то он зачем? - не унималась Лизон.

- Нам знать не положено, - принялся объяснять телохранитель. - Наше дело - доставить.

- Да у меня и времени на него нет, - смирилась с неизбежным, развела руки Лизон.

- А... Так все говорят, - отмахнулся телохранитель, - до первого инфаркта.

✓
*Красивые женщины часто ходят на большие города,
которыми легко обладать, но которые трудно удержать.
Нилс Бюаст*

НЕФТЯНОЙ РУБЛЬ

С первым вице-президентом нефтяного концерна "ЛУКОЙЛ" Сергеем НУКУРОЙ беседует специальный корреспондент "Смены" Сергей Литвинов.

Родители Сергея Нукуры были нефтяниками, дед тоже. Судьба парня, закончившего в Бресте десятиый класс с физио-математическим уклоном, в сущности, была предопределена: Сергей поступил в Ивано-Франковский институт нефти в 1938.

Экономический факультет "керосинки" (как ласково-пренебрежительно называли тогда и, наверно, теперь называют нефтегазовые вузы - хотя теперь, пожалуй, ласковости побольше, чем пренебрежительности...) Сергей Нукура окончил в 1978-м. Окончил уже женатым человеком, отцом...

Кто помнит 1978-й, тот помнит и географические названия, что были у всех на устах. Самотлор, Новый Уренгой, Нижневартовск... Страна ждала молодых на трудовой подвиг - и Сергей попросил распределение в Нижневартовск.

Первые шаги Нукура делает в этом знаменитом на всю страну городе, а потом его переводят в никому не ведомый поселок Ногалым, - уже начальником отдела. Жена остается в Нижневартовске, потому как Ногалым - это, на самом деле, двести тридцать деревянных домиков.

Специалисты жили в одном из них - так называемой гостинице. Сначала по четыре человека в комнате, потом - месторождение развизалось! - в кандую комнату подселели еще по четыре-пять человек... Те спали на полу на матрасах. "Я, - вспоминает Нукура, - тогда и с работы иногда не возвращался - спал прямо на столе".

На-то Сергея вызвал начальник: "Хватит тебе холостяковать - давай, перевози семью. Вот тебе

ключи от квартиры". Квартира! Что это была за квартира! Голые брусчатые стены: отделявай сам! "На Севере, - вспоминает Сергей Петрович Нукура, сидя на кожаном диване в величественном кабинете "лукойловского" небоскреба в центре Москвы, - все приходилось делать самому. Где ты на Севере мебель купишь? Или нижние полки? Там тогда - умел не умел - все и все делали сами".

"А накая у вас сейчас квартира?" - спрашиваю. - "Хорошая. Четырехкомнатная, с большой кухней. В центре Москвы. Компания в прошлом году купила квартиру для главных специалистов..."

...Не золотая рыбка перенесла человека из барана в Сибири в столичное обустроенное жилище. Между первым семейным пристанищем Сергея Нукуры и нынешним пролегло 17 лет, несчитанное число бессонных ночей и пролитого пота, расчетов, аварий, совещаний... И еще - разработанные месторождения. И еще - построенный город.

Сергей Нукура был одним из тех, кто строил город нефтяников Ногалым. Нам отзываются те, кто видел его, город этот - современное чудо среди болот и тайги...

Там, в Ногалыме, Сергей Петрович познакомился с Вагитом Алекперовым. Вместе они стояли у истоков "ЛУКОЙЛа" - ныне самой большой нефтяной компании в России и одной из крупнейших в мире...

Любой ли мог совершить такое? Падает ли благополучие, как манна с неба? Или только работа "по-черному" превращает черную нефть в чистое золото?..

Вот что интересовало меня больше всего, когда я встретился с Сергеем Нукурой...

- Сергей Петрович, вы давно знаете Вагита Юсуфовича Алекперова. Когда были молодыми - чувствовался ли в нем потенциал, ко-

торый позволит человеку стать заместителем министра, а потом успешно руководить огромной компанией?

— В Западной Сибири во времена моей юности были руководители двух разных стилей. Первый тип — без таких людей тогда нельзя было, наверно, обойтись, — напористые, агрессивные. Они добивались своего, грохоча куланом по столу и криками: "Положишь партбилет!". Нахрап заменял им продуманные решения... В то время, когда Аленперов формировался как руководитель, время таких людей, я думаю, уже уходило в прошлое. И наступала эпоха другого стиля: "номандующий" — стратег; человек энергичный, интеллектуальный, умеющий сплотить коллектив. Сейчас, задним числом, я понимаю, что потенциал в Аленперове уже тогда чувствовался огромный.

— *Вы в "ЛУКОЙЛе" занимаетесь планированием и финансами. Куда, на ваш взгляд, компании (не обязательно вашей — любой: большой, средней, маленькой) выгоднее вкладывать деньги?.. "Мерседес" купить для директора? Приобрести мощные компьютеры? Отправить своих сотрудников учиться?*

— Знаете, в "ЛУКОЙЛе" любят такую притчу: любое предприятие проходит в своем развитии несколько этапов. Сначала оно — вроде шквала. Он все готов съесть, на что угодно ради прибыли кинуться, даже падаль подобрать... Потом фирма развивается и постепенно становится "волком". Он уже более разборчив, питается живым мясом, но все еще готов зарезать больше, чем способен съесть... Потом из волка предприятие превращается в "медведя". "Медведь" уже чувствует свою силу и значимость. Он уже спокоен, и если нет мяса, может пронормиться медом или ягодами... А потом, наконец, наступает "период норовы".

Компания спокойно пасется, шиплет траву — и дает молоко.

— *"ЛУКОЙЛ" уже стал "коровой"?*

— Почти. Во всяком случае, мы вкладываем деньги не только в развитие месторождений. Мы субсидируем науку. Мы строим храмы, мечети. Мы содерним Большой симфонический оркестр. Поддерживаем Пермский драматический театр. Спонсируем художников и спортивные команды...

Буквари для первоклашек, что издавались в прошлом году, печатались за наш счет. Мы издали великолепный альбом "Эрмитаж"... Жизнь не может замыкаться только на производстве. Мы не ставим своей сверхзадачей зарабатывание денег. Мы обязаны думать и о культуре России...

И, наконец, мы платим ежемесячно сотни миллиардов рублей налогов. Так что крупную молоко и столу россиян обеспечиваем...

— *Все-таки система образов у вас — "звериная": волк, медведь, шквал... Вы считаете, что бизнес — это некая "драка в лесу", борьба за выживание?*

— Россия перешла к новым формам хозяйствования, обладая огромным потенциалом: производственным, социальным, культурным. Поэтому "драка в лесу", может, и возможна в мелком бизнесе, но в крупном нет. Идет нормальная конкуренция. Возьмем нас и "Юнос" или "Сиданко". Мы — конкуренты. Но мы не рвем друг другу надъны — встречаемся, обсуждаем проблемы, ищем для отрасли, разрабатываем планы взаимодействия... Мы — коллеги, хорошо знающие друг друга. Поэтому жестокой, я подчеркиваю, жестокой борьбы не будет... Наша конкуренция — не драка в лесу. Это, скорее, шахматы.

— *Сейчас жить очень комфортно. Что, по-вашему, больше всего важно для успеха в жизни?*

высокопоставленные друзья? Связи? Ум? Натористость?..

- Что-то одно выделить невозможно. Образование нужно - без всякого сомнения. Чтобы человек чувствовал себя комфортно в какой-то команде, которая умеет делать дело. Нужен опыт в своей профессии. Еще - желание работать и целеустремленность... Мне часто задают вопрос: в чем причины успеха "ЛУКОЙЛа"? "Юнос" вроде такой же, "Другнефтегаз" - такой же, а "ЛУКОЙЛ" все же чем-то лучше - почему? Для себя я отвечаю так: во-первых, наш президент - он генератор, он движитель. Такого поискать надо... И еще - он сумел создать команду. Каждому руководителю - второго уровня, третьего и так далее - дана самостоятельность. А самостоятельность - ведь это не что иное, как ответственность. А раз ты за что-то понастоящему отвечаешь, ты и делаешь это изо всех сил. И тому же у "ЛУКОЙЛа" есть четко сформулированная концепция - что делать, куда идти...

Большинство руководителей компании давно знакомы друг с другом. Мы дружим семьями. И мы отвечаем за нашу работу не только перед руководством, но и - перед друг другом; перед семьями, детьми...

- "ЛУКОЙЛ", что же, строится по принципу японских корпораций, - как компания-семья?

- У нас есть такой лозунг: "ЛУКОЙЛ" - единая семья.

- В "ЛУКОЙЛе" работают сотни тысяч людей... Вот вы приезжаете в Сибирь на месторождение и неужели воспринимаете бурового мастера как члена своей семьи? А он вас, московского босса, так члена своей?

- Года полтора назад мы приезжали в Ногалым, и я специально ночью поехал по бригадам. Я ходил там и говорил с помбурами на одном языке. Потому что я все это

прошел. Мне там все понятно... Мы не пришли в "ЛУКОЙЛ" из академических институтов. Нет, мы все - оттуда, от сванчины. И поэтому мне мысли, нужды и идеи помбура понятны. Я знаю, что он может не ощущать меня как члена семьи. Но мое чувство такое: эти люди - наши, "лукойловские". Они в широком смысле - моя семья. Ради них я, и все мы здесь, должны работать.

- Вы считаете, что любой руководитель должен начинать с "самого низа" в своей профессии - и потом потихоньку расти?

- Я совершенно убежден: если ты что-то не сделал сам, рассуждать об этом предмете ты не можешь. Только если ты эту работу сделал, ты можешь судить о ней как специалист.

- Вы говорили, что "ЛУКОЙЛ" воспринимаете как семью. Но это не "закрытая" компания. У вас - сотни тысяч акционеров. Любой может пойти и купить ваши акции. Как вы считаете, имеет смысл постороннему человеку приобретать их?

- Имеет. Мне кажется, наш потенциал пока недооценили. Акции будут расти. Два года назад 25-рублевая акция стоила четыре-пять долларов. Тогда, помнится, кто-то из партнеров не хотел покупать их по шесть долларов - не верили, что компания сможет расти. Сейчас курс акций "ЛУКОЙЛа" - более 20 долларов.

- "ЛУКОЙЛ" платит миллиарды рублей налогов ежемесячно... А как вы вообще оцениваете нашу налоговую систему?

- Ей, мне кажется, никто в стране до конца не понимает.

- Никто? А министр финансов?

- До конца, я думаю, тоже нет. Такое нагромождение самых разных налогов, так много ведомственных инструкций и изменений к ним, что разобраться в них очень сложно. На-

рушения у предприятий в этой сфере зачастую бывают не по злому умыслу, а оттого, что люди не знают, как надо платить. Мы собираем множество совещаний для финансовых работников "ЛУКОЙЛа", специалисты разъясняют им все изменения в налоговой системе... А если бухгалтер работает не в такой большой корпорации, как наша? — Даже представить себе не могу, как он барахтается с бесконечными инструкциями. А налоговые органы консультаций не дают. И в целом налоги, конечно, очень высоки. При таком их уровне предприятию развиваться практически невозможно.

— Есть ли у вас надежды на новый Налоговый кодекс?

— Мы уже просчитали, что он нам даст. Он несколько упрощает систему уплаты, но бремя налогов по-прежнему остается тяжелым... Мы — я имею в виду не только "ЛУКОЙЛ", но и всю промышленность — потеряли темп развития. Мне кажется, что если уменьшить налоги, то и производство станет подниматься... Любое предприятие — как живой человек. Если он понимает, что задача, стоящая перед ним, непосильна, он опускает руки. А вот когда планка где-то рядом, когда она достижима — он постарается ее взять. А сейчас очень многие предприятия понимают, что они **ничего сделать не могут**. И потому махнули на себя рукой.

— Предприятиям топливно-энергетического комплекса — газовикам, нефтяникам — живется, тем не менее, неплохо. Помогают ли "нефтяные рубли" отечественной экономике? Или опять, как это было с "нефтедолларами" в 70–80-е годы, они уходят в "черную дыру"?

— О "нефтерублях", что мы отравляем в виде налогов в бюджет, ничего сказать не могу. А те прибыли, что получает "ЛУКОЙЛ", идут не только на увеличение добы-

чи нефти или, скажем, на поддержку отечественной культуры. Вся, без преувеличения, экономика могла бы подняться благодаря нефтяному и газовому комплексам. Ведь они дают заказы отечественной промышленности на металлургическое и промышленное оборудование, и трубы, на строительство поселков и городов для нефтяников (а значит, на производство стройматериалов, бетона...). То, что рубль больше не падает, а инфляция снизилась до мизерных величин — во многом, я считаю, заслуга наших отраслей — традиционных "нормильцев": нефтяной, газовой, энергетической... Так что "нефтерубль" работает уже сегодня.

— У "ЛУКОЙЛа" денег немало. Скажите, как по-вашему, легко ли эти деньги "конвертируются": во власть, влияние, уважение?

— Много денег — никогда не бывает. Сколько денег — тановы и запросы. У "ЛУКОЙЛа" много крупных программ. И мы (точно так же, как маленькая фирма — на компьютер, а семья — на телевизор), ищем, не сребраем средства на эти программы...

А что до власти... Власть, в моем представлении, это — ответственность. Она — обременительная штука. И я иногда чувствую себя неуютно в той власти, что мне делегировали. Некомфортно себя чувствую... Когда ты имеешь рубль — в их должно быть два! — то направить его, этот рубль, с должной эффективностью бывает очень сложно. Но это твой груз, твоя ответственность. Твой хлеб. И он не сладкий...

— Вы сами, я думаю, не бедный человек... А легко ли деньги конвертируются в счастье?

— Счастье, говорят, не в деньгах — и счастья нет без денег... Наверно, это справедливо. С другой стороны — два кусна не съешь, на двух ме-

динах не поедешь; в два отпуска не годишь (я один-то не могу толком использовать!). Плохо, конечно, быть бедным. Хочется, чтобы был уют в семье. Чтобы можно было посмотреть иные страны... Но счастье — это другое. Это когда ты можешь опереться на чье-то плечо. И знать, что друзья не побрезгут опереться на твое... К деньгам это отношения не имеет.

— *Чем занят сейчас ваш сын?*

— Учится в колледже.

— *В Англии, в Америке?*

— В Швейцарии. Четыре года назад, когда ему было четырнадцать, для меня стало совершенно ясно, что мы должны воспитать новое поколение, которое впитало бы в себя систему западного мышления. Мы часто общаемся с "западниками", но ни они нас до конца не понимают, ни мы — их. А мы все больше и больше выходим на международную арену, а они приходят к нам. И России необходимы специалисты с пониманием ментальности людей Запада. Это — не просто знание языка. Это насчет финансов, инжиниринга, менеджмента... Всего!.. Я хотел, чтобы мой сын — с тем пониманием западных традиций, что он приобретает, — работал в России. Сын учится в Швейцарии уже четыре года, в этом году прошел собеседование в один из университетов. Прошел хорошо... Я надеюсь, он закончит его, и... обязательно придет в нашу компанию. И будет полезен ей.

— *Вам хотелось бы этого?*

— Конечно! Знаете, когда мама еще была жива, я приезжал к ней из Западной Сибири, и мы разговаривали ночи напролет. Вздох! Мы говорили на одном языке. Одно дело, одна проблема, общие знания... Наное-то было фантастическое единение!.. Конечно, я хотел, чтобы что-то похожее было у нас с сыном...

— *У вас есть время для хобби?*

— Времени свободного, конечно, у меня мало, но я убежден, что мы часто оправдываем загруженностью собственную лень и неумение организовать отдых. Я занимаюсь теннисом — играю раз в неделю, и сейчас уже это стало жизненной потребностью.

— *Вы теннис выбрали потому, что этот спорт моден в правительстве?*

— Нет-нет! Мы с Аленперовым начали играть еще в Ногайске. Теннис хорош тем, что не надо особой амуниции или погодных условий. И это быстрый вид спорта. Когда играю, я отключаюсь — те час-полтора, что провожу в спортивном зале, вместе с женой, дочерью, — я забываю о своих проблемах... Полтора года назад увлекся подводным плаванием — и у нас, у всей семьи, теперь каждый отпуск связан с авантюрами.

— *Книги?*

— Сейчас читаю, к стыду своему, очень мало. В свое время у меня была большая библиотека, и я гордился тем, что все книги мной прочитаны. А сейчас... Библиотека-то стала еще больше... Но... После рабочего дня можно читать только что-то легкое. А с другой стороны, понимаешь, что "легкое" лишь убивает время... Воскресенье я провожу совершенно безобразно. Если половину воскресенья не просплю — на следующей неделе я "нинаной".

— *Каховы, Сергей Петрович, ваши самые яркие жизненные воспоминания?*

— Все, что связано с Западной Сибирью. Я вспоминаю, какими мы были молодыми, зелеными... И мы делали большое дело. Мы строили город. Мы разрабатывали огромные месторождения. Мы прекрасно сознавали меру ответственности. Но все делалось на одном порыве, на одном дыхании. Были какие-то ава-

рии, но вспоминаю их не как тягость или опасность, а как порыв...

Был такой эпизод. Ногалым, Новый год. Десять часов вечера. Мы собираемся у соседей. Нанрываем столы. У нас еще маленькие дети... И вдруг – выключается свет. Что значило тогда на Севере отключение света? Через 15 минут станет нотельная. Через час начнут лопаться трубы. И вот мы всех детей уводим ко мне домой, кладем в кровать и нанрываем всеми одедами...

(В этот момент раздается звонок прямой связи с Александровым. Разговор между двумя "ликвидаторами" той аварии, теперь – президентом и первым вице-президентом одной из крупнейших нефтяных компаний мира – идет об одном из многочисленных дочерних предприятий "ЛУКОЙЛа": кажется, сельскохозяйственном; об акциях, курсе, контрольном пакете...)

...И вот мы, – поговорив и вернувшись к журнальному столу, Сергей Петрович легко возвращается во времена юности, – нанрываем, чем только можно троих детей и бежим в нотельную. Соронаградусный мороз, мы, в снегу по пояс, ищем задвижки. Чтобы не разморозить систему, закрываем их там, где уже образовались «порывы»... Как-то сам собой возник штаб, и люди выходили из домов, присоединялись к нам... Через четыре часа аварию мы ликвидировали. Поселок спасли. И в четыре утра сели за новогодний стол.

Не было в этом пафоса. Это была обычная, нормальная – тогда для нас! – жизнь. Как были нормальными, простите, туалеты на улице, куда весь Ногалым – и дети! – ходили в сибирские морозы.

И то, что мы сейчас делаем – строим и развиваем, например, Но-

галым, – мы делаем, как бы оглядываясь на то время, на те аварии и трудности. Такого у нас, в "ЛУКОЙЛе", быть не должно!

Мы никогда не останавливаемся, чтобы почитать на лаврах. Сделали? Хорошо. Но это было – вчера. А впереди уже – новая задача. И не дай Бог сназать себе: мы – самые лучшие...

ЛЕОНИД КУЗНЕЦОВ

ФИЛИППИНСКИЙ

ФЕНОМЕН

Хирург схватил кухонный нож. Взмах – лезвие вошло в живот. Брызнула кровь. Не успела публика осознать, что произошло, как новый взмах и – снова удар. В эмалированный таз летят темно-красные куски – то ли сгустки крови, то ли части человеческого тела. Наконец нож отброшен в сторону. Тот, кто наносил удары, проводит ладонью над раной. Она медленно закрывается. Кусок ваты, убирая кровь, оставляет за собой гладкую кожу.

На пороге чуда

Хун Лабо с торжеством посмотрел на пожилую американку. Это она вынудила его, уже прославленного "хирурга без ножа", взяться за нож. Обычно он делает свои операции, не прибегая ни к скальпелю, ни к бритве.

Совсем недавно он упивался славой: газеты – австралийские, а потом и филиппинские, не скупясь на восторги, писали о спасении Днима Бернарда от слепоты. Тринадцать месяцев назад рабочий Дним, стоя за циркулярной пилой, получил травму: осколки алюминия попали в глаз. Врачи ничего не могли сделать – осколки оказались позади глазного яблока. Их нельзя было удалить, не задев нерва. Вскоре он уже не мог, глядя в окно, различать деревья. Кто-то посоветовал обратиться к филиппинскому врачевателю – хилеру (от английского слова heal – врачевать). Это была его последняя надежда. Мэна Бернарда не раздумывала ни минуты. Вскоре после длительного перелета они входили в клинику Хуна Лабо. Миссис Бернард потом рассказывала: "Хун приподнял глазное яблоко, убрал пальцами алюминиевые стружки и положил яблоко на место".

Газеты сфотографировали ставшего вновь зрячим человека – в руке он держал листок белой бумаги со злополучными "занозами".

Комментируя это сообщение, Хайме Линауно, видный филиппинский общественный деятель, писатель, рассказывал:

– Я присутствовал на подобной операции, когда Хун Лабо голыми руками вынимал глазное яблоко японского пациента, чтобы убрать какую-то черную ткань. В конце операции я не удержался и громко вскрикнул. И тут я услышал от сидящего рядом другого японца: "Это еще что! Я сам этим утром видел нечто еще более невероятное: Хун не только целиком вынул глазное яблоко, но и прополоскал его в тазу с водой, после чего вернул глазное яблоко на место".

Итак, я находился на пороге чуда. Филиппинского чуда. Увижу ли я это чудо своими глазами?

Цветы магии расцвели в нищете

Только в 1946 году Филиппины (архипелаг, состоящий из более чем семи тысяч островов) обрели политическую свободу. Однако с подъемом собственного флага не исчезли многие причины, по которым жизнь народа долго еще оставалась тяжелой. Годы нищеты, отсталости не проходят бесследно. В том числе и для здоровья людей. Лишенные современных лекарств, больниц, да еще порой элементарной медицинской помощи, филиппинцы вынуждены были обращаться к знахарям, повитухам-самоучкам, травникам, шаманам, колдунам, ясновидцам (тогда ведь не знали слова "психотерапия").

Вот пример: в деревню по просьбе старосты приехал доктор из больницы. Он посоветовал матери дель

мом месяце: акушерка определяет положение плода и срок беременности, делает массаж, употребляя подогретое масло и топленый жир, чтобы облегчить роды. Кроме того, она напоминает о традиционных предписаниях, предохраняющих женщин от козней сверхъестественных существ.

В манильском представительстве Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) мне представили такие данные: анализ родильных обрядов показал, что у 62 народов женщины рожают в вертикальном положении (сидя, стоя на коленях и др.). Специалисты считают, что в сельских условиях, где отсутствуют средства облегчения родов, горизонтальное положение вне условий медицинских учреждений "может привести к более длительному и тяжелому течению родов".

Противозачаточные средства и методы контроля над рождаемостью существуют в большинстве обществ. Наиболее распространенный метод – воздержание, которое сочетается с разнообразными табу, например, широко распространен запрет на половые сношения в период кормления ребенка грудью. В качестве противозачаточных средств применяют чары, амулеты, кольца, пояса, разнообразные магические предметы. На острове Себу, в городах и в деревнях, особенно доверяют батобалани – камню, обладающему способностью намагничиваться. Его кладут в мешочек и прикрепляют к поясу; носят его, пока в семье нежелательно появление детей. Не рекомендуют его носить незамужним женщинам из-за опасения бесплодия. Народные акушерки на Себу знамениты и с искусственным прерыванием беременности, причем применяют как механические, так и химические способы (массаж, принятие больших доз алкоголя, аспирина, известки с водой, ртути с водой, настоев трав и тому подобное). Од-

нако народные акушерки убеждены в том, что "предотвращение беременности, откладывание ее, а тем более искусственное прерывание не угодно Богу".

Так изыскания теоретиков восточной медицины преломляются в повседневной жизни, что, в общем, для нас неудивительно. Но есть и удивительные "преломления".

Подобного не довелось увидеть и Алисе в Стране Чудес. Передо мной вывеска "Лечу зубы". Удивительная клиника: ни бормашины, ни щипца. Терпеливо дожидаюсь. Приходит человек с распухшей щекой. Что же виною? Ленарь берет молоток и начинает вбивать гвоздь в... пол. При этом он что-то бормочет. Вбил один. Лицо больного светлеет, опухоль спадает. Однако видно: зуб продолжает беспокоить. Тогда берется еще один гвоздь. Длиннее. Молоток опускается еще яростнее. Вот шляпка сравнялась с поверхностью. Мухи больного закончились.

Несколько лет назад такого врача-европейца тут не назвали бы шарлатаном. Сегодня делают выводы поосторожнее. В данном случае допускается предположение, что молоток и гвоздь – это всего лишь необходимые, видимые элементы лечения гипнозом, внушением. Кто знает, может быть, и так. Ведь на этой улице увидишь много другого, столь же странного и невероятного. Например, мелко нарубленных живых пиявок с помощью связующего состава превращают в пасту и тут же смазывают ею мальчишке руку; довольно глубокая рана затягивается на глазах...

Под огромным колпаком журнало, билось о стекло множество мух. Оказывается – это живое лекарство. Мух шлепают мужчине на лысину, растирают. После нескольких сеансов у человека появляется юношеская шевелюра. Но никак не сколько понадобится мух – "секрет фирмы".

Особым доверием пользуются здесь лекари из мышат. Одно только требование: мыши должны идти на приготовление снадобий до того, как они откроют глаза, иначе вся целебная сила пропадет. Их растворяют в вине или коньяке (процесс занимает не меньше года). Пидгел С. Янфонг, хорошо известный в Сингапуре и Малайзии, в книге о китайских врачевателях утверждает, что его друг (страдал параличом), испытал лекарьство на себе, назвал его "магическим". Потому-то и ценится оно дороже золота. В той же книге утверждается, что от многих болезней можно избавиться, если только что родившегося мышонка завернуть живьем в мягкое подслащенное мясо и тут же проглотить.

Чудеса, да и только! Однако, на мой взгляд, самым таинственным и непонятным остаются все-таки операции без ножа, что проводят филиппинские "хирурги".

Его герой - Распутин

Приглашение посмотреть и "потрогать" своими руками "филиппинское чудо" было наконец получено. К Хуну Лабо мы прибыли прохладным осенним утром. С гор на городон Бялю и на гостиницу, чем-то напоминающую ласточкино гнездо, полз туман. Стало как-то неуютно и тревожно.

Путь на первый этаж, где располагается "операционная", проходит по лабиринту раздевалок, часовенки, бесчисленные узкие коридорчики. Два дня в неделю Хун Лабо принимает филиппинцев. Остальные дни - для иностранцев.

Хун Лабо - среднего роста, но в отличие от большинства своих соотечественников широк в кости, мускулист, плотный, энергичный. Он был, казалось, переполнен жизнерадостностью. Оглядел находившихся в холле пациентов, приветливо улыб-

нулся. На нем черная рубашка и белый костюм из легкой ткани.

Хилер закурил сигарету. Ароматный дымок смешивался с легким запахом вина. Вспомнились расказы о том, что Хун Лабо завсегда давая ночных клубов. Любит канкан на американо-японский лад, обоняет крепкое виски, хорошеньких женщин. У него пятеро детей от первого брака с филиппинкой (с которой тан и не был официально зарегистрирован и освящен церковью), двое детей от австралийки - с ней развелся после трех лет совместной жизни. Нанонь, третья жена - японка. Когда доктор объявили, что ее болезнь неизлечима, она поехала на Филиппины. Хун Лабо ее вылечил. Сначала она просто поблагодарила спасителя, потом вспыхнул взаимный интерес, переросший в любовь, и вот - третий брак.

От Юно Наранава детей не было. Зато она принесла ему материальное благополучие. Отец - состоятельный японец, занимавшийся поставками строительных материалов, куплей-продажей земельных участков, недвижимостью, в конце концов признал Хуня, затем помог ему в бизнесе. Филиппинскому врачу сделали в Японии хорошую рекламу, построили Метафизический храм Вселенной. Скорее это была деловая контора, чем сооружение во славу утверждения воли и наставлений Всевышнего.

Храм этот открыл свои отделения на Филиппинах, в Гонконге и Австралии. К Хуну Лабо начали во всевозрастающем количестве прибывать туристы с долларами и иенами. Он приобщил к своему делу Нестора, сына от первого брака, и жену японку, обучив ее искусству удалять из носа полипы голыми руками.

Настоящее материальное процветание, однако, началось со строительства гостиницы "Нагая инн". Скоро Хун Лабо был официально зачислен в миллионеры. Одновремен-

но у него просыпается интерес и политике и светской жизни. Он выдвигает свою кандидатуру на видные государственные посты, становится председателем престижных обществ и клубов, отчисляет деньги на благотворительные цели, не отказываясь при этом от своих увлечений – как и прежде, обожает ночные заведения, где иногда и сам поет под гитару. Когда позднее я спросил его, как же сочетать такой образ жизни с неписанными правилами для хилеров (воздерживаться от злоупотребления алкоголем, неразборчивых интимных связей, умерять алчность и так далее), он ответил так: "Ну а как же ваш Распутин? Хватало же у него сил на все. Разве такое поведение человеку возбраняется?.."

На Филиппинах врачевателей, специализирующихся в области "хирургии", не так уж и много (население страны 65 миллионов), по некоторым данным, от 50 до 1000. В зависимости от квалификации и популярности. Но право на дерзость и способность проводить сенсационные операции имеют не более 20 человек.

Поначалу он пользовался ножом

Родоначальником филиппинских хилеров, а точнее, первым из них, кто стал известен за пределами филиппинской деревни, считается Элеутерио Терте. Он родился 25 февраля 1900 года в провинции Пангасинан. Лечить начал в 1925 году после того, как ему случилось видение... Э. Терте избавлял людей от многих недугов, помогал с женскими болезнями. Он принимал и беременных, но не для того, чтобы делать аборт, а чтобы поправить положение плода (после этого у всех пациенток роды проходили нормально). Кстати, и сегодня ни один вра-

чеватель не берется за то, чтобы прервать беременность – он ведь способен удалять только большие тнани. А плод – живое существо значит, неподвластное магической силе врачевателя.

Во время второй мировой войны Терте сражался против японских инфантантов. Участие в одной из партизанских операций кончилось для него печально – он попал в плен. Мастера пыток из Немпетай подвергли партизана невероятным истязаниям: в него стреляли как по движущейся мишени, гоня по открытому пространству, держали шесть часов на брусках льда, подвешивали вбок головой, три дня и три ночи не давали есть. Он все это выдержал. Однако почувствовал себя плохо... Тогда вновь случилось видение: появились два ангелочка и попросили его продолжить свою "врачебную деятельность для людей". Терте согласился. После чего выздоровел сам и продолжал лечить других.

Поначалу целитель пользовался ножом. Однако оперируемые не чувствовали никакой боли. Узнав про чудо, члены филиппинского медицинского общества обвинили его в незаконной лечебной практике. Тогда Терте отказался от ножа. Святотух, пишет Х. Линауно, дал ему силу вскрывать тело голыми руками и затем закрывать его, совсем не оставляя никаких шрамов.

...В конце 50-х годов двое любителей американцев – Р. Фрмонд, профессиональный голливудский режиссер, и О. Мангилл, натуралист, писатель, популяризатор науки, – отправились в Индию, Непал и страны Юго-Восточной Азии в поисках "мистического и экстраординарного". И вот – Филиппины. То ли американские военные врачи при штабе оккупационных войск США в Японии натолкнулись на имя Терте в архивах Немпетай (вполне возможно, во время войны японские медики открыли филиппинских врачевателей и зане-

лись ими), то ли слава о Терте из глухой деревушки дошла до Манилы, то ли это просто случай, но американцы направились именно к нему.

Изумлению их не было предела. Своими впечатлениями Р. Ормонд и Д. Мангилл поделились с читателями на страницах книги "В мире странном, непонятном". Операция на глазах: врачеватель берет кусочек кожи, смачивает ее в каком-то растворе и опускает на глаза больного. Американцы комментируют: "Вы видите, как ткань медленно приподнимается, пальцы Терте уходят прямо в глаз человека". А что больно? "Мы думали, — говорят авторы, — что он содрогнется или каким-то образом обнаружит признаки боли. Но ни один мускул на его лице не дрогнул". И вот — совсем невероятное (ренисер и натуралист "в изумлении затаили дыхание"): Терте, казалось, снял коросту с больного глаза, а потом бросил ее в сосуд...

Следующим пациентом был Франсиско Сисип, принадлежащий к одному из самых богатых на Филиппинах племён. Он страдал от огромной, угрожающе выглядевшей язвы на шее около затылка. Она не поддавалась искусству даже самых известных врачей, никаким лекарствам, выписанным со всего света. И вот что сказал Ф. Сисип после посещения Терте: "Не было никаких признаков боли от того, что делал Терте с самого того момента, когда он прикоснулся к очагу инфекции". Когда Сисип поднялся, гниют американцы, ярко выраженное воспаление почти исчезло. Все, что напоминало о болезни, — это несколько морщинок.

"Наблюдая операции Терте в течение всего лишь двух часов, — вспоминает Х. Линзуо, — я тем не менее затрудняюсь делать о нем какие-либо выводы. Некоторые иностранные наблюдатели ловили его на обмане". Засомневались и господа Ормонд и Мангилл. Терте делал операции в длинно-

рукавом баронге (рубашка навыпуск), и они подумали: "А не здесь ли жульничество?". Там могут храниться запасы рыбьих пузырей, печени, свиного сала, окрашенного в кровь...

Однако тут не возникает вопрос: как можно хранить сырую печенью в рукаве? Тем более что операции длятся часами, а холодильников в "операционной", откуда можно добывать свечение рыбы пузыри, не было. И это при постоянной тропической жаре. К нескрываемому удивлению американцев, Терте не стал спорить и что-то доказывать. Он просто-напросто закатал рукава и продолжал делать свое дело. (Сегодня все знахари оперируют в рубашках с коротким рукавом...)

До последних дней своей жизни первый (для нас первый...) хилер брал в качестве гонорара столько, сколько ему давали. А так как в его скромный домик приходили в основном люди бедные, то и плата с них взималась минимальная — два, от силы пять песо. Терте слыл бесребренином.

Кровавый сгусток вынимал из горла

Среди филиппинских врачевателей, имеющих высшую квалификацию, по сей день никто (по крайней мере об этом говорят большинство хилеров) дух "великого Терте", которому они стремятся следовать во всем. Пренебрегают всего не дают волю своим слабостям — вино, женщины, курить, — ибо они, кроме морального ущерба, еще и делают врачевателя слабее. Не стремятся к накопительству, что тоже уменьшает целительную силу, не занимаются политикой.

Хун Лабо придерживается совершенно противоположного мнения. Многие коллеги поэтому смотрят на него с осуждением. Конечно, они в какой-то степени завидуют и

успеху, и богатству Хуна. Но главный их довод – он якобы подрывает их авторитет, престиж врачей в целом...

Хун Лабо, когда я присутствовал на его операции, был в белых одеждах, волосы чуть подкрашены в кирпичный цвет, что гармонирует с кожей. Он не столь сосредоточен, суров и напряжен, как это чаще всего характерно для хирургов в обычных клиниках. Доброжелательность, мягкая улыбка сразу создают легкую атмосферу, снимают напряженность. Помнату уже заполнили полураздетые японцы, прикрывающиеся полотенцами, здесь же супружеская пара из ФРГ.

Появляются три ассистента. Операционный стол неподалеку, под ярким освещением ламп дневного света. Хун Лабо приближается к алтарю с девой Марией и шепчет молитвы. Ассистенты помогают ему облачиться в костюм хирурга. Все как в обычной клинике. Широким жестом Лабо приглашает всех к экрану – стеклянной перегородке, разделяющей "зрительный зал" и операционную.

Нухонного ножа я нигде не заметил.

– Ах, вы слышали о ноже? Но тогда мне не поверили, вот и пришлось за него схватиться...

И, несмотря на то, что уже наступило время операции, Хун в подробностях рассказал, как было дело.

Однажды прибыла группа из Соединенных Штатов. Хун Лабо хотел уже было приступить к лечению, как одна из иснавших исцеления попросила: "Не могу ли я осмотреть ваши руки прежде, чем вы начнете лечить?". Такое недоверие рассердило врача. Он сказал громко: "Оней! Я не только готов вам показать руки. Я хочу, чтобы вы обыскали меня всего до начала операции!" Дама несколько смутилась и сказала, что вовсе не хотела обыскивать хилера, а только посмотреть на его руки: нет ли чего в них? Тогда Хун

Лабо, еще больше расслабляясь, стал выворачивать нарманы брюк, рубашки. Кстати, она была с короткими рукавами. Однако, не будучи уверенным в том, что окончательно победил "снэптика в юбке", он отрезал: "Посмотрите следующую операцию, а затем покиньте помещение"... Тогда-то он и схватил нухонный нож...

Мне разрешили быть рядом с врачом, фотографировать и даже пользоваться вспышкой.

То, что я увидел, поразило меня беспредельно.

Итак, первый на операции – японец. Все вокруг замерло. Хун Лабо берет простыню, точнее, кусок белой ткани. Развернув, опускает между собой и пациентом. Он звонко предлагает мне посмотреть на тень с его стороны. Но я, кроме пятен и разводов, заставляющих думать о стиральной машине, ничего особенного не замечаю. А надо бы. Ведь это по существу экран рентгеновского аппарата и сам аппарат. Причем "понзывает" (для Лабо, конечно) даже лучше, чем самое современное "просвечивающее" устройство. Во всяком случае, для хилера все внутренние органы человека как на ладони. Но сейчас для него главное – тени. По ним определяется болезнь, ее характер, степень риска. Если тени светлые, то есть полная надежда на исцеление. Если темные, значит, болезнь зашла слишком далеко.

– Я, правда, – говорит Хун Лабо, – и без тряпицы вижу человека сквозь. Но так все же получаю больше информации...

Лечение больных на стадии диагноза – главные кадры в фильме Алана Неумана "Непознанный мир". Все как и при мне: Хун Лабо растягивает простынку, изучает пациента. Алан Неуман наблюдает... Вдруг хилер, закончив "рентген", поверчивается к Неуману и просит его прилечь. Оказывается, обследуя пациента, он одновременно увидел, что у автора фильма не порядок с горлом.

Алан Неуман изумился. Он жаловался на зрение, но про горло, боли в котором с годами усиливались, никому не говорил ни слова.

Затем показывают, как Хун Лабо вынимает из горла окровавленный ступок. Позднее два известных американских врача — д-р Элмер Грин из фонда Меннингера (Топена, штат Канзас) и д-р Норман Шили из клиники по реабилитации в Ла Кросс (штат Висконсин) подтвердили: анализ удаленного у Неумана ступка почти совпадает с данными, полученными при операциях на горле в клинических условиях.

Более того, Хун Лабо заявил, что Неуман страдал от этой болезни восемь лет, что и подтвердил американец, добавив при этом: "Теперь я чувствую себя значительно легче и могу свободно дышать". Одновременно рассказ о рентгене.

У каждого хилера свой "аппарат". Так, Аланс Орбито, чтобы определить характер заболевания, наносит конусовое масло на большую часть тела, кладет на него лист машинной бумаги, а затем покрывает все полотенцем. Легонько принимая ладонями "экран", просит больного дышать глубоко, так же, как это делается в рентгеновском кабинете. Затем полотенце убирается, а на листе бумаги, как на промокашке или на снимке, вы видите довольно четкие очертания. По ним Орбито может сказать о причине страданий человека: это ниста или нервы, или опухоль. Все как на негативной пленке.

Но вот Хун Лабо поставил диагноз — тряпка в сторону. Начинается. Правый указательный палец делает надрез на коже живота. Секунды, и я вижу кровавый ступок в его руке. Мгновенно вытирается кровь — ни раны, ни шрама. Ничего, кроме чистой кожи — как и до операции, которая длилась полторы минуты.

Мужчина встает и делает знак следующему...

Теперь Лабо удаляет опухоль, но оставляет рану открытой. Чтобы дать мне возможность сфотографировать, так как он опасается, что за его темпом не поспевают створки фотоаппарата. Затем уходит от стола и идет к человеку в кресле-каталке. Наносит своим указательным пальцем на горло рядом с шейным позвонком; кровь брызгает на грудь, пациент вскрикивает. Но через минуту улыбается счастливой улыбкой.

Все это время я внимательно наблюдал за Хун Лабо. Он спокойно переносил во рту жевательную резинку. Шутил с пациентами. Но после операции сказал мне: руки его действовали по чьему-то (не его!) "разумению" и повелению; руками хирурга руководил дух, "скорее всего сам Иисус Христос".

Божественная энергия

За несколько дней до этого я наблюдал за операцией Аланса Орбито. Поэтому — для сравнения — несколько слов о "стиле" манильского целителя.

Прежде чем вскрыть какую-то часть тела, Орбито проводит руками несколько раз над больным местом. Вдруг руки его начинают делать движения, характерные при вязании. Потом слышится щелчок, появляется кровь. А пальцы хирурга ищут то, что нужно извлечь; в руках оказываются окровавленные кусочки... Я, однако, не могу видеть, сколь велика рана, потому что она покрыта кровью. Но все, что вынимается, можно осмотреть. Пальцы Орбито всегда покрывают пораженную часть тела — как правило, пальцы левой руки, потому что именно левая рука, по утверждению врачевателя, контролирует материальную часть тела, а правая — духовную. Если он отнимет от раны левую руку, то кровь может выйти из-под контроля и тогда ее не остановить...

Конечно, такие объяснения вряд ли удовлетворят ученого. Более того, многие склонны предположить, что так легко скрыть какие-то небольшие инструменты, с помощью которых хилер разрезает тело. Однако тут не возникает вопрос: а как объяснить, что ножа после операции "автоматически" закрывается и остаются едва заметные следы от ногтей?

Все операции проводятся открыто, в присутствии людей, за исключением тех случаев, когда больной просит сделать ему операцию наедине. В таких случаях ассистенты вешают белую занавеску на "окно" между операционной и залом.

У каждого врачевателя свой метод и стиль лечения. Единственное, что их объединяет, пишет Х. Линауно, это способность каким-то образом перейти в такое состояние, которое позволяет установить неосознанные гармоничные отношения с Богом и со святым духом. Некоторые достигают этого путем пения псалмов, другие – углублением в себя, в собственные мысли и размышления.

Аленс Орбито так описывает свое состояние перед тем, как приступить к лечению: "Когда я вижу толпу больных людей, ожидающих избавления от страданий, мое сердце наполняется любовью, жалостью и желанием помочь. Я начинаю сосредотачиваться. Я молю Бога дать мне целительную силу. Затем произношу тайные слова и заклинания, которые сообщил мне мой владыка и духовный пастьер. Внезапно я чувствую, что превращаюсь или трансформируюсь в другое существо – святого человека, которому суждено думать о других, испытывая к ним любовь, жалость. Я уже больше не думаю о себе как об Алексее Орбито. Я просто становлюсь средством, орудием божественной целительной энергии... С приближением этого момента я прежде всего испытываю странный холод во всем моем теле. Затем я чувствую тепло. Одновременно приходит полная уве-

ренность, что мои движения становятся проявлением целительной энергии. Я убеждаюсь в этом, как только кладу свои руки на тело больного. Мои пальцы начинают вибрировать, они "разрыхляют" клетчаточные места, которое болит у человека. Моя рука в этот момент становится магнитом, который автоматически притягивает большие клетки. Целительная энергия, исходящая из моих рук и пальцев, вступает во взаимодействие с энергией нездорового человека, чтобы вытолкнуть болезненные части тела. Когда это происходит, я вижу, чувствую, что пациент получает облегчение. Эта целительная энергия и сила во мне тем не менее не являются бесконечными. Когда она иссякает, я возвращаюсь в свое обычное смиренное состояние. И не помню, что я делал, как лечил человека".

Больной, как считает А. Орбито, должен искренне верить в исцеление. Ведь на самом деле происходит прежде всего самолечение (это если речь идет о болезнях, вызванных инфекцией, бактериями и микробами).

– Если, – продолжает Алекс, – я прикасаюсь своими пальцами к больной ткани во время психолечения, то испытываю легкий удар, такой же, как удар элентротомом. А так как тело человека состоит почти на 80 процентов из воды, то одновременно слышится звук всплеска, когда пальцы проникают в тело... Придет день, когда ученые и врачи смогут объяснить феномен лучше и точнее, чем я. На пользу страдающим...

Наблюдатели из ЦРУ

Первое, что приходит на ум, – это способность хилера к внушению, гипнозу. Тем более что в области гипноза накоплены солидный опыт и знания. Уже доказано, что гипноз может значительно нейтрализовать чувство боли во время хирургических операций.

Внешне, однако, врачеватели не производят впечатления людей, обладающих гипнозом или пользующихся им. Но ведь может существовать еще и самогипноз: дане атмосфера замкнутого пространства, когда собираются несолько десятков людей, объединенных одним сильным желанием увидеть чудо и таким образом создающих нервное напряжение, может стать "гипнотизером".

В Шри Ланке фанатики, поклоняющиеся богу Натарагама, настолько подвергаются наэлектризованному влиянию толпы, что, войдя в транс, довольно безболезненно, по крайней мере внешне, прокалывают острыми шампурами язык, щеки или запускают в тело крючья, после которых, кстати, почти не остаются шрамов. А на самих Филиппинах в Пасху обязательно кто-нибудь просит распять его на кресте. Правда, чтобы легче было перенести испытание, сначала добровольного кандидата в Иисусы привязывают и распяты, а потом уже начинают прибивать гвоздями. Из ладоней струится кровь. Но, видимо, страдания добровольца не столь сильны, поскольку он выдерживает знамену и остается распятым довольно долго. (Такие сцены неоднократно передавались по телевизору...)

Н этой же категории загипнотизированных можно отнести и пятидесятников в Аппалачах. Они раскачивают босоногими по костру и практически не получают ожогов. Ученые такие ситуации сравнивают с "эпидемиями массовой истерии", "массового гипноза". И если обычный врач означает боль, дискомфорт, страх перед операцией таблетками, антибиотиками, то в случае с психохирургами эту роль выполняет гипноз или самогипноз, внушение.

Сами хилеры, однако, говорят не о гипнозе, а о способности передавать энергию. Либо собственную, либо космическую, пропуская ее через свое тело.

Как-то на очередном приеме жаждущих исцелиться (это было у А. Орбито) рядом со мной расположились трое молодых людей. Они внимательно следили за каждым движением врачевателя. Что-то записывали в блокноты. Но не фотографировали. Почему? — спросил я. — Ведь такая прекрасная возможность — всего в метре от операционного стола, да и вспышкой можно пользоваться.

— Мы уже давно все отсняли, — услышал ответ. — И тому же не только на фото, но и на киноплёнку, на видеонассету.

Наверное, подумалось, писатели-фантасты или журналисты, охотники за сенсацией. Оказалось, ни те, ни другие. Один назвал себя психиатром, направленным на Филиппины командованием бундесвера, двое других — дерматолог и хирург — представляли медицинскую службу Пентагона.

Признаюсь, такое знакомство заставило задуматься...

Однанды в филиппинской газете "Дейли экспресс" появился пространный материал агентства Франс Пресс. В нем сообщалось, что "министерство обороны США уже затратило миллионы долларов на развитие средств психической войны, использование в военных целях сверхчувствительных восприятий..." Исследования возможностей парапсихологии в военных целях, говорилось далее в корреспонденции, начались с изучения потенциальных возможностей человеческого сознания в области телепатии с прицелом использования их результатов прежде всего для шпионажа. Оказалось, что часть затраченных на подготовку к "бескровной войне" миллионов кан раз и ушла на содержание врачей, прикомандированных к филиппинским врачевателям.

Окончание следует.

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

ВЛАДИМИРСКИЕ МОНОМАХИ

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОНИЛОВА

от дела-то, слышали, чай, что английский двор шлет своего представителя?

– Конечно. Вот уж истинно утер нос англичанам Баташов, хороший сюрприз преподнес им. Теперь не в Англию, а на Русь за сталью едут. Цену сбили...

– Позвольте, господа, да о чем собственно речь?

– Видите ли, граф, англичане до сих пор в строгой тайне держали способ отливать сталь-литовку, кичились все, а управляющий заводчика Ивана Баташова, надо сказать, из простолодинов, Григорий Пономарев вместе с сыном Иваном сами, своим разумом, дошли до секрета этой стали. Вот англичане на дыбы и стали, твердят все, что быть того не может, что обман это... Теперь едут уличать нас, грешных...

В глуши дремучих Муромских лесов, недалеко от Оки, на берегу громадных прудов, окруженных бором, располагался городок Выкса. Здесь находился большой чугуноплавильный завод с двумя домнами, при двух плотинах – молотовые для перековки чугуна в железо, кроме того, были построены мастерские для изготовления железной посуды, кос и серпов и несколько фабрик (ткацкая, прядильная, суконная и др.)

Основателями этого "оазиса" были братья Баташовы, которые, подобно Демидовым, возвысились благодаря своему уму и энергии. Несмотря на то, что Баташовы не имели особого покровительства, как Демидовы, и их промышленная империя находилась в средней полосе России, следовательно, вблизи контролируемых учреждений центра, что мешало братьям иметь такую же власть, какую имели Демидовы на Урале, им все же удалось своим исключительным трудолюбием создать промышленность целого края. Младший Баташов, Иван Родионович, был одним из лучших людей своего времени. Его отличали выдающийся ум, энергия, трудолюбие, поразительная доброта и уважение к чужой личности. В этом человеке сочеталось (редкое для промышленника XVIII века) умение согласовывать свои собственные интересы с интересами других людей. Заботой о бедных И. Р. Баташов снискал себе громкую известность.

Первыми, кто открыл в этих местностях железную руду, были муромские посадские люди Железняков и братья Нездряковы. Они устроили на реке Снаводи железный завод. Дела их шли успешно до тех пор, пока завод не был разграблен шайкой разбойников. После этого разорения Баташовы построили около тех же мест новый завод, а по соседству с ними, на реке Ерешме, князь Репнин построил железный завод, купленный впоследствии Баташовыми.

Предок дворян Баташовых – Иван Андреевич – в 1622 году служил в Смоленске и Туле, где имел земли с крестьянами, но позже многие Баташовы утратили свои владения, став мастеровыми, поэтому им пришлось потом доказывать дворянское происхождение. В историю России Баташовы вошли главным образом как горнозаводчики, внесшие огромный вклад в развитие отечественной промышленности.

Родоначальником горнозаводчиков Баташовых считается кузнец тульской оружейной слободы Иван Тимофеевич (умерший в 1734 г.), который участвовал в строительстве липецкого чугуно-

правильного завода. Баташов стал скупать земли в окрестностях Тулы и строить железные заводы. Иван Тимофеевич пользовался покровительством "Демидыча" – любимца Петра I. Баташов был управляющим А. Демидова. В 1700 году он уже самостоятельно строит железный завод в Липецке, а в 1711 – другой, под Тулой. До 1721 года Иван Тимофеевич все земли скупал на имя Никиты Демидова, но вскоре отношения между всемогущим Демидовым и набирающим силу Баташовым пошатнулись. В 1722 году Баташов жаловался Василию Волконскому (в чьем ведении были его тульские заводы), что "не любя ево Никита Демидов подымает у себя плотины и оттого потопляются ево заводы и чинится многое помешательство, а ежели б помешательства не было, то б можно сделать в год железа 9.000 или 10.000 пудов".

Продолжил дело Ивана Тимофеевича младший сын Родион, которому по духовному завещанию достались тульские заводы, а после смерти старшего брата Александра – и Медынский завод. Родион Тимофеевич построил в разных местах еще 6 заводов, в числе которых и известный Гусевский во Владимирской губернии.

Баташов был достойным продолжателем дела отца, он восстановил разоренный братом Медынский завод и поднял его производство до нужного уровня, но в 1742 году берг-коллегия распорядилась запечатать домы. Через 11 лет Родион Иванович опять начал производство на Медынском, правда, ненадолго, так как в 1754 году, с целью охраны лесов от истребления, Сенат вынес решение об уничтожении ряда заводов. В черный список попал и данный завод Баташова. В этом же году Родион Иванович скончался. После его смерти все перешло в руки сыновей – Андрею (1731/32–1799) и Ивану (1741–1821). Именно они стали известны всей России и прославили русских промышленников в мире. Самым выдающимся представителем Баташовых впоследствии станет младший брат – Иван Родионович. Имущество, доставшееся Баташовым, заключалось в тульских заводах и небольшом капитале. Братья вначале не поднимали вопрос о вознаграждении за убытки, связанные с закрытием Медынского завода. Они энергично принялись искать залежи руд в средней полосе России с целью построить новые заводы. Постепенно промышленная империя Баташовых распространилась на довольно большой территории, им принадлежали заводы и фабрики в Рязанской, Владимирской, Тульской, Тамбовской и Нижегородской губерниях.

В связи с русско-турецкой войной армия и флот остро нуждались в снарядах. Ждать помощи в этой войне от европейских государств не приходилось. Правительство России обратилось к Баташовым, которые стали в срочном порядке изготавливать пушки, бомбы и ядра. Продукция их отличалась высоким качеством, и в 1770 году военный заказ был досрочно выполнен, причем на выгодных для русского правительства условиях. 154 баташовские пушки в незначительной степени обеспечили успех русского оружия во время войны. Братья были награждены чином титулярного советника и освобождены от подушного оклада.

В конце 1770-х годов – в начале 1780-х Баташова приобретают суда, на которых вывозят свою продукцию в Европу и доставля-

ют в строящийся Архангельский порт якоря и пушки. В 1783 году они построили в 50 верстах от Выксы в верховьях речки Унжи Верхоунженский завод – это был последний завод, который братья строили вместе.

Состояние Баташовых постоянно увеличивалось вследствие того, что они скупали на взнос крестьян, а также ближайшие к заводам селения с землей и лесами. Крестьян они обращали в угольщиков, рудокопов и рабочих на заводах, а леса употребляли на дрова и уголья.

В начале 1783 года по высочайшему повелению за заслуги перед отечеством весь род Баташовых возводится в дворянское достоинство, а к концу этого года между братьями происходит раздел всего имущества. Связано это было с образом жизни старшего брата.

Андрей Родионович отличался хваткой, деловитостью и умом, но был крайне жестоким человеком. Был он одновременно сильной и темной, колоритной и мрачной личностью. Необузданность его страстей не знала предела. На Выксе обыватели с ужасом вспоминали основателя заводов, рассказывали о безобразных оргиях Андрея Родионовича, о несчастных, спущенных в шахты для добывания руды, о распятых на кресте, о заморенных голодом. Одно время он покровительствовал муромским разбойникам, давая им приют у себя в имении и получая львиную долю их дохода.

Андрей Родионович был грозой для окрестных помещиков, силой отнимал у них земли. Жаловаться было некому, т.к. местные власти были им подкуплены. Однажды один помещик отказался продать свое имение. Андрей Родионович не рассвирепел, а пригласил его на охоту, которая продолжалась несколько дней. Когда же последний вернулся к себе в имение, то нашел только перепаханное поле. К другому своему соседу грозный Баташов обратился с просьбой уступить на время жену. Муж не повиновался и прекратил посещать Выксу. Через несколько месяцев Баташов пригласил строптивого на торжественный обед, чтобы с ним "примириться". Отказаться было опасно. Хозяин встретил соседа радушно. После обеда все гости были приглашены осмотреть завод; около домны по знаку Баташова слуги схватили "провинившегося" помещика и бросили в печь. Когда распространился слух о монетном дворе Баташова, прибыли чиновники из столицы. Баташов, не задумываясь, приказал засыпать все ходы и выходы из подземелья, где находились печатные станки, похоронив заживо всех находившихся там людей. О бесчинствах Баташова стало известно Екатерине II, посланного ею чиновника для производства следствия хозяин отказался впустить в свой дом и приказал поселить у мастерового, а на следующий день прислал ему поднос с фруктами, под которыми лежал пакет с деньгами и лаконичная записка: "Фрукты съешь, деньги возьми и убирайся, пока жив". Следователь поступил именно так.

Жил Андрей Родионович истым магнатом, за столом ежедневно собиралась толпа приживальщиков и гостей. Выезжал он не иначе как в карете, запряженной цугом, вокруг которой скакали в обшитых золотыми позументами кафтанах гайдуки. Когда он от-

правлялся на охоту, прилебатели из мелкопоместных дворян исполняли роль гончих, усердно бегая за зайцами, и горе тому из них, кто не захотел бы служить подобной забавой.

Когда в начале 50-х годов прошлого столетия Василий Александрович Сухово-Кобылин приступил к обязанностям опекуна Выксунских заводов, ему пришлось ремонтировать обветшалый дом. Плотники обнаружили в комнате Андрея Родионовича потайной ход, который вел в подвал, где нашли множество человеческих костей.

В 1785 году умирает первая жена А.Р. Баташова – Афия Семеновна (дочь тульского купца С.И. Пальцова). От этого брака осталась дочь Наталья и сын Андрей, названный впоследствии Андреем Старшим, или Андреем Черным. Недолго горевал Андрей Родионович по жене. 26 ноября 1786 года он покупает себе дворянку девку Матрену (вместе с семьей). Отец Матрены – Егор Гурьев (Гурев) служил впоследствии Баташову верой и правдой. 1 марта 1787 года Баташов подписывает ей вольную и 8 июля этого же года венчается с ней. От этого брака родились три сына: Андрей Младший, Николай и Иван. В 1790 году Баташов записывает Андрея Младшего в лейб-гвардии гусарский полк, что впоследствии (после смерти отца) облегчило несколько его судьбу. Офицерское звание обеспечивало право на дворянство независимо от происхождения.

Умер Андрей Родионович в 1799 году, не оставив духовного завешания, что предопределило многолетнюю склоку между наследниками по линии первого и второго брака. 18 мая 1800 года по решению суда Матрена вместе с детьми была введена во владение половиной имущества. Андрей Старший был настоящим сыном своего отца – внешне он согласился с решением суда, но стал плести интриги против мачехи и ее детей. Сначала он полностью отстранил ее от заводских дел, а затем изгнал из дома: 26 октября 1801 года сгорел походный синодальный архив, где хранились метрические книги с записями о венчании Андрея Родионовича и Матрены Егоровны. Андрей Старший добился своего: в связи с отсутствием документов комиссия Синода вынесла решение – брак Матрены и Андрея Родионовича признать недействительным, а Андрея Старшего – единственным наследником Баташова. Несметные богатства отца полностью перешли к нему: семь заводов, дома, мельницы, земельные угодья, десятки сел и деревень, более 10 000 мастеровых и крестьян, которые располагались в разных губерниях.

Знакомство с жизнью и деяниями братьев Баташовых высветляет неизменную любопытную особенность: братья представляли собой яркий контраст – насколько один был коварным и жестоким, настолько другой отличался добротой и милосердием. Даже сохранившиеся их портреты свидетельствуют об этом. Андрей Родионович изображен в сером кафтане и длинном камзоле, черные волосы закинута назад, в смуглых красивых и правильных чертах видна гордость и сила, но что-то дерзкое в повороте головы, что-то яглое во взгляде неприятно поражает, нависшие брови придают зловещий, мрачный оттенок его взгляду; нос орлиный и большой; все черты лица массивные и грузные. По воспоминаниям современ-

ников то была физиономия человека, способного на зверские подвиги. Иван же Родионович на портрете сухощавый, почти тщедушный старик, лицо выражает добродушную хитрость и душевное спокойствие. Седые волосы, покрывающие его голову, выбиваются из-под колпака, лицо озаряет улыбка.

Иван Родионович долго оставался безмолвным свидетелем проделок старшего брата, но, не выдержав, потребовал раздела. Выкса стала основной резиденцией Ивана Родионовича. При нем жизнь пошла совершенно иная. Человек гуманный и справедливый, он богател, не прибегая к незаконным средствам. Баташов был бережлив, но не скуп, покровительствовал наукам и искусствам. Любя все русское, он воспитал своих художников и ученых. Последним позволял экспериментировать, и они добивались невероятных успехов: в 1815 году после долгих неудачных опытов его механиками была построена паровая машина в 12 лошадиных сил для приведения в движение мехов домы. Его доморожденные инженеры-изобретатели, как уже говорилось выше, сумели проникнуть в секрет стали-литовки, которой владели только англичане.

Иван Родионович продолжил горнозаводскую деятельность. В 1784 году он в 23 верстах от Выксунского завода построил большой Сनावольский завод, через два года – Сынткульский (в Рязанской губ.), а позже – Верхнежелезничный завод и проволочную фабрику. Но начиная с 1800 года резко меняется характер производства на его заводах. Если до этого Баташов стремился к расширению производства и увеличению числа заводов, то теперь вся энергия его направлена на возможно большее разнообразие производства. Иван Родионович существенно сокращает количество ежегодно выплавляемого чугуна и переоснащает один завод за другим, переносит их в фабрики для производства предметов первой необходимости (суконные машины, проволока, серпы, косы, гвозди, посуда и т.д.). В 1819 году он строит суконную фабрику.

Иван Родионович Баташов отличался твердым и постоянным характером, наблюдательным умом, был дружелюбным и великодушным человеком. В домашней жизни любил мир и тишину, поэтому на мелочи смотрел сквозь пальцы. Не получив тщательного воспитания и образования, он возмещал его недостатком постоянным чтением. Был бережлив, но не скуп, ничего не жалел для благоустройства жизни принадлежавших ему людей, к которым, по воспоминаниям современников, относился, как отец к детям. Баташов всегда заботился о их благосостоянии, строил больницы и церкви (последних около 15).

Иван Родионович был своеобразным педагогом. При Выксе находился обширный сад, в котором с ранней весны до поздней осени непрестанно работало от 150 до 200 человек, в основном дети. Одни срывали травки на насыпанных дорожках, другие подбирали листья под деревьями, третьи маленькими ведрами поливали бесчисленные цветники. Каждый ребенок получал ежедневно плату от 5 до 10 копеек в зависимости от возраста. Это делалось не из экономических соображений, а из воспитательных. Как-то Баташов приехал на свой Унженский завод, где был окружен толпой любопытных детишек, повсюду бегавших за ним. Баташов обратился к управляющему Максиму Горностаеву:

- Для чего ты не займешь чем-нибудь сих детей?

- Чем же здесь занять, сударь?! У нас нет сада, как на Выксе, где им всем работа.

- Но вот куча песку, заставь перетаскивать ее на другое место, и когда кончат, пусть опять переносят на прежнее, и заплати им за работу. Я говорю так, если б в самом деле не нашлось работы, где бы можно соединить пользу заводскую с пользой детей: можно заставить их чистить, мести улицы, около завода, в рощах. Они, играя, будут привыкать к трудолюбию, а между тем присутствием своим не станут тяготить матерей и, выработав что-нибудь, принесут хотя небольшую пользу семейству. Думаешь ли ты, что и на Выксе они полезны в саду? Ничего не бывало! В таком возрасте они больше портят, нежели дела делают, но они составляют рассадник будущих полезных людей.

Так же, как и старший брат, И. Р. Баташов содержал при доме большой штат людей – до 300 человек. Все имели готовый и изобильный стол. На предложение близких изменить заведенный порядок и сократить расходы на провизию, он неизменно отвечал:

- Все это вы можете сделать, когда я умру.

В жизни Иван Родионович испытал тяжелые удары судьбы: он рано потерял свою любимую жену Дарью Илларионовну, урожденную Лугинину, после которой остался единственный сын Иван. Иван Иванович служил при Екатерине II в артиллерии, был другом барона Миллер-Закомельского (впоследствии военного министра) и его родственником, женившись на сестре его жены из фамилии Резвых. Майором он вышел в отставку и занялся заводскими делами. Иван Иванович был так же добр, как отец. Он получил блестящее образование, но совсем молодым скончался, а вслед за ним оставила этот мир и его молодая жена. Двух маленьких внуков Иван Родионович забрал к себе и воспитал совместно со второй женой Елизаветой Осиповной (урожденной Москвиной). Кажется бы, Баташов мог вполне быть счастливым и утешиться, так как Елизавета Осиповна стала для любимых внуков настоящей матерью. Дети были щедро наделены талантами от природы и подавали большие надежды, но судьба оказалась безжалостна к этому замечательному человеку: на 19-м году жизни неожиданно скончался внук Дмитрий Иванович, а затем он похоронил и любимую внучку Дарью, которая умерла вскоре после рождения четвертого ребенка.

После смерти внука единственной наследницей несметных богатств Баташова стала внучка Дарья Ивановна, на которой женился Дмитрий Дмитриевич Шепелев – генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года, служивший в гусарах. Брак этот состоялся при весьма романтических условиях. Поселившись в Муроме и узнав, что внучка миллионера Баташова является его единственной наследницей, Д. Д. Шепелев повел по-гусарски активную атаку на мамушек и нянюшек Дарьи Ивановны, одаривая их богатыми подарками и обещая золотые горы в будущем; последние же на все лады расхваливали богатой наследнице героя-генерала. Почва была подготовлена, и когда Шепелев проезжал через Выксу, прямо перед домом Баташова его коляска "неожиданно" перевернулась. Генерал притворился, что сильно ушиб ногу. На Выксе,

славившейся своим гостеприимством, его встретили с распростертыми объятиями. Генерал не спешил с "выздоровлением", так что еще до его отъезда пленившаяся им Баташова дала согласие выйти за него замуж.

— По смерти моей, — сказал во время свадьбы Иван Баташов В. А. Сухово-Кобылину, — я оставлю зятю несколько чугуноплавильных заводов, 17 000 душ крестьян и полтора миллиона денег: при таких средствах, если бы даже и захотел он разориться, то не сумеет.

Иван Родионович смотрел на Шепелева как на сына и полностью ему доверял. Под руководством опытного и рачительного хозяина генерал приобщился к новой для себя деятельности. Вступив во владение, Дмитрий Дмитриевич для усовершенствования гидравлической и механической части заводов и фабрик приглашает иностранных специалистов. При участии Кларка отливка на литейном заводе была доведена до отличной чистоты, и на продажу стали выпускать различной величины паровые машины, водяные прессы, токарные станки, ситцевые печатные цилиндры и т.п. Художник Куниш начал производить сукнодельные машины, для демонстрации их работы была построена суконная фабрика. Инженер-механик Трувелляр устроил мукомольную и пильную мельницы, меха для доменной и катальной печи для листового железа. Важным достижением этого специалиста было то, что он приучил людей к точности и аккуратному исполнению работы по чертежам. Блестящие познания англичанина Моргана проявились в паровых машинах и пароходах.

Достоинство чугуна, выплавляемого при Шепелеве, было известно во всем мире. Общее свойство этого металла — крепость и ломкость. Шепелевский же чугун был мягок и гибок, как пружина, но вместе с тем имел такую необыкновенную упругость и крепость, какую не имел ни на одном заводе России, Швеции или Англии. Любопытно, что ложки Петровского театра в Москве висели на кронштейнах именно из этого чугуна.

Род Шепелевых был очень талантливым, его представителей отличала непреодолимая тяга к прекрасному. Эстетизм Дмитрия Дмитриевича способствовал изменению внешнего вида всех строений, как жилых, так и производственных, которые получили правильный и красивый вид. Кроме того, он совершенно преобразовал госпитали и аптеки.

Каменный трехэтажный дом был настоящим дворцом и поражал своими размерами. Задней стороной он выходил в обширный сад. Главная аллея вела через сад к театру, за которым располагался зверинец. В нем жили дикие козы, олени, медведи и другие животные. Пересекающиеся дорожки сада образовывали площадки, которые были украшены фонтанами, беседками, хранилищами и бивуаками. По обеим сторонам правильного сада находились английские сады с большим количеством прудов. В них водились лебеди и дикие утки. Обитатели Выксы и их гости катались в этих прудах на плотиках и гондолах. В саду располагалось большое количество оранжерей, среди которых цветочные, две ананасовые, две виноградные, одна с южноамериканскими растениями. За большим прудом росла прекрасная роща. Между этой рощей и запасным

прудом располагался большой луг, на котором красовались павильон, двухэтажная беседка в китайском стиле и летний домик. По лугу были разбросаны качели, статуи. На берегу пруда стояло шесть павильонов. Оранжереи были не только в саду. Длинный узкий балкон обходил огромную галерею дома, в которой стояли апельсиновые и померанцевые деревья.

Вынесенные из военной службы точность, четкость и порядок помогли Шепелеву вдвое уменьшить производственные расходы. Несмотря на это, именно он положил начало разорению несметных богатств Баташова. Дмитрий Дмитриевич жил на широкую ногу: зимой он угощал всю Москву в громадном доме на Швивой горе (построенном И. Р. Баташовым, в настоящее время в нем располагается городская больница), а летом тот же разгул продолжался на Выксе. Завершили же разорение его сыновья — заводы в конце концов по настоянию родственников были отданы под опеку. Опекуном был назначен герой Отечественной войны 1812 года Василий Александрович Сухово-Кобылин (женатый на М. И. Шепелевой), который приступил к своим обязанностям вместе с сыном, знаменитым драматургом Александром Васильевичем. Одна из его дочерей — Елизавета вышла замуж за внука известного фаворита императора Павла I — графа Ивана Павловича Кутайсова, другая — за князя Льва Григорьевича Голицына.

После смерти Д. Д. Шепелева его сыновья поселились на Выксе. Иван Дмитриевич был артистической натурой. В большом барском доме у него располагались мастерские для живописи, скульптуры, салон для занятий музыкой. Шепелев занимался ваянием, прекрасно рисовал.

Но самое большое пристрастие Иван Дмитриевич питал к театру. Он обладал очень красивым баритоном, ранее в Петербурге учился у итальянского маэстро и часто сам пел в операх. На Выксе был единственный для того времени в России театр. Интересные воспоминания о нем оставили многие, но особенно подробно написал скрипач-виртуоз и композитор Николай Яковлевич Афанасьев, являвшийся капельмейстером этого театра, а до того — бывший первой скрипкой Большого театра. Балетмейстером у Шепелевых одно время был Петр Андреевич Иогель, известный всей Москве танцмейстер и устроитель балов, который упоминается в "Войне и мире" Л. Н. Толстого. Даже в лучших губернских городах не было такого театра: множество декораций и костюмов, зал для зрителей отличался изяществом, на сцене устроены были ложи, поскольку кроме драм и комедий давались оперы и балет. По воспоминаниям Афанасьева, шепелевский театр "с честью мог бы занять место не только в одном из провинциальных городов, но мог равняться с тогдашними столичными сценами, по крайней мере с московскими. В наших провинциях еще не было оперных театров, кроме Одессы и Риги, и театр Шепелева по праву занимал единственное место во всей внутренней России." Причем не следует забывать, что это был крепостной театр.

Театр на Выксе был немногим меньше петербургского Мариинского театра. Внутреннее расположение было такое же: партер, бениар, бельэтаж, второй и третий ряд лож. Ложи были точно так же размещены, как и во всех театрах: напротив сцены, где в импе-

раторских театрах помещается царская ложа, находилась парадная Шепелевых, отделанная бархатом и золотом, уставленная зеркалами. Из ложи дверь вела в фойе, куда во время антрактов приходили гости и знакомые и где сервировался чай. Вся обстановка и все приспособления, в театре были превосходны: механическая часть безукоризненна, и самые сложные оперы тогдашнего времени шли без всяких затруднений. Декорации отличались изяществом и точностью; их писал декоратор Кораблев, тоже из крепостных Шепелева.

Оркестр состоял из 50 человек, хор – из 40. Инструменты были великолепны, достаточно сказать, что среди них находилась скрипка Гварнериуса. Музыканты и певцы были в основном из крепостных, но иногда Шепелев приглашал и из столиц. Артисты охотно приезжали, т.к. он хорошо платил. "В мое время, – вспоминает Афанасьев, – в числе солистов были два весьма хорошие сопрано, замечательный контральто, тенор и бас, густой, приятный и сильный по звуку. Бас этот был г. Скотти, родной брат известного живописца."

Хозяин Выксы тратил невероятные суммы на театр и искусство, что приближало трагическую развязку. Все музыканты и хористы получали от Шепелева жалование от 10 до 15 рублей, кроме того, у них были квартиры и дрова. Ничего подобного не было в других крепостных театрах. Театр всегда был полон зрителями, которые за посещение не платили. Единственно, когда приходилось раскошелиться, это в бенефисы артистов. Подписывались обязательно все – кто сколько мог. Сами Шепелевы всегда давали по 100 рублей, вслед за ними наиболее богатые давали такую же сумму.

Страсть к театру у Шепелева доходила до сумасбродства. Однажды во время представления в его ложу вошел главный управляющий со страшным известием: загорелась домна. О важных последствиях этого пожара говорить не приходится, и Иван Дмитриевич немедленно принял меры – запретил кого-либо впускать в зал, дабы тревожный слух не смутил публику и не прервал представления.

Артисты подготавливались в школе, которая располагалась в специально выстроенном доме, здесь же жили и ученицы. Девушка Баташов подбирал только хорошеньких, не всегда обращая внимания на вокальные данные. Из школы артисток на спектакли возили всегда в каретах с вооруженными егерями. Шепелев не позволял никому знакомиться с ними. Он лично обучал хористок и, когда дело не ладилось, бил нерадивых по спине большой камышовой тростью. Девушки, однако, были находчивыми – они подкладывали под платье подушечки, поэтому не особо страдали от побоев хозяина.

Выше уже говорилось о том, что в роду Баташовых братья являлись антиподами. Эта же особенность передалась и Шепелевым. Иван Дмитриевич унаследовал черты Андрея Родионовича. Несмотря на свои таланты, мог быть крайне жестоким человеком. Предшественник Афанасьева, капельмейстер Уланов, был убит из-за того, что одна из хористок написала ему записку. И случилось это не в XVIII веке, а в царствование Николая I. Иногда жестокость Шепелева принимала дьявольски утонченный характер. Убедившись, что один из управляющих его обкрадывает, он сумел жестоко на-

звать провинившегося. Управляющий накопил достаточно средств, чтобы дать образование своему единственному сыну, поместив в какое-то учебное заведение в Москве. Когда юноша приехал на каникулы, он сделался жертвой Шепелева. Зная, что родители души не чаяли в сыне, Иван Дмитриевич в их присутствии подверг юношу жесточайшему истязанию розгами. Несмотря на такую жестокость, служащие грабили Шепелева, причем не по мелочам, а в грандиозных размерах.

К баташовскому дворцу Шепелев пристроил обширный каменный флигель, который был оформлен крайне оригинально. В комнатах всегда царил таинственный полумрак, т.к. окна были из разноцветных стекол. Стульев не было – только турецкие диваны, покрытые коврами. В некоторых комнатах были потайные лестницы на нижний этаж. В последние годы своего хозяйничанья на Выксе Иван Дмитриевич любил представлять собой султана: носил турецкий костюм, чалму и принимал гостей, сидя на диване с поджатыми ногами. Иногда он совершал торжественные выезды верхом в таком же наряде, и его сопровождали несколько лакеев, у которых для сходства с настоящими арапами лица были вымазаны сажей. Где-нибудь в поле раскидывался шатер, и Шепелев, окруженный крепостными одалисками, проводил тут несколько дней, разыгрывая роль восточного властелина.

Была еще одна слабость у Шепелева, служившая очередным "шлюзом", через который уходили богатства Баташовых, – это спиритизм. Иван Дмитриевич был убежденным спиритом и верил в магнетизм, которому предался со всей страстью. Ловкие жулики умели извлекать из этого большие выгоды для себя. На Выксе жил один шарлатан, засыпавший очень быстро. Усыпив его, Шепелев советовался с этим субъектом по разным делам, а затем действовал в соответствии с его рекомендациями.

Когда В.А. Сухово-Кобылин принял на себя опеку над Выксунскими заводами, Выкса стала местом отдыха его детей и всех их друзей. Кроме знаменитого сына-драматурга у Василия Александровича было три дочери: Елизавета, известная писательница и общественная деятельница Евгения Тур, хозяйка самого популярного литературного салона в Москве; Софья – знаменитая художница, и Евдокия – считавшаяся самой красивой девушкой Москвы, которой Огарев посвятил "Книгу любви". Гостями Выксы были ученые, актеры, художники, писатели, журналисты: профессора Московского университета Грановский и Кудрявцев, актер М.С. Щепкин, Тургенев, Огарев, Бестужев-Рюмин, академик-художник Мейер, будущий фельдмаршал Гурко (зять Елизаветы Васильевны) и многие другие. Общество было всегда очень большим. Многочисленная прислуга, уцелевшая от богатых и роскошно живших хозяев, красноречиво передавала различные сказания и была сильно проникнута непоколебимой верой в чудесное. Огромный дворец, громадный запущенный сад и парк, полный различных преданий и страшных легенд, сильно действовали на воображение посещавших Выксу. Если бы кто-нибудь из них усомнился в возможности увидеть привидение, то был бы непременно причислен к вольнодумцам и безбожникам. Поверья так укоренились, что привились и семье. Многие не решались вечером при слабом свете луны про-

ходить через громадные, почти пустые залы, где в одном месте висел большой портрет Петра Великого во весь рост, почерневший от времени. Его мощная фигура неясно выступала из черного фона и походила на привидение. Днем все смеялись и шутили над легендами и поверьями огромного дома, а вечером и ночью никто не осмеливался выходить из своих комнат. Очевидцы рассказывали, что видели привидение на балконе, в сенях, в огромных гостиных и залах. Неверящих усиленно просили выйти и посмотреть. Евгения Тур писала в своих воспоминаниях о Кудрявцеве, что однажды вечером случился большой переполох, потому что дежурный лакей, обезумевший от страха, вопил неистово, уверяя, что столкнулся с привидением.

Родной брат Ивана Дмитриевича Шепелева – Николай Дмитриевич в противоположность брату был очень добрым и великодушным человеком, он был таким же образованным, как и его брат, и таким же страстным театралом, но пристрастие питал не к оперному искусству, а к драматическому. О его комическом даровании писала Евгения Тур. Даже в наше время его далекие потомки постоянно рассказывают об удивительном чувстве юмора Николая Дмитриевича Шепелева. Именно ему посвящает комедию "Смерть Тарелкина" А.В. Сухово-Кобылин.

Талантливы были и другие члены этой семьи. Родная сестра Шепелевых, княгиня Голицина, была разносторонне одаренным человеком. Н.Я. Афанасьев в своих воспоминаниях писал: "Это была замечательная женщина, талантливая, как и вся семья Шепелевых; рисовала она превосходно, и музыкальные способности ее были громадные. Сколько раз случалось, что она мне повторяла на память на фортепьяно пьесу, игранную мною перед нею всего только один раз! При большом уме, она была чрезвычайно любезна и внимательна ко всем, на какой бы ступени общественной лестницы не находился ее собеседник; я просто благоговел перед ней".

О хозяевах Выксы – Баташовых и Шепелевых и их промышленной империи – написано немало книг и воспоминаний. Все они и их родственники стали героями исторического романа "Владимирские мономахи" графа Салиаса, а шепелевский театр и судьба крепостных актрис отражены в другом историческом романе того же автора – "Заира". Сохранился ли до наших дней театр в Муромских лесах – не знаю, но заводы, построенные еще Баташовыми, до сих пор служат Отечеству.

ТАТЬЯНА МЕДВЕДЕВА

≡

*Люблю приехать в город незнакомый,
Где южный ветерок лизнет, как пес,
И горы будут будто в сладкой дреме...
И золотое ожерелье абрикос,
И запах моря где-то рядом...
И плеск таинственной волны,
И ненавязчивый холлин
Мне даст беседку с крышей из лозы...
И восхитительное чувство,
Что можно долго здесь гостить,
И звезд высокое искусство
Так ярко жить и так светить!*

≡

*Как наложница кожей прильнула,
Сердце выбросив воронью...
Заболела, зачихала, задула
Неоплывшую воском свечу.*

*Нерастраченное, шальное
В темный угол на свалку снесла
И ослепла, чуть кубок пригубив,
И рассеялась – как не была.*

≡

*Почему весной буйной
Я об осени грущу...
В жаркий полдень задыхаюсь
В летнем солнечном лесу.
А зимою мерзну зябко
Средь искрящихся снегов,
Видно, к осени я ближе
Жизнью пройденных шагов...*

Что нужно нам двоим?
Какой для жизни повод?
В окне – взгляни – не Рим,
но тоже Вечный Город.

Туманами пропах –
легендою нетленной...
Лежащий на холмах.
Простертый во Вселенной.

МОСТ ВАТЕРЛОО

Длинный, как поезд, сошел под откос
мост Мирабо. Или Каменный мост?

Над Темзой мост течет на Южный берег
окаменевшей мощною струей.
Бегут авто по известковым жилам,
как красные и белые тельца.
Фантазиям на тему нет конца...
Мост Мирабо и Каменный московский,
от зависти на цыпочки привстав,
глядят во все глаза. На континенте
им равных в славе нет.
А там, над рыжей Темзой,
упрямо упираясь в берега,
бликует, как бегущая строка,
прославленный и твердый, как пучина,
бурлит, от горных вод неотличимо,
течет над Темзой –
И бежит в века.

А под мостом – темно и многократно –
вода висит, как арка Веллингтона.

ИСПУГ

Как получить из первых рук
прозрений благодать?
Нельзя вообразить испуг,
но можно испытать.

И как осмелиться, посметь,
незримое прозреть?
Нельзя свою представить смерть,
не умерев допредь.

В декабре даже розы цветут!
Зимний Лондон природу иначе...

*Только ежик свернулся – и спит,
Только сердце проснулось – и плачет.*

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...

*Уж два пополудни, а я не живу;
иссякли последние строки.
По пояс войду в нажевую траву –
высокие сабли осоки.*

*Английский ли Тилфорд над речкою Вей
в тоске этой ярой повинен?
Зачем ни о чем не поет соловей
на этой прекрасной чужбине?*

*Зачем понапрасну я Бога гневлю
заботой пустых откровений?
Не пахнет жасмин в этом дивном краю!
И запаха нет у сирени.*

*Уж ночь подступает. На небе заря –
надежды последние крохи.
Иссякло ли время, что прожито зря
на фоне кровавой эпохи?*

*О том, что Отчизна развеяна в дым,
стенать довелось мне не слабо:
на ясной поляне, под дубом седым,
вблизи от английского паба...*

*Как вести с Родины – черна сегодня ночь.
Как буря за окном – душа на части рвется.
Не в силах осознать, что нечем ей намочь
и что незнамо, кто на слово отловится.*

СОН О СЛОВЕ

*Печалилась, что речь моя ясна,
что тайных Знаков нет – одни значки..
И вот приснились не стихи, а письмена:
крючки и точки, точки и крючки...*

*То Слово явное, то чистое Число –
отрада тайная старинных словарей –
возвысилось, гордыней заросло:
пырей и пустошь, пустошь и пырей...*

*Неясности и темные места,
как черный паз, стелились и вились..
О чистой тайне белого листа
мались и помни, помни и мались.*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ПЕТРОВ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ПРЕССЕ И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ

ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ...

МАЙЯ ОРЛОВА

Моя близкая подруга в прошлом году потеряла мужа. Он ушел – но не к другой, а в иной мир. "Лучше бы он умер, чем подлец меня бросил..." – правда, знакомая фраза? Ох, подружки, ничуть это не лучше. И так – плохо, и так – нехорошо.

Моя подруга умеет рассказывать, но не умеет писать. То есть она, разумеется, грамотная и даже защитила в свое время диссертацию. Но писать так, чтобы было интересно читать, – нет, хоть зарежьте. Поэтому за ней все записала я: в наши нелегкие времена нужно знать, где и какой ханкан на тебя припасен. И учиться на чужих ошибках. Поэтому рекомендую читать с карандашом в руках, чтобы ничего не пропустить и не забыть. Говорим же и сегодня: от сумы и от тюрьмы не зарекайся. К этому можно смело добавить: и от квартирного вопроса. Рано или поздно всем приходится его решать...

Личная жизнь

Супруг мой скончался внезапно. Нестарый еще мунчина, – шестидесяти не исполнилось, ничем особенно не болевший, он за две недели превратился в собственную тень, а когда я, перепуганная до нельзя, настояла-таки на госпитализации, это уже ничего не изменило. Да и не могло изменить: скончался Володя спустя сутки после поступления в больницу от обширного инфаркта, а вскрытие показало, что Господь уберет и его, и меня от самого страшного: последних месяцев жизни оннологического больного.

Разумеется, ни о каком завещании и речи не было, поскольку завещать было нечего. Жили мы в обычной двухкомнатной квартире – 29 кв.м, жилой площади. Из движимого имущества имели кошку, из недвижимого – неплохую библиотеку. Вот и все. Квартира была приватизирована на имя мужа, но я в ней была прописана на основании абсолютно законного брانا. Как меня убежда-

ли родные и знакомые, ничего не надо было делать: просто подондять полгода после смерти мужа – и перевести квартиру на свое имя. Просто, как апельсин.

Ну я, естественно, ничего и не делала. То есть работала; отдавала долги за похороны и потихоньку приходила в себя. Конечно, в сорос пять – баба ягодна опять, хто бы спорил. Но сорокапятилетняя вдова... Это, что называется, ни помолиться, ни зарезаться. Еще рано хоронить себя на дачном участке с пенсионером, но уже поздно и, если честно признаться, глупо рассчитывать на какие-то взаимные чувства, переходящие в прочную привязанность. Рассчитывать можно только на четверть вена одиночества. Бывают, конечно, исключения, но они лишь подтверждают общее правило.

В общем, жалела я себя отчаянно. На кладбище ездила каждую неделю – там выплакивалась. А к моральной поддержке родителей ста-

ралась прибегать только в самом крайнем случае: немолодые люди, они переживали мое пренквременное вдовство более чем остро.

В один из неуютных денабрьских вечеров, когда до полугодия со дня смерти Володи оставалось меньше месяца, раздался телефонный звонок. И нежный женский голос – такой нежный, что казался даже скорбным, – осведомился, не со вдовой ли таного-то имеет честь беседовать. Я подтвердила – да, со вдовой.

– А я – бывшая жена Владимира Петровича, – проинформировал меня нежный голос. – Римма Львовна. Надеюсь, вы обо мне слышали?

Разумеется, слышала. И даже видела фотографии: Римма Львовна и ее сын Петя. Красотна, как две капли воды похожая на молодую Анастасию Вертинскую, и прелестный мальчуган. Но поскольку Владимир Петрович расстался с Риммой Львовной лет за десять до нашего с ним знакомства, то особых причин

для подробных расспросов у меня не было. Тем более что Петя, по слухам, перебрался в Америку, и логично было предположить, что сделал он это не один, а с матерью.

— Здравствуйте, Римма Львовна, — задушевно сказала я. — Н сонале-нию, не смогла вас известить о случившемся, поскольку не знала адре-са...

В мою голову ни на секунду не закралось даже тени подозрения о причине звонка. Женщина когда-то любила моего, а еще раньше — своего мужа, желает знать о его последних днях, месте захоронения... Естественно!

— При желании вы могли найти меня через справочное бюро, — официальность слов никак не сочеталась с неистребимой важностью голоса. — Но у вас этого желания, конечно же, не возникло. И я вас понимаю. Но мне пришлось вас побеспокоить: через месяц минет полгода со дня смерти Владимира Петровича и я вступаю в права наследства. По доверенности, от имени нашего сына. Ведь ему полагается половина квартиры...

Мне показалось, что я ослышалась. Наследство, сын, доверенность... Двадцать лет сын не подавал никаких признаков жизни, потом уехал в Америку, и вдруг — извольте радоваться.

— Почему вдруг такая внезапность? — осведомилась я, изо всех сил стараясь взять себя в руки. — Столько лет не было никаких отношений...

— Да, Петя не мог простить отца за то, что он нас оставил. А потом — простил. И попросил меня узнать, что с ним и как он живет. Я достала его рабочий телефон, а мне сказала, что...

А еще говорят, что совпадений не бывает. Не успел сын простить отца, как выясняется, что отец покинул этот мир. И любящий сын, разумеется, захотел что-то получить на

память. Полквартиры, например. Хорошо, что не всю.

В общем-то неискушенная в юридических делах, я тем не менее знала, что наследство делится поровну между вдовой (вдовцом) и остальными прямыми наследниками, а из оставшейся половины вдова(вдовец) имеет право еще на половину. Проще говоря, три четверти положено тому из супругов, которому довелось пережить свою лучшую половину. Так что моему пасынку светило не так уж и много. А если найти хорошего адвоката...

Хороший адвокат, к которому я нинулась после бессонной ночи, разъяснила мне, что коль скоро квартира была приватизирована только на имя покойного супруга, то согласно новому жилищному кодексу является его (супруга) частной собственностью, а отнюдь не совместно нажитым в супружестве имуществом. И соответственно подленит разделу в равных долях между прямыми наследниками. Я никаких прав на эту квартиру не имею, кроме права **пользователя**. То есть могу жить там, пока не посинею или не помру, желательно естественной смертью. Но ни поменять, ни подарить, ни завещать, ни продать мое жилье не могу. Потому что оно не только мое. Слабым утешением служило то, что и другой прямой наследник фиг что мог сделать со своей половиной.

— Когда вы вступили в права наследства? — спросила меня адвокат.

И чуть не упала в обморок, услышав, что я и не вступала: ждала, пока пройдет полгода, поскольку считала, что до этого и суетиться бессмысленно.

— Но ведь эти полгода как раз и даются на то, чтобы о себе заявили все возможные наследники! Вам просто повезло, что эта дама сочла нужным предупредить о своих правах. Думаю, ей и в голову не пришло, что вы такая... Вступайте в

права наследования и соберите для меня следующие документы: свидетельство о введении в наследство, справку из БТИ о стоимости квартиры, копию свидетельства о смерти мужа, копию свидетельства о браке, квитанцию об оплате налога на наследство, выписку из домовой книги, копию финансово-лицевого счета. После этого будем решать, что делать. И не расстраивайтесь – возможно, мне удастся отстоять квартиру целиком.

Зареванная, я на следующий день явилась к нотариусу. Разумеется к государственному, поскольку квартирные вопросы, связанные с наследством, решаются только под бдительным оком Дерзавы. Иначе частные нотариусы наворочают такое, что потом не разберешься. То и дело слышишь, что умер человек, оставил жилплощадь – и через пару недель на ней оназываются прописанными совершенно посторонние люди. В обход самых что ни на есть прямых наследников. Чудеса, да и только.

– Голубушка, – укорила меня нотариус, когда я, прождав в очереди несколько часов, оказалась перед ее светлыми очами, – что же вы так тянули? До полугода осталось чуть больше трех недель, а тут и Новый год и Рождество... Можете просто не успеть. Ладно, давайте ваши бумаги.

Бумаги – паспорт, **подлинники** всевозможных свидетельств, а также их копии, выписка из домовой книги и копия финансово-лицевого счета – стоили мне немалых трудов. Сколько раз за время моей эмиграции я благодарил Бога за то, что оказалась еще сравнительно молодой! Иначе у меня просто не хватило бы физических сил, чтобы совершать многокилометровые марш-броски из одного района города в прямо противоположный, везде высинивать (в то и выстивать) многочасовые очереди и везде платить, платить, платить.

Да, моих заработков хватает на то, чтобы заплатить 145 тысяч за срочную справку из БТИ, то есть получить справку в тот же день, а не через неделю, "отстегнув" при этом всего-навсего двадцать восемь тысяч. Но это для меня "всего-навсего", а для пенсионерки? А 50 тысяч, которые с меня слугили в родном РЭО за то, что выдали мне справку об... отсутствии задолженности по квартплате? Подтвердили, что я плачу регулярно и тут же заставили за это платить. Нравится?

Оказалось, что квартира моя стоила 30 миллионов рублей... до августа прошлого года. А с августа взяла и подорожала – до ста миллионов. Мгновенный унас, который меня охватил, – **такую** компенсацию я не выплачу никогда в жизни! – сменился чувством огромного облегчения: оценка производится на момент смерти собственника. А мой муж скончался в июле, за две недели до подорожания квартир. Как чувствовал, что пятнадцать миллионов я еще могу набрать в долг и заплатить...

Единственное, что мне не пришлось платить, это налог на наследство. Потому что я в этой квартире прописана. Милая и внимательная нотариус даже поинтересовалась при оформлении бумаг, есть ли у меня хороший адвокат. А когда я назвала фамилию, поморщилась.

– Нет, это не то. Я вам дам своего адвоката – он на этом деле собаку съел. Дайте мне ваш телефон, я вам на днях позвоню.

Что мог ожидать такой предупредительности? Более того, она поинтересовалась у меня, есть ли в доме антиквариат, драгоценности, новь. Потому что если есть, то лучше их спрятать, отвезти к родным, друзьям. Иначе наследники могут потребовать свою четверть...

Мне опять повезло – я оказалась нищей. Ни картин Айвазовского, ни коллекции китайских редностей, ни

мехов у меня не было. Не нажили. А мебель 60-х годов антикварной почему-то не считали.

Оставалась пустячная формальность: зарегистрировать свое свидетельство о наследстве в жилищном департаменте. Туда я и направилась, сдала документы в окошечко и стала терпеливо ждать, когда их зарегистрируют.

Всего через два часа меня вызвали, и выхоленная до умопомрачения девица сообщила, что мое свидетельство о наследстве не может быть зарегистрировано, так как лишь накануне было зарегистрировано аналогичное – моих сонаследников. А поскольку сделано это было по дубликату свидетельства о приватизации, то мой подлинник автоматически теряет силу. Мои попытки достучаться до здравого смысла и объяснить, что они не имели права этого делать, потому что я – вот она, и подлинник – вот он, и прежде, чем выдавать какие-то документы по дубли, надо было удостовериться в том, что существует оригинал, – все эти попытки успеха не имели. Девица равнодушно проинформировала меня, что мне нужно поехать и таме взять дубликат – тогда вот и регистрируют. А подлинник я могу употребить как считаю нужным.

Не буду утомлять читателей подробностями. Начальник департамента, к которому я на следующий день прорвалась с диким скандалом, одним телефонным звонком отменил хитроумную комбинацию своих подчиненных и повелел им "не фокусничать, а оформить". На мой же недоуменный вопрос, как вообще могло такое произойти, ответил туманно и загадочно:

– Кушать всем хочется...

Выводы предоставляю желающим делать самостоятельно. Добавлю только, что когда мне отказались регистрировать и свидетельство о смерти потому, что "аналогичное бы-

ло зарегистрировано по дубликату свидетельства о смерти, а значит, подлинник свидетельства теряет свою силу", я сначала настолько обиделась, что попыталась выдвинуть разумные контрдоводы: человек умирает только один раз и свидетельство о смерти – будь оно подлинным или дублем – только этот единственный раз и фиксирует. Меня не поняли, и тогда я попросила разрешения позвонить начальнику. Тогда поняли – и наконец зарегистрировали. Произошло это радостное событие **ровно месяц спустя** после первого звонка дамы с ненным голосом.

Этот же голос на следующий вечер сообщил мне, что продает свою половину квартиры. Я пребывала в состоянии полной прострации и даже не осознала, что меня элементарно запугивают. Прострация же образовалась потому, что днем я встретила со своим адвокатом, выложила всю кучу бумаг и попросила действовать в соответствии с предварительной договоренностью. Адвокат же спойно сообщила мне, что обстоятельства изменились, вести мое дело она по ряду причин не может и вообще советует мне пойти на мировую и отдать свою половину в обмен на приличное жилье. Разумеется, однокомнатное и не в центре, но все-таки... Я поняла, что дама с ненным голосом опережает меня везде ровно на шаг, но в данном случае жалобы я могла писать только на себя: сама сообщила милейшему нотариусу фамилию адвоката. А кушать, как известно, всем хочется...

Другой адвокат, к которому я обратилась, спойно разъяснил мне, что я могу жить в своей квартире сколько угодно, но... она не моя. И в таком случае суд обязательно состоится, хотя и эту нанитель можно затягивать до бесконечности. Были бы деньги да нервы. Первого у меня же оставалось маловато, а вот нервы

Нервы начали сдавать через две недели непрерывных звонков с предложениями, посулами и угрозами. Головой я прекрасно понимала, что происходит. Но голова, как известно, предмет темный, исследованию не подленит, а остальной организм начал разлаживаться прямо на глазах. И хотя все знаемое почти единогласно объявило меня "слабонервной душой", я решила: лучше жить на окраине, чем умереть в центре от инфаркта или инсульта. Даже любимая, вылизанная и своими руками обожженная квартира стала неприятна. И я сказала: черт с вами, подавитесь этой квартирой, но я должна жить в пяти минутах ходьбы от своих родителей. И на таком же расстоянии от ближайшего метро.

Понупатель на мою квартиру нащелся мгновенно: похожие, дама с женским голосом держала его в кармане. Поиск подходящего жилья для меня занял несолько больше времени, поскольку им занялась моя мама: женщина в высшей степени земная, рассудительная и с железным характером. Мама сказала, что я поеду только в ту квартиру, которую она сама найдет. И действительно, выбирала очень придирчиво, доведя понупателя моей квартиры почти до истерики. Удовлетворила ее только пятая или шестая, уже не помню, и она пригласила меня приехать и посмотреть.

Ничего особенного, обыкновенная однокомнатная квартира на седьмом этаже заурядной девятиэтажки. Но огромная лоджия на юг, перед которой не было никаких домов – только лес в километре. И еще ощущение теплоты и уюта, хотя квартира не ремонтировалась с момента постройки, то есть четверть века. В общем, мы остались довольны. Теперь – как мне тогда казалось – надо было только оформить документы о купле-продаже, и весь этот кошмар останется позади. Я и не подозревала, что все самое интерес-

ное только начиналось. Что все предшествующее было только преамбулой, а ждет меня – вот именно что амбула.

Впрочем, оформление купли-продажи оказалось не слишком обременительным, поскольку занимались им профессионалы – риэлтерская контора. А вот все эпизоды, связанные вместе сюжетной линией под условным названием "прописка", создали вполне приличную сеть, которой можно было бы поймать не то что щуку – анулу средних размеров.

Меня, разумеется, поправят: прописка у нас давным-давно отменена, вместо нее введена так называемая регистрация граждан по месту жительства. Все правильно, прописка отменена, регистрация – введена. Только мало кто знает, что зарегистрироваться по новому месту жительства ничуть не проще, чем было когда-то прописаться. Где-то даже сложнее. И уж точно – дольше и дороже.

Прежде всего нужно было обзавестись бланком, который называется "Форма № 6". Этот абсолютно пустой бланк выдают под расписку только в паспортном столе РЗД по новому месту жительства. Оно у меня располагается, как я уже говорила, на одной из московских окраин, куда из центра ехать – около часу. И распорядки работы у РЗД совсем иной, нежели у моего бывшего, центрального. И очереди в спальном районе – не сравнить. Так что выделенную "форму" я получила лишь с третьего захода, то бишь звезда. И обнаружила, что представляет она собой тонкий бумажный листок, на котором друг за другом расположено аж три документа: "Заявление о регистрации по месту жительства", "Справка о размере жилой площади", на которой меня должны зарегистрировать, и "Заявление о снятии с регистрационного учета по месту жительства". Первый и третий

документ должна заполнить я, второй же – только ответственное лицо из РЗО.

Кое-как справившись с заполнением документа, я, как мне и было велено, отправилась к начальнику паспортного стола местного отделения милиции. Это самое отделение находилось вообще у черта на рогах – чуть ли не за кольцевой автодорогой. К счастью, очередь оказалась вполне терпимой. Не прошло и часу, как я предстала перед невыразимо красивым и обаятельным майором милиции и выложила ему на стол все свои документы.

– Дивно, – сказал майор, – а где вкладыш в паспорт?

– Какой еще вкладыш? – обалдела я.

– Вкладыш о том, что вы – гражданка Российской Федерации, – доброжелательно пояснил мой собеседник. – Без него, не взыщите, разрешить регистрацию не могу. Не положено.

– А вы мне его выдайте, – попросила я. – Будете регистрировать – и выдайте.

– Я бы и рад, – отклонился душа-майор, – но не могу. Не положено.

И тут я совершила позорную вещь. Представив себе, что мне снова придется возвращаться сюда, а перед этим еще переться в пока еще родное отделение милиции и получать там этот чертов вкладыш, я поняла, что не выдержу этого марафона. И, вспомнив молодость, избрала то, что мои друзья называют "взгляд раненой газели", который и устремила на милицейского начальника. По щекам сами собой потекли слезы, а я начала бессвязно лепетать о горькой вдовьей доле, одиночестве, слабых силах и вообще – тяготах пожилого возраста. Через две минуты майор сдался:

– Ладно, я вам разрешу регистрацию. Одинокая, молодая... красивая. Мы вас тут еще замуж выда-

дим – у нас в отделении полно холостяков. Только вкладыш для паспорта получите. И мне – искренно. Не подведете?

Не помня себя от радости, я поклялась, что ни в коем случае не подведу, а даме как бы наоборот, но замуж меня пока не надо, спасибо за заботу, возможно – позже, когда обоснуюсь на новом месте и приду к себе. А то в моем нынешнем состоянии на меня даме рядовой милиционер без слез не взглянет, а хотелось бы – майора, например... И пока мой собеседник не передумал, ретировалась, унося на "Форме № 6" заветный штамп – "Разрешить". Мне, так и быть, разрешили зарегистрироваться в квартире, которая мне неделю была вроде бы моей частной собственностью.

Это был единственный светлый лучик на тернистом пути регистрации. В пока еще родном РЗО в центре мне пришлось написать два заявления: на имя начальника РЗО и на имя начальника паспортного стола милиции о том, что я прошу выписать меня с пренного места жительства, так как жить мне предстоит совсем в другой квартире и даме в другом районе. В РЗО мою просьбу уважили, но паспортистка неотреп отказалась заниматься моей выпиской, пока я не снимусь с учета в военкомате (на мое горе я оказалась еще и военнообязанной, о чем совершенно забыла). Военкомат на странствующих принимает лишь два дня в неделю: среда и пятница, с 11 до 17 и с перерывом на обед. Как можно попасть в военкомат, не отпрашиваясь с работы, – загадка. Очередная загадка, которая не волнует абсолютно никого, кроме тех, кому приходится вставать на учет или с него сниматься.

Справедливости ради отмечу, что в военкомате очереди не было. Правда... не было и дамы, которая ведет учет. Она появилась минут через сорос из соседнего кабинета. И

спросила меня подондуть еще милюточку, так что ожидание в общей очереди заняло всего-навсего час.

- Приклейте фотографию и военному билету, она у вас отваливается - повелела дама, изучая порядком потрепанную зеленую книжечку. - И имейте в виду, что статья на военный учет по новому месту жительства вы обязаны не позже, чем через тридцать суток согласно уставу...

Счас, разбежалась. Можно подумать, что родная российская армия не четвертые сутки с треском разваливается, если в ней не останется одного старшего лейтенанта запаса, то и меня. Ничего, подондут. А может, и на учет не придется становиться: ну кому я действительно нужна в армии, если через три года сплывут подчистую в связи с возрастом? Не дураки же они там, в самом деле.

Забегая вперед, скажу, что я сильно идеализировала некоторых представителей наших доблестных вооруженных сил...

Мне предстояло еще получить разрешение на выписку у начальника паспортного стола в милиции, а заодно и этот самый чертов вкладыш. Разрешение было получено, на удаление, быстро - всего за полчаса. А вот со вкладышем произошла очередная заморочка. Паспортистка взяла у меня "молотнастый и серпастый" и велела вернуться за ним через... три часа, предварительно оплатив квитанцию в сберкассе. Образец квитанции красовался на стенде. С меня причиталось... 30 рублей.

Бормоча под нос нечто неслестное о разнообразных формах издевательств над людьми, я заполнила бланк с очередной вереницей букв и цифр, оплатила его в ближайшей сберкассе и кое-как убила три часа. А когда вернулась за вкладышем, то получила очередной не слишком приятный сюрприз. Оказывается, я

оплатила только стоимость самого бланка вкладыша. А за слова, написанные, точнее, напечатанные на нем, следовало платить отдельно - по другому бланку с другими цифрами и другой суммой. Что-то оно стоило восьмисот рублей. Не спрашивайте, почему эти две квитанции нельзя объединить в одну. Это государственная тайна.

Меня же все эти заморочки так расстроили, что я с разрешением на выписку прямою отправилась в РЭО. Память у меня отшибло начисто: в пятницу приема в этом учреждении нет. Мне предстояло ждать до вторника, а часы все тинали, и срок действия "Формы № 6" неуклонно сокращался. Н тому же ребенку известно, что с момента сдачи документов в паспортный стол РЭО до момента их получения там же пройдет никак не меньше недели, а если быть реалистом - то не менее десяти дней.

Эти десять дней я лихорадочно паковала вещи, следила за ремонтом, который начался в моей новой квартире и... отбивалась от покупателя моей старой квартиры, который жаждал полностью овладеть своей собственностью немедленно. В договоре же о купле-продаже черным по белому значилось: не позже восьми недель с момента подписания договора. Прошло, между прочим, всего три.

Наконец я не выдержала и заявила, что уезжаю в командировку. На неделю. Покупатель пришел в отчаяние и как-то не сообразил, что если мой паспорт сдан на выписку (о чем я его, покупателя, уведомила), то ни о каких командировках и речи быть не может.

С выписанным паспортом я отправилась в новое РЭО. Номер не прошел - пропал штамп о военном учете светился в паспорте, как наивная печать. Разумеется, меня отназелись прописывать без того, чтобы я не встала на учет в военно-

мате. Вооружившись бланком из РЗО, где надлежало поставить соответствующий штамп, паспортом и военным билетом, я с утра пораньше отправилась в военкомат. Времени не оставалось совсем: через два дня истек срок действия "Формы № 6", и если я не сдам документы на регистрацию... весь этот марафон придется повторять по новой.

В военкомате опять не было очереди, но на сей раз мной занялись немедленно. Только лучше мне от этого не стало, потому что регистраторша потребовала предъявить ей... правильно, "Форму № 6".

- Зачем? - попыталась я сопротивляться. - Вот же бланк из РЗО, там написано, что прописна мне разрешена. Зачем вам еще и эта клятая бумажка? Почему нельзя обойтись без нее?

- Так положено, - холодно отпарировала регистраторша. - Мало ли каную бумажку вы принесете. А я - отвечаю.

Господи, за что тебе отвечать, родная? За то, что поставила на воинский учет женщину предпенсионного возраста? Ному, когда и для какой аферы может пригодиться постановка на воинский учет, объясните, люди добрые! Насколько мне известно, обычно все мало-мальски нормальные люди всеми правдами и неправдами стремятся от этого самого учета вообще отвертеться. Тогда - зачем?

Впрочем, я понимала, что обратиться следует и начальнику. И понадеялась на то, что мой фирменный взгляд "раненой газели" не подведет и на этот раз. Увы, армия оказалась сильнее милиции.

Выходенный и сонный подполковник на все мои заклинания твердил только одно:

- Это не мои проблемы, а ваши.

- Но если вы не способны решить примитивную проблему, для чего вы здесь сидите? - взорвалась я наконец. - Я же не прошу выдать мне "бе-

лый билет", черт побери! Я прошу освободить меня от необходимости тащиться через полгорода, чтобы привезти сюда бумажку, на которую едва девица только взглянет.

- Это не мои проблемы, а ваши.

- Нет, это проблемы армии, - сухо констатировала я, поднимаясь. - Если она цепляется за таких офицеров запаса, как я, и держит на довольно ответственном посту танка действующего офицера, как вы, то понятно, почему все разваливается.

Пока я ехала за недостающим "суперважным" документом, пока возвращалась обратно, я не один раз возвращалась к мысли о том, зачем на самом деле нашей армии такой "запас", как я? А ведь подобных "боевых единиц" - сотни тысяч, и для нас дергают целый штат в военкоматах. Зачем все это нужно? И почему никто не замечает вопиющего идиотизма ситуации? Примитивное действие - переезд на новое место жительства в пределах одного города оборачивалось целой сагой. И ведь мне лично известны случаи, когда эта самая "регистрация по новому месту жительства" осуществлялась в течение двух-трех дней. На каком образе? Впрочем, разумнее, наверное, было бы спросить: за какие деньги?

Когда же барышня-регистраторша бросила только беглый взгляд на выделенную "форму", отодвинула ее в сторону и принялась заполнять стандартную карточку, часка моего терпения окончательно перелопилась.

- А вас не смущает, - спросила я, стараясь по возможности держаться в рамках приличия, - что большинство данных в моем военном билете давно и безнадежно устарели?

Регистраторша подняла на меня непонимающие глаза.

- Вот тут написано: "семейное положение" - видите? И в этой графе - фамилия, имя и отчество. А я с

лим человеком давным-давно раз-
звась, снова вышла замуж и вот
теперь овдовела. По вашим же доку-
ментам я по-прежнему замужняя
женщина. Это что – тоже по уставу
прошено?

На щенах регистраторши появил-
ся едва заметный румянец.

– Конечно, я изменю вам запись в
билете. Только принесите справку о
том, что вы состояли в другом браке
и справку о смерти вашего супруга...

И счастью, заветный штамп о
приеме на учет уже стоял и в моем
женском билете, и на бланке РЭО. И
счастью, я уже не была новичком в
бюрократических делах и при слове
"справка" у меня не начинался при-
ступ паники. Так что я только хмык-
нула, забрала свои документы и на-
правилась на выход, игнорируя воз-
мущенные вопли барышни-регистра-
торши.

– Женщина, вернитесь! Оставьте
военный билет, в него нужно внести
изменения! Вернитесь, говорят вам!

Я на это не среагировала, зато
на пороге своего кабинета появился
начальник и заинтересовался у реги-
страторши, что случилось. Та вкрат-
це пояснила, что именно. Подпол-
ковник нам-то слегка проснулся и об-
ратился ко мне:

– Вы же понимаете, что ошибку
нужно исправлять...

– Это не мои проблемы, а ваши, –
отозвалась я, испытывая чувство не-
описуемого удовлетворения.

На следующий день мне удалось
сдать документы на прописку почти
за час до окончания приема гран-
дан. Паспортистка бегло посмотре-
ла их и сказала:

– Но у вас ведь не оплачена гос-
пошлина за регистрацию.

– Как это не оплачена? – возра-
жала я. – Очень даже оплачена, вот
квитанция.

– Это вы оплатили разрешение
на регистрацию. Надо по другой кви-
танции заплатить восемьсот рублей
госпошлины.

Господи, Боже ты мой, в чем я
перед тобой провинилась? Почему
ты решил наказать меня таким из-
ощренным способом – регистрацией
по новому месту жительства? И кто
выдумал эту пытку, хотелось бы
знать?

Да, я успела оплатить квитанцию
и вернуться до окончания приема
грандан. Я успела сдать документы
на регистрацию за шесть часов до
того, как заканчивался срок дейст-
вия "Формы № 6". За месяц я испы-
тала массу новых и острых ощуще-
ний – причем за свои же собствен-
ные деньги. Я не приехала в столицу
из "горячей точки", не вышла из
мест лишения свободы, не приобре-
ла двухэтажную квартиру в престиж-
ном районе, чем вызвала к себе ин-
терес со стороны правоохранитель-
ных органов и налоговой инспекции.
Я переехала из двухкомнатной квар-
тиры в центре города в однокомнат-
ную на окраине. И эта нехитрая про-
цедура сопровождалась такими фор-
мальностями и такой волокитой, что
мало не покажется. Хорошо хоть от-
печатки пальцев не взяли.

Наонец начал вырисовываться
вроде бы хэппи-энд. С выделенным
штампом о регистрации по новому
месту жительства я отправилась на
телефонный узел, чтобы перевести
на свое имя телефон. Кроме паспор-
та я, – предусмотрительная! – захва-
тила с собой копию свидетельства о
смерти прежней хозяйки квартиры.
(Продавали жилплощадь ее наслед-
ники.) Протянула все это в соответ-
ствующее окошко на узле связи и
улыбнулась.

– А где справка из РЭО?

– Какая справка? – обомлела я.

– О том, куда выписана прежняя
хозяйка квартиры.

– Да вот же свидетельство о
смерти.

– Мало ли кто у вас там умер. А
вдруг хозяйка прописана в соседнем
подъезде? Приносите справку и три-
надцать тысяч за переоформление.

- В прошлом году это стоило девять тысяч.

- Вы бы еще вспомнили, что было десять лет тому назад...

Нет, этого я вспомнить уже была не в состоянии. Из последних сил отстояла еще одну очередь в РЭО и получила эту самую справку. Потом отправилась в бухгалтерию переоформлять расчетную книжку.

- Мне нужна копия договора купли-продажи, - добила меня сотрудница бухгалтерии. - Без этого никаких расчетов делать не буду.

- Но я же сдавала копию, когда прописывалась, - попыталась я оказать слабое сопротивление, заведомо зная, что оно обречено.

- Та копия осталась в милиции, а мне нужна своя.

На следующий день я оставила заявление на телефонном узле ("Приходите через неделю, мы проверим, что с вашим прежним телефоном") и потащила в бухгалтерию копию договора купли-продажи. Похоже, те, кто придумал всю эту свистопляску, полагают, что у нанятого гражданина в доме стоит нсеронс и он может иметь любое количество копий любых документов. А три дня спустя явилась за расчетной книжкой.

- С вас десять тысяч за перерасчет, - встретила меня слушающая бухгалтерии. - И еще имейте в виду: если вы за две недели не принесете мне справку о том, что у вас нет другой жилплощади, вам придется платить за квартиру в два раза больше.

- Откуда же я возьму такую справку? - совершенно равнодушно поинтересовалась я.

- Из муниципального жилищного управления, откуда же еще?

- У вас на столе стоит компьютер. Все данные о жилищном фонде, насколько мне известно, компьютеризированы. Почему бы вам просто не сделать запрос?

- У нас нет такой связи с управлением.

В общем, все логично. На деньги налогоплательщиков компьютеры приобретаются и в РЭО, и в управление, и куда-то еще. А вот создать единую сеть - это слабо! Ничего, поедят граждане, как миленькие, принесут справку, что им нужна справка, что у них есть справка. А солидные люди через средства массовой информации будут нам объяснять, что все это делается исключительно ради нашего же блага, чтобы предотвратить злоупотребления и махинации с жилплощадью...

Сразу должна сказать, что история моей подруги - удивительно благополучная. Ее - подругу - не вышвырнули из квартиры в никуда, не обобрали до нитки, не подожгли квартиру, уже кому-то трижды проданную. Если обладать некоторым чувством юмора, то ситуацию можно воспринимать скорее как комическую, нежели драматическую. Действительно, принесите справку, что вам нужна справка. И все же...

И все же возникает чувство абсолютной незащищенности рядового законопослушного гражданина. Кто, когда и кому объяснил, что приватизированная на одного человека квартира является его личной собственностью, тогда как автомобиль, гараж и прочие новы, приобретенные в период супружеской жизни, являются совместно нажитым имуществом? Кто потрудился донести до широких масс сообщение о том, что завещание при нынешнем положении дел с квартирами - это не роскошь, а низменная необходимость потому что при отсутствии такового у оставшихся в живых появляется вполне реальный шанс стать бомжами? Это не преувеличение: муж одной моей знакомой после ее смерти оказался на улице, потому что являлась племянница покойной супруги и с ходу предъявила документ о том, что когда-то эту жилплощадь в качестве служебной получила именно

ва - племянница - и имеет на нее все права. Не важно, что племянница прописана и живет в другом месте, не важно, что вдовец прописан в бывшей служебной квартире - по новым законам он не имеет на нее никаких прав. Чем кончилась его история - не знаю, но хочу верить, что не слишком плохо.

Мы как бы строим правовое государство. На деле получается, что возводится нечто, отдаленно напоминающее строительные леса, в которых сам черт ногу сломит. Возвращаясь, между прочим, в бунвальном смысле слова на костях тех неудачников, которые имели несчастье подвернуться закону под горячую руку или не успели досконально с ним, законом, ознакомиться. А в результате печальной лью становится старая-престарая русская поговорка: "От сучья да от тюрьмы не зарекайся".

И действительно, неподдельный интерес вызывают те, кому бунвально за сутки удается не только офор-

мить сделку по купле-продаже квартиры, но еще и прописаться там, да не одному, а со всеми чадами-домочадцами. А это вообще нереально сделать даже в месячный срок, потому что несовершеннолетних детей не выписывают и не прописывают без письменного согласия органов опеки. Теоретически. Так же, как теоретически без согласия тех же органов не выписывают и не прописывают людей пенсионного возраста, особенно состоящих где-нибудь на учете.

Но... "суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет". И там, где нормальному человеку, свято чтущему закон и... не имеющему лишних денег потребуются полтора-два месяца на преодоление всевозможных бюрократических препон, человеку деловому может понадобиться полтора-два дня.

Нушадь, по-видимому, действительно всем хочется. Только вот рацион у всех - разный.

✓
Глупость, безрассудство и пороки повсюду доставляют государству часть его доходов.

Мальчишки и девчонки, а также их родители, "домжуровской" печенки отведать не хотите ли?

Вот мы и снова на кухне ресторана московского Дома журналистов, раз спрашиваем хорошо уже известного вам заместителя шеф-повара **Валерия Огнева**.

На сей раз он предлагает несколько блюд из печени.

Продунт этот недорогой, питательный, весьма популярный у населения и оттого вполне подходящий для нашей постоянной – кстати, судя по письмам в редакцию, очень понравившейся нашим читателям – рубрики.

И тому же так, как готовят разные блюда из этого субпродукта в "Домнуре", больше не готовят нигде. Это вам любой работник прессы, хоть раз бывавший в "журналистском" ресторане, подтвердит.

Итак, что же можно сотворить из обыкновенной печенки?

Валерий Огнев предлагает:

■ Одним из фирменных блюд нашего ресторана давно стал **ПЕЧЕНОЧНЫЙ ПАШТЕТ**.

Берем печень, сало и овощи — морковь, репчатый лук.

Сало нарезаем произвольно кусочками по 20–30 граммов. Обжариваем на сковородке, бросаем туда мелко нарезанные овощи и доводим до полуготовности.

Печень предварительно очищаем от пленки и ошпариваем кипятком — это надо делать, чтобы она не горчила. Для говяжьей печени достаточно 4 секунд, для свиной — в два раза больше.

Так же произвольно нарезаем печенку, кладем ее в сковородку, где уже жарится сало с овощами, и доводим ее до готовности.

Всю эту массу остужаем, после чего пропускаем 2–3 раза через мясорубку.

Добавляем 5–6 ложек растопленного сливочного масла, кипяченое молоко или бульон и хорошо взбиваем. Соль и перец — по вкусу, кому как нравится.

Делаем нужную форму и посыпаем тертым яйцом.

Еще можно нарезать сало тонкими ломтиками, слегка отбить и завернуть в них паштет, предварительно скатанный в колбаски.

■ Из печени получаются очень вкусные **ОЛАДЬИ**.

Готовить их — проще простого.

Обрабатываем печенку и пропускаем ее через мясорубку. Добавляем крахмал или панировочные сухари, яйцо, масло, соль, перец и тщательно размешиваем.

Делаем лепешки и обжариваем на раскаленной сковородке до появления золотистой корочки.

На гарнир к оладьям из печени очень подойдут картофельное пюре и овощи...

■ Одно из самых популярных блюд в нашем ресторане — **ПЕЧЕНЬ ПО-СТРОГАНОВСКИ**.

Печень — лучше говяжьую — очищаем от пленки и нарезаем соломкой длиной не менее 4 сантиметра. Обваливаем в муке и обжариваем в топленом масле на раскаленной сковородке.

Затем складываем обжаренную печень в неглубокую кастрюлю. Туда же — слегка обжаренный, мелко нарезанный лук, сметану и — обязательно — сок со сковородки, на которой обжаривали печень. Все это нужно залить стаканом воды (а лучше — мясным бульоном). Тушить — 25–40 минут...

Готовая печень выкладывается на блюдо и сдабривается сметанным соусом, полученным при тушении. Сверху — мелко нарезанная зелень.

Гарнир: отварной, жареный картофель, рис, спагетти...

Пропорции: на 500 граммов печени — полстакана сметаны, 1 стол. ложка муки, 2 головки лука, 2 стол. ложки топленого масла. (Можно добавить острый кетчуп — по вкусу.)

ЭЛЕМЕНТ РИСКА

РИЧАРД ДЕМИНГ

Известие о том, что моего зятя в течение целой недели не будет в городе, встревожило и расстроило меня. Ведь это означало, что до его возвращения моей сестре придется оставаться ночами дома одной и это в то время, как где-то поблизости все еще рыщет наводящий на всех ужас маньяк-убийца. Я как раз обедал у них в воскресенье, когда Лайл мимоходом упомянул о своем предстоящем отъезде в Чикаго.

— Надолго? — спросил я.

— Вернусь в следующий понедельник.

— Значит, на целых семь дней! — воскликнул я так громко, что маленький Тод от неожиданности уронил полную ложку картофельного пюре с подливкой на поднос своего деревянного детского креслица. — Так ты собираешься оставить Маргу одну на целых семь дней!

— Ничего, защитник у меня найдется. Разве вы забыли про Тода? — улыбнулась Марта.

— Да уж, защитник что надо. — Моему племяннику-тезке было ровно два с половиной года.

Мальчуган, восседавший на своем высоком деревянном стульчике между мною и сестрой, взглянул сначала на меня, а потом на свою мать и спросил.

— А почему дядя Тод так громко кричит?

— Потому что у него очень живое воображение, — ответила моя сестра.

Дело, однако, было вовсе не в живости моего воображения. Псих-извращенец, получивший прозвище Нейлонового Убий-

цы, задушил уже шесть женщин в Сент-Луисе. Он душил их с помощью их же собственных нейлоновых чулок, и, кстати сказать, его пример оказался заразительным. В Канзас-Сити и Чикаго появились подражатели, и на счету у каждого из них уже было по одной жертве. Все шесть женщин, задушенные в Сент-Луисе, были молоды и привлекательны. Все были замужем, но в вечер убийства их мужья отсутствовали. В двух случаях они куда-то уехали из города, остальные же четверо просто отлучились из дому поздно вечером.

Маньяк действовал всегда по одному и тому же сценарию. Проникал в дом, когда жертва уже засыпала, отыскивал пару чулок, которые жертва носила накануне, душил ее с помощью одного чулка, а другой уносил с собой. Следов изнасилования ни в одном случае обнаружено не было, как, впрочем, и отпечатков пальцев убийцы. Поэтому полиция пришла к заключению, что он действует в перчатках. Единственным человеком, давшим свидетельские показания по этому делу, была соседка одной из жертв, заметившая, как какой-то мужчина в ночь убийства выходил из их дома.

К сожалению, она видела его лишь со спины при свете луны. Жертва и ее муж жили на нижнем этаже небольшого коттеджа на две семьи, а свидетельница занимала верхний этаж. В половине третьего утра свидетельница спустилась вниз, чтобы впустить в дом свою жалобно мяукавшую кошку, и открыв дверь черного хода, увидела мужчину, который как раз выходил из ворот позади дома в темный переулок. На нем был черный свитер, темные брюки и такая же кепка. По словам соседки, рост его составлял приблизительно шесть футов, вес — примерно 180–200 фунтов.

Я слегка наклонился вперед, стараясь подчеркнуть важность своих слов.

— Послушай, Лайл. Я слежу за этим делом с самого первого убийства, и мне известны кое-какие подробности, о которых широкая публика не знает. Полиция просила журналистов не писать об этом, чтобы не сеять панику, но дело в том, что осмотр дверных замков нескольких жертв позволяет утверждать, что убийца мастерски пользуется отмычками. Оказывается, отмычки оставляют царапины на замке, которые можно обнаружить под микроскопом.

Марта взглянула на мужа. Лайл нахмурился.

— Может быть, стоило бы поставить на двери засовы, — задумчиво проговорил он, — но мне нужно быть в аэропорту рано утром, еще до того, как откроются хозяйственные магазины. У тебя найдется завтра время купить и установить на дверях пару засовов?

— Время я, конечно, найду, но проблему это, к сожалению, не решает. У одной из убитых женщин двери были как раз заперты на засов, но Нейлоновый Убийца с помощью алмаза вырезал небольшой кружок стекла у самой оконной задвижки. В газетах тогда писали, что он проник через окно, разбив стекло. Полиция опасалась, что, если публика узнает о том, как ловко он орудует отмычками и алмазом, поднимется паника. Кое-кто из неранных

женщин вполне мог бы со страху пристрелить своего мужа, подвоз возвращающегося домой. Кстати, твою поездку никак нельзя отменить?

— Это деловая поездка. Меня ведь фирма посылает. В Чикаго состоится очередная выставка-продажа электронного оборудования. Там будут представлены самые последние образцы.

Лайл служил агентом по снабжению в фирме по продаже электроники. Работа была связана с командировками, но краткосрочными, на день-два, не больше. Кроме того, вечерами он подрабатывал ремонтом телевизоров, так как сразу после армии закончил заочные курсы телевизионных техников, организованные для уволенных в запас военнослужащих.

— Тогда я перееду сюда и останусь, пока ты не вернешься, — решительно заявил я.

Лайл пожал плечами.

— Не возражаю, только учти, что тебе придется ночевать в гостевой на диване.

— Репортерам не привыкать спать где придется, — ответил я.

— Ты останешься у нас погостить, дядя Тод? — спросил мой маленький племянник.

— Да, малыш, погощу у вас недельку.

— Конечно же, мне будет спокойнее, если ты поживешь здесь, хотя не думаю, что этот тип остановит свой выбор на мне. До сих пор он предпочитал наносить визиты только хорошеньким женщинам.

Вскинув бровь, мой зять убежденно заметил:

— Ты у меня самая что ни на есть хорошенькая, детка.

Марта ласково улыбнулась ему. Если у нее и не было оснований сомневаться в искренности Лайла, она прекрасно знала, что кроме него вряд ли кто-нибудь еще назовет ее хорошенькой.

Должен признаться, что, несмотря на всю мою любовь к младшей сестре, я поначалу был удивлен этим браком, но затем узнал некоторые подробности их романа...

Марта работала медицинской сестрой в психиатрическом отделении военного госпиталя в Форт Орд, когда рядовой Лайл Бартон был доставлен туда из Вьетнама с диагнозом "нервное перенапряжение в результате продолжительных боевых действий". У него было также легкое ранение, но ко времени приезда в Форт Орд он уже полностью оправился от него.

Как свидетельствует практика, больные с психическими травмами особенно нуждаются в любви, понимании и сочувствии. По словам Марты, пациенты, с которыми работают психоаналитики, как правило, привязываются к своим докторам, как к родителям, или влюбляются в них.

Когда Лайл поступил в госпиталь, его лечащий врач-психиатр после осмотра пришел к заключению, что этот пациент нуждается лишь в отдыхе и транквилизаторах, но никак не в серьезном лечении. Марта была его постоянной медицинской сестрой.

По секрету она рассказала мне, что понимала психологические причины, которые побудили Лайла поверить в то, что он любит ее. Подобные случаи с нею, кстати, уже случались в прошлом, но влюбленные пациенты вылечивались от своей навязчи-

вой привязанности, как только приходило время покидать госпиталь. Однако на этот раз Мартой владело какое-то странное и тревожное предчувствие, что отношение к ней Лайла не изменится после того, как состояние его здоровья улучшится.

Когда Лайла выписали из госпиталя и одновременно с почетом и льготами демобилизовали из армии, он признался Марте в любви. К этому времени Лайлу исполнилось двадцать шесть лет, столько же было и Марте, и она полагала, что это уже достаточно зрелый возраст для принятия ответственных решений, однако опасалась, что все это может оказаться лишь чересчур затянувшимся "больничным" романом между пациентом и медсестрой, и потому хотела, чтобы Лайл хорошенько подумал еще какое-то время.

У Лайла не было родителей, но дядя и тетка, воспитавшие его, по-прежнему жили в штате Висконсин. Перед демобилизацией ему полагался отпуск, и Марта настояла на том, чтобы он навестил их. Она заявила, что если по истечении тридцатидневного срока он по-прежнему будет уверен в своих чувствах, они поженятся.

Он вернулся в Форт Орд на двадцать девятый день, а через неделю они поженились.

Лайл закончил только среднюю школу. Образовательная программа, принятая для демобилизованных из рядов армии, давала ему право бесплатно посещать занятия в колледже, получая кроме того еще двести долларов в месяц, но он предпочел идти работать и устроился в гарнизонную лавку.

Марта не стала настаивать на продолжении учебы в колледже, однако считала неразумным отказываться от полагающихся ему по закону ветеранских льгот. Именно по совету Марты Лайл и поступил на курсы телевизионных техников, тем более что электроника всегда интересовала его.

Он как раз заканчивал курсы, когда Марта уволилась из госпиталя, так как была беременна. В Орде их больше ничто не держало, и они решили переехать в Сент-Луис, где Лайл мог бы найти себе более приличную работу. Пока он подыскивал себе место, они жили у меня. Я отдал в их распоряжение спальню в моей холостяцкой квартире, а сам перебрался в гостиную на диван.

Лайл быстро обнаружил, что работа по ремонту телевизоров приносит неплохой доход лишь в том случае, если у тебя есть своя мастерская. Никто не собирался платить приличные деньги помощнику. Поэтому он расширил сферу своих поисков и почти сразу же отыскал себе работу в отделе снабжения одной из крупнейших фирм по продаже электронного оборудования в Сент-Луисе.

Лайл и Марта прожили у меня всего лишь месяц. За это время Лайла дважды повышали по службе, и они смогли купить коттедж с двумя спальнями на Беллерайв Бульвар в южной части Сент-Луиса.

Лайл все еще страдал некоторой эмоциональной неустойчивостью, но это никак не влияло ни на его работу, ни на семейную жизнь. Лишь раз в год ему следовало являться в Джефферсонов-

ский ветеранский госпиталь для освидетельствования, чтобы получить надбавку к пенсии.

Насколько я мог судить, они были так же влюблены друг в друга, как в тот день, когда Марта привезла Лайла в Сент-Луис. Это подтвердила и сама Марта в первый же вечер моего пребывания в их доме после отъезда Лайла.

Тод был уже в постели, а мы сидели в гостиной, вышивали и дружески беседовали. Спиртное развязало Марте язык, и она поведала мне некоторые вещи о своих отношениях с Лайлом, о которых прежде молчала. Началось с того, что я невзначай спросил ее, улучшается ли эмоциональное состояние Лайла. Она так долго молчала, прежде чем ответить, что я невольно насторожился и внимательно посмотрел на нее.

— Думаю, на это вряд ли стоит рассчитывать, — наконец произнесла Марта. — Я ведь была его медсестрой и, естественно, хорошо знакома с историей его болезни. У Лайла были определенные проблемы с психикой еще до армии. Если хочешь знать, ему пришлось провести целый год в психиатрической больнице в Висконсине.

— И с каким же диагнозом?

— Легкая форма шизофрении.

— Шизофрении? — недоверчиво переспросил я.

— Думаю, среди твоих знакомых найдется с десяток людей, которых ты считаешь совершенно нормальными, но которые, тем не менее, обладают шизофреническими наклонностями. В этом нет ничего необычного, — нахмурилась Марта.

— А если произойдет ухудшение?

— Это маловероятно. Впрочем, так же, как и то, что наступит кардинальное улучшение. Просто нужно привыкнуть жить с человеком, который время от времени замыкается в своем собственном, одному ему принадлежащем мире.

— Не пойми меня превратно, детка, ты ведь знаешь, я очень хорошо отношусь к Лайлу, но все-таки скажи мне, как получилось, что зная о его диагнозе, ты все-таки вышла за него замуж?

— Просто я люблю его.

— Это не ответ. Ты не считаешь, что твое замужество — очень рискованный шаг?

— Ты прав. Я действительно думала о риске... Но ведь и Лайл тоже полюбил меня...

Я удивленно поднял бровь.

— А какое это имеет отношение к элементу риска, о котором мы ведем речь?

— В общем-то никакого, — пожала она плечами, — но ведь Лайл был единственным мужчиной, который ухаживал за мной... Дело вовсе не в том, что изголодавшаяся по любви старая дева бросилась на первого попавшегося мужчину. Уверю тебя, даже если бы я была первой красавицей госпиталя, все равно не устояла бы перед Лайлом. Он самый красивый, самый чудный, самый обаятельный мужчина, которого я только видела в жизни. Ты еще никогда никого по-настоящему не любил, Тод, — мягко добавила Марта. — Я не перестала бы обожать Лайла, даже если бы он превратился в бешеного маньяка. Я бы все на свете для него сделала.

Нервно передернув плечами, я предложил:

— Может, переменим тему разговора? Какой смысл его продолжать. Ты любишь Лайла, мне он нравится. Мы только построимся. Выпьем на посошок?

— Думаю, не повредит. А, впрочем, может, и не стоит. Уже почти одиннадцать, а тебе завтра рано вставать.

— Да я больше шести часов вообще никогда не сплю. Так что еще один стаканчик будет нам обоим как нельзя более кстати.

Отправившись на кухню, я поставил пустые стаканы на стойку рядом с раковиной, повернулся к холодильнику, чтобы взять лед, и внезапно замер от удивления. Из окна над раковиной мне хорошо была видна тыльная сторона дома, расположенного напротив через переулок. В освещенном окне спальни на третьем этаже я увидел отменно сложенную раздевающуюся блондинку. Красотка была женщиной аккуратной и потому раздевалась, не торопясь. Сначала повесила платье на плечики и отнесла его в шкаф. Потом, сняв чулки, исчезла из виду на некоторое время и появилась снова без чулок, но все еще в комбинации.

Дальнейший процесс раздевания не занял много времени, а когда Марта, озабоченная моим долгим отсутствием вошла на кухню, блондинка уже стояла посередине спальни в чем мать родила.

Марта не была ханжой и только расхохоталась, увидев, чем я занят.

— И ты тоже? — воскликнула она. — По крайней мере раз в неделю я ловлю Лайла за этим же занятием.

— Она что, вообще никогда шторы не опускает? — поинтересовался я, не сводя глаз с белокурой красотки.

— Только по выходным. Дело в том, что ее муж всю неделю работает в ночную смену. Так что, думаю, по субботам и воскресеньям шторы опускает именно он. Я как-то перебросилась с ней парой словечек, и насколько могла понять, она очень любит своего мужа и вовсе не ищет приключений на стороне. Так что мы с Лайлом решили, что она просто забывает опустить шторы или же ей наплевать, видит ее кто-нибудь или нет.

Внезапно свет в спальне погас. Я вспомнил, зачем пришел на кухню и принялся смешивать виски с содовой.

На следующее утро по дороге на работу меня вдруг кольнула беспокойная мысль. Накануне я сообщил в редакции, что всю эту неделю буду жить у сестры, на тот случай, если неожиданно понадобится ночью для срочного задания. Значит, мне придется оставить Марту с Тодом одних. Разумеется, такие вызовы случались не часто. И тем не менее. Я решил установить засовы на наружной и внутренней дверях и, возвращаясь с редакционного задания, зашел в хозяйственный магазин и купил два засова.

После работы я отправился сразу к Марте и в пять был уже на Беллерайв Бульвар. Маленький Тод катался по дорожке на своем трехколесном велосипеде, а Марта сидела на крыльчке, приглядывая за ним.

Поднявшись по ступенькам, я приоткрыл пакет, показывая Марте свои приобретения.

- На случай, если меня вызовут ночью и вам придется остаться одним, я решил-таки выполнить просьбу Лайла и поставить ясы на двери. Где Лайл хранит свои инструменты?

- В мастерской в подвале.

Войдя в дом, я снял пальто и галстук, повесил их в шкаф, а потом спустился в подвал. Часть его, отделенная перегородкой, служила Лайлу мастерской. На стене над длинным верстаком висели различные инструменты: от всевозможных молотков и молоточков до набора кусачек и пассатижей.

На верстаке разобранный телевизор, на полу я увидел еще два.

Я выбрал отвертку подходящего размера и стал открывать ящики в поисках дрели. В верхнем среди столярных инструментов я обнаружил ручную дрель и сверла. Разумеется, можно было использовать их, но я не сомневался, что у Лайла где-то должна быть и электродрель.

В одном из нижних ящичков лежала только небольшая кожаная сумка и металлическая коробка. Убедившись в том, что коробка запечатана, я открыл сумку. В ней было пять предметов: необычайно тонкие клещи, алмаз для резки стекол, маленький резиновый колпачок - присоска с прикрепленным к нему металлическим кольцом, в которое можно было всунуть палец, пара черных лайковых перчаток и какая-то длинная тонкая штука - она из упругой стали.

Я принялся размышлять над предназначением последнего предмета, а также колпачка-присоски. Сначала я догадался, для чего служит длинная штука - она из упругой пружинистой стали. Это была отмычка. А потом в голову мне пришла и разгадка назначения колпачка-присоски. Если прижать его к оконному стеклу, а потом вырезать кружок стекла с помощью алмаза, присоска не позволит вырезанной части упасть на пол внутри помещения.

Находка поначалу озадачила меня. Зачем мог понадобиться Лайлу этот малый джентльменский набор взломщика-профессионала?

Что именно заставило меня попытаться с помощью отмычки открыть металлический ящик, сказать трудно. Была ли это интуиция, какое-то подсознательное подозрение или просто мое репортерское любопытство, не знаю. Во всяком случае я попытался это сделать, и так как замок был очень простой, мои старания довольно скоро увенчались успехом.

В ящике не было ничего, кроме восьми нейлоновых чулок.

Это уже вряд ли можно было назвать скудными и случайными уликами. Страшные сомнения нахлынули на меня, но я искренне любил Лайла и потому сразу же попытался рассеять их. Но следовало найти иное, более безобидное объяснение своей находке.

Я внимательно рассмотрел чулки. По крайней мере, у четырех из них не было пары. Один был длиннее всех прочих, другой короче, а два не подходили ни к одному из остальных по оттенку. Прочие четыре были одного оттенка и размера, так что они вполне могли быть двумя парами, но с той же долей вероятности это могли быть отдельные чулки из четырех похожих пар.

У меня оставалась последняя надежда: ведь чулок было восемь, тогда как убийств было совершено всего лишь шесть. Но затем я вспомнил об одном убийстве, совершенном в Канзас-Сити и одном в Чикаго. Полиция полагала, что это было делом рук местных психов, которым не давали покоя лавры Нейлоновой Убийцы.

Но ведь Лайл периодически ездил по делам в оба эти города. Следовало узнать, находился ли он там в то время, когда были совершены убийства.

Однако необходимо было проявлять сугубую осторожность и ни в коем случае не торопиться с выводами. Прежде чем обратиться в полицию, я должен быть абсолютно уверен в виновности Лайла. Но и полиция должна гарантировать мне полную анонимность. Я не хотел, чтобы моя сестра жила с маньяком-убийцей, но еще меньше мне хотелось, чтобы она вычеркнула меня из своей жизни. А я знал, даже если Лайл и совершил все эти преступления, Марта никогда не простит мне выдачу его властям.

К счастью, у меня было время для тщательной проверки, до возвращения Лайла оставалось еще шесть дней.

Я снова положил нейлоновые чулки в металлическую коробку и с помощью отмычки запер ее. Потом стал просматривать содержимое остальных ящичков, пока не нашел электродрель, поднялся наверх и установил два дверных засова.

Во время ужина я, будто невзначай, спросил у Марты.

— А Лайл, значит, довольно часто ездит в Чикаго, да?

— Нет, всего раза два в год. В прошлый раз он был там на день Благодарения. Да ты ведь помнишь?

— Припоминаю, — ответил я. — И его последняя поездка в Канзас-Сити пришлась на какой-то праздник?

— Нет, он был там прошлым летом, примерно в середине июня.

Больше никаких вопросов я в этот вечер не задавал.

На следующее утро, едва приехав в редакцию, я сразу же отправился в подвал, где хранились подшивки газет.

Убийство в Канзас-Сити произошло в среду 16 июня прошлого года. Чикагское — в пятницу 26 ноября, сразу после дня Благодарения.

Я поднялся в отдел городских новостей, сел за свой письменный стол и позвонил доктору Сэму Картеру.

Сэм был одним из самых преуспевающих психиатров в нашем городе, и гонорар его составлял сотню долларов за консультацию, но в годы нашей студенческой юности, когда он учился на медицинском, а я на журналистском факультете Вашингтонского университета, мы были с ним не разлей вода, но и теперь довольно часто встречались и оставались добрыми друзьями.

Когда я дозвонился до него, он заявил, что сможет увидеться со мной только вечером. Но когда я сказал, что дело очень срочное, он пообещал отменить первую утреннюю консультацию и ждать меня в своем кабинете ровно в девять.

Я прибыл в офис минута в минуту, и его секретарша сразу же провела меня в его кабинет. Указав на удобное кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом, Сэм произнес:

— Садись, Тод. Или, быть может, приляжешь на кушетку?

— Я пришел к тебе вовсе не по поводу собственного здоровья. Просто хочу кое о чем спросить у тебя.

— Валяй. Спрашивай.

— Скажи, — начал я, — допускаешь ли ты возможность того, что Нейлоновый Убийца состоит в счастливом браке, является любящим отцом и обожает свою жену?

На лице Сэма появилось выражение живого интереса.

— Вполне допускаю. Бывали случаи, когда, казалось бы, совершенно нормальные люди, счастливые в браке, оказывались сексуальными маньяками. Лично я полагал, что Нейлоновый Убийца — человек одинокий, но вполне вероятно, что он как раз такой тип, какого ты только что описал.

— Хорошо, тогда следующий вопрос. Парень, который, как я подозреваю, и есть Нейлоновый Убийца, хранит чулки, парные тем, с помощью которых душил свои жертвы, у себя дома в запертом металлическом ящике. Почему он так поступает?

Сэм пожал плечами.

— Я — психиатр, а не ясновидящий. Здесь можно лишь строить предположения. Не исключено, что это для него вроде своеобразного списка побед, может быть, какой-то фетиш... А возможно, он собирает чулки просто для того, чтобы набить ими подушку.

— По-моему, не ту ты себе профессию выбрал, — обиженно проговорил я, — тебе бы комиком на сцене работать. Ладно. Можешь оказать мне одну услугу?

— Разумеется, если это не идет вразрез с законом и не нарушает врачебную этику.

— Ни в коей мере. Но хочу предупредить тебя. То, что я сейчас скажу, носит абсолютно конфиденциальный характер.

Он кивнул.

— Почти все, что я слышу в этом кабинете, носит конфиденциальный характер.

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Я считаю, что Нейлоновый Убийца — Лайл Бартон.

На лице Сэма отразилось изумление.

— Ты имеешь в виду мужа Марты?

— Угу.

— А на чем, собственно, основывается это невероятное предположение?

Я подробно рассказал ему все, и про психическое заболевание Лайла тоже.

Когда я закончил свой рассказ, Сэм уже не выглядел изумленным. Задумчиво глядя перед собой, он спросил:

— О какой услуге ты собирался меня попросить?

— Я хотел, чтобы ты просмотрел историю болезни Лайла. Поскольку он проходит ежегодный осмотр в местном ветеранском госпитале для получения надбавки, полагаю, у них должны быть выписки из его армейских медицинских освидетельствований. Тебе, как психиатру, будет гораздо легче получить к ним доступ, чем мне.

— Нет проблем. Я ведь состою у них в штате. Думаю, в истории его болезни имеются не только результаты его армейских меди-

цинских освидетельствований, но и подробные выписки о состоянии его здоровья из висконсинской психиатрической больницы, где он лечился. Ветеранский госпиталь почти наверняка потребовал все эти бумаги.

— Когда ты сможешь побывать там?

— Только вечером. Больше отменять консультаций сегодня я не смогу, а последний пациент записан на пять часов.

— Особой спешки нет, в запасе еще пять дней. Сможешь позвонить домой к Марте после того, как вернешься из госпиталя?

— Мне понадобится некоторое время, чтобы поразмыслить над этими записями. Лучше встретимся утром.

— Хорошо, — согласился я, — но мне не хочется, чтобы ты из-за меня потерял еще одного пациента. Сможешь встать пораньше и быть здесь завтра в восемь утра?

— Если сможешь ты, смогу и я. Чего не сделаешь для друга!

Во вторник утром мы с Сэмом приехали в его офис одновременно. Я снова уселся в кожаное кресло, а он за свой письменный стол, сложив руки на животе.

— В истории болезни Лайла имеются некоторые любопытные детали, — начал он, — известно тебе, что его отец задушил мать, а потом пустил себе пулю в лоб?

— Марта никогда об этом не упоминала, — удивленно прошептал я. — Когда это произошло?

— Лайлу было двенадцать. В беседе с психиатром в висконсинской больнице он заявил, что, по его мнению, мать вполне заслужила такую смерть. Он ненавидел ее и обожал отца. Мать его была очень красивой женщиной, но постоянно обманывала мужа, изменяя ему. Судя по всему, Лайл узнал о ее многочисленных связях еще в раннем возрасте. Насколько я понял из записей бесед с ним, мать не очень-то от него все и скрывала, но угрожала избить до смерти, если он расскажет об этом отцу. Он никогда не рассказывал, но однажды нарочно не упомянул матери о телефонном звонке отца, надеясь, что тот вернется домой неожиданно для нее и узнает о ее изменах. Отец звонил из другого города и сообщил, что вернется на сутки раньше, чем его ждали. Лайл утаил от матери этот звонок, и отец, вернувшись в полночь, застал свою жену в постели с другим.

— И убил ее?

— Нет, не тогда. Он вышвырнул любовника за дверь, ушибил в доме дебош и ударился в жуткий запой. Где-то беспорядочно пролежал пять дней, а потом, все еще пьяный, вернулся домой, задушил жену и застрелился.

— И у Лайла появился комплекс вины, поскольку именно себя он считал виновником этой трагедии?

Сэм скептически взглянул на меня.

— У вас, доморощенных психологов, только одни комплексы вины на уме. Вы почему-то считаете, что у любого человека с психическими отклонениями обязательно должен развиться комплекс вины. Ни отчеты висконсинских психиатров, ни гораздо более краткие записи армейских медиков и врачей госпиталя для ветеранов не дают ни малейших оснований для того,

чтобы заподозрить у Лайла хоть какие-то намеки на комплекс инвы по поводу смерти родителей. Он очень горевал по отцу, но шнил в его кончине не себя, а мать. И был едва ли не счастлив, что, пусть хотя бы косвенно, способствовал ее гибели.

- Ладно, если это не комплекс вины, то что же тогда?

- Скорее всего, сложная гамма эмоций. Разобраться здесь не так-то просто, но ясно одно – он испытывает недоверие к красивым женщинам. Рискну задеть твои родственные чувства, но вполне возможно, что именно поэтому он выбрал Марту. Должно быть, полагал, что уж она-то никогда не обманет его.

- Вряд ли удастся задеть мои родственные чувства. Для тебя ведь, наверное, не секрет, что никто из Коннеров ни разу не побеждал на конкурсах красоты. Значит, все дело в том, что он ненавидит красивых женщин? Каждый раз, когда он убивает одну из них, то воображает, что убивает свою мать, верно?

Сэм снова скептически взглянул на меня.

- Я этого вовсе не говорил. Тод. Вот если бы я провел с ним с полдюжины сеансов психоанализа, тогда, быть может, и сумел бы выяснить мотивы его поведения, разумеется, если он и в самом деле Нейлоновый Убийца. Но я не умею ставить диагнозы на расстоянии. Возможно, твоя догадка верна, но пока это просто догадка. Кстати, с точки зрения психологии, я вижу в твоей теории одну неувязку. Допустим, в каждой избранной им жертве Лайл видит свою презираемую мать, но ведь тогда эти жертвы должны быть не только красивы, но и неверны своим мужьям?

- Быть может, так оно и есть, – после некоторого раздумья ответил я, – во всяком случае все они были замужем.

Сэм пожал плечами.

- А откуда Лайл знал про их неверность? До сих пор никакой связи между жертвами не установлено. Как могло случиться, что он встретил шесть молодых привлекательных женщин, не знавших друг друга, и пришел к заключению, что все они настаивают рога своим благоверным?

И тут неожиданно меня осенило.

- Он побывал у них, ремонтируя телевизоры.

- Извини, не понял...

- Вечерами Лайл подрабатывает, ремонтируя телевизоры. Возможно, эти женщины были его клиентками. И, быть может, все они заигрывали с ним. Такого мужчину ни одна охотница за браками не пропустит. Он сложен, как гладиатор, а лицо у него, как у голливудской звезды.

Сэм поджал губы, потом снова пожал плечами.

- Почему же он не убивал их, когда они заигрывали с ним?

- Должно быть, удобного случая не было, – ответил я, поднимаясь с кресла. – Ладно, спасибо тебе. Я прямо сейчас пойду к сержанту Бурмейстеру.

Сержант Фриц Бурмейстер был детективом, который вел дело Нейлонового Убийцы. Я застал его в офисе отдела по расследованию убийств. Здоровенный мужчина лет пятидесяти с постоянно кислым выражением лица, весьма типичным для старых полицейских, специализирующихся на расследовании тяжких преступлений.

— А-а, привет, приятель, — поздоровался он со мной без особого энтузиазма, — присаживайся и дай отдых своим старым костям.

Усевшись на стул, стоявший перед его столом, я начал беседы:

— Скажи-ка, хотел бы ты наконец разобраться с Нейлоновой Убийцей?

— Еще бы, — сержант настороженно посмотрел на меня.

— Могу дать хорошую наводку. Это, конечно, не сто процентов, но, вероятность очень большая. Однако у меня есть условия...

— Ну, разумеется, — нетерпеливо перебил Фриц, — у тебя будет эксклюзивное право освещать это дело.

Я покачал головой.

— Нет, вовсе не это. Я хочу получить гарантию того, что ты никогда и никому не раскроешь, от кого получил эту наводку, и не станешь вызывать меня в качестве свидетеля в суд.

Он удивленно поднял брови.

— А нам не нужны будут твои показания, чтобы доказать вину подозреваемого?

— Нет.

— Тогда ладно. Обещаю.

Я рассказал ему все, что мне было известно.

На следующий день сержант Бурмейстер вновь вызвал мужей всех шести жертв. Трое из них сообщили, что в их доме действительно побывали телевизионные техники. В двух других случаях вызовы, к сожалению, были сделаны женами, и мужей во время визита не было, так что они понятия не имели, кого вызвали. Эти двое мужей, жены которых были убиты во время их отсутствия, имели работу, связанную с постоянными разъездами. Они ничего не знали о ремонте телевизоров в своем доме, но оба считали вполне вероятным, что их жены вызывали техников и просто забыли им об этом сообщить. Шестой вызванный решительно утверждал, что никакого телевизионного техника у него дома не было, но муж жертвы, который сделал вызов сам, сообщил, что вызывал именно Лайла Бартона, и в качестве доказательства предъявил погашенный чек.

Уже после ареста Лайла власти призвали откликнуться тех лиц, которые выполнили работы по ремонту телевизоров в тех двух домах, где мужья не знали, кого наняли их жены для этой цели. Этот призыв остался без ответа. Однако все по порядку.

В пятницу сержант Бурмейстер нагрянул к Марте с ордером на обыск. Чтобы не выдать меня, он объяснил ей, что явился к ним в дом, так как ему стало известно о визите Лайла в связи с ремонтом телевизора к одной из жертв Нейлонового Убийцы.

Возможно, добавил он, что Лайл побывал также и у других жертв, а потому полиция хотела бы ознакомиться с записками в его рабочем журнале. В то же время помимо права на просмотр этих записей, ордер давал санкцию на обыск помещения с целью обнаружения орудий, которые могли бы быть использованы для

незаконного проникновения в дома жертв, а также предметов, незаконно изъятых в указанных жилищах.

Марта, разумеется, была немало озадачена и взволнована обыском, однако ей и в голову не могло прийти, что всем этим она обязана мне.

Кожаная сумка и металлическая коробка нашлись именно там, где я и указал сержанту, но в записях Лайла не было ни намека на то, что он в качестве телевизионного техника побывал в доме у какой-нибудь жертвы убийцы. Кроме того случая, о котором Бурмейстер уже знал.

Шесть чулок, найденных в металлической коробке, как две капли воды походили на те, с помощью которых совершались убийства. Эксперты из полицейской лаборатории заявили о невозможности с абсолютной точностью утверждать, что они составляют пары, так как таких чулок выпущены миллионы, тем не менее вероятность весьма высока. Два других чулка были отправлены соответственно в Канзас-Сити и Чикаго.

В понедельник днем Лайла арестовали прямо у трапа самолета, прилетевшего из Чикаго.

На Марту было жалко смотреть. Я всерьез опасался за ее психику и потому решил пока не возвращаться домой, а пожить у нее.

Я, естественно, не освещал эту историю в газете, так как она касалась моего близкого родственника, однако держал связь с Фрицем Бурмейстером, чтобы быть в курсе дела.

Прежде всего сержанта тревожило то обстоятельство, что в записях Лайла зафиксирован визит лишь к одной жертве. Сам Бурмейстер был убежден в том, что Лайл побывал по крайней мере еще в двух домах, где вызовы техника сделали женщины, ставшие затем жертвами Нейлонового Убийцы.

Серьезный удар по позициям Бурмейстера нанесли сообщения, пришедшие из Канзас-Сити и Чикаго. Ни один, ни другой чулок не подошел под пару тем, которыми были совершены преступления в этих городах. Установили также, что Лайл вернулся в Сент-Луис из Канзас-Сити за день до того, как там произошло убийство. Похоже, что первоначальная теория, согласно которой преступления в Канзас-Сити и Чикаго были совершены другими психами, подражавшими Нейлоновому Убийце, оказалась верной, разумеется, при условии, что Лайл и в самом деле являлся Нейлоновым Убийцей.

Тем не менее в общем и целом сержант считал позиции обвинения весьма сильными. Защите предстояло изрядно потрудиться, чтобы объяснить, зачем Лайлу понадобился миниатюрный набор инструментов для взлома, и каким образом в его ящик попали чулки, оказавшиеся точной парой тех, с помощью которых совершались убийства. В результате повторного обыска полиция обнаружила в шкафу Лайла пару черных брюк, черный свитер и шапку того же цвета, то есть ту же одежду, в которой единственная свидетельница видела со спины предполагаемого Нейлонового Убийцу. Когда ей показали Лайла в этой одежде со спины, она не решилась с точностью утверждать, что в ту памятную ночь видела именно его, однако подтвердила, что ростом и сло-

женем Лайл очень напоминает того мужчину. Кроме того, на решение присяжных неминуемо должно было повлиять сообщение о психической болезни Лайла.

Лайл не мог представить алиби на те дни, когда были совершены убийства, и обвинение воспользовалось этим. Разумеется, Марта, не задумываясь, подтвердила бы, что Лайл не покидал дом в эти дни, но сделать этого она не могла. Сейчас объясню, почему.

Тод был еще мал, и Марта большую часть времени оставалась дома с сыном, однако немного подрабатывала в больнице Барвса, подменяя ушедших в отпуск и отгулы медсестер. Она работала только в ночную смену, оставляя ребенка на Лайла.

По странному совпадению, Нейлоновый Убийца совершил свои преступления как раз в те дни, вернее ночи, когда Марта дежурила в больнице. Сержант Бурмейстер, однако, считал, что это никакое не совпадение. Он подозревал, что Лайл специально выбирал те ночи, когда жены не было дома, чтобы незаметно сплутаться для совершения своих преступлений.

К моему немалому облегчению, Марта довольно быстро оправилась после шока, связанного с арестом Лайла. Ко вторнику она уже почти полностью пришла в себя, хотя выглядела еще бледной, измученной и по-прежнему отказывалась принимать пищу. Одна из ее подруг забрала к себе Тода, чтобы дать Марте возможность отдохнуть и успокоиться.

Даже перед лицом веских косвенных улик против мужа Марта яростно отрицала возможность его вины и наняла для его защиты Джорджа Блинкера, лучшего адвоката по уголовным делам в Сент-Луисе.

Я сопровождал Марту на встречу с этим светилом юриспруденции. Блинкер уже беседовал с Лайлом и изучил выдвинутые против него обвинения. Мы должны были обсудить стратегию защиты на начальной стадии процесса. Блинкер, весьма обязательный лощеный мужчина лет сорока пяти, сразу же заявил:

— Улики против вашего мужа, миссис Бартон, носят исключительно косвенный характер, а обвинению необходимо полностью доказать его вину. В нашу же задачу не входит опровержение его вины. Нам достаточно лишь посеять сомнения у присяжных по поводу его виновности.

— Каким образом вы собираетесь это сделать? — спросил я.

— Начнем с так называемого набора "инструментов для алмаза". По крайней мере так его именуют представители обвинения. Мы же считаем, что это — набор инструментов для ремонта электронной аппаратуры. Ваш зять объяснил мне, как следует использовать так называемую "отмычку" для проверки электрических контактов. При этом, кстати, в целях изоляции следует надевать перчатки.

Я заметил, что он ни словом не обмолвился об алмазе и резном колпачке-присоске.

— А как вы собираетесь объяснить то, что он хранил у себя в ящике женские чулки?

— Да в том-то и дело, мистер Коннер, что ничего объяснить мы не обязаны. Это обвинению придется доказывать, что они явля-

ется парными тем, с помощью которых было совершено преступление, и два лишних чулка сделают, на мой взгляд, их задачу совсем не простой. Мы вовсе не обязаны объяснять, почему мой подзащитный хранит дамские нейлоновые чулки в запертом ящике. Меня отнюдь не огорчит, если присяжные посчитают его человеком в высшей степени эксцентричным, я не хочу только, чтобы они считали его убийцей.

Бликер полагал также, что ему удастся поставить под сомнение утверждение обвинения, согласно которому Лайл знакомился с жертвами во время своих визитов в их дом в качестве телевизионного техника. Он надеялся, что сумеет опровергнуть это утверждение в тех случаях, когда имя техника так и не было установлено. Таким образом, доказанным мог считаться лишь один визит Лайла к жертве Нейлоновой Убийцы. Адвокат, однако, надеялся убедить присяжных в том, что это было чисто случайное совпадение.

Суд должен был состояться через шесть недель после ареста, то есть в середине мая. За неделю до этого срока я как раз находился в отделе городских новостей, когда в редакции зазвонил телефон. В южной части города на улице Довер Плейс было совершено убийство. Я вызвался поехать туда и с благословения редактора отправился немедленно.

Лишь добравшись до места, я понял, что Довер Плейс расположена рядом с Беллерайв Бульвар, а дом, который был мне нужен, тыльной своей частью выходил как раз в сторону окон дома Лайла и Марты. В гостиной я застал нескольких человек: двоих полицейских в форме, криминалиста из полицейской лаборатории, мужчину лет тридцати, будто в ступоре сидевшего в кресле, и сержанта Фрица Бурмейстера. Криминалист собирался уходить. Очевидно, он уже закончил свою работу.

Я с любопытством посмотрел на сидящего в кресле человека.

— Муж, — тихо произнес Бурмейстер. — Пройдем-ка наверх.

Я поднялся вслед за ним по лестнице. В той самой спальне, в которую я заглядывал из окна кухни Марты, в прозрачной рубашке на постели лежала та самая блондинка... Лицо у нее было багровым, в ужасных пятнах, а горло туго стягивал нейлоновый чулок...

— Муж обнаружил тело сегодня утром, — устало произнес сержант. — Он работает в ночную смену. Та же старая история. Никаких следов изнасилования, никаких отпечатков. Обе двери снабжены внутренними засовами. Небольшой квадратик аккуратно вырезан из стеклянной рамы двери черного хода около самого засова. Как обычно, второй чулок отсутствует.

Я с трудом оторвал взгляд от тела мертвой женщины.

— Что это может означать для Лайла?

— Снимает с него все подозрения. Как, черт побери, может он быть Нейлоновым Убийцей, если в данный момент сидит в усиленно охраняемой полицией камере?

Это почти конец моей истории. Лайлу принесли соответствующие извинения, и он был выпущен на свободу. Судя по всему, они с Мартой снова счастливы.

Нейлоновый Убийца больше ни разу не совершал своих преступлений. Но в последнее время меня все чаще посещает одна и та же мысль. Я вспоминаю слова Марты: "Я не перестала бы боготворить Лайла, даже если бы он превратился в бешеного маньяка. Я бы все на свете для него сделала".

Вспоминаю я и то, что в армии Марта прошла курс обучения дзюдо. Час в неделю в течение двенадцати недель. Так, по-моему, она сказала. Этого, разумеется, недостаточно, чтобы получить черный пояс, но, должно быть, вполне хватило, чтобы справиться с женщиной, лишь ненамного крупнее ее самой. Что я могу еще добавить?

Алмаз для резки стекол может приобрести всякий. Они продаются в любом хозяйственном магазине.

Марта больше не работает в больнице в ночную смену. Теперь она дежурит только днем и на эти часы нанимает для Тода проходящую няню.

В последний раз, когда я ужинал у них, маленький Тод повел меня в подвал, желая что-то показать. Перегородка там была снесена, и от мастерской по ремонту телевизоров не осталось и следа.

Я побоялся спросить, почему Лайл перестал заниматься ремонтом телевизоров, но почти не сомневаюсь, что на этом настаивала Марта. Чтобы помочь ему избежать возможных искушений в будущем?..

Перевод с английского АЛЕКСАНДРА ЗУБНОВА.

✓
Оденьте чучело в платье самого последнего фасона и сами станьте рядом в простой одежде и посмотрите, кому поклонятся раньше — чучелу или вам.

ИРИНА САВЕЛЬЕВА

БЕСПОЩАДНЫЙ ДИАГНОЗ

ему и возраст не помеха.
**Ежедневно 100 россиян
заболевают этой
страшной болезнью.**

Слово к добропорядочному гражданину

Возможно, вас не впечатляют эти цифры. Вы даже можете сказать — и будете в том совершенно правы — что за год в стране куда больше народа погибает в автомобильных катастрофах. Что проблема СПИДа для россиян не настолько актуальна, как для других, и по своей остроте стоит на 20-м, а может быть, и на 35-м месте в их непро-

808!

стой сегодняшней жизни. Главный же довод, который чаще всего приводят, отмахиваясь от "надоевшей" темы: "Ну, сколько можно об этом говорить и писать! Все это уже давно не любопытно. Во всяком случае **для нас**, людей добропорядочных — не вступающих в случайные половые связи, не наркоманов, не гомосексуалистов; людей достаточно просвещенных и потому зорко контролирующих, чтобы обслуживающие нас и наших близких медики использовали только одноразовые инструменты. Так что проблема СПИДа из **нашей** жизни абсолютно исключена".

Не спешите, читатель, с такими выводами.

Дело в том, что еще в январе этого года случаев ВИЧ-инфекции, зарегистрированных среди российских граждан с 1987 года, было только 2607. Да-да, вы не ошиблись: лишь за первые шесть месяцев 1997 года выявлено 2223 зараженных вирусом — почти столько же, что и за предыдущие десять лет. А к концу текущего года ожидается, что число инфицированных достигнет десяти тысяч. Такой молниеносный рост эпидемии уже давно был предсказан экспертами, но только сейчас стал страшной реальностью. Гром гремит уже вовсю, а мы даже не крестимся.

Первый "удар" раздался в 1987 году, когда в стране были обнаружены отечественные ВИЧ-инфицированные. С самого начала официальная пропаганда с подачи Минздрава внушала общественному мнению, что повода для беспокойства у людей приличных, порядочных нет никакого, поскольку рискуют заразиться "чумой XX века" лишь гомосексуалисты и те, кто неразборчив в своих чувственных связях. СПИД таким образом в восприятии населения был приравнен к вульгарной венерической — "стыдной" — болезни. Правда, в отличие от сифилиса, ко-

торый давно стал излечим, — болезнью смертельной.

О входящих в эту группу риска наркоманах тогда еще не говорили по причине официального "полного отсутствия" наркомании как социального явления. Роковое для общества заблуждение! Информированность о том, что среди наркоманов (пусть даже зарубежных) часты случаи заражения вирусом иммунодефицита человека, наверняка привела бы к пониманию смертельной опасности, тающей в нестерильных медицинских инструментах, и существованию в России такой острой проблемы, как отсутствие одноразовых шприцев. Глядишь, второго удара грома мы избежали бы.

Но он — грянул. И довольно скоро после первого: массовое заражение детей в больницах Элисты, Волгограда и Ростова-на-Дону. Эта чудовищная трагедия пробила брешь в общей успокоенности, в убежденности, что заразившиеся ВИЧ «сами виноваты». Пресса лихорадочно начала писать о «невинных жертвах». Словхватившись, наконец, всем миром принялись решать проблему практически полного отсутствия в стране одноразовых медицинских инструментов, и в первую очередь одноразовых шприцев.

Стали возникать неправительственные организации, ставившие своей задачей не только борьбу с «чумой XX века», но помощь людям, попавшим в трагический оборот этой проблемы, и защиту их от... общества. С большим запозданием, лишь в 1995 году, был принят достаточно либеральный Закон о предупреждении распространения на территории РФ заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека", где сделана попытка обеспечить соблюдение прав больного и запретить его дискриминацию в обществе. Однако практика, как это у нас водится,

ильно отличается от написанного на бумаге, а обыденное сознание инертно. И семьи зараженных детей, и хзвразившиеся по своей вине взрослые часто попадают в положение изгоев, как то происходило и до принятия Закона. Разбитые окна в домах, увольнение с работы, отказ принять в детский сад, бессмысленная травля и изоляция привели к тому, что люди с ВИЧ/СПИДом по-прежнему часто вынуждены прятаться, как преступники, бежать из родных мест, или, если диагноз удастся сохранить в тайне, носить свою боль в себе, не решаясь поделиться данне с самыми близкими.

В третий раз гром грянул совсем недавно: в течение 1996 года количество новых случаев ВИЧ-инфекции было уже почти в десять раз больше, чем в предыдущий, 95-й год. Впервые официальные лица из Минздрава и Госсанэпиднадзора произнесли страшное слово: эпидемия.

Причем большая часть заражений теперь приходится не на Москву и Санкт-Петербург, достаточно уже медицински оснащенные и просвещенные. А на Калининград, Краснодарский край, Ростовскую и Тверскую области, Нижний Новгород, Саратов — регионы, не подготовленные должным образом и зазеванной их внезапной эпидемической волне. Из 89 субъектов Федерации в России не поражены только 18. Основную часть новых пациентов с ВИЧ-инфекцией составляют молодые люди двадцати-тридцати лет, которые заразились через употребление инъекционных наркотиков либо были половыми партнерами наркоманов.

Ну и что? — спросит кто-то. — Этот факт — эпидемический рост числа ВИЧ-инфицированных, конечно, весьма неприятен. Даже тревожен для тех, кто ответствен за судьбы государства, и для медиков. Но

каким же образом это может коснуться лично меня, **добропорядочного обывателя?!**"

Поясню. Во-первых, человеческая психика устроена таким образом, что мы бываем осторожны и осмотрительны лишь в том случае, когда опасаемся того, что осознаем как **реальную угрозу** своему здоровью, жизни и благополучию. Во-вторых, потребители инъекционных наркотиков, "благодаря" которым мы говорим сегодня уже об эпидемии СПИДа, — это люди, как правило, мало озабоченные своим здоровьем и не доверяющие государственной системе, ставящей их вне закона. Выявлять в их среде носителей ВИЧ-инфекции и вести профилактическую работу — задача крайне сложная и деликатная, требующая совершенно нового подхода и методов, нежели раньше. Эта работа сейчас только начинается, и ее успех пока непредсказуем. Что означает: стартовавший в прошлом году эпидемический процесс вряд ли будет вскоре блокирован и остановлен; вероятнее всего, он станет развиваться по закону всех эпидемий — в геометрической прогрессии. И отгородиться от проблемы не удастся, потому что уже завтра большинство из нас будет лично знать кого-то, кто носит в себе страшный вирус. Более того, среди ВИЧ-инфицированных может оказаться кто-то для вас незаменимый, от кого вы не сможете отречься и забыть. Сын, сестра, лучший друг, а может быть, любимый актер или спортсмен.

Послушайте этих людей, кто несет в себе такую трагедию уже сегодня, сейчас. Как они живут? Какое измерение приобретает их человеческая драма в контексте повседневности, житейских проблем, работы, отношений с близкими и не близкими людьми? Что помогает им жить?

Монолог первый, мужской: "В один день вся моя жизнь изменилась..."

— Впервые о СПИДе я задумался тогда, когда узнал, что умер певец Фредди Меркьюри. Я никогда особо не увлекался западной музыкой. У моих родителей были пластинки группы "Квин" — ну, лежали себе и лежали. А когда я посмотрел передачу и узнал, что Фредди умер от СПИДа, мне захотелось узнать побольше о нем, что он был за человек. Стал постоянно слушать его песни, смотреть все передачи про него. Из телевизионных программ узнал и о СПИДе, что это "чума XX века", и тогда мне услышал, что как заразился, так сразу и умер, и другого исхода быть не может. О том, что с ВИЧ-инфекцией можно жить, я узнал уже потом.

Все началось в прошлом, 96-м году, когда я вдруг стал плохо себя чувствовать: долго не спадала температура, я сильно похудел, и врачи в районной поликлинике не могли понять причину. Что бы они ни делали, ничего не помогало, температура не спадала. У меня взяли анализы, в том числе на ВИЧ-инфекцию. А через несколько дней позвонила участковый терапевт и сказала, что нужно пересдать анализ крови. Я еще раз сдал кровь, а вскоре мне позвонили на работу из инфекционной больницы и велели срочно явиться к главному врачу. Я — повар, не мог так просто уйти с работы и спросил, в чем, собственно, дело, но они отказались объяснять и лишь сказали: "Чтобы через 20 минут был у нас".

В кабинете главного врача меня уже ждал эпидемиолог. Он начал разговор издалека, сказал, что у меня подозрение на вирус. Я уже и сам догадался, что это за вирус, а врач только к концу разговора признался, что речь идет о ВИЧ-инфекции. Как ни странно, к

этому известию я отнесся спокойно. Мне уже многое было известно об этой болезни, и я даже имел предчувствие, что когда-нибудь она у меня будет: я — бисексуал. Не думал только, что это наступит так скоро.

От врача я вернулся на работу. В тот момент у меня было странное состояние — я еще не осознавал всей серьезности моего положения, но мне необходимо было с кем-нибудь поговорить. Я поехал к своей подруге Светлане. Когда рассказал ей про ВИЧ-инфекцию, она не поверила, подумала сначала, что я шучу, рассердилась даже. А я стал ей все объяснять, и пока объяснял, сам вдруг понял, что со мной произошло и как в один день вся моя жизнь изменилась.

После разговора со Светланой мне почему-то сразу захотелось увидеть своих родителей. Я пошел к ним. Не поехал, как обычно, на троллейбусе, а пошел пешком. Шел и думал, что со мной будет дальше. Раньше хотелось когда-нибудь в будущем создать семью, иметь ребенка — продолжателя рода... А теперь об этом, выходит, надо забыть? Нельзя мне иметь детей. Или все-таки можно? Шел и задавал себе вопросы, и сам на них отвечал — спросить-то больше не у кого. Как я теперь буду работать? Говорить матери или нет? Если да, то как она к этому отнесется? А когда к матери пришел, ничего так и не смог сказать.

Первые проблемы у меня начались спустя несколько дней. Оказалось, что мой терапевт, та самая, которая меня выявила, сообщила не только в инфекционную больницу, но и в санэпидстанцию. Через два дня ко мне на работу — в столовую приехали из санэпидстанции в защитных костюмах и в масках и под видом обычной проверки потребовали показать санитарные книжки всех сотрудников. Потом мне передава-

ли: "Твою нижнюю уж листали, листали, вертели и тан и сяк, чуть ли не с ног на голову переворачивали и буквы задом наперед читали". Выяснили, кто меня взял на работу, кто санитарную нижнюю выдал, где ниву, где раньше работал. Выследили, где работает Светлана, побывали там, таме все проверили. Но больше всего меня взбесило то, что пока Светлана была на работе, они явились к ней домой "посмотреть санитарное состояние квартиры". Маленький сын Светы был дома один, но он догадался их не пустить, сказал, что взрослых нет, и он дверь не откроет. Мне немедленно надо было все это остановить, сделать так, чтобы из-за меня ничего больше не беспокоили и чтобы слухи не распространялись. Необходимо было действовать очень быстро, потому что я уезжал на обследование в Санкт-Петербург.

Эти первые дни были тяжелыми. Постоянно ко мне приезжали какие-то люди, задавали вопросы, кого-то все время разыскивали. Надо было найти силы, чтобы не раскиснуть, не уйти в запой и не пустить все на самотек, а держать ситуацию под контролем.

Перед тем, как поехать в Питер, я зашел к матери и сказал, что у меня проблемы со здоровьем и надо поехать на обследование. Уезжая, знал одно: куда еду, а вот что со мной будет дальше, неизвестно. Перед входом в больницу сел на большой камень и долго смотрел на больничные ворота, на Неву и думал, думал... Мне казалось, что меня отсюда больше никогда не выпустят. Была слабая надежда, что анализы ошибочны. Все-таки я еще до конца не верил, что ЭТО у меня есть.

В больнице я видел разных людей. Одни плакали, другие были совершенно безразличны. Одни становились замкнутыми, другие впадали в панику и готовы были то ли вены себе резать, то ли бежать на бли-

жайший перенресток и кричать: "У меня СПИД! У меня СПИД!" Никого виноватых искал. Почему, мол, я заразился? Как будто сам не знал, что мог заразиться.

Вернулся в свой город и раскозал все матери. По-моему, она и раньше догадывалась, что у меня были связи с мунчинами. Но мне приходили ребята, выпивали, кто-то ночевать оставался. Она иногда видела, что он со мной в постели лежит, а не рядом на диване.

Вот я и говорю ей: "Мама, я ездил на обследование, и выяснилось, что у меня такая болезнь — ВИЧ-инфекция. Но ты не переживай." У нее выкатились слезы, но она все внимательно выслушала. После этого у нас отношения почти не изменились — даже лучше стали, что ли. Раньше мы и поругаться могли, а теперь у нас полное взаимопонимание и доверие. Она знает, что такое СПИД, как передается, и все такое. А главное, она знает, что я нормальный человек, просто болею. Любой человек может заболеть, и болезни бывают всякие. Так что в моей семье ничего не изменилось.

СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита) — болезнь, вызванная разрушением значительной части иммунной системы человека. На фоне иммунодефицита может развиваться одно или несколько смертельно опасных заболеваний (пневмония, туберкулез, рак и др.), с которыми ослабленный организм не в состоянии бороться.

ВИЧ (вирус иммунодефицита человека) — инфекция, которую большинство ученых считают причиной СПИДа. Заражение этим вирусом может произойти, если кровь, сперма, влагалищные выделения или материнское молоко зараженного человека попадет

«кровь (через инъекцию, свежую ранку на коже) или на слизистые оболочки здорового человека. Заражение воздушно-капельным путем, через посуду, белье, другие предметы домашнего обихода — невозможно.

Монолог второй, женский: “В больнице мне легко, ни от кого ничего не надо скрывать...”

— Я сдавала кровь перед абортom. Прихожу за анализом, а меня к главврачу вызывают и говорят: “У вас СПИД”. Прямо так — без подготовки, без объяснения. И сразу мне под нос бумагу: распишитесь. А там написано, что я представляю опасность для окружающих и обязана предупредить своих половых партнеров, что у меня СПИД, иначе буду отвечать в уголовном порядке. Стали спрашивать — с кем была, когда... Сколько партнеров было, принимала ли наркотики. Я отвечала что-то автоматически. Сначала не поняла даже, о чем они говорят, а поняла — не поверила. А когда поверила — стала молиться.

“Господи, — говорю, — пожалей меня! Ты ведь знаешь: не гулящая ведь я какая-то!.. Был муж, ребенок от него. Был мучительный развод. Четыре года мы с сынишкой вдвоем жили на одну мою бухгалтерскую зарплату. За это время в моей жизни были, конечно, мужчины. Но — не случайные. Не так, как бывает: встретились и — в койну, а нейтро “знать друг друга не знаем”. Нандый раз казалась, может, вот она — судьба моя? А потом, и вправду, отыскалась моя судьба: встретила, полюбила, он полюбил. И меня, и моего ребенка. И вот, когда мы так все счастливы... Пришла домой, думаю, что делать? Хожу

по квартире и позволяю себя на мысли, что ищу место, где можно повеситься. Совершенно не в себе была.

О СПИДе тогда мало что знали. Нан-то слышала от подруги, что “американцы изобрели вирус СПИДа, потом его нашли у обезьян, а потом он передался людям”. У меня было впечатление, что я стану медленно, мучительно умирать, гнить заново месяц или два. Спросить было не у кого, да и просто поговорить не с кем. Мунку я сразу сказала, как он с работы пришел, и тут же стала его успокаивать. Он тоже потом сдал анализ, у него оказалось все в порядке. А меня отправили в Москву за подтверждением. Перед отъездом врач сказала, что, может, еще все обойдется — бывает, дескать, ложно-положительные результаты, которые при повторном анализе не подтверждаются. Предложили сопровождающего, чтобы не одной в Москву ехать — боялись, что ли, что сбегу? Или с собой покончу? Но я перед ними старалась держаться, уверяла, что чувствую себя хорошо и сама доеду. Сына и бабушине отвезла, собралась и поехала.

В поезде я всю ночь не спала — думала, строила планы. Решила для себя, что если анализ подтвердится и у меня действительно СПИД, то в Москве я кончать с собой не буду. Родственникам везти тело из Москвы — хлопот сколько, за что им это? И дома тоже не удастся — там сын, мун — помешают. Пожалуй, выброшусь я из поезда по дороге домой, в какой-нибудь глуши, где никто меня не найдет. Вот какие мысли были. Просто я считала, что уже не жалею, а только близким обуза. Еще очень боялась, что в городе узникуют. У мунка на работе проблемы начнутся, сыну проходу не дадут...

Приехала в Москву, нашла больницу на Сонлиной Горе — это улица у них с таким чудным названием —

мне врачи все еще дома объяснили, рассказали, как доехать до той специальной больницы. Анализ мой подтвердился. А спало меня то, что со мной в палате были другие женщины, тоже ВИЧ-инфицированные, которые мне все растолковали, подержали. Главное, я убедилась, что и с этой болезнью люди живут, и по многу лет. Постепенно освоилась, стала сама у врачей спрашивать, как разные анализы понимать, что такое иммунный статус, как нужно питаться, как следить за своим здоровьем.

Я и сейчас иногда приезжаю в Москву. Здесь, в больнице, мне легко оттого, что все люди свои. Ни от кого ничего скрывать не надо. Дома у меня только два человека, с которыми я могу поделиться своими проблемами, — мама и мунк. Сыну пока не говорю, он маленький еще, не надо ему об этом знать. Подрастет — скажу.

Я внутренне готова к тому, что могу скоро умереть. Думаю даже, что надо бы начать откладывать деньги на похороны. Готова-то готова, но буду дергаться до последнего: кто без меня сына на ноги поставит, даст ему образование? Пронить бы еще хотя бы лет 10-15. Мне ведь тридцать два всего...

Вирус с первых же дней после заражения начинает свою разрушительную работу в организме, захватывая и уничтожая клетки его иммунной системы. Диагноз СПИД означает, что разрушено более 80 процентов этих клеток и человек серьезно болен.

Пока организм более или менее успешно борется с вирусом, у зараженного человека нет симптомов или эти симптомы не опасны для жизни. Можно многие годы прожить с ВИЧ-инфекцией, чувствуя себя вполне здоровым.

Монолог третий, подростка: “Я ей все, конечно, расскажу, пусть сама решает...”

— О своем заражении я узнал, когда мне было 14 лет — то есть три года назад. Вроде и умирать-то рано... Сразу возникла мысль — найти ближайший крючок и повеситься. Но я единственный сын у родителей и решил, что их надо понаблюдать.

А потом мне в больнице объяснили, что ничего тут особенно страшного нет, что, возможно, вскоре изобретут наное-нибудь лекарство. Все это мне говорили на Соколиной Горе. (И родители там со мной были.) Про то, что “не страшно и что лекарство изобретут”, как-то врезалось в память, а больше из того разговора ничего не запомнилось... Нет, еще помню: вначале вызвали в кабинет родителей, а мне велели в коридоре ждать. Я жду, хожу по коридору, больнично пахнет. А на мне было накинута пальто отцовское — и врач в кабинет в пальто вроде неудобно, так он на меня надел. Я машинально сунул руки в карманы и ходил по коридору: туда-сюда, как зевать по клетке. У отца в одном кармане лежали сигареты, в другом — спички. Так верите — и то, и другое я стер в пыль.

Потом вышла медсестра, повела меня к психологу. Там мне давали что-то рисовать, на вопросы отвечать. Наверное, хотели меня морально подготовить — или просто материал для диссертации кто-то собирал. Потом вернулся я с медсестрой в ординаторскую, в там отец — чернее тучи, я даже испугался, никогда его раньше таким не видел. Мать лицо отворачивает, но я чувствую — плачет. Наними словами мне сказали, я — убейте — не помню. Помню только — было чувство, как будто ударили обухом по голове. Да и не знал я об этой болезни

кого, и родители, думаю, тоже. Нан раз тогда появились СПИД-фобии эти, все боялись к зубному врачу ходить, говорили, что даже комары заразу переносят и прочую чушь...

Я долго потом успокаивался. О озлобленности еще не раз думал. И боялся, что в школе узнают. Не хотел друзей потерять и чтобы пальцами показывали. А потом... 14 лет — возраст-то таной, что начинаешь на девочек смотреть, думать → нан ОНО все происходит — ну, любовь и все такое. И у меня мысль была: а не помешает ли моя болезнь?

Ну, погоревали мы с родителями, конечно, всем нам было очень паршиво. Я приехал домой, меня некоторые моменты бесили. Обо мне, к счастью, никто не узнал ни у моих друзей, ни у отца на работе, ни у мамы. Не знаю, что ун там родители сделали, но у нас в городе информация никуда не просочилась, а то ун, наверное, полнаселения знало бы. Но вообще разговоры о СПИДе в городе ходили. И отношение к этой болезни было такое... отвратительное, одним словом. Помню, случай был в школьной раздевалке. Два совершенно маленьких пизана, и один другому кричит: "Ты что, СПИДный, что ли?" Не знаю, почему меня это так задело, несколько дней в себя прийти не мог. Все чудилось, иду я по школьному коридору, а у меня за спиной толпа — пальцами тычут и визжат: "СПИДный, СПИДный!"

Нан я заразился? А не повезло мне. Лечал в больнице — это была детская реанимация, и мне подключный катетер ставили. Этот катетер нужно было промывать каждые три часа раствором гепарина. Нан оказалось, промывали все катетеры одним и тем же многоразовым шприцем — одноразовых у них не было. А в катетере в дырочке остается венозная кровь, и когда промывают, чуть-чуть ее шприцем под-

сасывают. Так что заражение реально вполне, как я уже сейчас понимаю.

Ну вот, через некоторое время после того, нан я выписался, но мне подошла наша школьная медсестра, завела к себе в кабинет и сказала, что там со мной в больнице лежали дети, которые потом умерли, и у них нашли... В общем, надо бы провериться.

С родителями отношения не изменились, ни лучше ни хуже не стали. Всякое бывает, и конфликты тоже. Ну, зубные щетки разные, бритвы у нас с отцом разные. Даже бывает, едем с отцом куда-нибудь, а бритва одна, так мы приспособились: сначала он бреется, а потом я. Они люди грамотные, с высшим образованием, знают, что опасно, а что нет, и жизнь в общем-то нормально идет. Я считаю, это полный бред, когда родители от детей на этой почве отдаляются...

Ну, а с этим... с личной жизнью — тоже нормально. Я читал, что-то выяснял, а когда понял, что попросту надо предохраняться, вообще перестал себе голову забивать. Все у меня нормально — и физически, и психически, и презерватив всегда при мне. Когда мне встретится девушка, с которой я захочу быть долго, я ей все, конечно, расскажу — и пусть она тогда сама решает...

Современные лекарства позволяют продлить срок жизни с ВИЧ-инфекцией и даже с диагнозом СПИД на неопределенно долгое время. Настоящим прорывом в борьбе с вирусом и вызываемой им болезнью стало изобретение так называемого "коктейля", сочетающего противовирусные препараты и позволяющего почти полностью затормозить развитие вируса в человеческом организме. Однако эти лекарства очень дороги и доступны далеко не всем.

Монолог четвертый, материнский: “И уж больше нам жизни там не было...”

— Мою младшую дочку Верочку зарезали в больнице — еще в 90-м году.

Нас выписали домой, а через некоторое время было обнаружено заражение. Всех детей, которые там лечили, стали разыскивать и проверять, а заодно и их родителей, братьев, сестер. За нами прямо во двор приехала “скорая помощь” с мигалкой, вывели нас, как преступников, все соседи сбегались смотреть. Тогда и слово это прозвучало — СПИД. И уж больше нам жизни там не было.

Все соседи, с которыми раньше были хорошие отношения, перестали здороваться. Кто ни пройдет мимо — отворачивается, будто меня не видит. Бывало, с детьми гуляю — с Верочкой и с сестрой ее Танюшкой, они у меня погодни: “Мама, хочу в песочницу, хочу на качели!” — а мамаша как издали нас завидят, шутлуются, пальцами поназывают, своих детей от дочек моих оттащивают. Стекла, правда, не били — я слышала, с другими семьями зараженных детей и такое случалось, и похуже. Примеров таких много. Одна из семей — я с мамой того ребенка в СПИД-центре познакомилась — была в полной изоляции оноло года. У других вообще дом сангли, оба родителя погибли, только ребенок инфицированный чудом уцелел, сиротой остался. Нас от таких унасов Бог миловал, но обстановка вокруг была очень тяжелая.

Мне с детьми пришлось сидеть дома. Младшая до больницы в садик ходила, прямо рядом с домом. Как о диагнозе стало известно, заведующая садиком издала приказ о том, что ребенок ВИЧ-инфицированный, собрала всех сотрудников и объявила, что нужно соблюдать осо-

бую осторожность. Через пару дней потребовали, чтобы я забрала ребенка из садика. У меня в тот момент не было сил бороться, и я уступила. Тем более что Верочка стала все чаще болеть. Жили мы тогда все четверо в одной комнате. Я пыталась работать надомницей, что-то шила, вязала, но много ли заработаешь с двумя детьми? Да еще когда из болезней не вылезает.

Муж мой всего этого не выдерживал, запил. Бывало, по ползарплате пропивал. Я пошла к нему на работу, сказала, что у меня ребенок инвалид, попросила выплачивать мне такую зарплату, какую он платит. Они говорят — можем, если принесешь справку из больницы на ребенка. Я ткнулась в СПИД-центр за справкой, а в этой справке диагноз открыто написан. Ну да я такую бумагу понесу? У мужа-то ведь на заводе и родственники работают, и знакомые, которые ничего еще не знают.

В конце концов муж не так давно попал под сокращение, остались мы без его зарплаты. Живем, считай, на одно пособие. 260 тысяч пенсия на Верочку, а нас — четверо. Дали нам недавно новую квартиру, только в ней телефона нет. А как нам без телефона? Верочка в любую минуту может стать плохо, а вызвать врача невозможно. Установка телефона в наш дом стоит 5-6 миллионов, у нас таких денег нет, и в СПИД-центре — тоже. За квартиру уже полгода не платено: нечем.

Старшая дочка моя, Танюшка, как-то пошла в новую поликлинику за справкой. Вернулась домой, чуть не плачет. Оказывается, она ставит брату свою карту в регистратуре, а регистраторша ее схватила за руку, чуть не силой потащила к медсестре и велела немедленно взять кровь на ВИЧ, потому что в семье инфицированный ребенок. Я бросилась в поликлинику и устроила им скандал. Не жется, подействовало. Кровь при следующем посещении брать перестали.

Нить нам, конечно, очень тяжела. Правда, сейчас, через семь лет, отношение к нам изменилось, люди постепенно стали с нами общаться. Видели, что ребенок столько лет не и не умер сразу, и поэтому успокоились — вроде, признали, что дочка моя здорова, не опасна для них.

По данным Программы ООН СПИД, ежедневно в мире происходит заражение ВИЧ-инфекцией восьми с половиной тысяч человек. Сто человек из них по статистике нашего Минздрава, — россияне.

Знаете ли вы, читатель, что такое квилт? Это лоскутное покрывало, сшитое из множества разноцветных кусочков ткани, соединенных между собой в причудливые узоры. Разражающаяся в мире эпидемия СПИДа придала новый смысл этому старин-

ному ремеслу. Квилтом стали часто называть полотно ткани размером 1х2 метра, на котором родные, близкие, друзья запечатлели свою память о человеке, умершем от СПИДа. Квилты начали шить в 1987 году в Сан-Франциско, а потом и во всем мире. Количество их продолжает расти, как растет и эпидемия СПИДа.

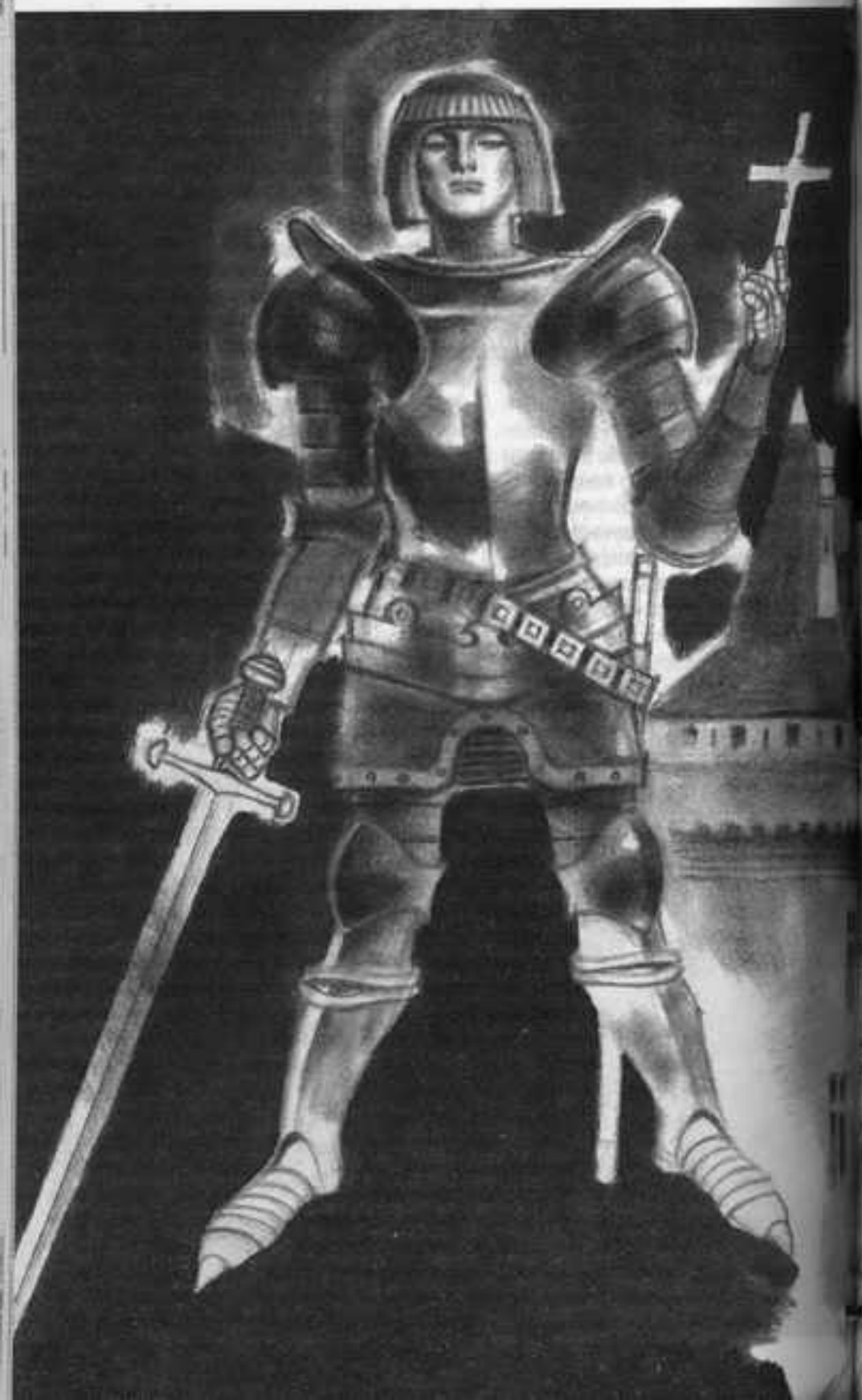
Отдельные полотна сшивают вместе, составляя один общий огромный узор. На каждом полотне — имя, дата жизни, памятные надписи. Иногда пришиты вещи, детские игрушки, фотографии умерших, открытки. Квилты предназначены для публичных показов.

Зачем?

Тот, кто хоть раз видел квилт, уже не задаст этот вопрос. Глядя на многообразие цвета, рисунков, имен, начинаешь понимать, что группа риска — абсурд.

Мы все — группа риска.

Унесенная огнем

ИВАН ЗЮЗЮКИН

"Она все делала лучше других не потому, что обладала большими талантами; она знала еще меньше своих солдат. Но у нее было большое сердце. Если каждый помышлял только о себе, то она думала за всех. Если каждый охранял в первую очередь себя, то она не береглась вовсе, так как заранее обрекла себя на все".

Анатоль Франс

Сегодня в это верится с трудом, но были времена, когда какой-то народ (вернее, властитель — руками народа) мог захватить часть или даже целую страну, населенную другим народом, и объявить ее своим владением. К примеру, воинственные норманны, врывавшиеся в XI—XII веках с территории нынешней Франции на Британские острова, захватили земли и покорили живших там кельтов и англосаксов. А через двести с лишним лет произошла та же самая история, но с точностью до наоборот: англичане, "перезарившие" своих завоевателей норманнов, высадились во Франции и начали отторгать в свою пользу одну за другой провинции этого еще недавно могущественного европейского государства. И дело шло к тому, что английский король мог одновременно стать и королем Франции...

105

Драма великих сердец

Продолжалась эта война больше ста лет и осталась в истории под именем Столетней. За то время, пока она шла, можно было появиться на свет, затем самому нарожать детей, дожидаться внуков и правнуков и, наконец, умереть, так и не узнав, что же такое — мирная, без до- вальных убийств, грабежей и пожаров жизнь. Всякая война — явление ужасное, но Столетняя была особенно ужасной. Кроме грозного внешнего врага, англичан, Францию терзают, растаскивают на части собственные феодалы, обнаглевшие в своей самостийности и безнака- занности. И, понятно, больше всех от войны страдают простые люди. Город или деревня, вчера разграбленные англичанами, сегодня могли подвергнуться разорительному налету банды местного феодала. Раз- бой становится основным законом жизни. Резко падают нравы, и са- мые отвратительные примеры такого падения показывают в первую очередь опять же владетельные сеньоры. Вот лишь один из эпизодов Столетней войны (к нему мы вернемся в другой раз): феодал-разбой- ник берет в заложники всех мужчин деревни и требует от их жен вы- купа, пообещав в противном случае их всех до одного перевешать. Случается так, что от одной женщины, ждущей ребенка, он принима- ет выкуп, скрыв от нее, что мужа он уже успел повесить. Возмущен- ная женщина подвергает негодяя публичному проклятию. И тогда злобный феодал велит своим подручным раздеть ее догола и привя- зать к дереву в ближайшем лесу. Ночью, находясь в таком положи- нии, несчастная женщина разрешается от бремени и вместе с ребен- ком становится добычей волков...

106

Не лучше ведут себя и крупные французские феодалы. Такие из них, как герцог Бургундский, граф Люксембургский и другие, ак- тивно помогают англичанам в их попытках присвоить французскую корону. Они не признают законным монархом дофина (наследного принца) Карла Валуа на том основании, что он неродной сын скон- чавшегося короля Карла VI. Причем слух, что у Карла Валуа нет прав на престол, распускает не кто-нибудь, а его родная мать короле- ва Изабелла Баварская, не постеснявшаяся открыто признаться, что была неверна своему царственному мужу. Более того, она — на сторо- не англичан!.. И хотя часть французской знати и духовенства под- держивает дофина и даже величает его королем, Карла Валуа все же нельзя считать полноценным монархом хотя бы потому, что он не ко- роновался там, где венчались на царство все его предшественники на французском престоле — в знаменитом Реймском соборе. И что же мешало дофину взять, да и поехать для венчания в Реймс? Да то и же- машет, что этот город захвачен англичанами и их союзниками бур- гундцами. А у Карла Валуа, чтобы прогнать их оттуда, нет сильной армии. Париж тоже в руках неприятеля, и дофин со своей скромной свитой и небольшим отрядом верных ему рыцарей тихо пребывает в небольшом городишке Шинон. Увы, этот вялый, тонкошеий, с тоск- ливым выражением водянистых глаз молодой человек, окопавшись в захолустье, молча и бессильно наблюдает, как год от года сокраща- ется шагреневая кожа его королевства, как англичане и мятежные бароны делают с его народом что хотят, и даже больше. Английские войска, захватив западную часть страны, осадили город-крепость Орлеан — ключ к остальной Франции. Как только Орлеан падет, они, глядишь, будут в Шиноне. Словом, еще совсем немного, и Франция — конец!..

Что же дальше? А дальше происходит история, и по сей день остающаяся волнующей, почти или вовсе неразрешимой загадкой, которую преподнесло нам то время. Для ее разгадки выдвинуто столько гипотез и версий, составлено столько исторических, философских, религиозных трудов, сочинено столько романов, пьес, поэм, киносценариев, что если все написанное собрать воедино и выстроить в высоту, то получится настоящий небоскреб. Но вот что поразительно и странно: чем больше люди узнают об этой истории, тем больше в ней выявляется "белых пятен". Такое впечатление, что человеческий разум бессилен понять ее до конца. Многие историки, жизнь посвятившие разгадке этой исторической тайны, склонны считать, что к ней причастен сам Бог. И те, кто с ними не согласен, порой не находят весомых аргументов, чтобы возразить им...

Имя этой тайны — Жанна д'Арк... Но сначала — о самом обычном в ее жизни. Документально установлено, что родилась она в 1412 году в деревне Домреми, что на границе Шампани с Лотарингией, в семье крестьянина средней руки Жака Дарка. До поры до времени Жанна (и в семье ее зовут Жаннетой) помогает родителям вести хозяйство, пасет коров на заливных лугах этого живописного уголка Франции... А вот все остальное в ее биографии выходит далеко за рамки привычного. В самом деле, с какой стати эта мало кому известная селянка, когда судьба Франции висит на волоске, вдруг решает, что не кому-нибудь, а именно ей предназначено спасти страну от полной гибели? В самом деле, почему она, простолюдинка, что называется, чернь из черни, оказавшись волею судеб в среде французской знати, разговаривает с принцами, герцогами и графами словно равная им, а порой и превосходящая их влиянием в обществе? (А уж как она разговаривает с лютыми врагами Франции — англичанами! Достаточно привести ее слова, обращенные к самому королю Англии: "...предлагаю мир, если вы заплатите за все, что захватили во Франции... Если вы, король Англии, не сделаете этого, то я заставлю волей или неволей удалить ваших людей из Франции... иначе я прикажу их умертвить".) В самом деле, как ей, не умеющей ни читать, ни писать, в спорах о Боге, судьбе Франции, человеческом долге и т.д. удавалось побивать и загонять в тупик важных сановников, учивших богословов, опытных военных? А и спросим себя, наконец, сколько ей было лет, когда она вышла на сцену истории? Это установлено документально, едва-едва семнадцатый пошел! По странному совпадению (а странно почти все, что связано с именем Жанны) как раз в те дни, когда автор этих строк собирал материал для настоящего очерка, он из случайно включенного радиоприемника вдруг услышал весть о том, что в одном из монастырей Франции обнаружены боевые доспехи Жанны д'Арк. Так вот: их размеры говорят о том, что пастушка из Домреми ростом была чуть выше одного метра пятидесяти сантиметров, или, как у нас в России шутя говорят, "метр с ипкой". А между тем художники и скульпторы, воссоздавая ее внешний облик и стремясь отразить величие свершенных ею дел, представляют ее иной раз эдакой могучего телосложения амазонкой. Нет, оказывается, пастушка была маленькой. Но это не помешало ей совершить поистине богатырские подвиги, такие, что кто-то из ее современников написал:

*Вот женщина, отважная пастушка,
Затмившая собой героев Рима!*

Да, имя Жанны д'Арк никого не может оставить равнодушным. Временами кажется, что ее жизнь красивая (и, забегая вперед, скажем — страшная), но сказка. Все главные факты ее биографии, говоря языком архивистов, строго задокументированы, сверены и перепроверены по разным источникам, подтверждены людьми, хорошо знавшими Жанну и дававшими свои показания о ней под присягой, с рукой, возложенной на Библию. Обо всем этом говорится потому, что читатель волен толковать факты биографии Жанны д'Арк, в особенности те, которые ему покажутся невероятными, чистой мистикой, но при этом он не должен забывать, что это факты, а факты — упрямая вещь.

Представим, что в наши дни в Елисейский дворец приходит некая особа из провинциальной глубинки и на голубом глазу заявляет, что ей надо срочно повидаться с президентом Франции и объяснить ему, как следует управлять страной. Наверное, ее бы вежливо выслушали, а затем так же вежливо выставили за дверь, а может, даже отправили бы на психиатрическое обследование... Примерно так же вначале ведет себя комендант крепости Вокулер капитан Робер Бодрикур, когда к нему из деревни Домреми является невысокая девчушка в красной юбочке и с детской (а в чем-то и недетской) серьезностью говорит, что она должна встретиться с дофином Франции. Капитан Бодрикур (по меркам нашего времени — не меньше, чем генерал) в первый раз просто-напросто отказывается с ней разговаривать. Во второй раз думает, как наказать эту дерзкую простолюдинку. Но Жанна, словно бы движимая неподотчетной ей силой, вновь и вновь просит капитана помочь ей добраться до Шинона. И этому воюке, загрубевшему в бесчеловечных сражениях проклятой войны, что-то мешает выгнать прочь эту назойливую пастушку. Решив, что она блаженная и способна творить чудеса, он отправляет ее к герцогу Лотарингскому, пораженному каким-то недугом, и дает Жанне наказ поставить герцога на ноги. Но пастушка, прибыв к герцогу, отказывается его лечить. Она, мол, призвана спасти Францию, а исцелять кого-то, пусть даже герцога, не станет ни за какие деньги. Больше того, эта на вид милая, славная в то же время не по возрасту серьезная особа отчитывает герцога за то, что он покинул свою супругу и связался с другой женщиной. И что уж совсем удивительно: этот могущественный, крутой на расправу феодал проглатывает упреки Жанны и с миром отпускает ее домой...

Средневековье принято считать временем, когда в сознании людей господствовали невежество, суеверие и предрассудки. Во многих случаях так оно и было. Но вот пример: воюка Бодрикур наконец решается на свой страх и риск отправить Жанну к дофину и дает ей для сопровождения отряд рыцарей и солдат. Спросим себя: мог ли принять такое решение невежественный суеверный человек? Вряд ли. Невежественный, суеверный, скорее всего, не пошел бы на это, усмотрев в настойчивости странной пастушки какую-то чертовщину. А Бодрикур, по всей видимости, понял, что в лице Жанны он имеет дело с незаурядной личностью и что помочь ей — его прямой человеческий долг. Что ж, в те времена люди, не обладая большими знаниями, чаще чем в наше время, доверяли своему чутью, лучше владели даром

интуиции и предвидения. И если это верно по отношению к капитану Бодрикуру, то трижды верно по отношению к пастушке из Домреми. Еще лишь собираясь в Шинон, она уже наперед знает, что сделает для Франции, доверительно сообщает своим землякам о своих планах. Вот какими они были, ее планы:

Снять осаду с Орлеана и отогнать от него англичан как можно дальше.

Короновать Карла Валуа в Реймском соборе и таким образом дать Франции настоящего короля.

Освободить от англичан и бургундцев Париж.

Вернуть на родину герцога Орлеанского, попавшего в плен к англичанам в злосчастной для французов битве при Азенкуре.

Снова спросим себя: могла ли простая крестьянская девушка с ее, мало сказать, наискромнейшими возможностями сама поставить перед собой столь грандиозные задачи или же она с самого начала была орудием Божественного промысла? Какое ей было дело до Карла Валуа и уж тем более до герцога Орлеанского, которого она, как и дофина, никогда в глаза не видела?.. Что б там ни было, но, похоже, Жанна д'Арк не вполне владела собой и была как бы меднумом, передавала людям лишь то, что слышала извне. Кстати, она этого не только не отрицала, но и, обнаруживая природную скромность, всячески подчеркивала, что говорит и делает лишь то, что ей говорят и советуют делать святые Михаил, Екатерина и Маргарита, время от времени предстающие перед ней во всей своей чистоте и сиянии...

Верно, Жанна и сама умеет внушать трепет и уважение со стороны людей. К примеру, когда она вместе с преданными ей рыцарями и солдатами пробивается к Шинону через леса, кишевшие разбойниками и мародерами, а ночью, одетая в мужскую одежду, спит у костра рядом с мужчинами, ни у кого из них, по их собственным признаниям, не возникло к ней "движения плоти". Что-то им указывало, что она — существо более высокого порядка, чем они... Характерно и то, как меняется к ней отношение в Шиноне, куда она в конце концов добирается. Согласившись принять ее, Карл Валуа решает разыграть престолюдинку, чтобы убедить себя и своих приближенных, что она не более чем авантюристка, ждущая от него подачек. Что же делает наследный принц? Когда Жанна входит в тускло освещенный факелами зал, где находятся принц и его свита, она направляется прямо к нему, одетому весьма буднично, и преклоняет перед ним колена. Карл (надо же ему чем-то развеселить приближенных!) говорит ей, что она ошиблась, король не он, а другой человек — и показывает рукой на одного из приближенных. Но Жанна с доброй и вежливой улыбкой говорит ему:

— Во имя Бога, принц! Я не ошиблась. Вы — истинный король Франции, и никто другой...

Это выглядело так, словно в ее памяти уже был образ пусть не очень симпатичного с виду и еще не коронованного, но все же короля Франции. После своей осечки дофин озадаченно спрашивает Жанну, чего же она хочет от него.

— Дайте мне отряд рыцарей и солдат, и я вместе с ними разобью англичан, — рискуя вызвать гомерический хохот в зале, где собралось немало отпетых и не раз битых англичанами вояк, простоудушно отвечает ему пастушка.

Отряд ей дают. Но не сразу. Сначала церковники и ученые богословы проверят, не ведьма ли она. Ее будут окроплять святой водой, подвергнут перекрестному допросу и в конце концов придут к выводу, что с нечистой силой она не знается. Затем, призвав на помощь монахинь, удостоверятся, что Жанна — девственница. (И это не праздный вопрос. Дело в том, что в те годы существовало поверье, что Францию сгубила развратная женщина (Изабелла Баварская), а спасет чистая непорочная дева, вышедшая из седых лотарингских лесов. Когда Жанна поймет, что роль спасительницы Франции предназначена именно ей, она откажется выйти замуж за парня-односельчанина, с которым была уже помолвлена. Обиженный жених (по наущению отца Жанны!) подает на нее в суд, но судьи — еще один пример, что средневековые не было таким уж беспросветно темным, — встают на сторону девушки. И вот лишь когда установлена непорочность Жанны, ей, Деве (отныне это станет ее вторым именем) разрешат выступить в поход...

И вот тогда-то начнется то, что потом назовут мистикой. Мистикой, имевшей вполне конкретный исторический результат.

Вместе с приданным ей отрядом Жанна пробивается в осажденный Орлеан, воодушевляет своим появлением горожан, и находясь там ополчение короля за десять дней снимает осаду, которая продолжалась двести (!) дней! Дева совершает это сначала с помощью стремительных (с точки зрения ее военных советников, рискованных и бесполезных) вылазок за крепостные стены, а затем дает англичанам бой в открытом поле. Разгромленные наголову захватчики в ужасе и панике разбегаются во все стороны, проклиная на чем свет стоит "юную ведьму" — миниатюрную девушку в сверкающих на солнце доспехах, восседавшую на боевом ковре с белым знаменем и ангелом с лилией на нем (по другим источникам — с голубкой). И вот еще один факт жизни Девы Жанны: она участвует во всех сражениях, находясь в первых рядах, ее белое знамя развевается там, где свистят снаряды, тучей летят стрелы, копьа, ее ринят в бедро, отчего она плачет, как девчонка, но вскоре вновь бросается в гущу боя. Однако у нее в руках — только белое знамя, никакого оружия, и за все дни своей жизни она не убивает ни одного человека! Как видно, не убийство, не месть, не кровь были ее целью, а нечто более высокое, чему, может, даже и имени нет...

Орлеан теперь вне опасности, и она смотрит в сторону Реймса. Англичане и бургундцы клянутся не пропустить "ведьму" (были выражения и покрепче) и советуют ей, пока не поздно, убраться к своим коровам. Нет, Орлеанская Дева (под этим именем она войдет в историю и святы) просит у Карла Валуа дать ей войско для нового похода. Увы, дофин то ли не верит в повторение орлеанского чуда, то ли просто трусит — и войска не дает. Тогда Жанна обращается за помощью к простым людям Франции. И под ее белое знамя стекаются тысячи плохо вооруженных крестьян, ремесленников, мелких торговцев, всех, кто уже понял, что короли, герцоги, графы, передрашлись между собой, никогда не покончат с этой бесконечной войной, если за дело не возьмется сам народ. За воевательницей-пастушкой они готовы идти в огонь и воду, она — их вождь и полководец. И вот происходит второе историческое чудо: войско Орлеанской Девы устраивает

англо-бургундским полкам ужасающий разгром при Патэ, подобный тому, что когда-то англичане устроили французам в битве при Азенкуре. Путь на Реймс открыт. Вся сияя от счастья, Жанна берет под защиту сумрачного дофина и через несколько дней перехода вводит его под своды всемирно известного своей красотой и величием Реймского собора.

— Милый король! — говорит пастушка с вознесенной над головой дофина короной. — Огненные исполнено желание Бога, который хотел, чтобы я сняла осаду с Орлеана и привела вас в этот город, чтобы принять ваше миропомазание...

Казалось бы, торжественная речь Жанны вызовет у присутствующих бурю радости и восторга. Но нет, отмечают хронисты XV века, всех собравшихся в храме почему-то охватывает тревожное возбуждение и великая жалость к маленькой девушке, одетой в мужскую одежду. Многим чудится, что они видят свою любимицу в последний раз. Откуда такие тяжкие предчувствия? Не от самой ли Орлеанской Девы они передаются? Ведь еще накануне коронации она кому-то из односельчан, прибывших на торжества в Реймс, с горечью скажет: "Я проживу еще год, не более..." Люди уже знают: Жанна ничего просто так не говорит, все, что она предсказывает, — сбывается. Например, она всегда заранее знала, из какого сражения выйдет невредимой, а в каком ее ранят и даже чем ранят. Герцог Алансонский, двоюродный брат короля, формально командовавший битвой за Орлеан, обязан ей жизнью. Это она посоветовала ему отойти в сторону от того места, где он стоял и куда вскоре упал и разорвался снаряд...

Несмотря на мрачные предчувствия, Жанна довольна: как бы там ни было, а Франция наконец получила своего короля! (Да простят современные читатели нашей героине ее ярый монархизм. Они должны учесть, что в ту пору практически для всех людей король, каким бы он ни был, шел сразу после Бога. Да и не всегда, как пишет один историк, монархия была силой, противостоящей народу.) Теперь Карл Валуа, ставший Карлом VII, готов отблагодарить эту странную пастушку. Но как? Он может дать дворянское звание и родовой герб. Нет, оказывается, ей это не нужно. И уж если его величеству хочется сделать доброе дело, пусть он освободит ее родную деревню от податей. Этого будет достаточно... Тем временем королевский двор уже начинает косо поглядывать на героиню Орлеана и Патэ. Вид ее — мужские брюки, мужская рубаша — шокирует благороднорожденных господ. Ее пытаются одеть как придворную даму. Но Жанна — ни в какую! Она прежде всего воин, солдат короля, потом уже все остальное. И единственное, на что соглашается, — это костюм пажла. Да и быть при дворе для нее смертная скука. Не для церемоний и интриг она рождена. Ей еще предстоит освободить Париж и вернуть из плена герцога Орлеанского. (Что ей Гекуба? Что она Гекубе?) Она вновь рвется в бой. Ради Бога и короля она готова на все...

Право же, не хочется думать, что Жанна была лишь слепым орудием неких высших сил. В то же время не все в ее поведении можно объяснить обостренным чувством долга и патриотизма. Скорее всего, как это часто бывает, истина находится где-то посередине...

Что Жанна была не от мира сего, на этом сходятся, пожалуй, все ее биографы. Но что это такое – быть не от мира сего? Ведь так говорят почти обо всех людях с гениальными задатками: они и мыслят, и действуют, и даже одеваются, как правило, иначе, чем остальные люди. Да они до поры до времени и сами не подозревают, какие силы и способности заложены в них, не всегда вразумительно могут объяснить, когда и после чего осознали свое призвание. Сельская девочка Жанна Дарк (дворянский оттенок ее фамилии – “д” с апострофом – придадут потом) до тринадцати лет не отличалась от своих сверстниц. А после стала слышать голоса святых и совершенно иначе, чем прежде, смотреть на свое жизненное предназначение. Можно предположить, что в это время она пережила какое-то потрясение в жизни, в результате чего в ее разуме и душе произошли какие-то мощные сдвиги. (Кстати говоря, случай зверской расправы с беременной женщиной, о котором упоминалось выше, произошел в местности, где росла Жанна, и, возможно, она даже была ее свидетелем.) Медицинской практике известно немало примеров, когда человек из-за перенесенной аварии или сильного нервно-психического переживания приобретает доселе неведомые ни ему самому, ни его близким свойства и способности, в том числе ясновидения, телепатии и т.п. Не случилось ли что-то в этом роде с Жанной в подростковом возрасте? Ведь мы многое знаем о ее жизни, но о детстве – меньше всего...

112 Ее победоносный путь от Орлеана к Патэ, от Патэ к Реймсу, не знавший никаких неудач, можно объяснить могучим всплеском ее интеллектуальных и душевных сил. Кроме дара ясновидения и предчувствия, она, несомненно, обладала и полководческим талантом. Историки, разбирая ход битвы за Орлеан, диву даются, как точно Орлеанская Дева выбирает время и место для нанесения ударов по английским войскам и их укрепленным базам. Великая битва при Патэ, переломившая ход Столетней войны в пользу французов, выигрывается не числом – в этом отношении преимущество было на стороне англичан и их союзников, – но благодаря блестящей тактике, избранной Орлеанской Девой, и беспредельной вере в победу, которую Жанна сумела внушить своему разношерстному войску. Да, все же недаром ее жизнь напоминает сказку! Вот пример. Когда на пути в Реймс королевскому кортежу встречается вражеская хорошо укрепленная крепость, осторожный дофин чуть было не поворачивает назад. Жанна клятвенно обещает ему, что крепость будет взята на следующий день. Но ей никто, в том числе и дофин, не верит. В лучшем случае, считают все, крепость удастся взять за три-четыре дня, причем ценой больших потерь, с риском, что на помощь ей придут англо-бургундские войска. Но крепость – и это еще одно чудо в жизни Жанны – не приходится брать: она сама на следующий день сдается без единого выстрела. Что это было? Исполнилась Божья воля? Или заряженная особой энергией Жанна сумела на расстоянии почувствовать паническое состояние духа защитников крепости?..

Возможно, те же исключительные качества помогают Жанне еще до коронации понять: ее звездный час позади. Кроме слов о том, что она скоро умрет, многим запомнились и такие ее слова: “Я боюсь лишь предательства”. Особое чутье подсказывает Жанне, что вокруг нее затеваются недобрые дела, плетутся интриги... Говорят, даже вполне здоровый человек может умереть, если решит, что жизнь не

имеет смысла. Так и Жанна. Ей удается все, даже невозможное, пока она сознает, что нужна королю, народу, Франции. И как только ее вера надламывается, фатальное везение сменяется фатальным невезением...

В самом деле, пойдя после коронации Карла VII походом на Париж, она и ее боевые дружины могут взять столицу. Жанна уже видит перед собой как на ладони великий и прекрасный город. И когда все готово для решающего штурма, из ставки короля приходит приказ: отступить! Карл VII решает вернуть столицу путем торга с англичанами и бургундцами. (И тем самым надолго откладывает свое возвращение в Париж.) А что же Орлеанская Дева? При всех своих высочайших достоинствах и заслугах перед страной она остается смиренной, законопослушной пастушкой — тотчас покоряется воле короля...

Теперь удача изменяет ей на каждом шагу. Она продолжает наносить удары по англо-бургундским войскам, но по сравнению с ее предыдущими победами это мелкие уколы... Однажды она, отступая перед натиском превосходящих сил бургундцев, бросается со своим отрядом к крепости Компьер, верной королю, чтобы укрыться за ее стенами. Но в тот миг, когда она достигает ее, комендант крепости — так и осталось тайной, по чьему наущению он это сделал, — приказывает поднять подъемный мост. Так Жанна с горсткой бойцов оказывается в западне. Она отчаянно сопротивляется, но кавалеристы графа Люксембургского сбрасывают ее с коня и берут в плен.

Заточенную в высокую башню графского замка Жанну охватывает чувство горя, но она не удивляется тому, что с ней произошло. Она предчувствовала и поделилась этим со своими соратниками — что станет жертвой низкого предательства, знала даже, в какую неделю июня 1430 года это произойдет, не знала только в какой день... И все равно она не сдается. Пыталась бежать (или влекомая все той же неподотчетной ей силой?) она выпрыгивает из окна башни, сильно ушибается. Ее схватывают и вновь заточают. Об одном неукротимая пастушка просит графа Люксембургского — не передавать ее в руки англичан. От них, битых ею не раз, ей пощады не ждать. И этот ее страх красноречиво говорит о том, что не была она такой уж фанатичкой, чтобы задаром отдавать свою жизнь...

А что же делает в это время король ее любимой Франции? Да ничего. Он, что называется, сдал Жанну, когда еще отдавал приказ не брать Париж. Кажется, его совсем не грело, чтобы вместо него на белом коне победы в отвоеванную столицу въехала уже начавшая его раздражать пастушка из Домреми. Не все могут короли? Нет, он может обменять ее на именитого пленника из числа англичан или бургундцев. Может выкупить ее у падкого на деньги графа Люксембургского. Но не делает ни того, ни другого. Похоже, его величеству хочется, чтобы пастушка поскорее сошла со сцены истории и люди забыли, кому Карл VII обязан своей короной.

А граф Люксембургский делает именно то, чего больше всего боятся Жанна: за несколько тысяч крон (можно сказать, и серебряников) "уступает" свою пленницу англичанам. А те, разыгрывая спектакль беспристрастности, поручают послушным им французским церковникам провести над "юной ведьмой" суд в Руане, явно рассчитывая на смертный приговор...

Пожалуй, англичане лучше своих союзников понимают, какую силу представляет собой Жанна д'Арк. Тысячи английских солдат переправляются через Ла-Манш, чтобы предотвратить ее побег или возможные беспорядки в Руане. Хрупкого телосложения девушку, словно сильного и опасного зверя, держат в железной клетке скованной по рукам и ногам. Кажется, англичане и впрямь верят, что пленница – колдунья...

И вот чтобы потрафить им и изобличить пастушку в сношении с нечистой силой, церковные судьи лихорадочно ищут против нее улики. К ней в камеру подсылают провокатора (о, как давно это вышло!), чтобы выудить невольные признания. В местность, откуда она родом, отряжаются стражники в поисках "компромата" на нее. (Кому-то из них удалось узнать, что в детстве Жанна вместе с подружками любила танцевать вокруг букового дерева под названием "дерево фей". Инквизиторы в этом усматривают причастность подсудимой к дьявольским игрищам.) Чтобы сломить ее дух, однажды в камеру к Жанне являются несколько разряженных господ во главе все с тем же графом Люксембургским. Он, совсем недавно продавший ее англичанам, теперь готов выкупить ее в обмен на отказ выступать на стороне короля Карла VII. Но дар ясновидения (или тончайшее чутье к фальши?) не покидает Жанну в самые черные дни ее жизни. "Графи! – с достоинством отвечает она. – Я знаю, на самом деле у вас нет ни денег, ни желанья, чтобы освободить меня. И вы надеетесь после моей смерти завладеть короной. Но я вас предупреждаю: у вас ничего не получится..."

114
Всего в процессе над Орлеанской Девой задействовано триста человек. Против нее выставлено 9 докторов богословия, 4 доктора права, 7 бакалавров богословия, 11 лиценциатов права и даже официальный фискал. Ей не дают защитника, хотя согласно каноническому праву если подсудимому меньше двадцати пяти лет, защитник полагается. Следователи и судьи, допрашивая подсудимую, применяют изощреннейшую казуистику. Крючкотворам хочется запутать, на чем-то подловить неграмотную пастушку. Да вот незадача: подсудимая признает над собой лишь Божий суд, а церковный – не признает. Все попытки инквизиторов запугать Жанну разбиваются о ее твердую волю и ясный разум. Сохранившиеся протоколы процесса свидетельствуют о полной моральной победе пастушки над ученым мракобесием ее судей. Вот некоторые выдержки из протокола.

– Ты жалуешься на тяжесть оков... Но не ты ли уже дважды пыталась бежать?

– Я не отрицаю, что по-прежнему хочу сбежать. Этого хочет каждый узник.

– Ты ушла из дома, не получив на это согласие отца и матери. Разве это не грех?

– Даже если бы моими родителями были король и королева, я все равно бы это сделала...

– Поклянись, что ты будешь говорить правду, одну только правду...

– Я скажу обо всем. Но есть вещи, которые касаются только Бога, короля и меня. О них я не буду говорить.

– Верно ли, что ты считаешь себя пребывающей в Божьей благодати?

- Если я вне благодати, то молю Бога, чтобы он ниспослал ее мне. Если же я пребываю в ней, да сохранит меня Господь в этом состоянии.

- Почему тебе поклонялись, будто ты святая?

- Меня любили за то, что я добрая и стараюсь помочь людям.

- Ненавидит ли Бог англичан?

- Все англичане будут изгнаны из Франции, кроме тех, которые найдут здесь смерть.

- Какими колдовскими приемами ты пользовалась, воодушевляя воинов на битву?

- Я говорила им: "Вперед!" - и первой показывала пример...

Пытаясь вырвать у нее признание в чародействе, сутяги с неприязнимо-лицами интересовались, что это за "дерево фей" неподалеку от Домреми и правда ли, что подсудимая любила исполнять под них ритуальные танцы. И Жанна, забыв, что перед ней сидят мрачные и сухие начетчики в сутанах, вдохновенно, словно у нее был и поэтический дар, отвечает им:

- С этого прекрасного дерева к нам сходит чудесный месяц май... Не помню, танцевала ли я вокруг него с тех пор, как повзрослела, однако я больше пела, чем танцевала...

Съевшие не одну собаку на разоблачении ересей, судьи много раз возвращаются к одной и той же теме - к голосам и явлениям Жанне святых. Спокойно, как о непреложном факте своей жизни, она сообщает им, что первым к ней явился святой Михаил.

- ...и был он не один, его сопровождали ангелы небесные. Я их видела собственными глазами так же хорошо, как вас, а когда они покидали меня, я плакала, мне очень хотелось, чтобы они взяли меня с собой...

- Как выглядел святой Михаил, когда явился тебе? - поступает вопрос от одного из судей. - Был ли он обнажен?

Глупость и бестактность вопроса очевидна, и Жанна тотчас ставит инквизитора на место.

- Вы думаете, - говорит она, - что Богу не во что его одеть?

- Были ли у него волосы? - не унимается судья.

- А почему бы их остригли у него?

- Говорила ли святая Маргарита по-английски? - поступает следующий вопрос - ничуть не умнее предыдущих.

- Как она может говорить на языке англичан, - недоумевает Жанна, - если она не на их стороне?

В один из дней процесса судьи явятся к Жанне прямо в камеру. И предупредят ее: если она сама не признается в колдовстве или в ереси, ее начнут пытать.

- Воистину, если бы вы даже вырвали мне руки и ноги и моя душа покинула тело, я бы вам ничего не сказала. А если бы и сказала что-нибудь, то после этого я бы рассказала, что вы силой заставили меня сказать это, - предупредит она инквизиторов.

И тогда они пойдут на хитрость: в обмен на обещание не предавать ее в руки англичан предложат признать церковный суд. И едва Жанна на это согласится, преступные крючкотворы вынесут ей смертный приговор как еретичке.

- Слышишь ли ты все еще голоса святых? - уже под самый занавес будет ей задан вопрос.

— Да, — с горечью и стыдом за свою слабость ответит Жанна. — Они осуждают меня за то, что я отреклась от самой себя, что я, спасая себя, изменила Богу...

Когда Жанне объявят, что ее подвергнут сожжению на костре, она сильно расстроится и с жалобой в голосе воскликнет:

— Ах, я бы предпочла, чтобы мне семь раз отрубили голову, чем быть сожженной! Ах, я обжалую перед Господом Богом, Великим Судней, огромный вред и несправедливость, причиненные мне...

После казни Жанны пройдет не так уж много времени, как адруг о ней вновь заговорит вся Франция. Дело в том, что однажды она (почему-то в сопровождении итальянских кавалеристов) вновь появится в родных местах. Счастливые люди приветствуют великую землячку, целуют ее следы. Братья, увидев гостью, признают в ней свою сестру. Король Карл VII (имея на руках официальное уведомление суда о совершенной казни) вступает с ней в переписку... Однако люди с самого начала замечают, что Жанна во многом не похожа на себя. Прежде она категорически отказывалась от любых подношений, а теперь с удовольствием берет и деньги, и подарки. Она принимает участие в нескольких сражениях на стороне королевских войск, но неудач преследуют и ее, и войска. Вдруг она выходит замуж, сначала за герцога Вюртембергского, затем — за некоего Амбруаза, поселяется с ним в замке и, что уж совсем не похоже на Жанну, занимается разведением капусты!.. И, наконец, сознается, что никакая она не Жанна...

Это был не первый в истории случай самозванства. В древние и средние века (да и в наше время тоже) появлялись лже-императоры, лже-короли, лже-царевичи, лже-царевны... Но чтобы кто-то претендовал на лавры пастушки — такое случилось впервые...

Тень Жанны по разным поводам тревожили еще не раз. Когда Карл VII окончательно утвердится на престоле, он, не желая остаться в памяти потомков королем, получившим корону из рук еретички, велит начать процесс по реабилитации Орлеанской Девы. И вот тогда по всей Франции специальные люди будут собирать сведения о личности и жизни Жанны д'Арк. Крестьяне, принцы королевской крови, важные сановники, ремесленники, генералы, простые солдаты, монахи и монахини — словом, все, кто знал пастушку в детстве или носил под ее белым знаменем за свободу Франции, под присягой рассказывали судьям повторного процесса правду о казненной героине. В результате мы сегодня о ней знаем неизмеримо больше, чем, к примеру, о том же бесцветном Карле VII...

Триста лет спустя имя Жанны вновь стало часто упоминаться. На этот раз — всуе. Разоблачая лицемерие церковных святош, спекулировавших ее именем, знаменитый Вольтер ударился в другую крайность — в одном из своих сочинений представил Жанну девицей легкого поведения, переходившей из рук французских солдат в руки английских. Великий остроумец был, конечно, не прав... Во время французской революции якобинцы, снося памятники французским королям, сваливают и статуи Орлеанской Девы. Как говорится, злобно... В двадцатые годы нашего века католическая церковь во искупление жестокой ошибки, допущенной в отношении Жанны д'Арк, провозглашает ее святой. Казалось бы, канонизация Орлеанской Девы положит конец всем домыслам вокруг ее имени. Но нет, в шести-

десять годы во Франции выходит книга, в которой утверждается, что Жанна д'Арк родилась не в Домреми, где лишь воспитывалась, а в Париже и была внебрачной дочерью королевы Изабеллы. Оттого, мол, она тотчас узнала своего сводного брата Карла Валуа в плохо освещенном зале. По всей видимости, этим и другими притянутыми за уши доказательствами автор хотел сказать своим читателям, что верить великие дела пастушкам дано лишь в том случае, если в их жилах течет голубая кровь... В нашей стране свято чтят память национальной героини Франции. Однако время от времени и у нас находят люди, у которых подвиги Жанны вызывают то сомнения, то раздражение. "Пусть сначала французы поставят фильм о Зое Космоземлянской..." — заявит один из генералов советского кино, запрещая антиталантливейшему режиссеру начать полномасштабные съемки фильма о Жанне д'Арк...

Полтысячи с лишним лет прошло со дня гибели Орлеанской Девы. А спор о ней продолжается. И белое знамя ее любви к Богу и Франции все еще реет над грешной землей...

И в заключение — некоторые подробности о том, как проходила казнь Жанны. Благодаря им читатель, надеюсь, убедится, что жизнь нашей героини, как, может, ничья другая, более всего соответствует смыслу рубрики "Драмы великих сердец".

На место казни, площадь Старого Рынка, ее привезут на рассвете 30 мая 1431 года. Привяжут к столбу, вмонтированному в гипсовое основание. Останутся минуты перед тем, как запылает разложенный у подножия костер. Но, кажется, Жанна все еще не верит, что сейчас оборвется ее жизнь. Она смотрит на угрюмую толпу пригнанных на казнь людей и громко жалуется на свою судьбу Богу и святым. Лишь когда с жутким треском запылает костер, она умолкнет. Но вот жадные пламя все ближе подбирается к фигурке, увитой веревками, затем охватывает ее всю, и тогда сквозь треск поленьев, едкий дым, жгучее пламя, удушье, ни с чем не сопоставимую боль и нестерпимую душевную муку маленькая девчушка, которую в семье звали Жаннетой, почти еще и не жившая и мало еще что в жизни испытывавшая, запрительно пронзительным голосом закричит:

— Иисус!!!

И потом уже умолкнет навсегда.

Один английский солдат, рассказывали свидетели казни, при виде зрелища ужасной расправы застынет, словно камень, долго не сможет пошевелиться и словно бы лишится разума. Другой очевидец, когда бедная Жанна испустит последний вздох, отчетливо увидит, как из бушующего, вихрем выходящего огня выпорхнет белая голубка и быстро полетит — не куда-нибудь, а в сторону Франции. И лишь следом за этим над Руаном наконец поднимется солнце, а до этого мига оно было словно не в силах видеть, какое жестокое и несправедливое дело вершится на земле. Многие из тех, кто присутствовал на казни, уходили с площади с постыдным чувством, что на их глазах и с их молчаливого согласия сожгли невинное существо... Но великая маленькая пестушка и сгорев, останется непобежденной. Все ее тело превратится в пепел, а вот сердце каким-то чудом уцелеет — будто живое, оно было наполнено алой кровью прекрасной, неповторимой Жанны, вместе с дымом и огнем унесенной от нас в бессмертие...

ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА

ФЕДОТОВ

118 Русский художник Павел Андреевич Федотов прожил жизнь героическую. Возможно, кому-то это утверждение покажется чрезмерно смелым или спорным, но это — правда. Конечно, трудно связывать понятия “героизм” и “подвиг” с автором “Свежего кавалера” и “Сватовства майора”, ибо героизм предполагает нечто весомое, грандиозное, а у него все так обыденно и анекдотично. Нет ни исполинских размеров, ни масштабных, эпических тем, ни революций в живописном языке, все намеренно просто, понятно. И все-таки Павел Андреевич Федотов в невозможных условиях сделал невозможное — стал великим художником, создал живопись, которая оказалась событием для всего русского искусства. Если учитывать громадный потенциал его возможностей, сделанное им кажется совсем невелико: всего лишь несколько масляных жанровых картин, очень скромных по размеру, но, если вникнуть в горестные обстоятельства его жизни, если рассмотреть, в каких условиях и как творил он свое искусство, то тогда соотношение масштабов изменится в пользу Федотова. Трагедия Федотова — трагедия человека из народа, человека, который сделал героическую попытку вырваться из тех нетворческих, косных условий жизни, в которых рос, и подняться над ними. Но обо всем по порядку.

Павел Андреевич Федотов родился в 1815 году в Москве в семье отставного военного. Отец его, женатый на матери Федотова вторым браком, имел от первой жены, пленной турчанки, двоих сыновей, а от второй еще шесть детей, из которых, правда, лишь

Согулна (автопортрет с отцом и сестрой). 1837 г.

немногие дожили до сознательного возраста. Обосновались Федотовы в Яузской части Москвы, "у Харитона в огороде", как позже писал Павел Андреевич, по-московски просто и без затей: в маленьком деревянном домике с собственным огородиком. Жили бедно, но зато привольно и нестесненно. Федотову не было нужды потом "изучать жизнь". "Все, что вы видите на моих картинах, — писал он, — (кроме офицеров, гвардейских солдат и вярдых дам) видно и даже отчасти обсуждено во время моего детства".

Очень важно сказать об отце Федотова. Простой солдат, дослужившийся до чина поручика и заслуживший собственными ратными подвигами дворянство, принадлежал к тому народному типу людей, которых всегда было немало на Руси. Скромный, честный и работающий, в общем, рабочая лошадка, на которую сколь ни клади, все будет безропотно тащить свой воз до тех пор, пока не свалится от чрезмерного напряжения. Стойкий и неприхотливый русский характер, душевное здоровье, крепкая народная жила и помогли отцу выжить и состояться. Потому, когда десятилетнего Павла отец отдал в только что открывшийся московский кадетский корпус учиться на офицера, у того не возникло ни драм, ни капризов по поводу необходимости вживаться в чужой, казенный и казарменный мир.

Федотов оказался на редкость способным и трудолюбивым учеником: и в математических науках, и в гуманитарных, а в полевых занятиях — всегда был лучше всех. Кроме того, обладал массой талантов: прекрасно пел, играл на гитаре и флейте, писал стихи и рисовал презабавнейшие карикатуры на учителей и товарищей. Сознал ли он тогда свое призвание? Хотелось ли ему иной судьбы? Вряд ли. Он был вполне доволен жизнью. Его молодые, богатырские силы легко и играючи проявляли себя везде, а рисование стало для него одним из способов убить свободное время, позабавить приятелей или заработать лишнюю булку, направляя рисунки другим — неуспевающим или неспособным ученикам...

В 1833 году Федотов первым учеником закончил училище и получил направление в гвардейский полк. Первый крупный успех, первое достижение, тем более отрадное, что все сам, один, без протекции и родительской опеки, без назойливых хлопот со стороны заботливой родни. Да и родни у него к тому времени почти не было: мать и брат умерли, остались отец да две сестры, прозябавшие в темной и скудной бедности.

Федотов приезжает в Петербург в лейб-гвардии Финляндский полк. Переезд в столицу, офицерство мало что изменили в его жизни: опять те же казармы, лагеря, караулы и ужасающая, унижительная бедность, которая будет преследовать его всю жизнь, пока, в конце концов, не задушит. Впрочем, Федотов не унывает — не тот характер. Жизнь обделила его богатством, зато наградила талантами и мягким, покладистым нравом. Поставят, бывало, его на караул: другому бы скука смертная, а ему бесплатное развлечение, театр — кого только не переждит за целый день у Триумфальных ворот. "Какая смесь

одежд и лиц, наречий, сословий, что за костюмы! Вот тебе пища, — заносит он в записную книжку. — Бессмертный Гогарт, воскресни своею кистью!» А дома другое занятие — рисование. «Служа в гвардии на одном жаловании (600 рублей ассигнациями)... подвергаясь всевозможным лишениям, — вспоминал он в автобиографии, — и сидя больше дома, должен был занимать сам себя». Рисование давало не только приятное времяпрепровождение, но и подогревало молодое самолюбие, выделяло из серой офицерской толпы. «...пустой перед окнами вид был первым опытом передразнивать натуру. Дальше карандашом задел прохожих; а потом, упросив одного из снисходительных товарищей посидеть смирно, срисовав его похоже, возбудил у других уже собственное желание посидеть смирно; опять похоже, потом опять — и вот начали уже говорить, что всегда делает похоже». Это было приятно, «самолюбие подстрекнулось». Его способности к рисованию стали очевидны для всех, и прежде всего для него самого. Через полгода после вступления в полк он записывается в вечерние рисовальные классы Академии художеств. «Очутился в совершенно новом мире... На экзамене номера ставят не по чинам. Сладко недостаточному и без связей человеку попасть туда, где каприз фортуны ничем. Дорога открыта всякому». Но то-то и сладко, что всякому. В армии он — никто, так, бедный офицерик, а тут, пожалуйста — покажи свой талант, нарисуй что-нибудь необыкновенное, и будешь первым номером. Это ли не стимул для разгоравшегося самолюбия?

И вот молоденький офицерик покупает в лавках литографированные «оригиналы», пособия по анатомии и перспективе, гипсовые руки, ноги и головы и начинает свои бесконечные студии. «В пользу рисования строил гримасы перед зеркалом, — записывает он в дневнике, — тоже наука». Потом в Парголово — этюды с натуры. И наконец — портреты. «Все лица, знакомые Павлу Андреевичу, были перерисованы по несколько раз, во всех видах, и он набил свою руку до того, что мог, шутя, одною чертою, изображать того или другого из своих приятелей, товарищей и начальников». Через пару-тройку лет он уже «начал замышлять сделать акварелью целую картину». А тут как раз и сюжет подходящий сыскался: великого князя Михаила Павловича его любимцы-гвардейцы встречают после перенесенной им тяжелой болезни. И сюжет сам по себе хороший, и начальству может понравиться. Так оно и вышло. Показал эскиз командиру полка, потом — Михаилу Павловичу, тот похвалил да еще и трехмесячный отпуск (впервые за 3 года!) предоставил для написания картины. За эти три месяца Федотов и в Москву успел съездить, и картину закончить, и еще написать три чудесные акварели — портрет отца, автопортрет с отцом и сестрой, уличную сценку в Москве, где уже виден весь будущий Федотов с его добродушным юмором и любовью к живым, не тушеванным деталям. Картина в красивой рамочке, под стеклом, была поднесена великому князю. Ее не только милостиво приняли, но автору в благодарность за работу передали бриллиантовый перстень. «Этим-то перстнем, — пишет о себе Федотов в третьем

лице, — окончательно припечаталось в его душе художественное самолюбие”.

Захотелось большего. Вскоре он задумал еще одну акварельную картину — “Освящение полковых знамен в Зимнем дворце”. Почти все фигуры и лица были прорисованы, да вот незадача: его как образцового офицера на год откомандировали в учебную команду. А “тут надобно к службе удвоенное внимание, — прощай рисование!.. Утром учење в манеже, вечером по-домашнему в казармах возня с недоучками, в праздник пригонка амуниции, и это тянется год”. Но все плохое рано или поздно кончается, кончилась и утомительная командировка. За офицерское усердие начальник команды, генерал-адъютант Веймарн пообещал каждому отличившемуся, что в случае нужды “дверь его не будет заперта”. На следующий же день Федотов, не откладывая дело в долгий ящик, явился к нему с незаконченной картиной и с просьбой — поспешествовать ее окончанию. Тут-то фортуна повстоящему улыбнулась настырному офицеру. “Веймарн, — пишет Федотов отцу восторженное письмо, — был так внимателен — представил меня его высочеству... Картина чрезвычайно понравилась князю, и он не утерпел показать ее в этот же день государю”.

Царь принял неожиданное решение: “приказал предоставить ему право добровольно оставить службу и посвятить себя живописи с содержанием по сто рублей ассигнациями в месяц”. Эта царская милость застала Федотова врасплох. В самом деле, впереди ждала накатанная военная карьера, и лет через пятнадцать, при его-то усердии и образцовой службе, непременно привела бы к генеральским эполетам. А что искусство? Добьется ли он, художник-самоучка, тех же успехов, которые гарантированы ему в военном деле? Федотов сомневается, нервничает и советуется с Брюлловым. Тот отговаривает. В 25 лет становиться художником? Поздно. “Надо начинать рисовать с младенчества, чтобы приучить руку передавать мысли и чувства...” Все это очевидно и без Брюллова, но душа уже навсегда отравлена искусством. Три года он мечется, сомневается и не решается сделать последний шаг. “Страшно, жутко мне было в то время: я все еще сомневался в своих силах; я все еще не верил себе; мне все еще чудилось, что я только простой рисовальщик, а не художник. Я не был французом... русская солдатская кровь текла у меня в жилах — самонадеянности глупой нисколько во мне не было...”

Но наконец жребий брошен, и 3 января 1844 года, ровно через десять лет после вступления в полк, Федотов оставил службу. Товарищи устроили ему прощальный обед, на котором много танцевали, пели и главное — желали всяческих успехов. Почему-то все были уверены в его успехе, в том, что “изберет себе какой-нибудь легкий, доходный род живописи, скоро набьет себе руку и, может быть, составит порядочное состояньице”. Возможно, он и сам думал так же... Выйдя из полка, Федотов снял две крохотные комнатки в ветхом домике, поселился там вместе с преданным денщиком Коршуновым и со всем усердием начал изучать батальную живопись. Поначалу дело спори-

лось: он посещал в Академии классы ведущего специалиста Зауервейда, "начал изучать коня со скелета", выполнил несколько композиций на военные сюжеты, но потом все застыло. Что-то сопротивлялось в нем изображению бесконечных военных сцен. Душа требовала чего-то другого, рвалась из простор, к жизни. И Федотов целиком отдается любимому делу — жанровой живописи.

Каждое утро по старой армейской привычке он подымался спозаранку, обливался холодной водой и отправлялся на улицу, в сторону Большого проспекта. Его влекла масса незнакомых людей, кипение жизни, чужие лица, случайно подслушанные разговоры, забавные сценки. Что ни лицо, то целая жизнь, что ни разговор, то чья-то тайна. Вот, например, молодой чиновник. Как он важен, солиден и сдержан. Как величественно держит себя. Интересно, таков ли он и дома, когда болтает с кухаркой? Или — бедный художник с папкой в руках. У него жалкое, измученное лицо, старые заштопанные брюки. Туго, видно, приходится. Дома — жена, дети. А искусство не кормит. Или старая барыня с глупым капризным лицом. Она ругает свою бедную забитую служанку и тут же ласкает любимую избалованную собачонку. Что-то будет, если собачка издохнет? Тысячи сюжетов просятся на бумагу, только успевай заносить. Однако всего пересказать невозможно, и он выбирает 9, на его взгляд, самых ярких сюжетов для создания серии из 9 сцен. В этой серии — и чиновник, и красивая, соблазняемая девушка, и бедный художник, и смерть собачонки, но главное в ней, несмотря на излишнюю театральность, некоторую назидательность и откровенную анекдотичность, — острый наблюдательный взгляд и склонность к правде.

Приблизительно через год после отставки, когда казалось, что он уже достаточно освоился и в рисунке, и в акварели, Федотов решил попробовать себя в масляной живописи. Ему уже исполнилось 30, но по-прежнему он ничего не имел: ни семьи, ни солидного положения, ни денег, одни только смутные, неясные надежды на будущее. Его близкий приятель Дружинин вспоминал: "До нас изредка доходили слухи о том, что он приступил к масляным краскам, работает утром, вечером и ночью, при лампах или при солнечном свете, в Академии или дома, — работает так, что даже смотреть страшно, не давая себе ни пощады, ни снисхождения, ни отдыха... В редкие часы свиданий по бледному лицу Федотова можно было догадаться о вседневной, тяжелой работе. Волосы его сделались очень редки, глаза постоянно казались утомленными; но бодрость и веселость духа значительно увеличились". Ни один самый прилежный ученик Академии не угнался бы за этим тридцатилетним аскетом и мучеником искусства. Он вгрызался в незнакомый ему материал, как вгрызаются крестьяне-переселенцы в дикую, не паханную землю, — с тем же упрямством и азартом. Изюм дня в день одно и то же — бесконечная самодрессировка: этюды гипсовых голов, рук, ног, лица, драпировок на манекене...

Когда почувствовал в масле себя увереннее, "для практики" начал писать портреты своих знакомых. Мамаши, дочки, отцы

семейств, знакомая молодежь – все пали жертвой федотовской страсти. Никто не относился к его портретам серьезно, все смотрели на них, как на баловство, как на необходимые штудии своего хорошего знакомого. Да он и сам к ним относился точно так же – никогда за свои портреты денег не брал, а раздаривал их. А между тем его портреты – не школярские поставки, среди них есть отличные, классические вещи. Может, оттого, что никто не относился к его работам как к настоящим серьезным портретам, да и в самом Федотове видели не таинственного Художника, а своего милого Павла Андреича, а все федотовские герои вышли так незатейливо просто, по-домашнему. В этом есть что-то от волшебства, как будто Федотову удалось чудесным образом сохранить, законсервировать уютный мирок своего петербургского кружка, и он показывает маленькие, тесные комнатки с уютной мебелью, с креслами, столиками, абажурами, где живут добрые и простые люди – “наши соседи”. Сколько во всем этом доброты, тепла, мирной поэзии и бесхитростного любования!

Чуть позже Федотов, наконец, рискнул приняться и за первые “несложные” картины: “Свежего кавалера” и “Разборчивую невесту”. Сюжеты для них выбрал не то чтобы мелкие, а прямо анекдотические, пригодные скорее не для картин, а для карикатур какого-нибудь юмористического журнала. Кажется, что, берясь писать анекдот, Федотов пишет вовсе и не его, а жизнь, в которой происходят подобные анекдоты. Его переполняют жизненные впечатления, собственный житейский опыт, ему не терпится поскорее рассказать, как люди живут на самом деле. Здесь есть что-то от фокусничества, от подглядывания: важный чиновник, который так солидно по проспекту прогуливался, теперь перед кухаркой куражится, да еще в каком виде! Или гордая невеста – вон как рада-радешенька жениху-уроду, или же петербургский щеголь, модник – как чванится своими дорогими нарядами, как презирает тех, кто победнее его, а что ест – кусок черного хлеба! Но попутно, подсматривая, Федотов успевает не только “засветить” своих героев, но и “схватить” всю обстановку, в которой они живут, ибо для него обстановка иногда интереснее самих людей, она больше может рассказать о них... Вот и получается, что, рассказывая анекдот о глупом чиновнике, он попутно рассказывает и всю его жизнь – об убогой бедности, о хамстве, о безобразии и грязи всего мелкочиновного быта, о неприглядности и запущенности петербургских углов. А в “Разборчивой невесте” и в “Аристократе” Федотов как будто и вовсе забывает о своих героях, зато с жадностью художника набрасывается на обстановку. С каким изяществом и щегольством он отделяет кабинет Аристократа, как любитесь дорогими, красивыми безделушками, столиком из красного дерева, картиночками, статуэтками. И как все смачно, осязаемо!

Но, конечно, самой превосходной федотовской картиной, его вершиной стало знаменитое “Сватовство майора”. Вот уж где талант, мастерство развернулись в полную силу и с потрясающим блеском. Наконец-то та жизнь, которая переполняла и мучила

его, которая просилась на холст, к зрителю, излилась с исчерпывающей полнотой. Хотя, кажется, и здесь Федотов поначалу хотел просто подшутить, поиронизировать над своими героями. А кончилось нежданно-негадано — объяснением в любви: и миру, и людям. Ибо “Сватовство” — одна из самых теплых, человечнейших и “христианнейших” картин в русской живописи: здесь все любовь, приятие и единение с миром. Не напрасно Федотов так долго “носился” с картиной, как будто это была его последняя, лебединая песня. Не напрасно с таким упорством перетаскивал из мира реального в свой, вымышленный мир все то, что любил и обожал. Сколько в ней торжества благополучия, семейственности и уюта! Эти блестящие, мерцающие в полумраке хрустальные подсвечники, графинчики, рюмочки! А кулебяка? Ее беднейший Федотов покупал на последние деньги, писал, а потом съедал вместе с верным Коршуновым. А персонажи? Например, седобородый папаша-купец, Федотов целый год искал его, бегал, приглядывался к знакомым лицам, пока однажды на улице не встретил то, что нужно, и потом кланчил, уламывал, чтобы согласился, а тот все гудел: “Нельзя, батюшка, это грех”. А роскошные платья, лица, бесподобные пальчики кухарки, приживалка зади нее — ну точно брейгелевский персонаж. Нет, это вовсе не анекдот, не забавный сюжетец о недалеком майоре, тут явлен целый мир — огромный, живой и настоящий...

Когда Федотов только работал над “Сватовством”, он не утерпел и отнес в Академию своих первенцев: “Кавалера” и “Невесту”. Из Академии они попали к Брюллову. И вот наступила решающая минута: встреча художника-самоучки, самостоятельным трудом пробивающим себе дорогу в искусство, и знаменитого профессора, мэтра. “Что вас давно не видно?” — был первый вопрос Брюллова. Разумеется, Федотов ответил, что не смел беспокоить его в болезни. “Напротив, — продолжал Брюллов, — ваши картины доставляли мне большое удовольствие, а стало быть, — и облегчение. И поздравляю вас, я от вас ждал, всегда ждал, но вы меня обогнали...”

Сейчас трудно, почти невозможно представить, чем были эти простые слова великого художника для бедного, скромного, никому не известного Павла Андреевича Федотова, прозябающего в жалких комнатках на Васильевском острове. Значит, все было не напрасно: ни труд, ни слезы, ни страдания, — все принесло свои плоды.

В конце апреля 1848 года Академия признала его “Кавалера” и “Невесту”, а в сентябре того же года за “Сватовство” ему присвоили звание академика. Но главный фурор, нежданный и непредсказуемый успех ожидал его на академической выставке в октябре 1849-го. Сотни людей ломились на выставку, пробегали мимо скучной серятины и рутины, чтобы посмотреть, как на чудо, на три маленькие вещицы никому доселе не известного живописца. “Во всех кругах петербургского общества только и было речи, что о замечательном вновьявленном таланте-самородке; газеты и журналы трубили Федотову восторженные хвалы, распространяя его известность и за пределы столицы; художники без зависти признали его не имеющим в своем роде соперников в

их среде, а наиболее дальновидные между ними стали смотреть на него, как на пионера нового живого направления русской бытовой живописи”.

Было от чего потерять голову. Из безвестности — и сразу в герои. На выставке Федотов стоял в сторонке, исподтишка поглядывая на восторженную публику, а потом, осмелев, читал перед “Сватовством” собственную поэму, сочиненную к случаю. Десятки незнакомых людей теперь почитали за великую честь познакомиться с замечательным и несравненным Павлом Андреевичем. Красивые, изящные девушки из хорошего общества баловали его своим вниманием, приятно лаская так долго уязвимое самолюбие. Это были счастливейшие, блаженнейшие минуты его жизни.

А в январе следующего года Федотов уже спешил в Москву — к отцу и сестрам. Увы, в семью его звали несчастья: у младшей Любы, скончался пьяница-муж, остались долги и дети. Нужно было что-то срочно предпринимать, помогать, платить. Федотов взял в счет задатка триста рублей у знакомого коллекционера Приищникова, который домогался его картины “Сватовство майора”, и отправился в Москву. Эта поездка стала началом его конца. Правда, сам он пока об этом даже не подозревает, потому что, за исключением семейных дел, все идет превосходно. Он захватил в Москву свои знаменитые картины и сени, и уже через две недели к его приятелю в Петербург летело счастливое письмо: “Мои картины производят фурор, и мы здесь помышляем устроить маленькую выставку из моих эскизов и конченных работ. Новым знакомствам и самым радостным, теплым беседам нет конца. В участии моего отца и сестры-вдовишки первые лица города приняли участие; с Божией помощью, я надеюсь, что их обеспечат навсегда”. Действительно, москвичи приняли его “на ура”. Самые известные люди, о знакомстве с которыми он два года назад и помыслить не смел, теперь зазывали его в свои дома. Шевырёв, молодой Островский, Т. Грановский, Буслаев, Хомяков, Погодин, Чаадаева, известные меценаты, графиня Е. Ростопчина и, наконец, сам Гоголь — вот неполный перечень его московских поклонников.

Увы, как недолго и непрочно было его московское счастье! Какой обманчивой и неверной птицей оказался громкий успех. Из Москвы Федотов вернулся помрачневшим. Для его друзей “вскоре сделалось ясным, что Павел Андреевич, вместе с тысячью самых отрадных воспоминаний, вывез из старой столицы одну мысль — мысль скорбную и томительную. Семейство свое он оставил в положении более чем стесненном, после долгой разлуки он увидел особ, дорогих его сердцу, посреди нищеты совершенной и оставил их, убедясь в том, что все жертвы, им приносимые в течение стольких лет, оказывались недостаточными...” Самая

Не в пору гость (Завтрак аристократа). 1848-1850 г.

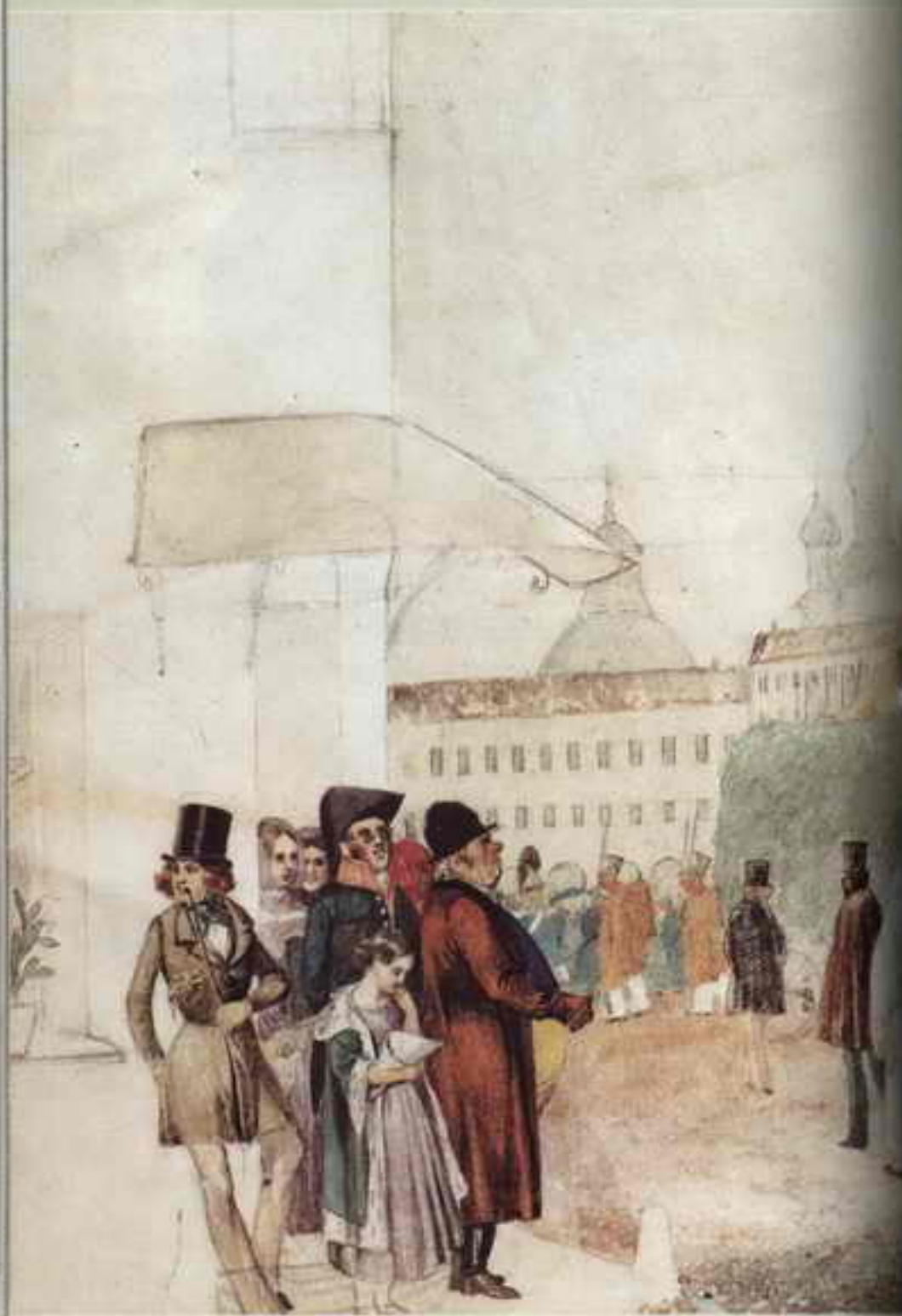
Уличная сцена в Москве во время дождя. 1837 г.

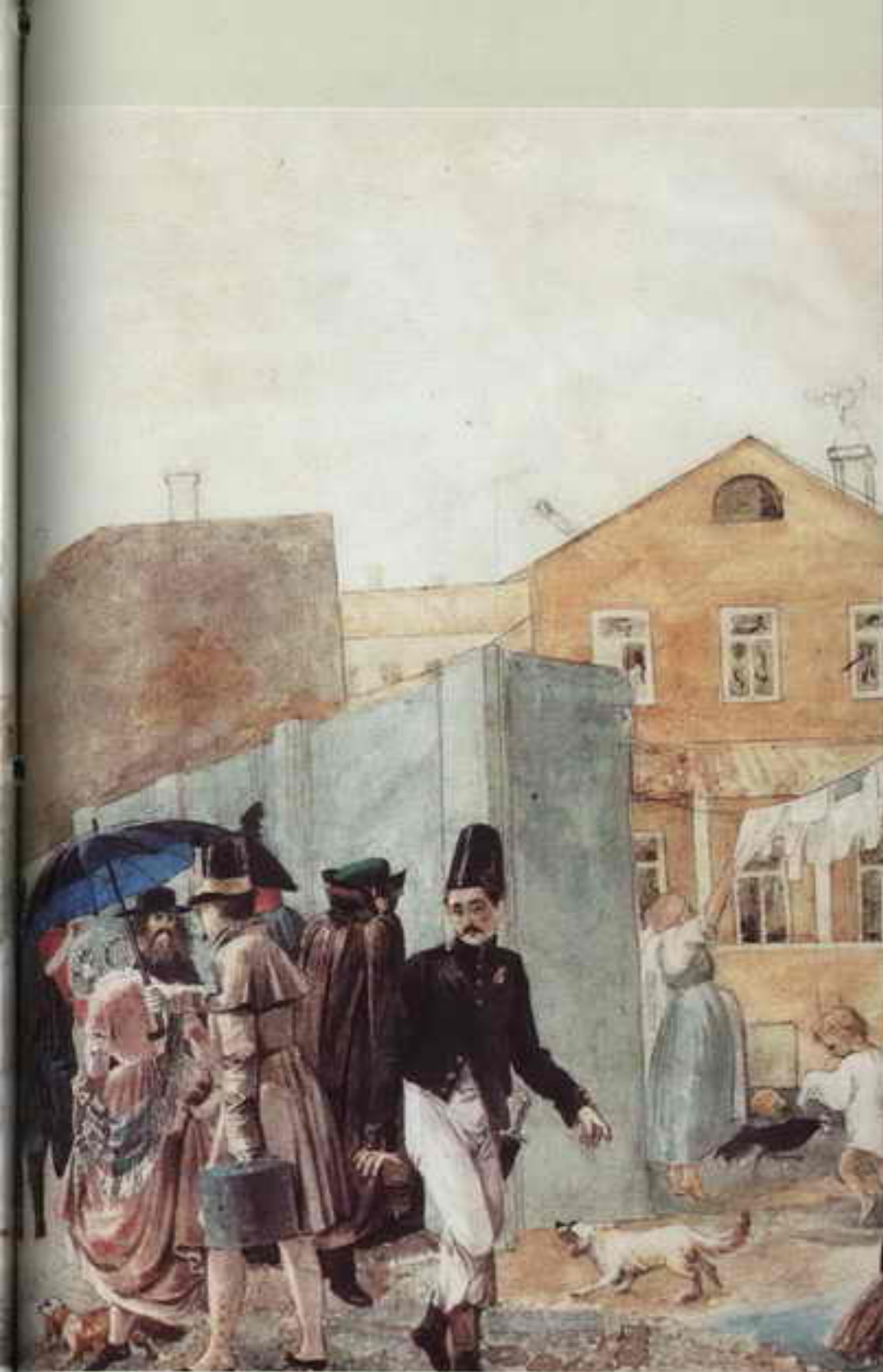
Разборчивая невеста. 1847 г.

Вдовишка. 1851 г.

Сватовство майора. 1848 г.

распространенная среди российских художников болезнь – нищета – набросила ему на шею тугую петлю и медленно сдвинула горло. Правда, Федотова не так-то легко прогнать – у него крепкий характер, крестьянская выносливость, и, кроме того, теперь он не просто обыкновенный человек, до которого никому нет дела, а российская знаменитость. Сам Прянишников, известный меценат, член Государственного совета, предлагал ему на выставке за “Сватовство” 2000 рублей серебром. Правда, тогда Федотов отказался, ну да в любой момент картину можно было продать и получить свое.

И Федотов начинает действовать. Первое – он решил печатать литографии со своих картин; они давно уже стали народными, и дело должно оказаться прибыльным. Второе – писать копии со своих же картин. И третье, на самый крайний случай (как это ни ужасно), – продать свои любимые картины.

И вот тут в его жизни неожиданно случился сбой. Все планы рассыпались как карточный домик. Литографии? Но цензура не пропустила к печати “Свежего кавалера” по смехотворной причине: якобы неприлично изображение орденового креста, “повешенного к домашнему костюму при неопрятных прочих околичностях”. Федотов смущен. Он бежит в Академию и добывает справку, доказывающую замечательные живописные достоинства его картин. Напрасно – не помогает. Он пишет письмо начальнику Главного управления цензуры Мусину-Пушкину: “У меня в Москве 80-летний отец, две сестры, из них одна вдова с двумя малолетками... От имени сирот, ваше превосходительство, прошу не откажите в снисходительности внять представленным мною причинам...” Снова отказ. Он пишет письма своему давнему знакомому, а ныне большому человеку – начальнику Штаба военно-учебных заведений. Просьбы, мольбы. И снова – молчание. Правда, ему чуть-чуть прибавили пособие, но это ничего не меняет.

Оставалось единственное и самое последнее средство, с которым он все тянул, рассчитывая как-то вывернуться и переиграть судьбу, – продажа картин. Скрепя сердце он соглашается продать “Сватовство” и “Кавалера” давно ожидавшему их Прянишникову. Но Прянишников, тот самый милый Прянишников, с которым он знался восемь лет, вдруг объявил, что купит обе вещи за полцены да еще в рассрочку. “Добрый” любитель искусства рассчитал верно: Федотову деваться было некуда. И все-таки какое-то время он упорно барахтался. Искал других покупателей. Все напрасно. Везде – отказ. Все как будто нарочно сговорились подтолкнуть его принять невозможные, унижительные предложения Прянишникова. Вот черновик письма к меценату. “Понимаете, как мне дорого самолюбие... Меня нужда гнетет. А вы богач. Если скажете: я вас знать не хочу, а зачем заискивали? Сколько я обдумал, я оскорбляю в себе чувство стремления к изящному, а это мое единственное благо. Эта цена унижает и меня и вас. Я, который сделался известным, отличаюсь самостоятельностью мысли. Лучший... Неужели только 1000 р.?”

Прянишников-таки купил его “Сватовство” за 1000 рублей, а “Кавалера” за 500, но в самом Федотове что-то надломилось. Ку-

да девалось его прежние благодушие, его легкий, добрый, почти детский юмор, его непроницаемый оптимизм и доверие к миру? Их и след простыл. Когда на него только посыпались все несчастья, он задумал картину под названием "Вдовушка". Сюжет печальный и так мало напоминающий прежнего Федотова: молоденькая вдова стоит пригорюнившись возле связки вещей, которые отдаются за долги кредиторам. На первых порах Федотов как будто не замечал драматизма сюжета. Он с прежним щегольством отделывал красивые живописные детали: золотые рамы и оклада, пестрые клубки ниток на комод, красные блики на металлических предметах. И только закончив картину, он почувствовал, что сделал что-то не то. Ведь хотел изобразить одиночество покинутого человека, а получилось нарядное сверканье самоварных бликов. Тогда он начал второй вариант, но тот тоже его не устроил, и наконец, последний — третий. И вот тут только ему удается что-то зацепить. Правда, сама фигура вдовушки по-прежнему фальшива, в ней мало жизни и подлинного чувства, но зато в комнате, особенно в темном углу, где теплится слабый пламя свечи, появляется то тягостное ощущение тоски, распада и уныния, которого, собственно, и добивался Федотов. Это далеко уже не прежние веселые и нарядные федотовские комнаты, а унылое и печальное жилище одинокого человека. словно тень печали легла на светлый федотовский мир.

А дальше — больше. У Федотова появилась тяга к сумеречному и даже ночному освещению. Ему как будто мерещится в потемках жуткая тайна. Вот он пишет маленькую картину на давно задуманный сюжет: офицер и денщик. Офицер играет с котенком, денщик раскуривает кальян. Сюжет вполне невинный и в духе Федотова: так, забавная сценка из армейского быта. Но беспокойное пламя свечи, кусок ярко-красной полыхающей скатерти, черные тени, расплзающиеся по стенам крошечной каморки, рождают ощущение беспокойства и непрочности, смутное предчувствие чего-то недоброго и страшного. Правда, весь этот хрупкий жалкий мирок еще каким-то чудом держится на офицерской доброй улыбке; а вот в "Анкор, еще анкор!" этой слабой подпорки уже нет. Надсадный, дилеттский вопль измученного человека. Ничего похожего русская живопись до сих пор не знала. Это была самая последняя и самая безнадежная правда о человеке. Еще лет за двадцать до "Анкора" молодой Гоголь, выезжая однажды из Миргорода, с грустью обронил: "Скучно на этом свете, господа!", и вот теперь Федотов, еще недавно такой мирный, домашний и уютный, кричит: "Страшно, страшно на этом свете, господа!" И куда только девался его прежний приветливый и ласковый мирок с пустыми и красивыми безделушками? Где милые герои — кавалеры, невесты и майоры — глуповатые, смешные, но все-таки родные и свои? Все рассыпалось и исчезло, как будто и вовсе не было. А осталось вот что: одиночная камера, погибающий человек, скачущий словно бредовая горячечная мысль пудель и крестовина окна, как решетка тюремной темницы, сквозь которую виднеется близкий и теплый, но недостижимый мир. Это и есть жизнь, говорит Федотов.

Параллельно он пишет еще одну страшную картину "Игроки". На все лады он с той же маниакальной одержимостью, с какою прежде воспевал тепло человеческого уюта, теперь повторяет одну и ту же мысль: мир страшен и бесчеловечен, и добро в нем обречено на гибель. Кажется, он даже с какой-то тайной радостью и мстительностью разрушает все, что было ему когда-то дорого. Вещи? Комнаты? Люстры и рюмочки? Вот вам они! Жуткая, похожая на одиночную камеру конурка из "Анкора" и пустое, вымороченное, бредовое пространство "Игроков" с зияющими дырами рам без картин. Где тот бравый, самодовольный майор, подкручивающий усы в предвкушении славного знакомства? Теперь это жуткий оскал проигравшего жизнь человека. И так во всем: "где стол был иств, там гроб стоит". Где была любовь, там пустота и отчаяние, где вера, там ужас раздавленного жизнью человека...

Весь последний год Федотов работал с азартом, с какой-то горячечной, воспаленной энергией, словно имел перед кем-то тайные обязательства перелить то новое страшное знание, что открылось ему, в свои картины. К весне 1852 года его железный, сделанный, казалось, на сто лет организм начал сдавать. Он жаловался на боли в глазах и на усталость. Его близкий приятель Дружинин звал его с собой отдохнуть, обещал устроить в деревне мастерскую среди белых роз, но Федотов не соглашался: ему нужно готовиться к осенней выставке в Академии, он остался в Петербурге. В начале лета за ним начали замечать некоторые странности: однажды он куда-то исчез, и верный денщик долго искал его. Нашел за городом. Федотов сидел на гранитном камне, "сидел долго, долго, схватив голову руками, и зарыдал. Вот когда оборвались натянутые струны!.. Коршунов увел его на квартиру, Федотов плакал дорогой и навзрыд заплакал на квартире, катаясь по полу". Потом его видели бродящим по Петербургу. Он сорил деньгами, раздавая направо и налево то, что получил за картины, заказал себе гроб, предварительно примерив его, выдавал себя за Христа, а в нескольких домах сделал предложения знакомым барышням из порядочных семейств. Наконец, кто-то догадался, что с ним, и его увезли в дом умалишенных.

Конец был ужасен. Известный поэт Жемчужников, приятель Федотова и один из авторов Козьмы Пруткова, сам чуть не тронулся умом после посещения его в темную осеннюю ночь в сумасшедшем доме. Судьба безжалостно и с какой-то изощренной беспощадностью добивала одного из лучших и светлых художников России. Слава Богу, мучения его длились недолго. 13 ноября 1852 года Федотов пришел в себя и пожелал увидеть своих друзей. Коршунов послал к Бейлеману больничного сторожа, но тот пропьянствовал всю ночь и явился с Жемчужниковым только 14-го, когда было уже поздно. "Теперь, в отставном мундире лейб-гвардии Финляндского полка, он лежал на столе. Поклонились мы ему до земли и, простившись, уехали. Из знакомых его до нас и при нас никого не было".

Павлу Андреевичу Федотову шел только 37 год.

ЛЕЧИ МОЖНО И В

ГАЛИНА БРЫНЦЕВА

“Если в обыкновенной больнице в наши дни умудряются кормить больных не просто прилично, но и по шестнадцати диетстолам — значит, там работают какие-то необыкновенные люди. Может получиться интересный материал, поезжай”, — сказали в редакции, отправляя меня в командировку.

Пропала командировка

...Вахтер больницы был “взаимно вежлив” и улыбался. Лифты бесшумно сновали вверх-вниз — работали... В приемной, куда выходят двери кабинетов начальника и его зама, и кожаная мягкая мебель и компьютер с фансом — все было по высокому коммерческому классу. В обычной больнице так не бывает. Не пробыв в пункте моего санкт-петербургского командировочного назначения — 122-й медсанчасти — и пяти минут, почувствовала: все мои нехорошие опасения, возникшие утром по приезде в Санкт-Петербург, начинают сбываться. Вспомнилось, что сказали встретившие на вокзале питерские знакомые: “Ну вы там, в своей столице, дайте, нашли “простую” больницу! Да она и в советское-то время не для простых смертных была — закрытая спецклиника от какого-то очень богатого ведомства. А уж теперь и вовсе стала “крутой”, лечиться там сейчас по нормам одним “новым русским” да иностранцам”.

Писать о клинике для богатых, о том, как хорошо она живет на общем фоне нищих российских больниц, бастующих по всей стране медиков, решающихся на голодосеи от отчаяния, что у них нет элементарных препаратов для лечения больных — мягко говоря, не было никакого настроения. Да и в редакционные принципы такого рода ма-

ТЬСЯ РОССИИ

териал не "вписывался". Пропала командировка...

"Пропала командировка", — в сердцах повторяла про себя, входя в кабинет заместителя начальника медсанчасти Сергея Петровича Нозарева. И решила, что лучше уж сразу прояснить ситуацию: выложить с ходу все свои сомнения и посмотреть, что из этого получится.

Получилось занятно. Хозяин кабинета на мою провокацию "ах, прощайте, шла в огород за бузиной, а попала, кажется, к дядьке в Киев"... среагировал странно сочувственным выражением лица и молча. Лишь извинился и куда-то позвонил. Бошедшую через пару минут молодую женщину Сергей Петрович представил как Ольгу Морозову — руководителя рекламно-издательского отдела медсанчасти.

— Оль, нас опять за акул капитализма приняли... Сможешь объяснить действительное положение вещей нашей гостье?

Такие же, как все

— Знаешь, жуть как надоело снова и снова доназывать всем, что мы не верблюды, а наша медсанчасть не бизнес-клиника! — объясняла мне "действительное положение вещей" Ольга. — Ну, не были мы никогда ни элитарными, ни припартийно-номенклатурными, ни больницей для богатых! У властей своя

клиника всегда имелась — имени Свердлова, теперь Центром передовых технологий называется. Мы даже не хозрасчетные, а — были, есть и будем — натурально государственные. Такие же бюджетники, как любая городская больница. С той лишь разницей, что "приняты" не к городскому, а к федеральному бюджету: наш хозяин не в Петербурге, а в Москве находится. Мы ведомственные. Вернее, были — теперь ведомственность в прежнем понимании утратила свое полное значение.

"В прежнем понимании" — означало независимость от городского чиновника; стабильность и щедрость финансирования такими богатейшими госмонополистами, как союзные Министерства судостроительной промышленности и среднего машиностроения (а позже — федерального Министерства атомной промышленности, тоже небедного); 25-процентные надбавки и должностным окладам за "ведомственную специфику"; отсутствие головной боли по поводу того, как и на что произвести очередной ремонт и приобрести новое медицинское оборудование. Это означало также и полную закрытость медсанчасти-122 от "простых смертных" городских жителей — тех, кто не имел отношения к предприятиям ведомств-хозяев. (Видимо, отсюда и родилось у народа впечатление ее "элитарности"). "Избранность" пациентов определялась лишь местом их работы, а вовсе не принадлежно-

стью и сливкам общества. Это были обычные инженеры и техники, конструкторы и сварщики, повара и монтеры, уборщицы и главбухи. Как их здесь называют — «атомщики».

Центральная медсанчасть-122 (ЦМСЧ-122) вступила в строй в 1982 году. Великолепный проект, высокое качество строительства, супероборудование — самое современное и дорогое на тот период.

Так что «стартовый капитал», с которым ЦМСЧ-122 подошла к смутному времени, именуемому началом социально-экономических реформ, был более чем приличен и за несколько лет не успел устареть даже морально. Конечно, это давало ей огромное преимущество.

Да только, если нет денег на питание, ни лазерами, ни компьютерным томографом больных не накормишь. Литотриптером можно камни в почках дробить, а вместо наволочки его на подушку пациенту не наденешь. И даже операционную форму медперсоналу им не постираешь. А потому и обвальная инфляция, и почти полное прекращение финансирования для медсанчасти были не только не меньшей катастрофой, чем и для остальных больниц-бюджетников. Может, даже большей: «пронормить» все эти умные непезанки, чтобы они могли работать, тоже большие денюжки требуются. Так что семь лет назад ЦМСЧ-122 была в смысле проблемы выживания на равных с другими городскими клиниками. В том числе и с такими же богатыми, как «Свердловка», обслуживающая местную власть, или областная больница. Только они были своими, родными для городских властей, а медсанчасть — «отрезанный московский ломоть». Москва далеко...

С 1990 по 1996 год прикрепленный к ЦМСЧ-122 контингент «атомщиков» в результате широко проводимой в стране конверсии и массовых сокраще-

ний снизился больше чем в пять раз. Соответственно снижалось бюджетное финансирование. Нынешний «бюджетный прикорм» медсанчасти составляет всего 7 процентов от ее потребностей. О средствах без особых проблем выделяемых раньше из столицы на ремонт и на новую медицинскую аппаратуру, осталось лишь вытальгическое подзабытое воспоминание. В 91-м обрушился еще один удар: внезапно умер Леонид Григорьевич Соколов — первый начальник ЦМСЧ-122, принявший ее еще на этапе строительства. Соколова любили, безоговорочно уважали. Верили: Соколов что-нибудь обязательно придумает, не даст пропасть своему детищу...

Надежды, что сползание в пропасть удастся каким-то чудом остановить, такли пропорционально уменьшающемуся бюджетному финансированию из Москвы. Правда, с медсанчасти был уже снят «гриб секретности», и она получила право на внебюджетную деятельность: сдавать в аренду помещения, оказывать горожанам платные услуги. Это не переломило ситуацию. Заниматься коммерцией — для этого совсем другие, не врачебные умения и навыки требуются.

...Как и другие бюджетные медучреждения, все 1480 сотрудников медсанчасти-122 или в грозовой фронт многочисленных невыплат зарплат, не работающего из-за отсутствия расходных материалов медицинского оборудования, годями неремонтируемых больничных помещений.

Где-то врачам-бюджетникам сегодня в состоянии выплачивать лишь по 45-50 процентов от зарплаты, где-то ее

видят с большими задержками. И если сегодня все государственные клиники получают из бюджета денег не по 19 различным статьям (на зарплату, ремонт, содержание медтехники, питание больных и т.д.), как было раньше, а лишь по двум (на зарплату и уплату налога с нее), то, спрашивается: где взять денег на остальное?

То есть на нас с вами, читатель, как возможных пациентов.

Что означает "жить нормально"?

Как же они высочили из той ловушки "обретенной свободы" (хозяйственная независимость... экономическая самостоятельность... коммерческая предприимчивость... выработайтесь, как монеты!), в которой оназались другие? Живут где, как на другой планете!

Больница, где нет специфического больничного запаха. Не тянет эвонз все этажи и лестницы капутно-пуновым духом с пищеблока. Не нет сомнительных, по щиколотку пух в туалетах и все нраны и прочее оборудование исправны. Здесь, в клинике, в одном кабинете вам с помощью оборудования фирмы "Олимпус" — лучшей в своем классе на мировом рынке — будут обследовать все, что у вас внутри, начиная с бронхов и гортани и кончая желудком и печенью. А в то же время за стенкой в соседнем кабинете у экрана огромного телевизора будет совещаться консилиум. Потом, если вы пожелаете, видеонассету с исследованием вам выдадут на руки: очень удобно, если захотите проконсультироваться где-то еще.

"Жить нормально" для всех 18 отделений и 11 клинических центров этой больницы означает: работающая без простоев диагностическая

и лечебная аппаратура; ежемесячно и в срок получаемая персоналом зарплата; всегда свежее постельное белье в больничных палатах данного специфического отделения, как канное, в котором больные, бывает, с ног до головы мазью намазаны. "Нормально" — это когда имеешь возможность не просто хорошо кормить пациентов, но и подбирать для каждого меню индивидуально, по нескольким диетстолам; когда врач не вынуждаем больничной нищетой говорить, пряча глаза, тянело больному о необходимости приобрести за собственный счет супердорогое лекарство, без которого ему не поправиться.

Сотня компьютеров, объединенных в единую информсистему и информационно-обучающий центр Интернет, очередь пользователей в котором расписана на полтора месяца вперед, это тонне — "нормально"...

...Завотделением одной из московских детских больниц признался мне не так давно: *самой большой (тысячи на две долларов!) мечтой, которую он может себе позволить с надеждой, что она осуществится, — сделанные на заказ для его маленьких пациентов-сколиозников особые шведские стенки с системой страховки. Они сняты ему, эти стенки, пока ми вот уже четыре года.*

Три мечты Гурья Гурьевича

Рентгенодиагностическое отделение, где заведует Гурья Гурьевич Николаев, так же не похоже на привычный с детства рентгенкабинет в районной поликлинике, как "лейна" на треноге на видеонамеру "Sony". Впечатление усиливается, когда узнаешь, сколько вся эта "виртуальная реальность", включая компьютерный томограф, стоит: многие миллионы, и отнюдь не российских рублей.

Гурий Гурьевич — кандидат медицинских наук, человек пожилой и, как сам сказал о себе, "врач старой доброй советской закалки". Но рассказывает он о своей рентгенодиагностике тем не менее так, что иному молодому неوفиту рыночных отношений, профессионалу-менеджеру поучиться бы стоило:

— Знаете ли вы, что 10 процентов всех затрат в медицине — это рентгенографические исследования? Но уже существует японская технология, которая заменяет пленку на фторные пластины изображения. Весь мир уже купил патент на ее применение! Дополнительного оборудования требуется всего-то на 500 тысяч долларов. А наной колоссальный экономический эффект получаем! Окупаемость по одной лишь рентгеновской пленке — уже через пять лет. Плюс экономия затрат труда — вам известно, что 20 процентов рентгеновских исследований сегодня приходится делать повторно из-за низкого качества пленки? А это — повторные затраты, повторное облучение пациента. Так вот, пластины на 99 процентов гарантируют точность результата. Плюс — не надо каждые три года отвозить тонны пленки на завод, сдавать "на серебро". А наши архивы?! Вы когда-нибудь видели рентгенографические архивы?!.. Представьте, новая технология позволит заменить 45 тысяч копий, сделанных на пленке, на 4,5 тысячи пластинок. Всего. Опять-таки огромную экономию получаем, я подсчитал...

Когда, решив польстить (впрочем, совершенно искренне), я восхитилась его способностью так лихо просчитывать экономическую выгоду, Гурий Гурьевич сказал:

— Это со мной не так давно случилось. Раньше назалось: не мое и не достойное меня, врача, это дело — "копейки считать". Мое — это мои больные. А за все эти "экономии" пусть администрация переживает. Знаете, этаний снобизм профессиона-

ла во мне говорил. Потом у нас в медицине с приходом нового главного врача стало все меняться. Я, опять-таки не сразу, но убедился в конце концов в его правоте: считая копейки, я получаю возможность лучше и эффективнее помогать моим пациентам. И — удивительное дело — это оказалось еще и очень увлекательно...

— Вам как заводчиком с такой-то аппаратурой, видимо, больше и мечтать не о чем?

— Ну, что вы, у меня их целых три — мечты моих. Во-первых, — начал загибать он пальцы, — магнитный резонанс, это вещь посильнее томографа будет; во-вторых, установка компьютерной рентгенографии — представьте: надо тебе проконсультироваться с коллегами Берлинского или Иерусалимского госпиталя по поводу какого-то сложного клинического случая — пожалуйста, они весь материал у себя на телеэкране могут изучить; а еще эта установка позволит передавать, если возникает необходимость, изображение произведенных заранее рентгеновских снимков пациента прямо в операционную. Третья мечта — периферический компьютерный томограф для определения степени остеопороза — совершенно обязательный в современной клинике. В Германии такие давно в каждой сельской поликлинике есть.

И скромно подвел итог: "Всё вместе стоит около полутора миллионов долларов".

— Думаете, удастся начальство на такое раскрутить?

Гурий Гурьевич хитренько ухмыльнулся:

— А я уже на все выкладки сделал. Такой экономический эффект получается, что, знаете ли, как в телепередаче: "Устоять невозможно!"

И все-таки — как?..

Наним образом получилось у них это "экономическое чудо"? Что за

фонс такой: бюджетные вливания из Москвы столь малы, что не покрывают реальных расходов даже на обслуживание "принятого контингента"; количество платных медицинских услуг, оказываемых населению, никогда не превышало 20 процентов; другие городские клиники своих больных охватывают на воде норматива, а они себе трактора для расчистки снега позволяют! От помещений, сдаваемых в аренду коммерческим медицинским (только медицинским!) центрам, получают 100 миллионов рублей в месяц (странно было: ни на один свой "денежный" вопрос я не услышала в ответ, что это коммерческая тайна), — на 18 тысяч долларов такую машину, как ЦМСЧ-122, даже элементарно не просодержишь. Не говоря уже обо всем остальном. Откуда деньги?

Возможность жить нормально появилась, когда в городе была введена система обязательного медицинского страхования — ОМС. Коротко схема такова: любой работодатель обязан страховать здоровье своих работников, отчисляя в специальный фонд медицинского страхования определенную сумму. Фонд распределяет эти деньги по страховым компаниям, а они, в свою очередь, оплачивают за медицинское обслуживание имеющих страховую полис граждан с теми больницами и поликлиниками, с которыми у них заключены договоры. И потому пациенты, лечащиеся в клинике медсанчасти по линии ОМС, так же, как и "бюджетные" больные, никаких денег в кассу уже не вносят. Если только не захотят получить дополнительную медицинскую услугу. Например, ты лежишь в клинике с гинекологическим заболеванием. А хочешь — раз уж все равно попала в больницу! — пролечить заодно и

своей хронической конъюнктивит. Но поскольку страховая компания обязана оплатить клинике лишь лечение твоего основного (по которому ты была госпитализирована) заболевания, за услуги офтальмолога придется платить уже самой (либо — госпитализироваться потом снова через страховую компанию уже по поводу своих больных глаз).

Работа клиники по линии ОМС также внебюджетная. То есть что заработали, то — наше. И именно ОМС, а не "коммерческие" услуги дают медсанчасти низленную основу и возможность развиваться. Повторюсь, ни "атомщики-бюджетники", ни "озмэсовцы" сами никаких денег медсанчасти не платят. Таких пациентов более 80 процентов: те самые учителя, бухгалтеры, инженеры, повара — обычные граждане, петербуржцы.

Но получается так, как ЦМСЧ-122, могут работать и нормально жить и все городские клиники? Почему же в других больницах такая разруха?

— А вот это, — сказали мне, — поймешь, когда с нашим "матерым человечком", с начальником медсанчасти Яновом Александровичем Нанатисом познакомишься...

Вот пришел Накатис

С "матерым человечком" — доктором медицинских наук, профессором, 49-летним начальником Центральной медсанчасти-122 и главным врачом ее клинической больницы имени Л.Г. Соколова, Яновом Нанатисом знакомство произошло на ходу. В прямом значении слова.

Вернувшийся в этот день из отпуска главврач принимал Попечительский совет знаменитого Товстопоговского БДТ. Совет собрался на "территории Нанатиса", так как должен был состояться официальный

прием в него нового коллективного члена — Центральной медсанчасти-122. До начала рабочего заседания Янов Александрович предложил высшим гостям — администрации театра во главе с художественным руководителем Нириллом Лавровым, питерским баннирам, предпринимателям — "посмотреть клинику".

Смотрины продолжались большие часа. За это время гости увидели "очера" (все в рабочем побелочно-столлярном состоянии ремонтируемые помещения), "сегодня" (Центр амбулаторной хирургии — блистательный в прямом смысле: блестят стены, полы, золотистые элегантные дверные ручки; а также в переносном: "какие хирурги экстра-класса здесь работают!..") и "завтра" (экспериментальный мини-госпиталь на 17 коек — высший европейский стандарт) больницы.

Не знаю, как оценили режиссуру этой экскурсии театральные мастера. На мой взгляд, это был высший класс — заставить издавших виды людей не "из вежливости", а с откровенным любопытством и почтением разглядывать целый час больничные койки, сантехнику и зубоорудные кресла. Заключительным эффектным аккордом явилась по возвращении всех в кабинет демонстрация международных дипломов о членстве клинической больницы ЦМСЧ-122 — единственной из учреждений России и стран ближнего зарубежья — в ассоциации госпиталей "Премьер", объединяющей больницы высшего разряда США и Европы.

Больше всего мне понравилось, что все осуществлялось главврачом с веселым достоинством совершенно уверенного в себе и своем деле человека и профессионала.

...Их пути пересеклись в 1983-м. Это был "брак по расчету". Впрочем, по честному рас-

чету: они друг друга вполне устраивали, уважали, отношения складывались ровно, приятно и приносили обоюдную жизненную пользу — что еще в таком случае надо? ЦМСЧ-122 имели в лице Накатиса талантливого хирурга, остропенного ученого-кандидата наук, возглавившего лоротделение ее больницы. Он же получил от ЦМСЧ-122 долгожданную самостоятельность врача и творческую свободу для научных исследований, которую здесь уважали и не пытались ее "направлять".

— ...Хотите, я вам свою жизненную позицию врача сформулирую? Запросто! Я прекрасно понимаю, что все мы смертны. И делать неприятности, которые сокращают жизнь другим и, между прочим, и тебе самому, не стоит. Основой жизни все же должно быть созидание, для разрушительства таланта не требуется, и потому оно неглупому человеку крайне не интересно... Дело в том, что я знаю, чего в этой жизни хочу.

— Чего?

— Я хочу сделать всем хорошо, — смеется. — Честно!

— Позиция Иисуса Христа?

— Разве плохая позиция? А как иначе-то жить? Ну, представьте, что было бы, занимаясь я всю жизнь выяснением отношений. Это ни к себе и близким, и делу дороже!..

Он приехал в Ленинград семнадцатилетним мальчиком из Узбекистана. Приехал вовсе не для того, чтобы "завоевывать столицу": комплекса Жюльена Сореля у него не было, он говорил на том же языке, что и этот удивительный город. Он рос в ленинградской семье — родителей репрессировали в сороковые и выслали в Узбекистан из Ленинграда, и дом у них был всегда ленинградским. Поступил в престижный 1-й Медицинский, прекрасно учил-

са и еще в студенчестве имел научные печатные работы. По окончании института его оставили на кафедре и... Блестящего будущего не получилось.

— ...Меня семь лет, четыре из которых уже в степени кандидата наук, продергали в лаборантах. Мой шеф, которого я уважал, обожал и слушался, мотивировал это тем, что так у меня больше свободы для подготовки докторской. Я был удобен: шел один аспирант — афганец, шел другой аспирант — пакистанец, и я всем писал диссертации. Короче, в конце концов я понял, что меня обманывают и тихо вынуждают уйти. Я и ушел — к Соколову... Кстати, вы знаете, что наша клиника — единственная в России, которая в честь неэрамина, негероя Соцтруда и прочая, в честь простого праптика-врача названа? Вы не представляете, сколько мы чиновничьих порогов обили, чтобы нам это разрешили. Хоть расшибись: "Не положено", дескать, и все тут...

Накатис — человек веселый и проницательный. Но его оценки презы до жестокости, характеристики порой — резки до безжалостности.

— ... Дело в том, что до 90-х наша клиника, как и всякая больница богатого ведомства, работала в режиме наибольшего благоприятствования. Многих сотрудников это "расслабило" на целое десятилетие: никто не был заинтересован в профессиональном росте. Клиника работает не на полную мощь? — Ну и славно, нам работы меньше, зарплату все равно по полной программе получим и 25 процентов "секретно-ведомственных" к ней... А потом другие времена пришли, резкое сокращение финансирования, в политике и экономике кание-то непонятные вещи творятся, начались эти килые, уродливые кооперативы, от которых, кроме мендусобойных слон, нианого проку не было... Звешрашний день все куда-то глубине в по-

темни срывается. Потом и вовсе: умирает Соколов. Человек, что его сменил, замечательный мужик, но с больно уж философским взглядом на жизнь: что выросло — то и выросло, то и ладно, сподится. Пофигист, одним словом. Трудящиеся массы такое не устривало. Они еще не знали, что именно хотят и куда должна двигаться родная медсанчасть в новой жизни, но инстинктом чуяли: в настоящее время все движется совсем не в ту сторону. Шептуны объявились, коалиции. Так, мол, больше нить нельзя — новое время требует новых подходов в работе. Затеяли против главного врача кампанию, двоих кандидатов выдвинули: даешь эти самые "новые подходы"!

Не ушли только, что в неонапитализме надо уметь работать так, чтобы зарабатывать. Чего никто из них делать отродясь не умел.

Я этого тогда ничего не видел: шла к концу работа над докторской, много разъезжал в командировки, собирал материал, не до того было. Так что я вне той борьбы онаялся — я жил своей интересной жизнью завотделением, без пяти минут доктора наук и оперирующего хирурга. Очнулся осенью 92-го, когда коллектив трубеников, ведомый опытным партбоссом и при поддержке его боевой дружины (знаете, есть такой тип вневозрастных девушек-пионерок), объявляет: дескать, "сжидывай сапоги, начальник, власть переменилась", будем нового выбирать — современным демократическим способом. Топля, главный наш, растерялся. И тогда я разозлился: кто это там во власть идет? Нугом разброд, все рушится, дело не делается...

И решил показать, "как надо работать в новых экономических условиях"...

Не стану рассказывать историю всей интриги "прихода Накатиса во власть". Все было и политическая борьба, и сильная оппозиция, и конкурент от

опозиции, и хитрость маневра, и победа, и послепобедная борьба за право быть, а не казаться победителем. Лидером всех, включая бывшую оппозицию. Собственно, эта борьба и сейчас идет: борьба за право таким лидером оставаться.

Хлебное койко-место

— Как вы думаете, что для любой больницы есть хлеб насущный, то, ради чего и за счет чего она живет? — Яков Александрович Нанатис, и впрямь, "матерый человечиче" — огромный, усатый и, как все хирурги, раскрепощенно в себе уверенный, не собиравший ждать моей "отгадки", сам и ответил сразу: — Нойно-место. С какой стороны ни посмотри — золотая, все на ней держится. Начать с того, что пустая, без пациента, койка стоит 80 процентов от занятой. 20 процентов, когда больной в наличии, идет на его питание и медикаменты, 80 — на содержание: свет, тепло, котельная работает, прачечная со стерилизационной работают, медперсоналу зарплата идет... И все это расходуется независимо от того, занята койка больным или пуста. Вся клиника на ту пустоту работает. Плохо. Поэтому надо сделать хорошо: чтобы больной на койке был.

Я еще в пору моего заведования здесь лоротделением подсчитал: за пятницу, субботу и воскресенье происходила колоссальная выписка больных — и пустующих ноен в эти дни онезывалось столько, что это было равносильно 36 нерабочим дням в году всей больницы. Поэтому первое, от чего, мягко говоря, взгрустнулось, когда я стал нечлвчником медсанчасти, — огромное количество пустых ноен в больнице. В 60ноечном отделении хирургии — 45 больных, в урологии на 50 койках — больше 36 не бывало... И это при страшном дефиците в городе мест в урологических отделениях!

Второе. Посмотрел — батюшки мои! — гинекологическое отделение: перед операцией больной находится в стационаре 6—7 дней!

— Это мало, да?

— Это жутко много! До безобразия! Сегодня, в среднем, весь курс стационарного гинекологического лечения шесть с половиной дней — это включая до и после операции. Сегодня это у нас самое сильное отделение по койно-обороту. Золотая койка должна работать: не пустовать, но и не передергивать больного, снижая тем самым свой экономический эффект.

Все оказалось просто. Система обязательного медицинского страхования расписана по позициям от корочки до корочки. Существует тарифное соглашение, по которому на каждое заболевание определены сроки, за которые должен быть достигнут лечебный результат. Но если врачи клиники выписывают качественно пролеченного (то есть с требующимся результатом) пациента не через 16 дней, как определено соглашением, а через, скажем, десять дней — оставшиеся шесть, оплаченные больные, составляют чистую и честно заработанную ее прибыль. Поэтому, чем меньше будет пустых коек в клинике, тем выше ее койко-оборот, тем... большие суммы может вкладывать клиника в свое развитие. Потому что львиную долю своей прибыли МСЧ-122 пускает не на оплату персонала (она здесь не выше, чем в других медучреждениях Санкт-Петербурга), а именно на свое развитие. (Потому и уверен так в своих трех мечтах Гурий Гурьевич Николаев). Но (и в этом главный и самый важный ответ на вопрос: "Как им удастся нормально жить в наше ненормальное вре-

ля?) весь "фокус" и объяснение "экономическому чуду ЦМСЧ-122" состоят в том, что увеличения оборота "золотых койко-мест" здесь добиваются не за счет более низкого качества лечения пациентов, а добиваясь "удаления" из лечебного процесса холостых оборотов. "Халтурить" в работе они не могут позволить себе, во-первых, помня о Липпократе, а во-вторых, потому, что престиж клиники, качества ее труда — ее основной оборотный капитал. Не только в переносном — нравственном смысле, но и в прямом, экономическом.

Холостые же обороты устраниваются за счет перманентно внедряемых в лечебный процесс новых технологий. Об этой стороне жизни клиники и ее главного врача можно рассказывать очень много.

Три счастливых дня

— Янов Александрович, а почему пятница с выходными такие "занодрванные" для любой больницы дни?

— А это наш российский, точнее, соведовский еще юридический маризм: больному после стационара врач в больничном листе обязан поставить следующий за выписной день. Но кто же станет выписывать человека из клиники в воскресенье, чтобы он, не переведя дух, в понедельник уже "приступил"? В субботу тоже выписка не практикуется — она для медперсонала выходная. С другой стороны, укладывать нового пациента на освободившееся в пятницу место — тоже смысла нет: в два выходных дня никто по той же причине заниматься им не будет, и обследованию лечащий врач приступит в понедельник, часиков этак в двенадцать... Где выход? Очень просто: госпитализировать новых пациентов в

пятницу и организовать процесс диагностики и лечения в эти дни.

Трудность первая: где нам взять того больного, что захочет на выходные улечься на больничную койку? Ответ: только "выйдя в город", попросить везти к нам больных в пятницу по "скорой". Мы это в 1994 году, во время Игр Доброй Воли, проделали — как раз летом нлинии при всех институтах на летние каникулы закрылись. Я пошел в НИИ скорой помощи к старейшей врачу-диспетчеру, которой лет восемьдесят и которая в городе вся и всех знает. Она: "Где ж ты был, дорогой, мы с ног сбились, ищем, кто бы поденурил в выходные в клиниках!". Мы первые сыграли на опережение, пока еще никто из стационаров не расчухался: за койко-место надо бороться!

Трудность вторая: кто будет заниматься больными в клинике в выходные? Ввели семидневную рабочую неделю. Добавили по нашему внебюджетному штатному расписанию 42 дополнительные ставки, предложили совместительство молодым, но достаточно опытным ребятам с кафедр медицинских институтов — восторг: это и восполнение дефицита практики для них, и дополнительный заработок для семьи...

Так три "заколдованных" дня обернулись "золотыми".

...Я после этой командировки в Санкт-Петербург все думаю: за последние годы это стало как бы хорошим интеллектуально-политическим тоном — с тонкой и злой иронией произносить: "хозяйственная свобода, экономическая независимость, деловая предприимчивость — обманули народ, заманили в пропасть, подвели к катастрофе!" А монет, не надули нас вовсе?.. Монет, в самом деле так оно и есть — и свобода, и независимость, и предприимчивость — все монет работать на нас, все даст "экономический" эффект, если попробовать без дураков — монет, и получится? Во всяком случае, у талантливых и неленивых получается.

дам, американцам, англичанам, немцам, чехам, австрийцам, болгарам...

Мы сидим с Розановым в его уютной московской квартире, и очаровательная жена художника приносит чай в настоящих гнелинских чашках. Есть в доме и целая выставка уникальных работ Валентина, которого, несмотря на его молодость, и в книгах о Гнели, и в каталогах выставок уважительно именуют зрелым мастером. Разговор наш, само

собой, идет о недавней выставке, о нитье-бытье, о творчестве.

Откуда есть-пошло это звонкое и загадочное слово — "Гнели"? Оно называется, идет оно от слова "нгли", поскольку в селах нынешнего Раменского района Подмосковья испокон веков обжигали в избытке имевшуюся здесь белую глину, и археологи отыскали в этих местах обломки глиняной посуды с орнаментом, которые датируются III—II тысячелетиями до новой эры.

Село Гнель как особо значимое для России упоминается в духовных грамотах (завещаниях) всех великих князей Московских, начиная от Ивана Калиты, а в грамоте Ивана Грозного Гнель упомянута среди других областей как "дворцовая", то есть как собственность двора.

Как же пришел в это тонкое, изумительное искусство паренек из Нлина Валя Розанов?

— У моих родителей была целая библиотека по искусству, я обожаю эти книги и альбомы, с детства в этом "варился", в кружок ходил, в изостудию, в Дом пионеров. Любил лепить из глины, пластилина, и после восьмого класса меня направили в Абрамцевское художественно-промышленное училище. После четырех лет учебы по распределению попал в Гнель. Я этот промысел знал, изучал, диплом делал по Гнели. И душа моя к этому лепала.

Начинал я там художником-работником. Условия работы одинаковые для всех, но каждый сам определяет свой путь и место в жизни. Кто-то остается на уровне простого исполнителя, а я уважаю такой выбор, поскольку не будь рядовых керамистов, не было бы и столь стремительного выхода гнельской продукции на широкий рынок. А тот, у кого более честолюбивые планы, пробивается сам, делая себе имя...

Имя же можно сделать при одном условии — создать что-то свое. И при этом остаться в рамках традиции, не уйти слишком далеко. Школа, правда, уже заложена, поэтому далеко и не уходил. И все-таки только в собственной мастерской ко мне пришла настоящая раскованность, я стал больше искать, фантазировать...

Удивительны плоды этих фантазий Розанова. Например, чайный сервиз "Москва златоглавая", разработанный к 850-летию столицы. Главный предмет тут — большой фар-

форовый самовар — напоминает собор Василия Блаженного. Или роспись керамических изразцов "Архитектурные памятники Москвы" — ни один пейзаж не повторяется дважды на изразцовой печи высотой в три с половиной метра.

Подсвечники и часы, малая скульптура и настенные панно, чайные сервизы и шкатулки, разделочные доски и телефонные аппараты, пасхальные яйца и расписные блюда... А недавно Валентин, правда, с опозданием на пять лет, выполнил заказ московского завода "Кристалл".

— Их представители ко мне приехали и попросили сделать бутылку оригинальной формы. А ко мне только через пять лет идея пришла. Сделал штоф "Петровский" — в виде фигуры Петра Первого высотой 24 сантиметра. Многие знаменитости, в том числе и антеры, у меня такую штуквинку заказали. Только вот до "Кристалла" она никак не дойдет.

Розанов стал большим художником, со своим мироощущением и стилем, довольно рано. Может быть, поэтому и настоящим учителем он смог стать тоже рано. Сейчас руководит творческой мастерской фарфора на факультете декоративно-прикладного искусства и народных промыслов Реабилитационного Центра. Обучает тонкому своему мастерству инвалидов. Считает (и справедливо, по моему), что не должно человеку сидеть сложа руки, даже если здоровьем природа или обстоятельства обделили. Буквально каждому, чей разум не искоренен, свойственно стремление жить полноценно и так же полноценно творить — в любом виде деятельности. Но не каждому инвалиду доводится быть понятым другими людьми, причем людьми одаренными, творческими. Розанов — человек потому и редкий, что понимает и предлагает

вместе сопротивляться обстоятельствам. Среди нынешних учеников Валентина немало просто настоящих талантов. Даже выпускники Строгановки работают в его мастерской.

Интересно, прибыльно ли сегодня таким искусством заниматься?

— В магазинах наши вещи не продаются. Там требуют регулярных поставок большими партиями. А у нас все-таки не поток, а творческая мастерская. Кстати, если мы где-то и устраиваем распродажи, то по ценам более низким, чем фабричная гнель. На большом производстве и расходы неизмеримо выше, чем у нас.

А глину мы в Гнели покупаем. Там ее несколько тонн в день перерабатывают, мы берем немного.

Окончательно Валентин ушел из Гнели четыре года назад, заметив, что ему не хватает свободы творчества, перспективы. Но и его самостоятельное производство нормами связано со старинным гнельским промыслом, сине-белой керамикой...

Я заметил на стене фотографию, на которой Валентин — рядом с Маргарет Тэтчер, и она бережно держит

в руках его гнельскую шпательку. Оказывается, фотограф запечатлел момент открытия выставки "Фарфор Гнели" в лондонской галерее "Сотби".

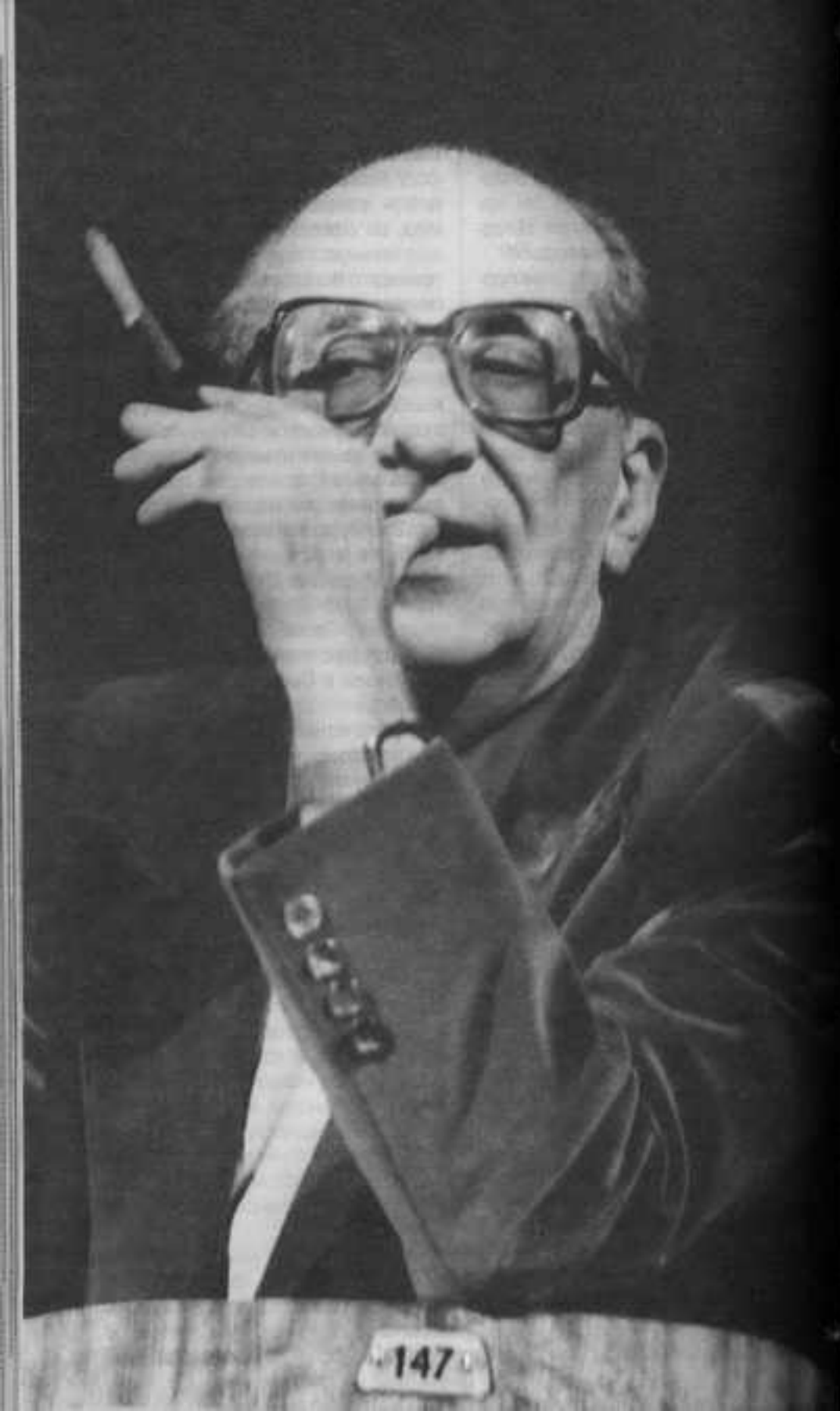
У Розанова с британской столицей — отношения особые. Например, он оформлял в Лондоне художественную галерею, и англичане приходят поглазеть на его оформление как на произведение искусства и местную достопримечательность.

Работы Розанова есть в личных коллекциях многих известных людей. Однако и самые прославленные имена померкнули, если назвать музеи, в которых представлена сияющая керамика Розанова. Это Русский музей в Санкт-Петербурге и Исторический — в столице, Музей на Делегатской и Историко-художественный музей-заповедник Троице-Сергиевой Лавры, Государственный художественный музей в Омске и музей "Полево".

Но почетнее всего для Валентина — его уголок в экспозиции объединения "Гнель", где его работы — рядом с произведениями самых крупных мастеров прославленного промысла.

✓
Природа не терпит неточностей и не прощает ошибок.

Ральф Эмерсон

147

РЕЖИССЕРЫ В РАЯЛОМ С

В каждом ярком театре, кроме артистов и режиссеров, есть еще люди — как бы второй план, — которые боготворят искусство и сцену не меньше тех, кто на ней играет, для кого театр стал частью их личной судьбы, а порой и всей жизни. Это всегда женщины — они играют незаметную для нас, зрителей, но очень важную роль в театральном процессе, создавая главному режиссеру необходимые условия для творчества, ограждая его от будничных забот и дел. Они — личные секретари, помощники главного режиссера.

Для них все заключено в театре, ничего вне его. Они влюбляются в своих режиссеров, кумиров на целые долгие периоды, думают их образами, говорят их словами, становятся подчас их тенями. Они служат Театру.

Знаю нескольких таких женщин — во МХАТе уже долгие годы верным секретарем и помощником О.Н.Ефремова является Ирина Григорьевна Егорова; в "Современнике" у Г.Б.Волчек преданнейший секретарь Раиса Викторовна Ленская; при Р.Н.Симонове в театр Е. Вахтангова молодым театроведом пришла Ирина Леонидовна Сергеева, и сегодня бережно несущая на своих плечах заботу о Музее театра. Уже много лет лично знаю — и горжусь этим знакомством — красивую, умную, веселую, никогда не унывающую Ирину Николаевну Шимбаревич — она была помощницей Георгия Александровича Товстоногова в последние десять лет его творческой жизни.

Мы познакомились с Ириной Николаевной, когда я приехал в Питер, чтобы вручить Георгию Александровичу медаль и диплом

лауреата журнала "Смена". Потом каждый год ездил в свой родной город, где родился и учился, смотрел в БДТ все товстоноговские постановки, в том числе и спектакль-легенду "Идиот" со Смоктуновским, Дорониной и Лебедевым, в мимолетных беседах с Ириной Николаевной узнавал все последние новости театрального Ленинграда, всякий раз поражаясь глубиной ее знаний, безупречному вкусу в оценке спектаклей или игры тех или иных актеров и откровенности, с какой она эти оценки выставляла.

А неторопливый, доверительный разговор о жизни и творчестве — нет, все-таки больше о жизни и личном — Георгия Александровича Товстоногова, великого мастера, гения сцены, человека, к которому последние десять лет его жизни она была ближе всех, у нас с Ириной Николаевной состоялся только этим летом, в первые дни отпуска труппы БДТ.

Мы сидели в "святой святых" театра — Мемориальном кабинете Г.А.Товстоногова, пили чай с пирожками, и Ирина Николаевна удивительно тепло, искренно и вдохновенно рассказывала мне о гениальном режиссере то, что еще никому и никогда в жизни не рассказывала.

— Хорошо помню состояние ужаса и страха, которые ощутила, войдя в этот кабинет и представ перед Георгием Александровичем.

— Как давно это было?

— В 1977 году, двадцать лет назад. Я еще училась на пятом курсе Института театра, музыки и кинематографии на театроведческом факультете, и в БДТ пришла на практику в литчасть, к знаменитому завлиту Дине Морисовне Шварц. Сначала я ходила у нее под кличкой: "Та, которая ее не раздражает". Она меня привела к Георгию Александровичу, и ему понравилась и меня взяли старшим редактором литчасти.

Я думала, что хорошо разбираюсь в графоманах, работа эта мне понравилась, и я даже гордилась тем, что сама, своими руками сделала свою судьбу. Ведь я из семьи абсолютно не театральной. Отец — архитектор, мама — инженер. А через год знаменитая Елена Даниловна Бубнова, помощница Товстоногова, объявляет, что уходит из театра.

— А знаменита она чем?

— Тем, что ее боялся весь театр. Это, конечно, была женщина с какой-то особенной аурой, прензую владела французским, говорила обо всем жестко и жестоко. И в театре ее боялись. Всем казалось, что она абсолютно соответствует Георгию Александровичу. И вдруг у нее рождаются двое внуков, и она вынуждена менять квартиру на Моску. И начались смотрины.

На-то я пришла в буфет, взяла тарелку борща, села в стороне и вдруг услышала реплику Товстоногова: "Дина, а вот ведь Ира". И я поняла, что произошло что-то катастрофическое. Я уже ничего не хотела, ни борща, ничего, прошла к себе в музей БДТ, села и смотрела на телефон. Позвонила Елена Даниловна и сказала с металлом в голосе: "Ирине Николаевне, зайдите к Товстоногову". Я пришла, и он сказал: "Ира, я хочу предложить вам работу". В пер-

каждую же минуту я отказалась наотрез, чего, кстати, Георгий Александрович никогда простить мне не мог. А отказалась потому, что за этот год с небольшим я видела, как работала Елена Даниловна, что она вообще не была дома, видимо, уходила туда только спать. Я, естественно, не хотела себе, молодой женщине, такой жизни. Меня устраивала личная жизнь, чтение графоманов, и я не хотела погибать здесь круглосуточно. Но потом сказала: "Георгий Александрович, мне надо подумать". Он был потрясен, возмущен, его нос повернулся вот к этой стене с афишами и засопел. Только потом я научилась распознавать, когда он сопит от наследования, а когда от гнева. Сейчас он засопел, естественно, от гнева. Дина Морисовна стала подданивать и говорить, что "эту молоденьку надо связать и выбросить немедленно в Фонтанку". Меня обуял сумасшедший страх, и все-таки я согласилась, потому что поняла, насколько притягательна личность Товстоногова и как нужна ему помощница.

- Вы стали работать с корифеем театра – притирание, привыкание происходили долго, сложно, болезненно для вас или без проблем – восемь часов отсидели – и дамой, к семье?

- Дикий, сумасшедший страх, когда все умирает в организме, жил во мне еще какое-то время. То есть я была не работник. Звонит министр культуры, после звонят из Франции, потом из Норвегии, спрашивают академики, какие-то журналисты – этот уровень общения, круг людей повергал меня в ужас, в изумление. Потом я села и сказала себе: "Ира, значит, так или ты работаешь, или уходишь. Если ты каждый день будешь думать, что идешь на работу к гению – ты ему не нужна. Посмотри на Товстоногова другими глазами – как театровед. Главная его миссия на земле – ставить спектакли. Он великий режиссер. Значит, помоги ему, создай такие условия, чтобы он мог творить". Я ведь застала его последнее десятилетие жизни – оно самое сложное, потому что он физически был уже не очень здоров, но при полной ясности ума. Мне надо было прежде всего научиться распознавать людей. Георгию Александровичу, как это ни покажется парадоксальным, это было не дано – он был безгранично доверчив к людям. Нельзя же допустить весь поток прессы к человеку – надо сделать так, чтобы приход критика или журналиста был целесообразным, осмысленным. Потом – текущий репертуар, замена спектаклей, болезни актеров, сегодняшний спектакль – вот такие ежедневные проблемы. Мой день никогда не был похож на предыдущий – я не говорю рабочий день, потому что не называю театр работой. Это моя служба. Я служу этому театру двадцать лет.

- И десять из них – рядом с Товстоноговым. Что было для вас, женщины, самое трудное в общении с ним?

- Конечно, он, как личность, подавлял людей. Но в то же время он был человеком с колоссальным чувством юмора. Он был личностью во всем – в глубине постижения предмета, в совершенно необыкновенном подходе к тому, за что брался. Бог для него был, конечно, работа. Он Бык по гороскопу и Весы. И я Весы. Поэтому мы с ним абсолютно спокойно срабатывались. А вот мои капризы по другому годичному гороскопу, где я Нога, его не раздражали. Мы с ним хорошо уживались. Знаете, раньше вечером в антракте у нас всегда были люди, кипел самовар, и после спектакля никто не спешил уходить. Самовар гудел до двух-трех часов ночи. И вот представьте: два часа ночи, машины нет, я в ужасе, не знаю, как его довести домой. Я ему говорю: "Георгий Александрович, я вызову такси". Вызываю. Отзвонили мне, на-

звали номер машины. Беру ручку и на буманке для заметок пишу огромными цифрами номер машины. Он надевает кепку, куртку, я протягиваю ему этот листочек. Он на меня смотрит и говорит: "Ира, что это?". Я говорю: "Это номер машины". – Так, девочка, вы начинаете со мной работать. Первое, что вы должны запомнить, что я не идиот. Хочу вам сказать, что номер писать бессмысленно. Сейчас два часа ночи, значит, машина у театра будет одна. А по-вашему, сколько будет машин, которые за мной приедут? Во-вторых, на всю нашу с вами жизнь – я надеюсь, что она будет долгой – запомните анекдот. Старик и старуха. Старуха отправляет старина в магазин и говорит: "Слушай, старый дурак, купи два предмета, заруби себе на носу: два предмета – колбасу и сыр. Понял?" Старик отвечает: "Знаешь, что, старая, ты сама дура, я гораздо тебя умнее и у меня никакого склероза нету, ты увидишь". Идет в магазин, возвращается с зубной пастой. Старуха сердится: "Я же говорила, что ты в маразме: а щетка где?". И когда я что-то забывала, то у нас был всегда код: "Ира, где щетка?"

– *А что он любил больше – рассказывать анекдоты или слушать?*

– Он сам умел и любил безумно смешно рассказывать анекдоты. Я, например, могу слушать любой анекдот, но он не "выстрелит" для меня так, как анекдот, рассказанный режиссером. А это значит, что анекдот должен быть привязан к ситуации, к случаю. Когда объявлялся перерыв в репетициях, то Георгий Александрович, конечно, травил анекдоты. Либо выходил с антрактами в нурилку, либо оставался на месте, в зрительном зале, и к нему всегда подходили. Он морщил нос, рассказывая, глаза ослеплись, сам умирал от хохота, сигарета дрожала в руках. И страшно злиться, если ты уже слышал этот анекдот и говорил об этом ему. Это все – настроение испорчено надолго. Поэтому надо было всегда хохотать, умирать от хохота.

– *Наверное, артисты, с которыми репетировал Товстоногов, и сами обладали немалым чувством юмора и могли кого угодно рассмешить – имена-то какие: Копелян, Луспенкаев, Лебедев, Трофимов, Стрельчик...*

– Георгий Александрович был замечательный коллекционер. Он собрал труппу, какую ни одному режиссеру в этой стране не удалось собрать. К сожалению, я не застала ни Копеляна, ни Луспенкаева – они, конечно, были великие актеры. Но зато мне посчастливилось работать с другими великими – Панковым, Стрельчиным, Лебедевым, недавно ушедшим из жизни. Сейчас в БДТ товстоноговские традиции продолжают Трофимов и Басилашвили, Лавров и Толубеев, Новель и Макаров, Шарно и Ольхина, Фрейндлих и Нрючнова, Богачев и Попова. Но особо надо назвать Марию Александровну Призван-Соколову – гениальную нашу актрису, которой уже за восемьдесят. Она не просто личность, она – легенда театра.

– *Русский театр всегда славился своими "великими старухами"...*

– Эта "великая старуха" еще не просто играет во многих спектаклях – в "Последних", в "Женитьбе Бальзамина", в других, – но она остается женщиной до последней капли. Она не примет приехавших к ней домой мужчин, пока не наденет свои шпильки, клипсы в уши, не подкрасит губы. Вы не представляете, какой силы, какой мощи энергетика исходит от нее.

– *Как режиссер Товстоногов был добрым или жестоким, деспотичным?*

- Был и жестоким, и добрым. Как режиссер он был добр потому, что антеров, как и детей, надо любить. Он мог смотреть мутотень, которую актеры принесли из дома, готовясь к репетиции. Всегда давал выявить-ся какому-то человеческим данным того или иного антера, проявиться тому, что он придумал для своего образа. А потом сканет очень ласково: "Да-да, Миша, то, что вы придумали, это потрясает, а сейчас мы сделаем вот так". И делал абсолютно противоположное тому, что показал Миша или какой-то другой антер. Тот дане не понимал, что режиссер его просто выслушал, а у самого уже родилась та мысль, та мизансцена, которая нужна. Многие артисты с легкостью ему поддавались, но бывали и очень сложные отношения. Басилашвили Олег Валерьянович до иступления доводил Товстоногова. До иступления, потому что ничего не получается, потому что он не знает, как это сыграть и как вообще можно это играть. И вообще, мог сказать, это не моя роль. Или Евгений Алесевич Лебедев, невероятно творческий человек, подчас играл Георгию Александровичу не спонтанль, который ставит Товстоногов, а, как бы не слыша его, спонтанль, который придуман в сознании самого великого Лебедева. Он не мог понять, что это другое художественное полотно, другая художественная целостность. Что у Георгия Александровича другой замысел и ты должен подчиняться замыслу режиссера. И вот тут Товстоногов был жесток в том смысле, что отсекал, как Роден, все лишнее, подчиняя своей воле, чутью всю команду, и при том колоссальном антерском ансамбле, который он создал, они - антеры и режиссер - понимали друг друга с полуслова, с междометья, взгляда, простой интонации, с первых тактов. В таком ансамбле не могло быть звездности одного - все были звезды: единением этих составляющих и был ценен спонтанль Товстоногова, превращавшийся в шедевр.

Еще было у него одно качество - он умел подбирать команду. Сегодня это слово модно, а при Георгии Александровиче его как бы не было, но это так. Он умел подобрать людей не просто преданных театру - всем известно, что в театре денег не платят. Поэтому здесь работают сумасшедшие люди, работают как бы за идею те, кто не может жить без театра. Питер Брук написал, что театр - это прибежище людей одиноких и пьяниц. Во многом с ним можно согласиться. Нельзя соединять семью, например, или какие-то мирские вещи с театром. Ему надо отдаваться полностью, сполна. И вот в этом смысле Товстоногов подобрал команду грандиозных людей. У нас такой заведующий постановочной частью, какого нет ни в одном другом театре страны - знаменитый Нуварин Владимир Павлович. Он с Георгием Александровичем прошел весь путь: начал с манечина, своими руками делал манеты в Театре музыкальной комедии, а потом стал грандиозным мастером. Хотите фонтан на сцене - будет фонтан, хотите грозу в "Дяде Ване" - пожалуйста, будет гроза. Хотите, чтобы поезд уезжал, поезд будет уезжать. Или художник по свету - Нутинов Есей Марнович. Повезло Товстоногову и с художником Ночергиным Эдуардом Степановичем, ибо он - одна из главных составляющих спонтанля. У них была какая-то своя знаковая система, когда Ночергин буквально после нескольких фраз Товстоногова понимал его замысел. В "Волнах и ветрах" он сделал ситцевый Версаль. Назалось бы, два слова - прилагательное "ситцевый" и Версаль - не сочетаемые друг с другом. А вот из этой несочетаемой вещи получился тот спонтанль, тот замысел, что хотел Георгий Александрович. А в "Дачниках" Горького поражал свет - больше 160 оттенков зеленого цвета было на сцене. Потрясающая картина.

Они, Товстоногов и Ночергин, художественно друг друга прекрасно чувствовали. Это тоже очень важно.

— *А были у Товстоногова близкие друзья — не в театре, нет, а в бытовом смысле?*

— Мир общения Георгия Александровича с людьми был безумно велик. Не только актеры были допущены в этот круг общения. Были друзья-критики, которые входили в это магнетическое товстоноговское поле. Вот у меня в предбанничке перед этим кабинетом висят парные фотографии: Товстоногов с Евгением Александровичем Мравинским, Товстоногов с Аркадием Исааковичем Райниным, с Борисом Борисовичем Пиотровским, с Николаем Павловичем Анимовым. Этих людей уже нет, и Георгия Александровича нет. Вот последний из ленинградских магистран — Аникушин Михаил Константинович тоже недавно ушел из жизни.

— *Они — великие люди, естественно, тянулись к великому человеку...*

— Но он общался не только с великими. Дружил с космонавтами, певцами, хирургами. Кстати, очень любил врачей. Был такой смешной случай. Я привезла в театр лечащего доктора Константина Юльевича Литмановича, он сел вот сюда, в кресло, Георгий Александрович спрашивает: "Ира, какие витамины колоть?". Я говорю: витамины С и группы В, которые улучшают состояние нервной системы. Константин Юльевич справедливо сказал: "Ира, я больше в театр не приеду. Я не хочу видеть Товстоногова сидящим в кресле и дающим мне ЦУ, что ему выписать и как его лечить. Приезжайте за мной в Институт переливания крови, и я поеду на дом смотреть пациента Г.А.Товстоногова, а не главного режиссера, Героя Соцтруда, лауреата всяческих премий, потому что здесь он со мной разговаривает, как начальник". Вот это тоже было особое качество Георгия Александровича.

— *Вы имеете в виду, что Товстоногов в театре и Товстоногов в жизни — это два разных человека?*

— Совершенно. Товстоногов вот в этом кабинете и на даче в Номарово, или в машине, или дома — это абсолютно два разных Георгия Александровича. Например, на даче он хвастался всем как малый ребенок, что узнал новое слово — "бальсина". Говорил: "Ира, ну проведите ручку по этой бальсине, посмотрите, как здорово сделано это крыльцо". А сделал крыльцо его шофер Коля, которого он безумно любил. Настоящее, что мог из-за границы привезти одинаковые часы своему шоферу и нашему директору, не задумываясь о том, что делает честь Коле, не страшно обижает директора театра.

Его всегда можно было чем-то удивить. Если мне дарили ручку какую-нибудь сумасшедшую, знаете, раньше привозили такие с двигающимися рыбками или с девочками, он долго эту ручку рассматривал, изучал.

Или, например, пришла журналистка брать интервью. А женщина она непривлекательная. Он будет сопротивляться, говорить, что сейчас нет времени, мол, в другой раз приходите. Если же привлекательная, но абсолютная дура, или просто случайная, скажем, из газеты "Лесная промышленность", но ему она покажется очаровательной дамой, то тут уж абсолютно все равно, откуда она пришла.

— *Значит, он был настоящим, истинным мужчиной.*

— Конечно. Он обязательно ее позовет, будет с ней беседовать и долго рассказывать о своей жизни, отвечать на ее вопросы. А сам будет испепелять ее своими глазами, взглядом. Он всегда говорил, что женщина начинается с ног, и если я не пропускала какую-нибудь красивую

антрису с проходной, а она потом, когда он выходил из "мерседесу", нидалась к нему на капот, то он дрезжал до дома и через десять минут был возмущенный возглас в телефонную трубку: "Ира, а она-то, между прочим, хорошенькая". Я говорю, кто она? "Как кто? Та девушка, которую вы не подпустили ко мне". Я говорю: знаете, Георгий Александрович, покупайте в проходную монитор с камерой и я буду говорить: девушка, я должна вас увидеть, как учил меня Георгий Александрович, снизу, потому что женщина по-товстоноговски начинается снизу, с ног. Выше идет линия спины, причем линия спины, говорил он, начинается у женщины с линии шеи. Рук неужоженных не терпел, и попробуйте прийти в театр без маникюра. И плевать ему на то, что ты ушла домой в два часа ночи. Рядом с этим человеком нельзя было быть неприбранной, несобранной, непричесанной. А вы знаете, такое внимание к женщине со стороны мужчины – великая вещь для нее.

– К вам, своей ближайшей помощнице, всегда был внимателен?

– Во всяком случае, когда ездил за границу, то я всегда получала платочки, блузочки, колготки. Ходила по театру и пицчала, потому что колготки были с мушками. Тогда это было модно – мушки, квадратики, анурный рисунок. В цвете разбирался прекрасно. Снаните, какой мужчина знает, что такое цвет мокрого асфальта? Он знал безошибочно. Еще очень любил дарить духи. Знаете, запах ведь тоже очень важен в общении людей – а я мелькала перед ним туда-сюда целый день. Он привозил из-за границы духи "Лав рив гош" или "Ма гриф" и любил, чтобы я душилась только этими духами – они создавали ему определенное настроение.

Не могу еще не рассказать о его реакции на рождение моей дочери. Реакция была ужасной. Причем я тогда очень хитро поступила – я скрыла от всего театра, что беременна. Но потом поняла одну вещь: Товстоногов не мог узнать об этом последним. Он ставил в Югославии, в Белграде, "Три сестры", а меня по ряду обстоятельств держали на больничном листе. Я не хотела выписываться и приходила в театр, потому что знала, что он должен узнать об этом первым. Любой ценой – и расчет был точным. Он приехал с вонзала домой, я позвонила: "Георгий Александрович, нам надо увидеться". Он сказал: "Ира, вы в первый раз не пришли на платформу". Я ответила: "У меня есть для этого серьезная причина". – "Ну, приезжайте в театр". Я говорю: "Георгий Александрович, я знаю, что такое театр. В театре все сразу набегут, счастливые, что вы приехали, и пообщаться с вами будет невозможно. Я приеду домой". Приехала. Он сидит на морточках, вынимает тапон из стенового шнафчина. Посмотрел на меня: "Ира, что-то вы изменились". Георгий Александрович, говорю, я ухону в декрет послезавтра. "Худа?" – спрашивает он. В декрет, говорю. Пауза. "Какой ужас!" Потом говорит: "А я не вижу никаких примет, никаких признаков". Я говорю: "Ну, признаков нет, потому что у меня широкое бедро". – "Ира, встаньте, обоймите живот". Я обняла все платье сразу. "Да ничего не видно, Ира", – говорит он серьезно. Я отвечаю: "Это неизбежно, фант"... 4 марта родила я девочку в Институте акушерства и гинекологии имени Отто, нашла "двушку" и побежала звонить Товстоногову. Мало кто знает, что такое позвонить Товстоногову в девять часов утра. Говорю, Георгий Александрович, это я, Ира. "А почему вы в такую рань?" – "Георгий Александрович, вы знаете, я родила". – "Да, это новость занятная. Поэтому прощаю вам столь ранний звонок. Если не сэкрэт, то кого вы изволили родить?". Я говорю: девочку. "Девочку? А мы не умзэм дэлать дэвочек, у нас одни мальчики в семье". Я говорю, Георгий Александрович, девоч-

на, она таня и такая, 53 сантиметра. А он мне: "Ира, в таком случае, я вам сзгодня разрешаю прийти не в одиннадцать часов утра, а н часу". Вот в этом весь Георгий Александрович. Когда он хотел мне сделать что-то приятное и видел, что я все же существо, привязанное к дому, к ребенку, спрашивал: "Ира, сколько ваш ребенок уже сантиметров?". (Он часто на грузинский манер бунву "е" произносил как "э".)

— Судя по вашим словам, в жизни Георгий Александрович был не очень веселым человеком?

— Что вы, как раз наоборот. Он был безумно веселый и смешной. Вы бы видели, какой смешной он был на море. Плавать абсолютно не умел. То есть по-собачьи мог проплыть в нашей любимой Ялте буквально несколько метров. Но безумно любил трендеть. В хорошем смысле: болтать, рассказывать анекдоты. Он, конечно, был магически притягивающей личностью: около него собиралась компания людей, которые, я даже не знаю, ради чего приехали в Ялту. Они не плавали, не загорали, а сидели под навесом возле Георгия Александровича и слушали. А он наблюдал за женщинами и спрашивал: "Ира, почему все женщины переодеваются в раздевалке, а вот эта дама переодевается все время передо мной?" Значит, говорю я, она таким образом хочет вам понравиться. "Но у нее же почти нечего снимать", — и смеется.

Знаете, Георгий Александрович, конечно, был интравертом. А всем людям, которые как бы попадали в поле товстоноговского внимания, нужно было человеческое тепло, участие. Георгий Александрович был на это не способен. Ну, просто от природы это ему было не дано. Он должен аккумулялировать в себе энергию, а не отдавать ее, иначе он не был бы Товстоноговым. Но я понимала, что от этого не должны страдать люди. Значит, надо знать дни рождения, когда какие юбилеи, звания, позвонить, соединить, дать трубку к уху. Вот заболела Эмилия Анатольевна Попова, великая наша трагическая русская антриса, которая играла Ирину в "Трех сестрах", Татьяну в "Мещанах". Равной ей по темпераменту, по внутренней силе антрисы нет. Так вот она попала в очень сложную ситуацию, в институт Бехтерева. Я не хотела смерти человека на постели только от сознания того, что пока ты работаешь — ты нужен, а когда ты сошел с дистанции, то уже никому не нужен. И я знала — сама помыкалась по больницам, — что такое получить знак внимания от Товстоногова. Нладу листок бумаги на стол и говорю: "Георгий Александрович, пишите письмо Эмили Анатольевне, мы едем к ней в больницу, передадим". Это письмо до сих пор у Эмили Анатольевны висит дома на стене. И ней ходит одна наша костюмерша и рассказывает, что оно просто вернуло ее к жизни. Там написано: "Дорогая Эмочна, вы великая русская антриса. Я без Вас не могу. Вы будете играть роли. Вы должны немедленно поправиться. Ваш Товстоногов". Наких-то несколько фраз, и человек жив.

А вот я, когда лежала в больнице, не дождалась от него даже записочки. Но знала, что Владислав Игнатьевич Стрельчин, который навещал меня после тяжелейшей нейрохирургической операции, рисовал мой череп Георгию Александровичу, и тот говорил: "Не понимаю, почему у такой красивой, молодой женщины такая болезнь". Мне написал письмо наш знаменитый театральный критик Александр Петрович Свободин, он был другом Товстоногова, и все объяснил: "Это режиссерская болезнь, Ира, вы ждете напрасно. Вы должны это понять, ведь вам уже дана мудрость, дана интуиция, вы ощущаете этого человека совершенно верно, не идите от него того, что ждете от своих друзей, близких по-

дей, не ждите того же от Георгия Александровича. Он не был бы тогда Товстоноговым*.

- Но, говорят, к судьбе своих актеров – и творческой, и человеческой, – был очень чуток и внимателен. Это правда?

- Я много раз видела, как Георгий Александрович мучился, терзался, когда он должен был от кого-то отказать, с кем-то проститься. В театре это процесс естественный – ведь труппа должна обновляться, должна быть мобильной, а для этого нужен приток молодых актеров. Но это всегда сопряжено с человеческими драмами. Потому что это судьбы людей. Попробуйте отказать от артиста – куда он пойдет, на что он будет жить? Вы знаете, для Товстоногова это были мухи адры. Он принимал решения мучительно и очень трудно. При том, что понимал: чтобы корабль, то есть театр плыл, нужно быть жестоким. Мягкость и доброта в этом деле не приводят к художественному результату. Это не собствтеатр. И, конечно, человек, когда выбирает профессию актера, должен понимать, что профессия эта жесткая. Что ты зависишь от него угодно, только не от собственной воли. Ты зависишь от воли режиссера, от пьесы, а вся мировая драматургия вообще рассчитана на большее количество мужских ролей, чем женских. Это же ясно. Так что в этом смысле Георгий Александрович был человеком мучавшимся.

- Вам, как никому другому в театре, довелось – хотя, конечно, лучше сказать посчастливилось – работать с Георгием Александровичем, наблюдать его ежедневно на протяжении последних десяти лет его жизни. Скажите, для него самого это был трудный период, мог ли он работать с той же энергией, что и в самый пик своей творческой карьеры, когда были поставлены самые великие спектакли?

- Вы знаете, у меня записаны подробно все мои годы работы с Товстоноговым. Это огромные книги. Причем записано все: какая была репетиция в тот или иной день, какое было давление у Товстоногова, какое лекарство ему кололи. Причем если начинали курс лечения в Питере, а он уезжал, допустим, в Вильнюс на гастроли, а потом ехал в Юрмалу, то я писала медсестрам Вильнюса и Юрмалы полное расписание уколов. Мария Сергеевна Давыдова, покойная, и сожалению, врач Георгия Александровича, много лет лечившая его в санатории "Дюны", писала мне: "Уважаемая Ирина Николаевна, отправляю вам Георгия Александровича в благополучном состоянии и более-менее хорошем расположении духа, но все остальное зависит от вас". Я отрывала в этом кабинете медпункт, мерила давление сама, потому что врач театра просто боялась подойти к Георгию Александровичу. Вот на этом чернильном приборе всегда стояли лекарства. Я делала план аптекам, потому что покупала на двести рублей лекарства, а тогда это была месячная зарплата. Всяческие капли, бесконечные нитропрепараты, без которых он не ходил. И все записывала и складывала в архив – тут и диаграммы, и расписания уколов, и записки мне от врачей, их указания. Архив огромен, потому что было очень много спектаклей, протоколы художественных советов, режиссерских коллегий, переписка со всем миром. Георгий Александрович поставил сумасшедшее количество спектаклей – вот по моей архивной картотеке – 164 спектакля, из них 11 – за рубежом. Причем это ведь было тогда, а не сегодня, когда все границы открыты, мир нам распахнут навстречу, а мы миру, и это никого не удивляет. Ни один русский режиссер не сравнится с ним в этом. Конечно, ему сопутствовала удача. А удача и везение – великое дело в судьбе любого человека. Он приехал из Тбилиси в ГИТИС,

учился у великих Лобанова и Попова, и еще будучи студентом ездил в Тбилиси и поставил там семь спонтанлей. Сегодня возможно, чтобы студент пришел в БДТ и поставил здесь спонтанль? Никто ему не даст ставить, да и актеры не будут играть у студента. У него слонились счастливо обстоятельства, но и сам он был невероятно работоспособен, был, конечно, трудоголиком. Он заранее знал, что будет ставить, и находился постоянно в процессе творчества.

— А как Товстоногов отдыхал? Это было обычное отпускное бездумное времяпрепровождение или и тогда он что-то творил, писал, читал, обдумывал?

— Летом отдыхал часто в Ялте в Доме творчества "Антер". Просто отдыхал, общался с друзьями, любил вечеринки. Однажды на гастроли приехали "Виртуозы Москвы". Они жили в гостинице "Ялта", а выступали в Ливадийском дворце. Я готова была совратить директора крымской филармонии, чтобы только попасть на их концерт и познакомиться с ними Георгия Александровича. Одева все белое, Товстоногов увидел и говорит: "Извиняюсь, Ира, куда вы так намарафатились, вы же сами сказали, что нельзя солнце оскорблять — красить здесь ресницы". Я говорю, Георгий Александрович, я иду на очень важное задание. Не приставайте ко мне, иначе я буду хохотать и вся краска поплывет. Я иду совращать директора крымской филармонии, потому что без машины мы до Ливадийского дворца не доедем. Нам дали "Рафик" и "Волгу", поехала большая компания: Игорь Владимиров, Юрсний, Волнов, Стрельчик с женой, Дулов, Пановой. Георгий Александрович был уверен, что я Сливанова знала много лет до этого. А я не знала, я просто меломанна, для меня театр — это служба, дом, которому я служу верой и правдой, а в зале Дворянского собрания на музыкальных концертах я отдыхаю душой. И вы знаете, после того концерта Товстоногов и Сливанов — люди разных поколений, но две грандиозные личности с безумным чувством юмора — подружились. Володя со своими друзьями-музыкантами приходил к нам на крышу "Антера" и устраивал ночные серенады, и все заливались от хохота под звездным небом южной ночи. А если у "Виртуозов Москвы" были гастроли в Питере, то они приезжали раньше на день, чтобы посмотреть спонтанль в БДТ. Потом на малой сцене для всей труппы играли свой концерт. Это был настоящий праздник.

— Кстати, о праздниках. Как Товстоногов относился к разным государственным датам, юбилеям?

— Не выносил праздники. Ни 7 ноября, ни 1 Мая, и тем более 8 Марта. И я с ним солидарна абсолютно. Потому что если ты женщина — то женщина каждый день. И все-таки мужчины театра нас собирали, и мы праздновали 8 Марта не в марте, а в мае. Был вечер, и мы всегда просили Георгия Александровича почитать его любимые стихи. И он читал, читал на память много стихов. Всегда читал Пастернака "Во всем мне хочется дойти до самой сути" — это его самое любимое. Любил "Медного всадника", Блока любил тоже. Читал "Завещание" Лермонтова. Но самое любимое наше, женщин БДТ, стихотворение, которое он читал неистово, как никто, это "Баллада о тигре" Ильи Сельвинского. Как он читал! У него был бархатный голос, плывущий, завораживающий. Он всегда заканчивал вечер этими любимыми строками: "Что, если перед Вами я, О милая, в долгу, Что, если с Вами, жизнь моя, Ужиться не могу, И ты хватаешься, илняя, рукой за руку — Попробуй все-таки меня над ухом... почесать". Мы ждали этого

финала, чтобы восторгнуться еще раз мудростью мунчины, мужской прозорливостью, которую он, собственно, и воплощал собою.

– Представляю, какое количество женщин – и каких, наверное, женщин! – влюблялись в него и как ему было трудно с ними...

– Я уже говорила, что он был равнодушен к женскому полу. Но он был аристократ во всем. Он был мунчина, который не замечает, что он гений. И при этом он все-таки был одиночим человеком. Ему с женщинами не повезло. В том смысле, что рядом с ним должна была быть женщина, которая одновременно должна и быть с ним, и не быть. Поймите правильно мою мысль: в принципе все мы одиночи, приходим на землю одиночими и одиночими уходим в землю. Любому человеку нужно сохранить его собственный мир, в который все равно проникнуть до конца никто не может. Эта загадка должна остаться в любом человеке. Тогда есть магнит, есть поле притяжения, есть динамина, есть какое-то взаимодействие. А женщины очень буквальны. Природа наша женская такова, что нам хочется мунчину прищипить к юбке. Я гуляла с ним по "Свердловке", это наша знаменитая больница, в которой Георгий Александрович все время лечился. Приехала, звоню ему: "Георгий Александрович, я не поднимаюсь к вам наверх – с детективом, с грейпфрутами, с вашей любимой клубникой. Слускайтесь в парк, я вас тут буду выгуливать". Мы гуляли в парке, и тут я все узнала про брак. Брак, говорил он, это институт уже отживший, умерший, не за ним будущее. Говорю, как это не за ним? "Ира, – отвечает он, – ты спишь, утром просыпаешься и видишь, что ты уже виноват. Ты еще ничего не сделал, ни в чем не провинился, а уже виноват. Два чужих глаза..." Я говорю, Георгий Александрович, они не должны быть чужими, они должны быть для вас родными. Бывали, наверное, у него женщины, я ведь не всю жизнь наблюдала Георгия Александровича. Но при мне он был уже человеком одиночим. Он жил в семье своей родной сестры Нателлы Александровны, она жена Евгения Алексеевича Лебедева, там есть сын. У Георгия Александровича тоже есть сыновья, но вот женщины, которая была бы достойна его, соответствовала бы ему и могла бы быть на равных с ним и при этом быть в тени, – такой не было. Он мне звонил в полтретьего ночи: "Ира, что мне выпить, я из могу заснуть. Я выпил уже элениум, тазепам, родедорм". Я говорю, Георгий Александрович, можно выпить все коробки и тогда вопросы задавать будет некому. Вы же спали до 9 часов вечера, а теперь бодрствуйте. Иногда он был похож на большого-большого ребенка.

– Любимый ребенок, как известно, любит поесть. Какая еда нравилась Георгию Александровичу, был ли он гурманом?

– В театре перед репетицией или после он ел два бутерброда с черной икрой. Ел сметану. Сметану я покупала магазинную, потому что рыночная была для него слишком жирной, а вот творог любил рыночный, чтобы пластинками. Сыр любил швейцарский, настоящий, с большими-большими дырками. Вообще ему приходилось есть то, что есть. Если у него открывалась язва, а язва – профессиональная болезнь многих режиссеров, ибо природа ее – неврологическая, – то я варила ему цветную капусту, яйца, потому что надо было принимать лекарства, а через час – еду. Опять через час – лекарства и еда. Потом соки. Я покупала грейпфруты килограммами, до работы неслась, сама их выбирала, толстокожие были не нужны, я безошибочно умею их выбирать. Вынимала в соковыжималке половину, делала стакан сока и несла ему на репетицию, потому что он курил сумасшедшее количество сигарет. Потом делала напельну гранатового

сома, а на вечер заваривала шиповник с черносмородиновыми ветвями – в таком отваре самое большое содержание витамина С. Это меня не удивляло никогда, хотя мой муж упрекнул меня, что я должна была перед свадьбой сказать ему, что выхожу за него замуж совместно с Товстоноговым. И это, конечно, справедливо. Потому что утром у меня мысли, что купить, что приготовить ему здесь и вообще, какой день нас ожидает, а день этот очень часто заканчивался в два часа ночи. Но, знаете, зато все эти десять лет работы с Товстоноговым мне было безумно интересно жить – потому что я должна была все время образовываться, самосовершенствоваться, чтобы соответствовать этому человеку. Соответствовать не напрямую, примитивно, а по большому счету. Например, когда он узнал, что я читала у Марнеса только "Сто лет одиночества" и не знаю, кто такой Борхес, я привела его в унас. Или фильмы. Ведь раньше не было возможности смотреть все фильмы. Георгий Александрович, когда бывал за границей, смотрел и потом рассказывал мне самые лучшие шедевры. Причем рассказывал настолько режиссерски здорово, что у меня было ощущение, что я сама видела "Земляничную поляну" Бергмана, фильмы Феллини, Антониони, Хичкока. А когда появились видеомэгафоны, то Владимир Спиванов к 30-летию работы Товстоногова в БДТ, это было в 1986 году, прислал ему видеотеку шедевров, всех самых великих фильмов. Мы смотрели их, и, конечно, Георгий Александрович давал свои оценки, что-то мне удавалось записать, и эти записи тоже хранятся в моем архиве.

– А у самого у него были планы снять какой-нибудь фильм?

– Были планы все время. Он хотел работать в кино. Хотел, например, снять "Мертвые души". Но так и не снял. Зато, слава Богу, он перевел с языка театрального на язык кинематографический свои спектакли. Но все-таки это два разных искусства. "Мещане" таким образом остались, остался "Дядя Ваня", осталась "Ханума". Он понимал, что на кино нет времени. Ведь надо было бы оставить театр на целый сезон или по крайней мере на полгода. А такой возможности у него не было. Он всю жизнь любил кино. Помню, как, посмотрев в Париже "Фавориты Луны" Огара Иселиани, который его совершенно потряс, он приехал и сказал, что это совершенно новое кино. Это срез жизни, это селфи. Но, Ира, гениальный фильм, а я остался абсолютно равнодушным. Как это, спрашиваю, почему? И он размышлял вслух: "Нет характеров. Если я не соперничаю, то я остаюсь равнодушным. Я просто наблюдаю в замочную скважину эту жизнь, потрясающе поставленную Иселиани. Нет высочайшего уровня соперничания, нет драматургии характеров (того, в чем Товстоногов понимал, как кино), я выхожу на улицу, вижу жизнь, вижу бомжей, людей, идущих навстречу, но меня это не трогает, мне это неинтересно." Вот такие давал оценки. Или он посмотрел "Короля Лира" Питера Бруна, а потом, через некоторое время фильм Бергмана "Король Лир". Абсолютно две разные истории.

– С Питером Бруном они, кажется, были друзьями?

– Да, конечно. Ведь Питер Брун – выходец из России. Однажды Питер прислал телеграмму, что в Ленинград едет его родной брат, Алансис Брун – главный психиатр Лондона. Знаменитый Алансис Брун хочет, чтобы мы его здесь приветили. Вечером он смотрел у нас "Дядю Ваню", потом был самовар, долгая беседа, и никогда не забуду, как он потряс меня своим признанием, что он, брат знаменитого Питера Бруна, к тому же поэт, не читал пьесы Чехова. Хоть смейся, хоть плачь.

– Инокентий Смоктуновский тоже как-то признался, что, готовясь играть Гамлета, не знал творчество Шекспира настолько глубоко, чтобы браться за роль такой сложности. Каждый человек несет в себе свой собственный мир.

Мир Георгия Александровича – человека-планеты, до которого нам всем, как до Олимпа, очень далеко, – этот его мир был ограничен только театром, искусством, литературой, или он так же интересовался техникой, наукой?

– Вы знаете, как человек, конечно, далек от науки, он тем не менее интересовался ею, особенно его волновали вопросы, связанные со смертью, с уходом из жизни. Тогда вдруг стали очень модными Тамара и Павел Глоба. Их астрологические исчисления, прогнозы его волновали. Он интересовался гороскопом, не годичным или месячным, а древнегальским, по которому все люди представляют собой какое-то дерево. Его дерево – олива, аристократическое растение.

Он, конечно, был фаталистом. Верил в свою судьбу, в нем была магическая, дьявольская внутренняя сила. Вот этот магнетизм привлекал к нему людей. И его люди привлекали разные. У нас в театре, например, появился дворник, который вдруг стал какими-то сеансами направлять на него свою энергию. Я этого человека не выносила, честно скажу. Его звали Юра, без него Товстоногов 30 лет ставил спектакли, а сейчас, заявлял этот Юра, без него он этого делать не может. И когда этот Юра появлялся утром в проливной дождь и говорил, что Товстоногову сегодня будет плохо, я кричала: вон из моего кабинета, ему не будет плохо, пона у него есть энергия, пона он работает и пона рядом с ним есть я.

Знаете, я была потрясена, когда однажды узнала, что этот дворник был в доме у Товстоногова, производил какие-то сеансы, мерил давление Георгию Александровичу и Евгению Алесеевичу и потом говорил: видите, как упало давление. А я-то знаю, что сама померила у него давление до того, и оно было нормальным. Георгий Александрович все равно как бы верил в его способности, цеплялся за это. Видимо, есть в этом какая-то тайна, и когда наступает вторая половина жизни, конечно, эта тема волнует человека. Я думаю, любой человек боится смерти. А Георгий Александрович был таким же, как и все. В этом смысле мы как бы все равны перед Господом Богом.

Даниил Александрович Гранин рассказывал мне, что он последний гулял с ним, за месяц до смерти, по дорожкам санатория "Белые ночи", и Товстоногов, никогда раньше о смерти с ним не говоривший, спросил: "Даниил Александрович, верите ли вы в загробную жизнь? Боитесь ли вы смерти?" Раньше он к этим темам никогда не приближался. Он как бы знал, что это есть, но не допускал до себя. Не потому, что думал, что будет жить вечно. А просто как художник, который живет мыслями о творчестве. Расскажу вам совершенно мистическую историю. Был 1979 год. Театр уехал на большие гастроли по Западной Сибири. А я встречала Георгия Александровича из Испании, где он был на Конгрессе Международного института театра. Вечером нас пригласили на премьеру в Театр Ленинского комсомола, где Георгий Александрович родной человек, потому что он там начинал в 1949 году, и оттуда пришел в БДТ 13 февраля 1956 года, вошел в этот кабинет на 33 года. Мы ехали в театр на его синей "Волге", он за рулем, в непке, в роскошной куртке. Вдруг он останавливает машину у Витебского вокзала. Я говорю, Геор-

гий Александрович: что здесь смотреть? "Ира, цыганки, пойдемте, погатаем". Я безумно боюсь цыганок, не потому, конечно, что обманут, а просто не хочу знать, что я завтра умру или со мной что-то случится. "А я хочу, говорит он, пойдем". Стал на меня кричать. Я говорю, нет, Георгий Александрович, вы идите, а я посижу в машине. Он ушел, стоял долго оноло цыганки, слушал, закурил "Мальборо". Она очень жестинкулировала руками. И вдруг он неистовыми жестами зовет меня из машины. Я вынуждена была выйти, подойти к нему. Подошла я на сумасшедших, ровных, вспомнившихся мне через десять лет словах — я тогда только начинала с ним работать. Она сказала: вы умрете, мунчина, мгновенно, за рулем собственной машины. Он молчал, курил, сопел носом, отдал ей деньги. Причем дал денег больше, чем она просила, и мы пошли к машине. Когда сели, он, не трогаясь еще, держась за руль, сказал: "Ира, интересно, сбудется ли голубая мечта идиота (так он себя ласково называл), куплю ли я наконец когда-нибудь "мерседес" или я умру, как сказала эта цыганка, за рулем вот этой "Волги"?"

— Страшно спрашивать, но и не спросить не могу: так сбылась ли мечта?

— Сбылась. Только жаль, что ему очень мало удалось поездить на этом "мерседесе". Знаете, это была, наверно, мечта всей его жизни — "мерседес". Я вообще-то не знаю мужчины, который бы не увлекался машинками. Георгий Александрович был отменным автомобилистом, но тогда на юмарнах мало кто ездил. И вот мы совершенно случайно узнали — это тоже интересный факт! — что при покупке машины за границей фирма делает большую скидку людям, проработавшим за рубежом два года. Я говорила уже, что у меня есть самая полная картотека всех спектаклей Георгия Александровича, всех статей о нем, о театре, обо всех поездках Товстоногова за рубеж. Георгий Александрович знал про эту картотеку и говорит: "Ира, вы же нановыряете мне два года за границей", и смотрел на меня безумными, умоляющими глазами, как ребенок, которому пообещали игрушку. Моя дочь точно так мечтала о Барби, настоящей, не ларечной Барби, на которую надо было зарабатывать деньги. И я поняла до мурашек по конне, что должна это сделать. Я говорю, нановыряю, Георгий Александрович. И я действительно нановыряла, причем это постановки спектаклей за рубежом — по два, по три месяца работы, поездки за границу на конгрессы, выступления, доклады, все записано, есть бунлеты, есть фотографии. Записаны точно даже дни отъезда и дни приезда. И вот я составила такую бумагу, два года подтвердила, и Георгий Александрович уехал за "мерседесом" в Западную Германию.

160

Работая с ним постоянно рядом, я уже стала психологом и безошибочно поняла, что мне надо сидеть круглосуточно в театре. Я знала, что в нем, в этой огромной личности, еще где-то сидел мальчишка, что этот человек придет на машине в театр. Я не ошиблась. Если я сижу и печатаю на машинке, то вижу весь наш двор через эти маленькие окна. У меня музыкальный слух, и вот я услышала гудок, не похожий ни на одну машину театра. Я выскочила во двор, был июнь месяц, и я увидела победителя Георгия Александровича. В капле, в куртке, он сидел в роскошном "мерседесе". Я в самом деле ничего не понимаю в машинах, но тут я поняла, что о такой машине нельзя не мечтать. Теперь я работала все лето во дворе. Потому что он не хотел подниматься в кабинет. Он сидел на скамейке во дворе БДТ и всем, как ребенок, показывал машину. Откидывал капот и говорил: "Ира, ну посмотрите, как она красива". Когда говорили, что маши-

«зеленого цвета, он возмущался беспредельно – машина была цвета оливы с серебром. Тысячу раз он рассказывал всем, как гнал ее по дорогам Германии и Польши, где все было прекрасно, а когда начинал вспоминать «дороги Псковской и Новгородской губернии», мы умирали от хохота. Конечно, зимой мы не давали ему садиться в этот «мерседес», его возили на государственной машине. Он мог на нем ездить только летом. Нуда? В Комарово, на дачу. От театра прямой путь по Приморскому шоссе. Причем ездил на дачу только для того, чтобы онаяться в своем желанном «мерседесе» оливяного цвета и гнать по шоссе, чтобы дух захватывало от скорости. Все гаишники знали, что это едет Товстоногов. Да весь город знал его «мерседес». Всех нас натал. Причем дам натал очень элегантно, аристократически красиво. Ставил музыку, у него много было кассет. Очень любил романсы в исполнении Валерия Агафонова. Ставил музыку и говорил: «Ну что, Ира, чувствуете, как она плавно идет? Это вам не «Запорожец». И было видно, что он сливается с этой птицей, что это действительно произведение искусства, что человек чувствует и ценит красоту. Сбылась его и наша мечта – Георгий Александрович ездил на «мерседесе». А мы все вспоминали одну его легендарную фразу: однажды он вышел во двор на крыльцо антерного гардероба, а там, во дворе, такое количество машин, каного не было ни в одном другом театре – у всех народных и заслуженных артистов были роскошные «Волги», «Жигули», и Георгий Александрович, пробираясь к своей, тогда еще «Волге», сказал знаменитую фразу: «Это не театр, это драмкружок при гараже». Никто другой не мог так неумно шутить и острить, как Георгий Александрович.

– Ирина Николаевна, как бы то ни было, но мы приближаемся к самому трагическому и мистическому – последним дням жизни Георгия Александровича, когда произошло то, что не подвластно ни нашему разуму, ни какой-то оценке, ни логическому осмыслению. И все-таки, как все это было тогда, в мае 1989 года?

– Георгий Александрович вернулся из санатория «Белые ночи» под Петербургом, очень хорошего санатория IV Управления Минздрава, где, кстати, и произошел тот разговор о загробной жизни, о котором впоследствии вспоминал Даниил Гранин. Вернулся не совсем здоровым, я видела, что у него сердце не справлялось с работой, с ногами по-прежнему было плохо – у него было заболевание, при котором очень малый процент крови попадает в нижние конечности. Когда я его встречала или провожала на «Красную стрелу», приходилось передвигать его ноги – сами они не шли – а я шла на корточках, и это видел весь театральный Ленинград. А тогда были морозы, у него начиналась холодовая стенокардия, и надо было завести его в первый вагон, с тем, чтобы затем передвигаться по вагонам к своему. Таким он приехал в театр после санатория. У нас была сдача спектакля, который поставил его ученик Владимир Воробьев, это «Визит старой дамы» Фридриха Дюрренмата. Георгий Александрович приехал не к началу, а к финалу, он знал, что идет прогон, что вся театральная общественность смотрит, а потом будет художественный совет. Он пошел в директорскую ложу, в которой любил смотреть спектакли. А надо сказать, что, когда он сидел в директорской ложе, спектакли всегда шли иначе, нежели когда его не было. Он сам рассказывал, что у Немировича-Данченко было две шубы – в одной он уходил из театра, а вторая оставалась на вешалке, и тогда эти черти-артисты играли спектакль совершенно иначе. Я ему шутя говорила: «Георгий Александрович, нам надо купить еще один «мерседес». На од-

ном вы узнаете, а второй стоит во дворе, и эти черти-артисты не догадуются, что вас нет". Он сидел, подперев, как всегда, щеку рукой. Я не знаю, что меня сдуло с места – то ли то, что накопилось безумное количество бумаг, безумное количество дел к нему или я услышала по трансляции, которая все время включена у меня, первые аккорды веберовского ренвиема, и значит, сейчас понесут по сцене гроб с героем и артисты пойдут в такт этому ренвиему. Видимо, я подгорново, как потом стала понимать, хотела его как бы от этого оградить, увести именно с этого акта в кабинет. Я сказала: "Георгий Александрович, пойдете, столько дел, придет художественный совет, будут люди, вас все рады видеть, я не общаюсь с вами, а мне нужно, чтобы вы кое-что подписали, прочли". Он повернул ко мне голову, блеснули его очи, помню безумный взгляд, и он сказал: "Ирочка, дочка моя, вы очень добрая. Я знаю, почему вы хотите меня отсюда увести именно сейчас, в это мгновение. Потому что звучит рекеиум Вебера, похороны, гроб, катафалк. А я хочу посмотреть, что со мной будет на этой сцене очень скоро".

Я просто онемела, у меня мурашки пошли по коже. Это было во вторник, 23 мая 1989 года. А в пятницу, 26 мая, через три дня, гроб с телом Георгия Александровича стоял на этой сцене.

Так вот, мне не удалось его увести, он досмотрел, сидя в директорской луже, спектакль до конца, и его увидел весь театральный Ленинград. Мне кажется сегодня, что таким образом он попрощался с Городом.

А потом был художественный совет, Георгий Александрович безумно спорил с Евгением Алексеевичем Лебедевым, который кричал, размаивал руками, заинался, пытался всем рассказать про спектакль, который он придумал, но не про спектакль, который обсуждали – "Визит старой дамы". Георгий Александрович злился, нервничал, у него поднялось безумное давление. А до того, как начался художественный совет, он мне сказал: "Ира, выкатите мне мой "мерседес". "Мерседес" стоял в специальном отсеке во дворе, в гараже БДТ. Я говорю, Георгий Александрович, я снажу Нале, чтобы он выкатил, но вы не можете сегодня сесть за руль. "А я хочу сегодня, Ира, и сейчас сесть за руль". Я снова говорю, Георгий Александрович, у вас такое давление, не садитесь за руль. И все-таки машину выкатили, помыли. Но я понимала, что он ехать не может – было безумное давление. Позвонила Нателле Александровне, сказала: "Он хочет сесть за руль, я ничего не могу предотвратить, давление сумасшедшее, клофелин дала, все дала, ничего не помогает." После художества он все подписал, посидел со мной и Диной Морисовной. На следующий день у Нателлы Александровны был день рождения, я дала ему для нее блон "Мальборо", очень красивый альбом про китайскую эмаль и первые десять экземпляров его авторской книги "Беседы с коллегами". И проводила в машину. Не знаю, что мной руководило, я только понимала, что он силен, и знала, что спорить бессмысленно, что если он что-то хочет, он сделает. В этом был весь Товстоногов, весь его характер и взрывной, южный темперамент. И этот взрывной, южный темперамент всегда смирялся и обуздывался безумно железной логикой. Но это – в работе, на постановке, на репетиции. А когда касалось жизни – все: хочу сесть за руль, и точка. Я его проводила во двор, причем он садился в "мерседес" с радостью, я видела, как он силен. Нателла Александровна мне сказала: лонись, Ира, перед машиной. Ну, как я могу лечь, посреди двора, что ли? Обьедет все равно, не такой у нас двор маленький.

Единственное, что могла сделать, поскольку ноги у него были уже как у Пьеро, с малым количеством крови, синего цвета, я взяла рукой под колени, он опустился в машину, подхватила ноги с тротуара и поставила их в машину. Он сел за руль. У него всегда с собой был нитроглицерин, я достала у него из кармана эту стеклянную палочку, зная, что у него толстые пальцы, сняла крышечку, ватку вообще выбросила, думаю, будет сыпать себе сразу на ладонь. И посадила рядом с ним, справа, его шофера Нолю Цепкова, в надежде, что если что-то случится, Ноля схватит руль и поможет! Говорю, Ноля, владу в правый карман Георгия Александровича нитроглицерин, пожалуйста, сразу, если только будет плохо, положи ему в рот таблетку. На заднее сиденье нинула пачку "Беседы с коллегами", альбом и блон "Мальборо" для Нателлы Александровны. И вот тут опять какая-то мистина: он, уезжая из театра, никогда не прощался, всегда сигнализировал неистово, и вахтерши должны были открыть ворота раньше, чем он подъедет к ним. Он стоять не мог – должен был выехать с огромной скоростью. А тут вдруг, так как стекло было опущено, он протянул мне левую руку и так на меня посмотрел, как никогда, а оказывается, он со мной прощался. И сказал: "Будьте, Иронча". Я была в оцепенении, вся замерла. И было очень тревожно – тревожно внутри. Когда они выезжали со двора, я помчалась в администраторскую, прибежала и говорю Носте Сереброву – нашему администратору: "Ностя, твой "жигуленок" стоит у театра, я тебя умоляю, быстро садись и поезжай за Георгием Александровичем". Вот такой эсорт я отправила с двумя мужчинами. Один сидел с ним в машине справа, а другой ехал на "жигуленке" сзади. Так Георгий Александрович уехал в последний путь и больше я его живым не видела.

– *Скалько времени было, вы не помните?*

– Примерно 17.40—17.45. Я не ушла в буфет, хотя была голодна, потому что не могла выйти нигуда, пока Георгий Александрович в театре. Села у телефона. Сидела, ужасно волновалась, понимала, что что-то страшное произошло. Минут через пятнадцать набрала телефон заведующего кафедрой режиссуры Института культуры Бориса Васильевича Сапегина. Институт выходит одной стороной на Летний сад, другой на Марсово поле, а еще одной стеной на Суворовскую площадь. А через Неву – дом Товстоногова. Не знаю, для чего набрала, что хотела услышать, но там будто ждали моего звонка. Вот снова мистина во всем. Говорю: "Борис Васильевич, здравствуйте, это я, Ирина Николаевна". Он спрашивает: "Ира, номер машины Георгия Александровича"? Я говорю: 72-72 ЛЕЛ, "мерседес" оливан-серебро. И после паузы: "Борис Васильевич, он жив"? – "Ира, он лежит на площади, около него толпа людей, лежит прямо у памятника Суворову".

Господь Бог его отметил даже в этом. Потому что он умер практически на середине пути от Большого драматического театра до дома. Перед ним уже был Кировский мост, с левой стороны был виден Заячий остров – сердце Петербурга с Петропавловской крепостью, а справа – "Деоранское гнездо", знаменитый дом, где он жил, и значит, он видел окна своей квартиры, а позади оставил Театр. Он умер на символическом месте, и счастьем, не въехал на мост, потому что тогда неизвестно, что было бы. Он мог вылететь в Неву. Но он умер перед светофором. Ноля потом рассказывал, что пытался дать нитроглицерин, но он захрипел, откинул голову назад и умер мгновенно. Навстречу ехал на своей машине врач из Военно-медицинской академии, увидел, что кому-то плохо, остановил машину, подо-

шел, взял пульс и сказал: мы ничем помочь ему не можем, но если хотите, давайте попытайтесь вместе. Но Георгий Александрович уже не жил. Все равно его полонили на асфальт, просто чтобы тело ровно лежало, сделали прямой массаж сердца. Телефонов на площади не было. Я понимала, что Ностя позвонить не может, но предчувствия были самые плохие. Побегала к нашему директору, сказала, вы должны сесть в машину, что-то случилось с Георгием Александровичем страшное. Поезжайте на Суворовскую площадь, он лежит на асфальте. Там Ностя с Колей, но там нет телефонов.

— А почему вы сами не поехали на место трагедии?

— Не поехала. Не смогла. Я была в шоне. Понимала, что случилось что-то страшное, неотвратимое. Сначала словно онемела, а потом поняла, что мужчины должны ехать туда, а я должна остаться здесь, потому что от меня здесь больше пользы. Пока события развивались, начался спонтань "Этот пылкий влюбленный", комедия Саймона, в котором играли Алиса Фрейндлих и Владислав Стрелельнич, народ смеется в зале. Пошла за нулисы, сняла у анкерской расписки телефон, сняла телефоны в гримерной на женской стороне и на мужской, и, как бы трагически это ни звучало, но дирекция меня потом поблагодарила, ибо я таким образом не сорвала спонтань. Моя задача была, чтобы ни один человек не просочился за нулисы — вы ведь знаете, сколько любопытствующих, сочувствующих ради донести до нас трагическую весть. Не хорошую, а именно трагическую. Поэтому я досидела до конца спонтаня.

Вспомнила ту цыганку с Витебского вокзала с ее пророчеством. Вспомнила еще историю, когда Георгий Александрович в Америке ставил свой последний зарубежный спонтань "Дядя Ваня" в университетском театре

Тринстона. Когда он туда ехал отбирать актеров из разных штатов, я сказала: "Георгий Александрович, у вас там медицинское обслуживание положено по контракту, сходите к хорошему врачу". Он сходил к хорошему врачу-кардиологу. Приехал из Америки в шоке. Потому что приехал некурящим. И 19 дней продержался – это были, пожалуй, самые страшные дни за мое десятилетие работы с Товстоноговым. Дело в том, что существует принципиальная разница в отношениях, взаимодействии с больным наших врачей, русских, и американцев. Американский врач, выйдя из своего кабинета и увидев, что Товстоногов сидит у него в приемной и курит, сказал: "У нас, господин Товстоногов, не курят ни в приемной, ни в кабинете, ни где. У нас модно быть здоровым. Заходите". Георгий Александрович потом мне рассказал: "Знаете, Ира, он ничего не писал, никто мне палец не прощупал, никаких анализов не брали. Я лег под компьютер, выскочили перфоранты. И все". Потом этот врач разложил эти перфоранты с кардиограммами, другими исследованиями Георгия Александровича и сказал: "Вам, господин Товстоногов, осталось жить полтора-два года. Но если вы сейчас у меня в приемной выкурили свою последнюю сигарету, уедете осенью к себе домой, приедете сюда снова в конце апреля и не выкурите за это время ни одной сигареты, я сделаю вам шунтирование, поменяю все сосуды от кончиков ног до паха, вставлю сердечный стимулятор – и таким образом дарую вам еще лет 20–25 жизни".

И вот 23 мая я вспоминаю эти слова врача-американца, потому что с тех пор прошло ровно полтора года. Вспоминаю цыганку, которая нагадала, что он умрет в машине. И тут, видите, Господь Бог, конечно, его отметил, потому что он не мучился, умер мгновенно, красиво, умер на красивом месте – в центре своего любимого Петербурга. Вот такая смерть.

Вы знаете, и после его смерти происходили события, которые, кроме как мистикой, и не объяснишь. Вот в этом самом кабинете, где мы сидим, любимом кабинете Георгия Александровича, долго-долго сохранялось ощущение, что он только вышел, и сейчас вернется. У него была очень сильная аура, мощная энергетика, и все предметы в этом кабинете как бы заряжены им. Долгое время сюда просто никто не мог зайти. Потом упала со стены стеллянная полка с книгами. Опять какая-то мистика – что ей падать-то?! Предметы отпазывались жить без него.

В это кресло Георгия Александровича у письменного стола никто никогда не садится. Только через год после смерти, в день памяти Товстоногова, я зажгла здесь свечу, собрались все ведущие артисты театра, и мы поняли, какое лекарство должны применить к себе, чтобы излечиться от боязни заходить сюда – мы выпили здесь водки. Потому что Георгий Александрович, когда был жив, сам вообще не пивший крепких напитков, любил наблюдать, как народ принимает водочку. Пили за его здоровье, и ни у кого не было ощущения, что все-то выпили, а он трезвый, – он был бесконечно весел, как и все.

Теперь здесь, в мемориальном кабинете, собирается комиссия по творческому наследию Товстоногова, перед спектаклем и в антракте двери кабинета всегда открыты и зрители могут посмотреть, где работал и творил великий режиссер. Театр носит имя Г.А. Товстоногова, и для нас всех, знавших и любивших этого человека, это не просто театр, место службы, а родной дом, где мы и сегодня живем вместе с Г.А. Товстоноговым.

Мне снились шумеры —
 Деревья шумели.
 Шторм нес на Форос
 Купорос...
 Взгляд зверя, не знавшего слез,
 Таил в себе вечный вопрос:
 Насколько все это всерьез?
 Быть может, случайность все это:
 Любовь и терзання поэта;
 Утрапы, закаты, заплаты;
 Рассветы, обеты, заветы;
 Рожденья, сомнения, смерть;
 Не предполагалось иметь
 Всем этим явлениям места?
 А все это вечное тесто
 Использовать было б уместно
 Хотя бы на мрамор, к примеру,
 На коем чертили шумеры
 Законы царя Хаммурапи,
 Что был на каком-то этапе
 Для подданных Богом земным
 Мне снится порой мезонин,
 Ступени с дремучими львами...
 Над ними провисшая нилка —
 До белых, как пар, облаков —
 Тяжелая, звонкая нилка
 Тарани, лещей, судаков —
 Проявленных древних веков.

Памяти
 Сережи Константинова

Мы возвращаем за долги
 Трофеи, что в бою добыты.
 Друзья наносят нам обиды
 Порой несносней, чем враги.

Все автономнее живем,
 Себя ничуть не экономя...
 Стук внутреннего метронома —
 Судьба, текущая огнем.

Здесь одиночество к одним
 Является, как наказание.
 К другим оно идет, как знанье.
 Наградой — к тем, кто нелюдим.

С годами все слабей глаза,
 Но интуиция все зорче.

*Острил недремлющие очи
Звучащая с небес гроза.*

*Никто не ценит кислород,
Пока не перекрыли оный.
Мир законный, законный —
Одних зовут, других берет.*

≡

*Две крайности сошлись. И все смешалось —
Высокий слог и бормотанья шалость.
Неутомимость и изнеможенье,
Неутомимость и освобожденье...
В струе неистового Гольфстрима
Мелькает лик разгоряченный Крыма.
Как это уютительно и странно —
Неумиранье в толще океана!*

≡

*Сегодня, как в последний раз,
Я думаю о вас.
О вас болит душа моя,
Постылые друзья.
Сегодня, словно в первый раз,
Я думаю о вас.
Вы отдаете мне долги,
Любимые враги.
И в первый, и в последний раз
Вы целите не в бровь, а в глаз.
И те, и эти — равно —
Ведете счет исправно.
Увы. Много не дано...
Запутаться немудрено:
Кого тут ненавидеть,
Кого тут не обидеть...*

≡

*На подлинном всегда есть метка.
Несовершенное — не прочно.
Я вас прошу — стреляйте метко.
Пожалуйста — рифмуйте точно.
Словесность — вечности подсветка,
Подсказка, что живем бессрочно.
Прошу вас — говорите метко.
Пожалуйста — стреляйте точно.
Бессмертью учимся заочно:
Рожденье, смерть — в душе отметка.
Пожалуйста — рифмуйте метко.
Прошу вас — говорите точно.*

НИКОЛАЙ
РАСТОРГУЕВ:

"КУПИТЬ МЕНЯ НЕ ВОЗ. МОЖ. НО"

Известно, что большинству нынешних звезд, именно звезд, а не звездочек, пришлось нарабатывать на эстрадный Олимп довольно долго, с большим трудом добиваясь популярности. Лидер группы "Любэ" Николай Расторгуев — не исключение.

— Николай, вы вошли в музыкальный мир, исполняя песни о любви в группе "Шестеро молодых". И вдруг так резко поменяли свой имидж...

— Это произошло не сразу и не вдруг. Десять лет назад на студии "Звук" мы записали наш первый альбом. Для своего появления выбрали очень удобный момент. Популярный тогда "Ласковый май" уже всем поднадоел, а нового музыканты ничего не предлагали. И вот мы, можно сказать, "мушкетеры из народа", пришли на смену инфантильным мальчишкам.

— Действительно, вы все как ни подбор — крепкие, сильные... Специально отбирали ребят "под себя"?

— После записи альбома нас начали приглашать на гастроли. Но музыканты первого состава к этому времени уже разбежались. Нам с композитором Игорем Матвиенко пришлось создавать новую группу. И так получилось, что в новой команде оказались ребята, внешне похожие на меня. Поэтому нас часто спрашивают, каким видом спорта мы занимаемся. "Балуемся" штангой и гирями, чтобы поддерживать форму.

— Ваше появление на сцене в гимнастике — дань моде?

– Причем здесь мода? Это сейчас на сцене запрыгали в бурках и папках. А десять лет назад я первый появился в военной форме. И это было оправданно, потому что мы исполняем песни, связанные с темой гражданской войны. И что важно – тему почти не изменили, только дополнили: поем о войне нынешней. Весь диск "Комбат" посвятили армии, ребятам, которым приходится сейчас служить и воевать. Саша Шаганов пишет замечательные тексты, в которых много попаданий в сегодняшнюю жизнь.

– Я знаю, что успех к вам пришел не сразу. Трудно приходилось на первых порах?

– Еще как... Сидел на таких бобах, что мало кому и приснится. Но все-таки выжил. Помню, как умудрялся на один рубль купить много полезных вещей. А ведь у меня была семья...

– Как у всякой популярной группы, у "Любз" есть не только поклонники, но и недоброжелатели. Часто приходится слышать упрёки в свой адрес?

– Если честно, стараюсь не допускать подобных упрёков. Пытаемся все делать профессионально. Стиль и аранжировка – дело, конечно, спорное. Но что касается исполнения – оно должно быть безупречным. Да и вся наша команда работает с полной отдачей. Особое внимание уделяем записям в студии. Делаем по несколько дублей. И только четвертый или пятый идет вчистую – на этом этапе огрехи уже недопустимы.

– Ваши поклонники были немало удивлены тем, что вы начали сниматься в кино...

– Действительно, мы снялись в "Зоне Любз". Игорь Матвиевко давно знаком с Дмитрием Золотухиным, известным по фильму "Юность Петра". Золотухин и уговорил меня сыграть в его картине. Ровно год мы потратили на съемки, полностью пренебрегая на это время концертную деятельность.

– Съемки давно позади. Можно сказать, что Николай Расторгуев состоялся и как киноактер?

– Ну что вы! Моя роль далеко не главная, просто играл самого себя, гастролирующего по зоне. И вообще, актер – слишком громко сказано, так как я вряд ли решусь еще раз попробовать себя в съемках. Нино – ардный труд, да и времени много отнимает.

– Сложно было сниматься на зоне?

– Настоящей зоны я не видел. Ведь съемки проходили в павильоне "Мосфильма", а декоры играли актеры.

– Одноименный диск "Зона Любз" писался к фильму?

– Да. По замыслу режиссера каждая песня должна соответствовать теме новелл, из которых состоит картина. Но многие песни остались за кадром. Например, "Бабу бы". Золотухин хотел, чтобы она напоминала старый хит "Дуся-агрегат", да еще и с легким эротическим налетом. Но результат оказался неожиданным – песня получилась совсем не такой, как ожидалось, и осталась только на cassette.

– Ваш поэт Александр Шаганов неожиданно занял сам. Как вы к этому относитесь?

– На мой взгляд, Саша намного лучше пишет тексты, чем поет. Но если он считает, что для него это единственный способ самовыражения – пусть продолжает петь.

– С чего начинается утро Николая Расторгуева?

– В основном с разъездов. Ведь планы на день обширные – записи в студии, съемки на телевидении, репетиции, мы же анимацию играем на концертах, не санчуем. Так и вечер наступает, а там – выступление.

– Шоу-бизнес – мир недружественный. Как у вас складываются отношения в музыкальной среде?

– Друзей среди музыкантов у меня нет, все больше приятели. А дружка я с ребятами из своей группы, они

для меня, как вторая семья. Когда человек становится популярным, вокруг него появляется много льстецов, но меня этим не нулишь.

— *Ваша семья — закрытая тема для журналистов?*

— Нет, почему же. Я женат во второй раз. Мою молодую жену зовут Наташа, у нас растет Николай II, которого стараюсь воспитывать в строгости. Есть сын от первого брака. Павлу уже восемнадцать. Он увлечен техникой и автомобилями. Я им доволен.

— *Гастроли, концерты, записи — понятно, что жизнь группы "Любэ", и в частности Николая Расторгуева, расписана по минутам. Но все же остается время для отдыха?*

— Когда появляется свободное время, мы организуем застолье. Но вопреки общепринятому мнению — пьем мало. Больше своими проблемами делимся или анекдоты рассказываем. А вообще, не люблю модные тусовки. Я часто бываю в таких местах, но это связано с работой. А по-настоящему отдыхать давно не приходилось. Даже первый отпуск за семь лет оказался полурбочим — совпал с поездкой в Ливерпуль на международный фестиваль "Битлз". Мы приехали в Великобританию в составе представительной российской делегации, состоящей из 70 человек: музыкантов, композиторов и просто поклонников "ливерпульской четверки". Отдохнули замечательно, посидели в местных тавернах за кружкой доброго английского портера, побывали на

уличном карнавале... Приятно, что россияне наконец-то пробили "железный занавес" и не просаживаются на фестиваль поодиночке. Хорошо бы установить традицию ежегодных визитов русской делегации в Ливерпуль.

— *Ваш альбом "Ночи в Москве", состоящий из двадцати одной песни легендарных битлов, вызвал споры, в Великобритании сенсацию...*

— Мы не ожидали такого ошеломляющего успеха. И сожалению, выступить на фестивале нам не удалось. За несколько дней до отъезда в Ливерпуль погиб наш гитарист... Но мы полны оптимизма и верим, что песни с этого альбома удастся спеть на фестивале в следующем году.

— *Вы сейчас на вершине популярности. Ощущаете себя счастливым?*

— Популярность, конечно, — дело приятное, особенно если вспомнить, сколь трудно пришлось в начале пути. А и успеху, и девочкам с цветами, подмигивающим возле примерных, отношусь спокойно, это, если можно так выразиться, "издержки производства". В материальном отношении мы сегодня крепко стоим на ногах. Но я знаю жизнь и знаю, что деньги никогда не гарант счастья. Счастье — в другом. Я могу назвать себя счастливым, потому что у меня есть семья, любимая работа и я "при деле".

Беседу вел ГАЛИНА СИРИК.
Фото на IV-й обл.
РИФАТА ЮНИСОВА

✓
Добро, которое ты делаешь от сердца, ты делаешь всегда себе.

Лев Толстой

Часкотет

Рисунки
ВИКТОРА ФЕДОРОВА

ВСЕ
НА БОРЬБУ
С КАРИЕСОМ!

978

978

ДЕНЬГИ ЗА

Загородное шоссе упиралось в ворота парка, в глубине которого находился особняк одного из самых богатых людей России Ильи Ильича Турова, президента банка.

Массивные ворота, витые из могучих лап и клыкастых голов зверей, открывались и закрывались без малейшего звука, словно шелковые портьеры. И охраняли ворота не богатыри с винтовками, а изящный молодой человек без погон и всякого вооружения.

Широкая дорога начиналась от ворот и уползала в тень парка, разветвляясь боковыми дорожками; их обрамляли цветы – экзотические, причудливые. Даже знакомые гладиолусы, и те казались словно прибывшими издалека. Но главным украшением парка были деревья и трава. Мощный смешанный лес – дубы, березы, которым сама природа приказала быть тоненькими, здесь стояли чуть не на равных с соснами. И вся эта сила и красота уверенно произрастала из ровной, густой, как ковер, яркой травы.

Равнодушный к природе Гуров тем не менее отметил все великолепие парка – подобной красоты и ухоженности до сегодняшнего дня он еще не встречал.

“И здесь убивают, – с огорчением подумал сыщик, – поганцы мы люди, и добавить к этому нечего”.

Гуров увидел знакомую картину: две “Волги”, при “галстуках”, мигалках и прочей атрибутике, правительственные чер-

ИЛИ КОН

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

ные монстры лакированных гробов, и множество иномарок. Среди машин стояли и прогуливались люди, поблескивали лысины, седина, набриолиненные головы новых русских.

По закону здесь должны находиться лишь пятеро: прокурор, следователь, эксперт, врач и он, сотрудник розыска. Но в случаях, когда происходило убийство высокопоставленного лица, обычно скапливалась уйма народу, которые только мешали друг другу.

Гуров взглянул на задние ворота, через которые проник весь кортеж автомобилей, и направился к крыльцу. На мраморной лестнице лицом вниз лежал мужчина, и, судя по всему, он уже давно был мертв.

Глава первая

– Лев Иванович, ты словно гость на именинах, на которые тебя не приглашали, – сказал подошедший к Гурову генерал-лейтенант Орлов, непосредственный начальник сыщика.

– Добрый день, Петр Николаевич, – ответил Гуров. – Судя по всему, господа из вышестоящих органов уже успели все затоптать... Потому, наверное, решили дело на прокуратуру и ментов свалить. Молодцы.

– И то правда, чего понаехали, словно капиталы делить собираются? Сам-то жив, брата хлопнули.

– Петр, тут розыскнику делать нечего, я на кухню подамся, чайку выпью.

MARIONNA
BOHNER

...and ...

...and ...

...and ...

...and ...

...and ...

...and ...

...and ...

...and ...

...and ...

- На веранде накрыто.
- То для стервятников, а служебный пес на кухне ест. Когда собираемся и где?
- Думаю, у меня, примерно часика через два.
- За два тебе их не разогнать. - Гуров кивнул и пошел вокруг дома искать черный ход.
- Его догнал полковник Крячко.
- Здравствуй, Лев Иванович.
- Привет, сыщик, - ответил Гуров. - Хозяин, вижу, большой человек.
- Даже ты его знаешь.
- Значит, большой, - согласился Гуров. Разговаривая, друзья внимательно оглядывали особняк. - Ты уже, конечно, все осмотрел, ничего не заметил?
- Пустое дело, здесь полк прошел. На крышу не лазил, но, чудится, и ни к чему; вошли через парадный вход открыто, ничего не ломали.
- Потом расскажешь. Петр группу у себя собирает, полагаю, зря, надо бы в прокуратуре. А я поеду домой, помоюсь и переоденусь. Будут спрашивать, скажи, мол, отправился на срочную встречу.

Первое совещание по делу - самое бестолковое и говорливое, конкретики мало, а предположений хватает. Но в этот раз проявил характер помощник прокурора Федул Драч. Резкий, прямой, он никогда не боялся, всегда говорил, что думал, потому лет двадцать и "ходил" в помощниках.

Генерал Орлов занял место в торце стола, Драч устроился рядом, сказал:

- Извини, Петр Николаевич, что у тебя хлеб отнимаю, но говорить буду я. - Он оглядел собравшихся. - Позовите Верочку, пусть протокол ведет. Чудится мне, что власти с нас не за работу, а за отчеты будут спрашивать. - Драч помолчал, давая возможность всем прочувствовать ситуацию, и продолжил: - Сейчас мы определим направления работы, создадим группы, договоримся о связи. Следователи пишут донесения на мое имя, оперативники - на имя начальника Главка генерал-лейтенанта Орлова. Вы, полковник Кулагин, решаете вопросы по своему усмотрению и докладываете в свое ведомство.

Павел Кулагин, начальник отдела контрразведки, молча кивнул.

- У меня все. Господин генерал-полковник, - обратился Драч к Бардину, - вам, заместителю министра, я не могу давать задания...

- Спасибо, - усмехнулся Бардин. - Мы с Петром Николаевичем разберемся, ведь уголовный розыск подчиняется мне. Несколько я понимаю, работа по данной линии будет поручена полковнику Гурову. Мы все друг друга хорошо знаем, надеюсь, работаемся.

Орлов поднялся.

- Лев Иванович, забирайте своих людей, к ночи подготовьте план мероприятий, согласуйте с прокуратурой...

Гуров открыл дверь кабинета, следом вошел Крячко, оглянулся:

— А армия куда подевалась?

— Ищи Котова и Нестеренко.

— Думаешь, разрешат привлечь гражданских?

— Ребята — прирожденные сыщики, а брат из МУРа неизвестно кого я не собираюсь. Теперь докладывай, чего раскопал до моего приезда.

— Когда я приехал на место, там уже работала группа МУРа. Все нормально, как и положено. Врач уже закончил осмотр, писал первичное заключение. Выстрел произведен в спину из “Макарова”, пуля прошла насквозь, ее удалось обнаружить в одном из деревьев. Смерть наступила мгновенно. Вскрытие, думаю, ничего нового не добавит. Использован глушитель, стреляли с расстояния восемь метров.

— Уж очень точный выстрел — прямо в сердце, — заметил Гуров. — Ну да ладно, об этом потом. Если убитого врач осматривал, то почему тело лежало так, словно только упало?

— Понаехали бо-ольшие начальники, один распорядился оставить все как было, мол, хозяин захочет взглянуть...

Гуров представил себе каменные лица прибывших, безапелляционный тон чиновников...

— Полагаешь, я струхнул, потому и не запретил издеваться над покойником? — спросил Крячко. — Дерьмовая публика, ни одного лица, одни рожи, и все горе на себя лепят, а оно отваливается. Я раньше и не знал, что такое театр абсурда.

— С осмотром как?

— Основное оперативники осмотреть успели, “пальчики” сняли, следы сфотографировали.

— Хозяин где?

— Думаю, в реанимации. Он чуть позже приехал, прошел в свой кабинет, сейф был открыт, ключи в замке. Мужик в кресло опустился, я подумал, он просто растерялся, а когда врач пульс пощупал, то сразу приказал его увезти.

— Ключи из сейфа изъяли? — спросил Гуров.

— Обязательно. Неродные, но выполнены классно. Вообще нигде ни одной царапины, все замки открыты ключами. Парк обнесен забором, который внешних повреждений не имеет, оборудован сигнализацией. Окна и двери в полном порядке.

— Сколько человек проживает в доме?

— По-разному. Сегодня находились пятеро: горничная, садовник, дворецкий, брат хозяина, которого убили, и его невеста. — Крячко взглянул на Гурова. — Мои выводы? Будьте любезны. И в сгнившей хрущевке с открытыми дверями, и в хрустальном дворце в окружении полка драгун берет всегда свой. Я поставил у сейфа оперативника до прихода бухгалтера. Примерно миллион валюты; коробочки, полагаю, с камушками. В сейфе имеется тайник, но он пуст.

— Ты не спрашивал, почему такие деньги хранятся дома?

— У кого?

Коротко постучав, в кабинет вошли Григорий Котов и Валентин Нестеренко. Не успели поздороваться, как появились гэбэш-

ный полковник Кулагин и заместитель начальника МУРа генерал Соболев.

— Цвет московского розыска в сборе, — усмехнулся Гуров. — Интересно, удастся нам поднять эту кражонку?

— Не дадут, — серьезно ответил Крячко. — Тут дела семейные, а лезть в данное семейство никто не позволит.

— Не думаю, — возразил Гуров. — Хозяин спокойно прошел мимо мертвого брата, а увидев открытый сейф, отправился в реанимацию. Стало быть, у него взяли нечто большее, чем жизнь брата. И он пойдет до конца. Я не политик и не финансист, но слышан, кто такой сегодня в России Туров. И мне неизвестно, кто может такого человека остановить.

Турова Илью Ильича — хозяина замка, где произошла кража и на мраморных ступенях застрелили младшего брата, — все за глаза называли Туром. Кличка возникла не столько от укороченной фамилии, сколько от внешности. Илья Ильич был среднего роста с непропорционально большой головой, покрытой рыжими короткими волосами, могучей шеей, сильными руками и коротковатыми мощными ногами. Неукротимая сила и энергия исходили от этого человека. Он нравился людям, ему доверяли, благодаря необычной внешности запоминали. По финансовой лестнице Илья Туров шагал семимильными шагами. За рубежом считался лучшим советником по всем торговым вопросам, касающимся России. Рассказывали, что однажды за тридцатиминутную консультацию Илья Тур получил миллион долларов.

...Туров пришел в сознание, но врачи даже слышать не хотели о милиции и прокуратуре. Да Гуров и сам не торопился с ним встречаться. Ждал возвращения в Москву Елены и Олега, сестры и брата погибшего. Олег в день убийства кувырчался в Альпах, вернулся только на следующий день, и хотя сейчас находился в Москве, Гуров попросил прокуратуру повременить с допросом парня. Пусть прежде вернется Елена, откроют доступ к Туру — тогда со всеми и поговорят. А пока изучали жизнь Игоря, пытались найти мотив убийства, но все тщетно: девки, мелкие долги, более ничего.

Станислав и Гуров сидели друг против друга, не зная, чем себя занять, когда позвонили из прокуратуры. Станислав снял трубку. Вечно недовольный голос Драча произнес:

— Здравствуй, Станислав. Гуров на месте?

— Здравия желаю, Федул Иванович. — Крячко кивнул Гурову на параллельный телефон.

— Здравствуйте, чем порадуете? — спросил Гуров.

— Лева, врачи дают пятнадцать минут на разговор с Туровым. Считаю, мне там делать пока нечего... А ты познакомься с ним, поговори за жизнь.

— Как с моей идеей, что из сейфа все-таки что-то исчезло?

— Твоя идея, ты и распоряжайся, — ответил Драч и положил трубку.

Сестра открыла дверь просторной одноместной палаты:

– Илья Ильич, к вам гости. Можно?

Туров сидел в кровати, подложив подушку под спину.

– Здравствуйте, Илья Ильич.

– Здравствуйте, что-то вы припозднились. Или я не интересен?

– Интересен, еще как интересен, – усмехнулся Туров, действительно с интересом рассматривая Турова.

– И генералы уже заходили, и от Президента, но, как я понимаю, главный в моем деле вы! – Туров ткнул пальцем в Турова. – Чего же молчите? Новости у вас есть?

– Плохие.

– Да куда уж хуже, говорите.

– Что, кроме денег, пропало из сейфа? – спросил Туров.

Туров удивленно вскинул брови.

– Как этот предмет выглядит, я же должен знать, что именно это? – продолжал Туров.

– Кто убил Игоря? – Туров облизнул губы.

– Его не вернешь. А что вернуть можно?

– Золотой диск. Я без него, что солдат без сапог. Он хранит все мои записи, все, о которых никто не должен знать.

– Теперь об Игоре. Кого из его знакомых знаете?

– Мы с ним дружны не были.

– Но круг общения брата известен?

– Рулетка, карты, женщины. Его могли убить по многим причинам... – Туров с вызовом посмотрел на сыщика. – И вообще, к чему все это, вас занимали не для бесед...

– Еще раз это слово произнесете и останетесь наедине со своим гонором.

– Вы так хорошо меня знаете? – Туров широко распахнул голубые глаза.

– Много денег, гонора, власти, силенка имеется, которую переоцениваете. Практически не знаю.

– Так-таки и не знаете? А ведь перечислили основные мои качества...

– Человек сложен из других кирпичей, дорогой. То, что я называл, имеется у любого.

Туров лег и закрыл глаза.

– Чего глаза закрыли? – Туров повысил голос. – О жизни не на досуге, до гробовой доски думать следует. Вы мне лучше скажите, как получилось, что диск-сидиром, в котором вроде вся жизнь ваша, оказался в одном экземпляре и валялся в домашнем сейфе?

– Дубликат не нужен, а расшифровать сидиром практически невозможно.

Туров тяжело вздохнул:

– Значит, там электронная защита и шифр, – он покачал головой. – В своем деле вы, может, и Эйнштейн, а по жизни обыкновенный придурок.

Илья Ильич встал на постели.

– О, – удивился Туров, – вам врачи уже разрешили вставать? Ладно, на сегодня все, ложитесь и думайте, какой вы умный.

- Стоп, мы гонорар не обсудили.
- Я выполняю задание руководства и денег не беру.
- Так у вас еще сто дел, а я хочу, чтобы вы только мной занимались.
- Это к министру.
- Да какая разница – я скажу ему, он скажет вам.
- И все-таки обратитесь к министру, а затем пришлите своего секретаря, обсудим детали. – Гуров усмехнулся и с удовольствием покинул палату.

Группа Гурова насчитывала уже двенадцать человек и в кабинете помещалась с трудом. Начальник МУРа предложил на Петровке выделить специальное помещение, но Гуров отказался. Чем позже на нас обратит внимание, тем лучше, решил он.

Информация о близких и знакомых семьи Туровых скапливалась в одной папке – для финансовых партнеров и противников Тура существовала другая папка. Все донесения оперативников тщательно изучались Гуровым.

На следующий день после разговора Гурова с Туром в Министерство пришел секретарь магната. Здороваясь со сравнительно молодым, лет сорока, модно одетым человеком, Гуров спросил:

– Костиков Владимир Владимирович? Простите за праздный вопрос, как вы вошли в здание? Пропуск на вас не заказывали.

Костиков вынул из кармана пропуск.

– В следующий раз заказывайте через меня или секретаря Управления. Я не люблю неожиданные визиты, могу не принять.

Гость смутился.

– Собственно, мне приказали явиться...

– Кто приказал?

– Илья Ильич Туров.

– Извините! – Гуров хлопнул себя по лбу. – Склероз. Нам же следует решить финансовые вопросы.

– Да-да. – Костиков открыл кейс и достал какие-то бумаги, печать.

– Вы это прекратите, мы ничего писать не будем.

Костиков ваглянул удивленно.

– Мне нужен только аванс и страховка всех моих сотрудников, – пояснил Гуров.

– Значит, необходимы расписка и страховые полисы.

– Никакой расписки, полисы никто подписывать не будет. Я беру деньги на оплату секретных агентов, осведомителей, возможно, на взятки, как я потом отчитываться буду? Нет, дорогой. Дайте мне сто тысяч долларов, я их потрачу по своему разумению, а остаток верну. Хотя это вряд ли. Расходы предстоят большие, скорее, я еще возьму некоторую сумму.

– Как же я дам деньги просто так? – занкался, произнес Костиков.

– Вы мне дадите пропуск, я вам его отмечу. А Илье Ильичу передайте поклон и наилучшие пожелания. Скажите, что независимо ни от чего, мы сделаем все возможное и невозможное.

– Разрешите позвонить? – спросил Костиков.

— Сожалею, но это служебный телефон, — Гуров взял у обомлевшего Костикова пропуск, сходил с ним к Верочке, поставил печать, затем усадил секретаря в лифт и нажал кнопку первого этажа.

Через два часа в кабинете Гурова собрались Станислав, Котов, Нестеренко, водитель Светлов и два парня из МУРа, Тихон и Михаил.

— С деньгами хреново, — заявил Станислав, — и машина нужна еще одна. Ты, Лев Иванович, интеллигенцию не разводи, для Тура наши нужды — деньги смешные, а мы, между прочим, жизнью рискуем.

— У тебя какой-нибудь результат имеется? Деньги, машина, за какие дела, спрашивается? — поинтересовался Гуров.

По тому, как оперы быстро переглянулись, Гуров понял, что какой-то результат все же имеется. Он пристально посмотрел на Станислава, тот сморщился, словно от зубной боли, и сказал:

— Котов засек за собой наблюдение. Через час Миша тоже обнаружил хвост.

— Значит, засветились, большой успех, — заметил Гуров. — Кого “вели”?

— Машину финансиста Рябова. А вскоре за нами “Волга” прилипла.

— А мы “вели” Рудина, — сказал Светлов Василий Иванович, из-за имени-отчества имевший кличку Чапаев. — Лева, мы только зря бензин жжем... Такая публика требует особого подхода.

— Значит так. Компакт-диск ищем не только мы, но и конкуренты Тура. Но полагаю, что одновременно они разыскивают и электронщика, который мог бы вскрыть диск. Очень хорошо, что боссы, за которых мы уцепились, вас увидели — испугаются, начнут торопиться. Но “наружку” придется снять. А что делать дальше, не знаю. У кого-нибудь идеи имеются?

— Ответ из Женевы мы пока не получили, поэтому не знаем, действительно ли Олег Туров находился в горах в момент убийства брата. Да и с сестрой не все ясно. Калифорния большая. А там она была или в другом месте, неизвестно, — сказал Крячко.

— Что ж, будем проверять. — Гуров поднялся. — Я отлучусь часа на два, а вы напишите все подробно и ждите меня. — Он поправил галстук, взял с вешалки плащ и вышел.

В коридоре его догнал Крячко.

— Хочу напомнить, госпиталь под наблюдением. Войти можно через санитарное отделение, ну там, где трупы таскают.

— Спасибо, — Гуров похлопал Станислава по плечу и пошел к лифтам.

Крячко вернулся в кабинет, потирая руки:

— Ну, я этому парнокопытному не завидую.

Турова осматривал заведующий отделением. Увидев вошедшего Гурова, доктор подозрительно спросил:

— Вы врач?

— Я милиционер, — ответил Гуров.

— Совершенно не похожи. Какой-то нестандартный, вроде только из посольства вышел.

— Вы в последнее время никого не брали на работу? — неожиданно произнес Гуров.

Доктор задумался.

— Недавно удалось заманить анестезиолога. Звезд с неба не хватает, но в настоящее время...

— Он обслуживает вот этого симулянта?

— По мере надобности. Боже! — доктор схватился за голову и пудей вылетел из палаты.

— Вы новенького врача знаете? — спросил Гуров у Турова.

— Я уколов боюсь и на докторов не смотрю. А вы что сделали с моим секретарем? Он заикаться начал.

— Значит так! — Гуров хлопнул по кровати ладонью. — Вы дадите сто тысяч. Мы купим машину, останется целая — вернем. Никаких отчетов, никаких расписок. Поверьте, суп мы будем есть за свои. Если кто из ребят погибнет, семье выплатите по совести. Теперь главное. Вы мне немедленно называете мастера, который работал с сидиромом. Считаю до трех, а уже два с половиной. Даю слово, если мы диск раздобудем, заглядывать в него не станем, нам ваши дела не интересны. А мастер нужен, потому что, предполагаем, его ваши дружки Рябов и Рудин шибко ищут. У него какая семья, квартира?

— Одинокий, квартира трехкомнатная, приличная.

— Общительный, друзья к нему заходят, родственники имеются?

— Нормальный мужик. С людьми ладит, живет в достатке. Дома ничего не держит, — Туров прищурился. — А почему и вам должен верить?

— У вас другого выхода нет, будете уклоняться, уйду. Вы поймите, Илья Ильич, порядочный человек сражаться за чужие миллиарды не хочет. Потому как идет игра без правил. За них убивают. А поймают, так смерть за милость покажется. Мои парни сто лет в розыске работают, и на ваше дело они в жизни не подписались бы. Они за мной идут, как волки за вожаком. А вас в гробу видали, в белых тапках, уложенного долларами.

Туров поскреб волосатую подмышку.

— Запоминайте, писать не позволю. — Он продиктовал телефон и адрес мастера. — Позвоните Толику и скажете, что вы от Илюшки. Учтите — не от Тура или там Ильи Ильича, именно от Илюшки. Тогда он вас примет. Деньги в десять вечера принесут. Ну, с Богом.

— Обождите. Тут новенький врач появился, не нравится мне это. Я вам опера приставлю, но вы и сами рот не разевайте. Заподозрите неладное, бейте по шприцу. Хотя они могут вас предвзительно усыпить. Воду только из-под крана пейте, и чтобы при вас наливали.

Деньги действительно вечером принесли. На следующий день купили "Жигули", Станислав заикнулся было, что за такие бабки лучше приобрести иномарку, но Гуров остался непреклонен. Возражений Станислава даже слушать не стал — нужна машина, на которую никто бы не обращал внимания. Затем он позвонил Толику. Хозяин снял трубку после четвертого гудка, ответил удивленно, видимо, ему редко звонили.

- Здравствуй, Толик, тебе Илюшка поклон просил передать.
- Спасибо, как его здоровье?
- Оклемался мужик. Бог его здоровьем не обидел. Встретиться надо, ты меня к себе на Бронную не пригласишь?
- Хорошему человеку всегда рад. Захвати пузырек, я чего-то неважно себя чувствую, не хочу на улицу выходить.
- Это можно, тебе во сколько удобнее?
- Да хоть во сколько, сижу, в ящик смотрю. Заходи.
- Тогда я сейчас и буду, - Гуров положил трубку. - Голос у него молодой, думал, мастер постарше, - сказал он сидевшему напротив Станиславу.
- Как же тебе Тура уломать удалось? Что он деньги даст, я не сомневался, а вот в отношении мастера...
- Слова надо знать, Станислав.
- Давай я тебя подброшу, заодно новую машину проверим. Дом посмотрю, покручусь там, мало ли.
- С удовольствием.
- В машине Крячко неожиданно сказал:
- Ты знаешь, не нравится мне сестренка нашего клиента.
- Чего так? - спросил Гуров, хотя отлично знал "чего", собиравшийся сам на эту тему поговорить.
- Молодая женщина, красавицей, правда, не назовешь, так не каждой дано. А приданое? Да будь она на одной ноге и без глаза, вокруг нее мужики должны виться, как мухи на свежей навозной куче. У нее же две подруги, а мужики вроде случайных прохожих, появятся на вечерок-другой и исчезают.
- Может, лесбиянка?
- Вчера я из своей старой клиентуры отыскал профессионалку, хочу сегодня вечером ее к девице подвести, проверить.
- Молодец, Станислав, данный вопрос требуется прояснить. Но ведь у них тоже свои симпатии-антипатии, - заметил Гуров.
- Верно, но масть они угадывают точно.
- Останови около магазина, мне бутылку требуется купить.

Толик оказался симпатичным мужчиной лет сорока с небольшим, невысокий и с животиком. Поздоровались. Сыщик выставил на стол бутылку водки "Довгань". Хозяин одобрительно кивнул и убрал ее в холодильник. Вынул запотевшую бутылку "Смирновской". Гуров увидел, что в морозилке таких бутылок несколько, не удержался и спросил:

- Извини, Толик, к чему весь цирк с бутылкой?
- Не знаю, Лев Иванович. Все слова ты правильно сказал, но свербило меня. Загадал, если водку принесет, значит, действительно знает Илюшку, а ежели виски или что подобное, сызнава проверять будем.
- Хозяин быстро и ловко накрыл на стол.
- Ну, за здоровье раба Божьего Ильи. - Толик чокнулся с Гуровым и лихо опрокинул емкую рюмку. - Слушаю тебя, господин полковник.
- Гуров прищурился, взглянул на хозяина повнимательнее, о службе и звании разговора не было.

— Не держи в голове, Лев Иванович, — хозяин налил по второй. — Один живу, люди разные заходят. Недавно серьезный вор в законе ужинал, твое имя упоминали. Илюшка, как всегда, верный ход сделал, тебя точно определил. Не знаю, где правда, а где вымыслы о тебе плетут, но ты в большом уважении у братвы. Отлежись я, слушаю.

Гуров изложил историю кратко, но точно.

— Значит, ищут меня? Захватят, пытать будут?

— Сегодня мучают дебилы. Тобой серьезные люди займутся. Сделают укольчик, сам расскажешь.

— Супротив науки не попрешь. Может, мне в деревню уехать?

— Тебя ни деревня, ни Кремль, ни Мавзолей не укроют. Везде достанут. Кроме того, парни, которые за тобой придут, мне нужны.

— А-а, — махнул рукой Толик, — придут гончие псы, они, кроме своего загона, и не знают ничего.

— Умница. Но даже ничего не зная, человек всегда след оставляет. Я тебя попрошу принять на постой двух парней. Они в маленькой комнате устроятся, ты их и слышать не будешь.

— У меня там мастерская... Ладно, придумаю что-нибудь. Мастерскую в другую комнату переведу, к тому же давно собирался, тесно там...

— Соседям по площадке скажешь, брат приехал, но говори только про одного, их все равно не различат.

— Мне компания в радость. Я скучно живу, бывает у меня одна, да и то редко, — сказал Толик повеселевшим голосом, чувствовалось, что водка достала.

— Теперь, Толик, как быть с улицей? Тебя там могут взять, ахнуть не успеешь. Потому, если на улицу соберешься, обязательно квартирантов предупредишь, один раньше тебя выйдет.

— Господин полковник, вы готовитесь, словно к войне, — Толик снова выпил.

— Ты с приятелями на улице или в кафе выпиваешь?

— Редко. Однако случается. Живу-то один, скукота.

— Теперь ты будешь не один, выпивку вне дома придется прекратить. Водка нынче плохая, в стакане черте что оказаться может.

Слова Гурова не понравились хозяину.

— У нас во дворе только свои, — сердито ответил он.

— Вот-вот, свои-то и продают. Илюшу тоже продали не чужие.

— Понял, не маленький. — Толик вновь наполнил свою рюмку.

“Вот не повезло нам, — подумал Гуров, закуривая. — В любой момент подведет и сам не уберется. Что ж за страна такая, как золотые руки у человека, так обязательно алкаш”.

Глава вторая

Из машины Гуров по телефону разыскал Мишу и Тишу. Приказал собраться в командировку и немедленно прибыть на Малую Бронную. Отключив связь, Гуров увидел, как из подъезда вышел Толик и твердой поступью направился в магазин.

— Ну что за человек. У него же дома хоть залейся, а вот ведь — не ленится в магазин идти. Станислав, отправляйся следом, взгляни на его дружков-приятелей.

Толика встречали у магазина, словно народного героя. И все стало понятно. Он угощал. Местная "публика" его любила, и ходил он в магазин не ради выпить, а главное — с соратниками пообщаться, послушать, какой он золотой мужик. Заодно узнать новости, которых по телевизору не сообщают, вообще глотнуть свободы. Станислав покрутился среди "аборигенов", тут же стал своим и понял, здесь с мастером могут сотворить что угодно, налить в стакан керосин, никто и не заметит.

Прибыли оперативники. Долго звонили в дверь. Толик в это время отсыпался. Наконец открыл дверь на длину цепочки, выслушав пароль, впустил "гостей" в дом.

— Ошейник надели, псы милицейские, да я с такими видами грамма не выпью, — и упал в койку.

Оперативники с трудом обосновались в выделенной им комнате, так как хозяин ни электронику, ни многочисленные приборы перенести не успел. Тиша деловито всю водку из холодильника забрал, сложил в свой кейс и запер его на ключ.

— Признайся, в гестапо служил? — поинтересовался Миша.

— У меня батя от нее умер, — холодно ответил Тиша.

Давнишняя "подруга" Станислава в тридцать с лишним выглядела еще очень даже ничего.

— Если выполнишь мое задание, получишь столько зеленых, сколько в руках не держала, — сказал Станислав. — Сколько тебе требуется денег и времени, чтобы привести себя в полный порядок?

Катерина, так звали бывшего агента, взглянула на Гурова, который сидел в своем углу, и спросила:

— Станислав, а посторонние обязательно должны присутствовать при разговоре?

— Лев Иванович не посторонний, а наш с тобой Бог.

Катерина вынула из сумочки зеркальце, критически осмотрела себя, вздохнула.

— Лет бы пятнадцать сбросить... И где ты раньше был?

— Меня интересует одна женщина. Ты ее уже видела, лет тридцати пяти.

— Кривоногая страхолюдина? Поняла, завтра к вечеру буду готова.

— Ты меня не поняла, Катюша. Это не разовое задание...

— Ха! Ты имеешь в виду шмотки и весь прикид?

— Забудь эти слова.

— Ладно, гони штуку зеленых, сделаю.

Гуров вышел из-за своего стола, сел рядом с женщиной и внимательно посмотрел ей в глаза. Катерина покраснела.

— Катюша, мы завтра вечером поедем с вами в дорогой ресторан. Утром за вами заедет Станислав, отвезет в парикмахерскую, затем покатаетесь по Тверской, кушите все необходимое. Прошу бриллиантов не покупать, но на вещах не экономить. Хотите, мы

дадим вам женщину, чтобы она помогла? Я бы не отказался, мо-
да — дело хитрое.

— Вы меня за границу готовите? — растерялась женщина.

Гуров пожал плечами:

— Черт его знает, может, придется и выехать.

— Да я воровка, судимая...

— Ваше прошлое меня не касается.

Проводив Катерину, Станислав спросил:

— Ну, как?

— Трудно сказать, но меня беспокоит ее речь.

— А меня — ее старые связи.

— Напрасно. Сегодня все смешалось. Вон сколько проститу-
ток выходит замуж за иностранцев, за разбогатевших банди-
тов.

— Ты собираешься с ней в ресторан?

— С ней в ресторан пойдешь ты, а я пойду с Марией. Сидеть бу-
дем с тобой порознь. По моим данным, сестренка Тура завтра со-
бирается посетить "Космос".

Когда вечером Гуров в ресторане увидел Катерину, то в пер-
вый момент ее не узнал.

— Хороша... Только напряжена, волнуется, словно новичок на
премьере, — заметила Мария.

— Наша сотрудница, — словно оправдываясь, произнес Гуров.

— Не ври, я же тебя ни в чем не подозреваю. И почему ты мне
не сказал, что на работе? Куда мне с тобой отправиться, чтобы не
иметь головной боли?

194 Неожиданно Катюша поднялась и направилась к столику, за
которым сидела сестра Турова Елена с каким-то загорелым, рос-
лым красавцем. Катерина о чем-то спросила их, и Гуров увидел
у нее в руках сигарету. Красавец щелкнул зажигалкой, Елена
улыбнулась.

— А дама у того неандертальца выдержана и, судя по всему,
умна, — заметила Мария.

— И откуда ты все знаешь? — удивился Гуров.

— Учусь у сыщика помаленьку, — парировала Мария. — А что,
мадам тоже из ваших? Неужели сегодня день милиции, что вы
все гуртом собрались в одном кабаке?

— Такой женщине, как ты, не идут вульгаризмы, — ухмыльнул
от ответа Гуров.

Мимо прошел Станислав, встретил вернувшуюся Катюшу.
Мария, не сводя с них глаз, сказала:

— Скажу честно, с актерским мастерством в угро дела обстоят
неважно.

— Уж извини нас, дураков, — Гуров еле сдерживал раздраже-
ние.

— Я не ради красного словца, просто ваш интерес к той даме
очевиден. Кто такая?

— Сестра клиента.

— Значит, бриллианты в ушах настоящие. А я все гадаю, неу-
жели умная женщина, и со вкусом, носила бы такие огромные
фальшивые камни...

Вечер закончился без происшествий. На следующий день Катюша сказала, что ей кажется, Елена – женщина нормальной ориентации и, судя по всему, не очень-то счастливая.

В воскресенье случились неожиданные события. На Турова напали. В то время, когда дежурный врач находился у тяжелобольного, в палате Турова появился новый анестезиолог с металлическим подносом со шприцами и ампулами. С озабоченным выражением на лице он заявил, что больному приказано сделать укольчик. Туров не успел и слова вымолвить, как ему в лицо прыснули какой-то гадостью из баллончика, и он мгновенно отключился.

Позднее выяснилось, что дежуривший в палате оперативник был подкуплен мафией, а потому бандиты действовали спокойно и не торопясь. Анестезиолог приготовил шприц и профессионально наложил на руку Турову резиновый жгут. Его сообщник, огромный амбал в белом халате, дежурил у двери в коридоре. Все было продумано, кроме... неожиданного визита Турова.

Сыщик быстро шел по пустому коридору и сразу увидел широкоплечую фигуру в белом халате, стоявшую у двери в палату. Хотя ничего необычного в этом не было, Туров ощутил знакомый сигнал опасности. Не замедляя шаг, он переложил "Вальтер" в карман халата и, подойдя к "санитару", нанес ему жесткий удар ногой в живот. "Санитар" молча рухнул на колени. Туров распахнул дверь. Подскочив к склонившемуся над кроватью "анестезиологу", ударил его рукояткой "Вальтера" по затылку и поставил пистолет на опера:

- Руки за голову, повернись лицом к стене!
- Лев Иванович, – заскулил опер.
- Ну! – Туров взвел курок.

Поняв, что сейчас получит пулю, тот поднял руки и уткнулся в стену. Туров забрал у него пистолет и наручники. Затем своими наручниками приковал "санитара" и "врача" друг к другу. После чего завернул все инструменты и ампулы в марлю и снял телефонную трубку. Остальное было делом техники.

От задержанных Туров ничего интересного не ждал. Было очевидно, что они только исполнители и никакой информацией не располагают. Сыщик даже не пришел на допрос в прокуратуру. И вообще, он спокойно отнесся к тому, что так удачно и легко удалось пресечь первую атаку противника. Жизнь давно его научила, если сегодня случайно повезло, значит, завтра появятся неожиданные неприятности.

- Станислав, где у нас сегодня самое слабое место? – спросил Туров, закончив писать рапорт на имя Орлова.

- Мастер Толик, – не задумываясь ответил Станислав. – Если его найдут, то наши оперативники – не прикрытые. Приедут на двух машинах, с автоматчиками и наших ребят размажут по стенке. Все зависит от того, как быстро нашего Толика вычислят. А учитывая, что у него бывает "братва", вопрос решится в ближайшие дни.

- Может, увезти его куда-нибудь от греха подальше? – Туров закурил, задумчиво посмотрел в окно.

— Или поселить в казарме ОМОНа, — съязвил Станислав. — Мы защищаемся, а должны нападать. Где твоя интуиция, хваленые способности? Кто убил парня, где дискета? Решим эти вопросы и не надо будет никого охранять. Лев Иванович, давай, работай на опережение.

— Станислав, не дави на самолюбие, — вяло отмахнулся от подначки друга Гуров и неожиданно спросил: — Твое мнение о сестренке Тура?

— Производит впечатление умной порядочной женщины. Я хочу еще ближе подвести к ней Катюшу. Дамочку следует разработать серьезно. Даже если она не имеет прямого отношения к происшедшему... ее могли использовать втемную...

— Ты, как всегда, прав, Станислав. Поезжай на Бронную, посмотри, как там обстоят дела. А я созвонюсь кое с кем, договорюсь, где Анатолия пристроить.

Глава третья

Семен Петрович Ярцев в уголовном розыске честно прослужил четверть века, начал помощником опера и дослужился до заместителя райуправления по розыску. В пятьдесят получил папаху и обходной лист на увольнение. Ярцев обиделся смертельно, так как считал себя в самом расцвете лет. Уволил его новый начальник Управления, сорокалетний генерал. На общем собрании он заявил — возьмем в свои ряды свежую кровь, и быстро докажем ворью и отребью, кто истинный хозяин в районе. Ярцев не сдержался, назвал генерала мальчиком в лампасах, который серьезного преступника не то что никогда не задерживал, а и в глаза ни разу не видел. Через неделю Ярцев сдал личное оружие и удостоверение. Провалившись на диване неделю, он перебрался за письменный стол, решив написать книгу. Название родилось мгновенно: "Четверть века в угро". Но дальше с первого абзаца начались сложности. И вот однажды, когда он черкал очередной вариант, в его квартиру позвонил очень вежливый, прекрасно одетый молодой человек.

— Уважаемый Семен Петрович, я пришел к вам предложить работу и не уйду, пока вы не согласитесь.

— Что ж, юноша, у нас с женой две комнаты, поживите, если не пьющий, — ответил Ярцев.

— Спасибо, Семен Петрович, я знаю, сколько нынче в вашем районе полагается за комнату платить.

Тут Ярцев не выдержал, рассмеялся:

— Проходи, молодой нахал. Рассказывай, в какую упряжь собираетесь запрячь старого коня?

— Семен Петрович, я представляю очень солидных людей. Вот их предложения. Так как вы полковник уголовного розыска, то и будете заниматься своим делом. К примеру, пропал человек и его следует разыскать, хотя, конечно, перечислить все случаи, когда понадобится ваш опыт, невозможно, но принцип работы вы, надеюсь, поняли. Первые три месяца вам платят по полторы

тысячи долларов. Когда истечет испытательный срок, фирма решит, подходите ли вы. Ну, как?

— Звучит заманчиво. — Ярцев усмехнулся. — Согласен встретиться с твоим начальником. Если он мне понравится, то мы договоримся. Я мужик с гонором, с дерьмом наслужился досыта и терпеть ни от кого не собираюсь.

Корпорация размещалась на первом этаже старого солидного дома на Пироговке. Решетки на окнах, стальная дверь с глазком и постовым ментом производили впечатление. Охранник внимательно изучил паспорт Ярцева, кивнул и сказал:

— Вам во второй кабинет, последняя дверь по правой стороне.

В коридоре никто не курил, служащие, проходившие из кабинета в кабинет, были деловиты, не останавливались перекинуться парой слов. Не успел отставной полковник постучать в дверь, как она распахнулась. Миловидная секретарша уже стояла на пороге.

— Здравствуйте, Семен Петрович, вас ждут, — и открыла дверь к шефу.

— Кротов Степан Степанович, — выходя из-за стола и пожимая Ярцеву руку, представился хозяин.

Ярцев занял предложенное кресло, сразу отметив, что оно очень сильно опущено к низу, да и стоит против окна, создавая хозяину кабинета значительные преимущества. Подумал, что вряд ли согласится здесь работать.

— Я рад, Семен Петрович, что вы согласились принять наше предложение.

— Извините, но я согласился лишь встретиться с вами, — ответил Ярцев.

— Вас не устраивает оклад?

— Деньги хорошие. Хочу знать, чем занимается ваша фирма, каковы конкретно будут мои обязанности.

— В общих словах, посредническая деятельность на территории России и бывших республик Союза. Свои обязанности вы определите сами, считайте себя начальником охраны, разведки и контрразведки одновременно.

— Каково будет мое первое задание?

— Для начала ознакомьтесь с обстановкой, просмотрите личные дела сотрудников нашего аппарата. Задание? Мы полагаем, что у нас происходит утечка информации. Правда, информация мелкая, ерундовая. Видимо, предатель работает в самом низшем звене. Но неплохо было бы его выявить и убить.

— Это задание вы придумали перед самым моим приходом, — ответил Ярцев. — Если бы у вас было время, то поняли, что не следует говорить глупости опытному розыскнику.

— Не забывайте, Семен Петрович. — Хозяин наклонился над столом.

— Если я соглашусь работать, то буду подчиняться вам лично? — холодно спросил Ярцев.

— Нет, только генеральному.

— Уже лучше. — Ярцев встал, подкрутил кресло, чтобы сиденье поднялось, и развернул его от окна. — У вас найдется рюмка спиртного?

— Здесь не принято...

— Не сомневаюсь, — перебил Ярцев. — Пить на службе не следует, но предложить гостю...

Кротов вышел из-за стола, открыл дверцу стенного шкафа. Там оказался бар.

— Угощайтесь!

— Составите компанию?

— Если вы настаиваете, — Кротов впервые улыбнулся.

Ярцев оглядел бутылки, выбрал коньяк. Чокнулся с хозяином и тут только обратил внимание, что Кротов очень маленького роста. Отсюда и напряжение, и штучки с креслом, подумал он и задумчиво произнес:

— Ну, что же, уважаемый Степан Степанович, давайте попробуем, возможно, мы и сработаемся.

198 Ярцев отчетливо понимал, что служит в мафиозной структуре, но относился к этому философски: на цепи меня никто не держит, запахнет жареным — уйду. Он ознакомился с личными делами сотрудников, выяснил, что по образованию они в основном юристы и экономисты, ранее служили в различных министерствах, на значительных должностях. Они приняли новичка настороженно, но Ярцев со своей неизменной улыбкой, шутливым говорком умел нравиться людям. Считал, что располагать к себе людей — одно из основных качеств хорошего сыщика.

Со всеми он был в хороших отношениях, к генеральному подходил исключительно по вызову, но занял и врага, Узлова Юрия Игоревича. Узлов восемь лет проработал опером в райуправлении, откуда его уволили за мелкий рэкет — выпивал в палатках в своем районе. Устроившись по случаю на фирму, он не сомневался, что должность, которую вскоре занял Ярцев, у него в кармане. Но тут объявился этот чертов "старик" и все поломал. Узлов не знал, что его собираются не повышать, а выгонять, так как причину ухода из милиции вскоре выяснили. Но Ярцев сказал, пусть парень служит, молодого хорошего мента на его место не получить, а менять мелкого жулика на крупного не стоит.

В августе убили Игоря Турова, и шеф пригласил к себе Ярцева.

— Уважаемый Семен Петрович, ваш час настал, — и рассказал, в чем дело. — Зарабатывать деньги на чужой беде вроде бы грешно, но таков закон бизнеса. Тур выложит за свой диск не один миллион долларов. Разуштите мне его.

Ярцев заданию обрадовался, наконец-то появилась настоящая работа. Он пригласил к себе в кабинет двух парней из охраны, которые в прошлом работали в милиции. Леонид Кудин несколько лет служил в розыске, а Яков Семин некогда работал в ВХСС. Уволились в поисках денег, ведь семью на милицейскую зарплату не прокормить, и Ярцев их не осуждал, патриотизм — хорошо, но жизнь остается жизнью.

— Парни, — сказал он, — есть работа. Соберите сведения о Турове и его окружении. Возбуждено ли уголовное дело, кто в прокуратуре и розыске им занимается. Работают или бумажки пишут, каковы их успехи, нет ли среди оперов человечка, которого можно деньгами зацепить. Работайте аккуратно. Даю вам сутки на предварительную разведку. Завтра к обеду доложите результаты.

На следующий день Ярцева ожидали крайне неприятные известия, и он впервые пошел к генеральному без вызова, по собственной инициативе.

— Плохи у меня дела, шеф. Выслушайте и постарайтесь понять. Уголовное дело возбуждено прокуратурой города, следствием руководит Федул Иванович Драч, мужик опытный, умный, подходов к нему никогда не было. Но самое скверное даже не это. Розыскное дело ведет полковник Гуров, я его хорошо знаю и лучшего сыщика еще не встречал. К тому же у него слаженная сильная команда, они нас по всем позициям сильнее. Делодохлое, лучше в него не ввязываться.

— Я вас ценю, Семен Петрович, вы мне нравитесь. Но наша беда с вами в том, что мы старомодны. Вы ведь взятки не берете, — утвердительно сказал шеф. — У вас и психология соответствующая. А купить можно любого, все зависит от подхода и от цены. Кто не берет, тот и не дает, не умеет и не желает давать. Я же вам не предлагаю вызывать вашего знакомого полковника на дуэль.

— К ребятам Гурова тоже не подойти.

— Оставайтесь при своем мнении. В деле замешаны слишком огромные деньги, чтобы я так просто отказался. Большой бизнес всегда большой риск. Мы не собираемся никого убивать, хотим лишь купить. Мне жаль, что вы отказываетесь, но это ваше право. Не скрою, решая вопрос о продолжении нашего контракта, я данный разговор вспомню.

— Могу уволиться хоть сегодня! — заявил Ярцев.

— Мы взрослые люди, будем преодолевать неприятности по мере их поступления. Идите и спокойно работайте.

— Я обязан вас предупредить, что, ввязываясь в уголовное дело, которое ведет прокуратура, вы рискуете преступить закон.

— Я, лично, ничего преступать не собираюсь, — раздраженно ответил шеф. — Благодарю, вы свободны.

Ярцев вернулся в свой кабинет, вызвал Кудина и Семина.

— Мальчики, — сказал он, — я от дела устранился, причину объяснять не буду. Думаю, что работу продолжит Юрий Узлов. Он из штанов выпрыгнет, доказывая руководству, какой он классный оперативник и какой Ярцев старый пень. Конечно, приказы начальника следует выполнять, но помните, что вам противостоит власть, защищенная законом. Все свободны, дай Бог вам удачи.

Заместитель генерального Степан Степанович Кротов пригласил к себе Юрия Узлова. Протанув ему тоненькую папочку, в которой находились отчеты Кудина и Семина, попросил ознакомиться, высказать свое мнение по данному вопросу. Бывший опер быстро просмотрел бумаги и спросил:

— Почему я, Степан Степанович? Это работа Ярцева.

— Семен Петрович считает дело неперспективным. Так как мы тоже работали в угро, генеральный просил узнать вашу точку зрения. Не скрою, мы очень заинтересованы в положительном решении вопроса и готовы нести любые материальные расходы.

— Хорошо, я подумаю, спасибо за доверие.

Уже у себя в кабинете, еще раз внимательно перечитав донесения оперативников, Узлов понял, что "старый пень" прав. Бодаться с прокуратурой и Главком угро — дело гиблое, но мысль о заинтересованности генерального и неограниченных деньгах со-блазняла.

Конечно, против танка в лобовую не попрушь, но существуют и обходные дорожки. Для начала взяв десять тысяч долларов на расходы, вечером он встретился со знакомым авторитетом.

Выслушав Узлова, тот спросил:

— Приключений ищешь? Или очень большие бабки дают?

— Бабки за сделанную работу дают, Цапля.

— Мне старшой не симпатичен. Я давал себе зарок по одной улице с ним не ходить.

— Кто тебя толкает? Не ходи, отсидись в сквере. У тебя сколько стволов? — спросил Узлов.

— Мы не в Чечне. Я случайно одного из оперов знаю. Он в дер-ме по самые уши, его можно использовать.

— Вот это удача!

Узлов разработал план. Руководил всем Цапля, получивший за работу восемь тысяч долларов. Так в больнице, где лежал Гу-ров, появился анестезиолог. Дело ему представлялось простым, главное, без "мокрухи".

Два дня Узлов ходил по фирме с гордо поднятой головой, на третий явился к Кротову и сказал, что деньги пропали.

"Простое дело" закончилось провалом, и Узлов был прав, ко-гда утверждал, что ему помешал случай.

Слух о том, что Узлов грохнул неизвестно на что десять штук зеленых, дошел до Ярцева. Он пригласил к себе в кабинет Узло-ва:

— Я отвечаю за безопасность фирмы, потому скажи: сколько людей ты потерял? Они знали, на кого работали?

— Ничего они не знают, обвинение пустяшное.

— Прокурор решит, — ответил сухо Ярцев.

— Я использовал братву втемную.

— Ну-ну! Когда тебя "на счетчик поставят", тогда запоешь.

Узлов сорвался, начал кричать, в запарке проболтался о под-робностях.

— Случай! Несчастный случай! Кирпич со стройки на голову упал!

Ярцев понял, что он рассказал правду, и действительно Гуро-ву просто повезло.

— А тебе кто мешал своего человека у входа в больницу выста-вить? Сотовым телефоном его снабдить? Гуров еще только парко-вался бы, а твои парни уже из палаты успели б уйти. Что он в воскресенье вечером в больницу пришел, действительно случай-ность. А что он один троих без единого выстрела взял, тебе урок.

Живи. Но если еще раз наследишь и мне не доложишь, пеняй на себя.

– Семен Петрович, а вы вроде рады, что я прокололся?

– Я все сказал. Иди, поглядим, как долго начальство тебя субсидировать будет.

Главным в группировке Цапля был вор в законе по кличке Куба. Свое воровское имя он получил за смуглый цвет лица, кудрявые черные волосы и толстые губы. Куба имел пять ходок, из них трижды его сдавали свои. Знал, шестой ему не выдержать. Ему уже исполнился полтинник, но больше половины жизни он провел за колючей проволокой. Прослышав, что Цапля взял троих толковых парней, и они исчезли, а куда может деваться вор, известно, Куба пригласил Цаплю в скромную кафешку на тарелку супа. Цапля немедленно явился на встречу и, опережая вопрос, заявил:

– Я вины с себя не снимаю, но людей упредили и заплатили им вперед.

Куба согласно кивнул, продолжая обедать. Ел он аккуратно, походил на скромного работягу, знающего цену куску хлеба.

Цапля принялся рассказывать. Умолчал только, что дело имел с бывшим ментом, Куба понимал, малый чего-то утаивает, но то в порядке вещей, ведь никто сразу не исповедуется. Интересно, какого же электронщика они разыскивают? И неожиданно Куба вспомнил, как по ранней весне встретился со старым корешом. Тот рассказал ему, как сутки жил у одного смешного головастика, гения, который работал с компьютерами. Правда, его водка стубила. Потому как гений сделал для какого-то миллионера работу и получил столько деньжищ, что мог год пить, ничего не делая. И назвал кореш того миллионера как-то смешно...

– Как больного кличут, к которому вы полезли?

– Тур, – сразу ответил Цапля. – Фамилия у него Туров.

Куба встряхнулся. Именно так – Тур.

– Ежели я нужного вам человека укажу, сколько можно с твоего заказчика слупить?

– Надо узнать.

– Узнай. Думаю, такая работа штук пятьдесят стоит. Потянет?

– Спасибо, что участие принял. Разузнаю, сообщу. Позвонить согласишься?

– Нет. Завтра в это время здесь и повидаемся. Может, у тебя чего проклянется?

– Завтра вряд ли, но подгрести не сложно.

– Забито, я отваливаю. А ты обожди чуток, выходи с оглядкой. Сейчас ментов в городе больше, чем людей. – Куба, изображая немощного, тяжело поднялся и зашмурыгал к дверям.

– Артист, – сказала официантка, получая деньги. – Сам пляшет шибче молодого, – она взглянула на задумавшегося Цаплю. – Может, тебе сто пятьдесят принести?

Он молча кивнул, прикидывая, не лучше ли свести Юрку Узлова с Кубой, получить свои комиссионные и отойти в сторону. Но Узлов – бывший мент. Кубе это может не понравиться.

Вечером Цапля долго названивал Узлову, но того все не было дома. Неожиданно кто-то прорвался по телефону и к нему. Вежливый мужской голос сказал:

— “Мерседес-300” ждет вас у подъезда, — и трубку сразу же повесили.

На негнущихся ногах, ничего не понимая, Цапля вышел из дома. Мужчина, сидевший в “мерседесе”, поздоровался, но имени своего не назвал, буркнул что-то водителю, и машина мягко покатила.

Цапля постепенно приходил в себя. Если с ним решили раздеться, то не прислали б “мерседес”... Он поерзал на роскошном сиденье, затем беспечно откинулся на мягкую упругую спинку. В районе Тверской машина остановилась. Мужчина, сидевший на переднем сиденье, открыл свою дверцу, следом за ним Цапля шустро выскочил на асфальт. Они вошли в небольшой холл гостиницы, хотя никакой вывески Цапля не заметил. Спутник взял у дежурной ключи, номер находился на втором этаже. Открыв дверь, мужчина снял плащ, затем мягким интеллигентным тоном сказал:

— Зови меня Иван Иванович, легче запомнить. Конечно, наша встреча — секрет небольшой, но болтать не следует.

— Понял, — Цапля подошел к столу, на котором стояли разнокалиберные бутылки и ваза с фруктами.

— В какую больницу тебя понесло, дубина стоеросовая? — неожиданно жестко продолжил Иван Иванович. — Ты хоть представляешь, против кого выступаешь? И что в России творится? Какие-то Цапли, Кубы... куда вы лезете?

— Иван Иванович, нелегкая занесла. Если зеленые дают за непыльную работу, неужели мне отказываться?

— Завтра с Кубой не встречайся. Он тебя ни о чем не спросит. А теперь позвони своему тайному приятелю и дай мне трубочку. Цапля замаялся, но номер все-таки набрал.

— Здорово, Узел, это я.

— Контора закрыта, не туда попали.

Иван Иванович взял трубку, уверенно произнес:

— Здравствуйте. Сейчас за вами заедут. Только без глупостей, вашего выступления в больнице вполне достаточно. С вами хотят поговорить.

— Никуда я не поеду, разговаривать с незнакомым...

— Его Юркой зовут, — подсказал Цапля.

— Юрий, при встрече мы обсудим некоторые деликатные вопросы.

— Куда подъехать? — сдался Узлов.

— К магазину “Хрусталь” на Тверской. Марка и номер вашей машины? Вас встретят. Через сколько будете?

— Минут через сорок.

— Прекрасно, до встречи.

Водитель “мерседеса” и Цапля ждали машину в условленном месте. Тверская сверкала огнями, шуршали проносившиеся машины. Цапля, коренной москвич, разглядывал прохожих и сверкающие иномарки, словно провинциал. Он и не помнил, когда в последний раз без дела гулял по улице, смотрел на людей

трезвыми глазами, не выискивая ментов или очередную жертву. Вокруг бурлила нормальная жизнь, о какой давно забыл он, Сашка, по кличке Цапля. Захотелось выпить и забыть все "дела". Он настолько расслабился, что "Жигули" Узлова пропустил, и очухался только после того, как Узлов, припарковавшись, подошел к нему и ехидно зашипел:

— В кино не опоздаем, деловой? Вы меня ждете? — спросил он у шофера, быстро оценивая его физические возможности.

Шофер не ответил и направился в переулок, где сверкал его "мерседес". Парни зашли в безмянную гостиницу, постучали в номер. Открыв дверь, хозяин увидел Узлова и тихо выругался.

— Это ты? Ну заходи. А ты, Саша, отправляйся домой.

— Здравия желаю, — произнес Узлов, когда за Цаплей закрылась дверь.

— Отставить, — хозяин брезгливо поморщился. — Зови меня Иваном Ивановичем.

Узлов мялся, его словно подменили. От обычной самоуверенности и наглости не осталось и следа. Он закашлялся, вытащил из кармана мятый носовой платок.

— Господин генерал...

— Я уже сказал, как меня зовут, — перебил хозяин. — Сядь и слушай внимательно. Я знаю, где ты служишь. И знаю, что твой хозяин заинтересован убийством младшего Турова и пропажей. Лучше тебя, конечно, оперативника в фирме не нашлось...

— Оперработой у нас командует отставной полковник Ярцев. И он не захотел...

— Семен? — удивился Иван Иванович. — Тогда мне с тобой беседовать не о чем. Я завтра к твоему шефу зайду, решим, как в этом деле разойтись. Сумеешь молчать, останешься жив, я лично против тебя ничего не имею. Ты не виноват, что таким уродился.

Глава четвертая

Гуров пригласил к себе только "гвардейцев" — оперативников, с которыми работал не первый год. Станислав занимал свое место за столом напротив. Чапаев сидел на стуле рядом. Котов и Нестеренко разместились за ничейным столом, стоявшим сиротливо возле входной двери.

Настроение у собравшихся было отвратительное. Задержание предотвратило возможные неприятности, но толку от него было мало. Прокуратура арестовала лишь стоявшего в коридоре "санитара". И только потому, что при нем имелся пистолет. Никакой привязки его к убийству в резиденции Турова обнаружить не удалось.

Преступного умысла в действиях врача и охранявшего Турова оперативника обнаружить не удалось. То, что укол собирался сделать врач, а не медсестра, криминалом не является. Дежуривший опер, когда разобрался в ситуации, "смертельно обиделся", на вопросы категорически отвечать отказался.

В общем, положение сложилось дерьмовое, нового направления в работе у Гурова не имелось.

— Лев Иванович, — сказал Станислав, — ты подведи итоги, что мы имеем на сегодняшний день. Может, у кого свежие мысли появятся.

— Положение у нас скверное, — начал Гуров. — Туров подсказал нам двух бизнесменов, наиболее заинтересованных в краже. Николай Рябов и Илья Рудин имеют к преступлению отношение, но скорее всего только в качестве заказчиков. Потому и держатся настороже, потому мы и засветились.

— Разрешить? — перебил Светлов. — В таком плотном потоке вычислить мою тачку невозможно. Охранники проверялись, сделай вывод.

— Спасибо, Чапаев, я тебе верю, — ответил Гуров. — Почему они проверялись, неизвестно. Забудем о них на время. Теперь о Турове. Покушение на него не доказывается, хотя у нас сомнения не вызывает. Типичная работа исполнителей из криминальной среды. Заказчик неизвестен.

— Извините, Лев Иванович, я не согласен, — подал голос Нестеренко. — Кто украл эту штуку, дискету, что ли, тот и организовал нападение. Ему нужен шифр, чтобы вскрыть диск и овладеть информацией.

— Не факт, Валентин, далеко не факт, — развел руками Гуров. — В серьезных делах прямых линий не бывает. Преступники — не дураки и учитывают вариант провала в одном из звеньев. Если даже мы за одно звено ухватимся, то все равно сразу не выйдем на организатора. Да и на убийцу не выйдем. Сейчас маленькое отступление. — Гуров закурил. — Я разговаривал с нашим специалистом по защите и взлому защиты информации. Повал мало, но для нашей работы достаточно. Информация Турова записана на сидиром...

— Мне безразлично, как она называется, Лев Иванович, — заявил Станислав. — Как она выглядит?

— Диск, на котором записывают свои концерты музыканты, представляешь? Золотого цвета, металлический, его так и зовут — золотой, очень высокой прочности. Я спросил, что такого может быть записано, если его потеря довела человека до инфаркта? Мне ответили коротко: все. Секретные сведения о конкурирующих фирмах, досье их сотрудников, включая фотографии, номера кредитных карточек, то есть возможность снять необходимую сумму со счета — и своего, и противника. Ключи к компьютерам — своим и конкурентов, номера телефонов и фотографии любовниц. Сведения о налогах. Перечислять можно до бесконечности. Защищен сидиром сложной комбинацией знаков и цифр. Взломать его теоретически возможно, однако, очень трудно да и дорого. Этим занимаются специальные профессионалы — хакеры.

— В общем, крыша над нами не течет, и время у нас имеется, — подвел итог Станислав. — Сидиром — это интересно, Лев Иванович, но что у нас по убийству?

— А у тебя, Станислав, что по убийству? — Гуров с вызовом посмотрел на друга.

— Как поется в песне: “Не смотри ты на меня в упор. Я твоих ве испугаюсь глаз”. Могу ответить. Убийца и вор — “родной”, свой человек в семье. А вообще в деле уйма нестыковок. Например. Нам сообщили, что в ночь перед ограблением и убийством, которые произошли между пятью и шестью утра, в особняке ночевал Олег Туров. Следователя, который дал эти сведения, следует кастрировать, чтобы не размножался. Элементарной проверкой установлено, что в комнате Олега вообще никто не ночевал. Ни брат, ни сват, ни любовница. Потому что Олег находился в Швейцарии, въездная и выездная визы в паспорте сомнений не вызывают. Сестренка же в день убийства развлекалась в Калифорнии. Замечу, не в Рязани, на электричке не доедешь. Опять же виза в паспорте. Да, действительно, накануне была маленькая вечеринка, которую устроил Игорь, утром убитый. Его друзья собирались переночевать, но часа в два ночи уехали. Осталась только любовница Игоря. Девушка крепко перепила, проспала до одиннадцати утра и, естественно, ничего не слышала.

— Я считаю, на данный момент у нас существует только одна перспективная версия — любовница убитого. У нее может быть парень, которому она сообщала сведения о Турове. Не исключено, что и помогала ему, — сказал Котов.

— Флаг тебе в руки, Григорий Давидович. Только у нее не один парень, а несколько десятков любовников, — заметил Станислав.

— Нам не нужны десятки, хватит и одного, — парировал Котов.

— А я бы не исключил из подозреваемых и самого Турова, — пробормотал Нестеренко.

— Тебе лечиться надо, — сказал Станислав.

— Интересная мысль, — заметил Гуров. — Однако давайте лучше вспомним о Толике, которого мы стережем на Бронной. Мне кажется, что зря в засаде парней мучаем. Золотой диск, по всей видимости, до заказчика еще не дошел. Потому похищать мастера они не станут. До поры до времени, конечно.

— Но ведь в больницу к Турову пришли, — заметил Станислав. — Почему ты решил, что диск еще не дошел?

— Чувствую. И вообще, мне кажется, все гораздо проще. Сейчас между заказчиком и исполнителем идет торг. Параллельно убийца ищет хакера, который способен распечатать эту штуку.

— По существу, мы все знаем, — подвел итог Станислав. — Осталось ответить лишь на два вопроса. Кто убил? Где золотой диск?

— Ты мне надоел! — разозлился Гуров. — У тебя имеются серьезные предложения?

— Обязательно, господин полковник. Считаю, работу по делу прекратить, отписывать руководству бумажки.

— И деньги Турову вернуть.

— Что делать? Вернем.

— Мы уже истратили семьдесят тысяч.

— Да ты что? — Станислав схватился за голову. — Куда же ты, уважаемый, такие деньжищи потратил?

— Большое дело требует больших затрат, — фыркнул Гуров. — Могу отчитаться. Сколько я тебе дал? Вспомнил? Очень хорошо.

А Валентину с Григорием? Да ребятам, которые в засаде сидят? А сколько от МУРа приходило? Ты считал?

— Все! Беру свои слова обратно! — заявил Станислав. — Командуйте дальше, господин полковник!

Шеф фирмы, в которой служили Ярцев и Узлов, сидел за столом своего кабинета. На разместившегося напротив отставного милицейского генерала старался смотреть спокойно, своего волнения не выдавать.

— Я благодарен вам, Марк Михайлович, что вы приняли меня без проволочек. — Генерал поудобнее устроился в кресле и закурил, подвинув к себе изящную пепельницу на высокой инкрустированной "ноге". Старый, опытный мент, он приглядывался к хозяину, пытался понять, насколько тот заинтересован в происходящем.

— Лев Васильевич, чем вызван ваш интерес к моей скромной персоне?

Генерал решил не ходить вокруг да около, потому смело кинулся в атаку.

— Как серьезно вы заинтересованы в деле Турова? Может, мы договоримся? Я имею полномочия предложить вам отступного, разумеется, в разумных пределах. Тем более у вас нет профессионалов нужного профиля. В данной ситуации ставка на Юрия Узлова даже не смешна. Ярцев, конечно, профессионал, но, насколько мне известно, он предпочел остаться в стороне.

— Я не знал о заинтересованности вашей фирмы, иначе сумел бы убедить Ярцева, — уклонился от прямого ответа шеф.

— Узлов уже порядочно напортачил. Разгрести его дерьмо придется Ярцеву или моим ребятам. Ваш придурок связался с вором в законе. К счастью, мне удалось дыру временно залатать...

— Назовите вашу сумму, я готов понести расходы.

— Разумеется. — Генерал погасил сигарету. — Но "слово чести" вора в законе весит девять граммов, а иногда и больше, если стреляют очередями.

— Какая гадость, — поморщился шеф. — Но ваши воры понятия не имеют в системах электронной защиты. Это же не сейф вскрыть.

— Они знают человека, который ставил защиту. Если его захватят, то разрежут на кусочки и добудут все, что требуется. — Генерал помолчал, затем продолжил: — Я не хочу вас пугать, уважаемый Марк Михайлович, но, увы, у вас нет профессионалов. Если Семен Ярцев согласится работать, тогда мы вернемся к давнему вопросу. Если же нет, считайте, я просто нанес визит вежливости.

Шеф прикусил губу, задумался.

— А ежели Ярцев согласится работать, тогда как?

— Для начала пусть он мне сам скажет о своих намерениях, — ответил генерал. — Лично. Можно даже в вашем присутствии.

— Интересно, — раздраженно пробормотал хозяин. — Ну что ж, пожалуйста. — Он снял трубку внутреннего телефона. — Красавица, попроси Ярцева зайти ко мне.

Отставной полковник явился мгновенно. Присутствию генерала не удивился. Пожал ему руку и сказал:

— Мне сообщили, Лев Васильевич, что ты приехал. Сидел у себя в кабинете уверенный, что захочешь меня видеть, — он повернулся к шефу: — Чем могу быть полезен?

— Мы обсуждаем кражу у Турова. Узлов с делом не справляется. Потому уважаемый генерал интересуется, не собираетесь ли вы заняться данным вопросом?

— Но я уже сказал, что считаю это дело слишком сложным и опасным.

— Семен Петрович, ты умница и профессионал, — улыбнулся генерал.

— Ну что ж, — сказал шеф, — думаю, вам есть о чем поговорить. Не смею задерживать... Благодарю вас за визит, Лев Васильевич. Звоните, всегда рад. — Шеф надел очки и открыл лежавшую перед ним папку.

Когда отставники пришли в кабинет Ярцева, Семен Петрович достал из шкафа бутылку коньяка, стаканы, яблоки. Старые оперативники выпили молча, после чего генерал сказал:

— Я тебе сделаю предложение, обещай не драться.

— Чую, генерал, ты собираешься купить меня. Напрасно. Давай лучше думать, как нам жить дальше.

— Сейчас все упирается в шифровальщика, — генерал хрустнул яблоком. — Хотя сидиром не найден, но шифровальщик уже нужен. Розыском занимается Гуров. Пусть ищет. А мы будем дремать и выжидать. У меня нет подходов к Гурову, зато имеются подходы к его начальству.

— Если Гуров и зацепится, ни один из начальников об этом не узнает.

— Верно, но если у Левы будет результат, мы его заметим. Изменится распорядок дня, активизируется сперва работа тех же шоферов. Вот тогда мы вновь встретимся и вынудим наших хозяев объединиться. Такой кусок ни одному из них не по зубам, — уверенно сказал генерал.

— Значит, сейчас мы только выжидаем. Хорошо, жду твоего звонка..

— Лады, полковник, — генерал пожал Ярцеву руку, — своих слов не забывай.

Ярцев распахнул перед гостем дверь кабинета.

— Давай, рад был тебя видеть.

— Мне зайти к твоему шефу попрощаться?

— Не оценит. Звони.

Мария уехала на съемки. И Гуров решал сложный вопрос: отдыхает он без любимой или скучает? Станислав почти не уходил из квартиры друга, ждал, вот сейчас позвонят и сообщат... Дальше фантазия буксовала, он не мог придумать, а что, собственно, может произойти?

— Лев Иванович, давай все-таки займемся ближайшим окружением девицы Игоря, которая ночевала на даче в ночь преступления. У нее связи огромные, среди них не только воры и убийцы, Змея Горыныча можно разыскать.

— Займись, — равнодушно ответил Гуров. — Для начала познать ее с Катюшей...

— Мы девочку обещали на работу пристроить, а сами вновь в бордель посылаем, — укоризненно сказал Станислав.

— Дьявол! Я же должен ехать к Турову с докладом! Мы снимаем засаду на Бронной? Гноим людей, деньги тратим...

— Снимаем, снимаем, — успокоил Гурова Станислав. — Я прогулялся по Бронной, присмотрелся, что там и как. Не понравилось мне... Разве я не докладывал?

— Что тебе не понравилось?

— Так сразу не объяснишь... По соседству с домом булочная, и я заметил двоих парней, они хлеб с машины разгружали. Мне показалось, что один совсем не из той колоды. Очень на наружку смахивал.

— И ты молчишь?

— А чего кричать? Я с Тишей и Мишей по пять раз на дню разговариваю. Спокойно у них все, тихо и мирно. Они хозяева от водки отучили. — Станислав с гордостью посмотрел на Гурова.

— Надо же! Во всем мире с алкоголизмом не могут справиться, а они отучили, — насмешливо произнес Гуров.

— Ну, у них особый метод.

— Поедем, взглянем и на метод, и на все остальное. — Гуров вынул плащ, сунул "Вальтер" в карман. — Отправимся на двух машинах, я потом заеду к Турову, отчитаюсь, на что мы его деньги тратим.

208
Сыщики миновали дом Толика, пятиэтажный, добротной постройки, походивший на букву "п", прокатились вдоль знаменитой аллеи, где когда-то появился загадочный Волянд, обогнули пруд и припарковались. Затем отправились обратно пешком. Шли порознь, быстро, деловито, как ходит большинство москвичей.

Гуров зашел в булочную, о которой рассказывал Станислав, купил пару пирожков. Когда они в первый раз прошли мимо "своего" дома, то ничего предосудительного не заметили, двое мужчин среднего возраста на детской площадке пили возле сломанных качелей баночное пиво. Было около четырех часов, накрапывал мелкий дождик, и потому во дворе прогуливалась только одинокая мамаша с ребенком.

На углу улицы стояли трое парней и явно поджидали машину. Гуров внимательно оглядел троицу. Безусловно "качки". На запястье одного из них сыщик заметил дорогие часы, на шею другого поблескивала массивная цепь. Все это ровным счетом ничего не значило, но мальчики казались слишком деловыми, чтобы вот так мокнуть под дождичком. Гуров доел пирожок, бросил бумажку в урну и оглядел улицу. Обратил внимание на стоящую в отдалении иномарку. Водитель в ней отсутствовал, и Гуров подумал, что машина принадлежит кому-то из ребят. Тогда непонятно, почему они ждут на улице, а не сидят в салоне.

На противоположной стороне за витриной магазинчика мячил Станислав, тянул через соломинку сок. Гуров мог поклясть-

ся, что друг рассуждает так же, как и он, и они отсюда не уйдут, пока трое любителей дождя не уедут.

За улицей и парнями наблюдал и Куба, который в поношенной курточке, с затертой сумкой в руках переходил из магазинчика в магазинчик, благо они имелись в каждом доме.

Хотя Куба и пообещал генералу не ввязываться в это дело и даже взял у него деньги, слово свое не сдержал. Но на то была причина. Генерал совершил ошибку, когда сказал Кубе, чтобы он оставил мастера в покое: "Он вам совершенно ни к чему, сиди-ром вы не достанете да и распорядиться информацией и сотнями миллионов долларов не сумеете, вернетесь на нары на долгие годы".

Куба тут же встретился с двумя корешами, все им рассказал, и упомянутые ментом миллионы перевесили осторожность, разладорили. Чего это мы не достанем и "зеленью" распорядиться не сможем? Мы не глупее ментов, не хуже их сработаем. Мужика, что хитрую штуковину мастерил, захватим, а нужных голова-стиков найдем, никуда они не денутся.

Кубе выделили несколько толковых боевиков, объявили дело общим, и на время операции запретили группировкам воору-женные действия и всякие разборки. Авторитетам обещали за послушание долю. Но среди авторитетов были люди действительно умные и понимали реалии. Тюремь и зоны заключения находились под властью законников, и не считаться с подобным фактом неразумно.

Захват Толика Куба поставил с размахом. За домом три дня наблюдали, просекли постояльца, но, как и все в доме, решили, что племянник у мастера один.

Гуров на вора не обратил внимания, а Станислав засек, так как Куба зашел в магазин, в котором сыщик пил сок, вытряхнул из холщовой сумки мятую газету, сумку аккуратно сложил и за-сунул в карман. Мятая газета, придавшая сумке объем, прием, известный от Рождества Христова. Только не следует ее опусто-шать в двух шагах от сыщика. Он может воспринять подобное действие своеобразно. Станислав, к примеру, вынул из кармана яепку и водрузил ее на голову.

Гуров увидел Станислава в кепке, снял "Вальтер" с предохра-нителя и мгновенно определил выходящего из магазина Кубу как источник опасности. Не торопясь, он направился к дому То-лика, куда уже шли и парни, любители дождя.

Из подъезда вышел Тиша, подошел к мужикам, распивав-шим пиво. Вскоре появился и Толик. Неожиданно из соседнего подъезда выскочил вроде бы пьяный мужичок с бутылкой и ста-каном, воинственно закричал:

— У нас демократия! Я вправе выпить в свои именины! — Уви-дев Толика, наполнил стакан, протянул ему: — Анатолий Панте-леевич, выпей за здоровье раба Божьего! Сегодня день моего свя-того!

Гуров смотрел, как Толик примеривается к стакану, словно спортсмен, готовящийся взять старт, но Тиша стакан отобрал, расплескав половину, и протянул одному из собутыльников.

— Дядя зарок дал, до шести ни грамма, — твердо заявил он.

Три парня подошли к ним, один локтем ударил Тишу в грудь. — Ты что, сучонок, выступаешь! Человеку подносят с почетом. Я тебя на винтики разберу. — Он отобрал бутылку, но стаканы уже осушили.

Во двор вкатился “рафик” “Скорой помощи”, из него ловко выпрыгнули крепкие парни в халатах и с носилками. Один из них громко и весело, словно Дед Мороз, закричал:

— Где у вас сорок шестая квартира? Кто там погибает, звонки оборвал, помощи просит?

— Я сорок шестая, — выпятил грудь Толик. — Ошибочка вышла...

Оперативникам все стало ясно. Мужик, выпивший водку, влялся бесчувственно на траве, но на него уже никто не обращал внимания. “Именинник” тихо исчез. Гуров сцепил пальцы и двумя руками ударил за ухо амбала, стоявшего рядом. Этого оказалось достаточно, чтобы тот рухнул на колени и отключился. Тиша и Миша, ребята простые, глушили своих “клиентов” рукоятками пистолетов. Станислав поставил одного из санитаров враскоряк у “рафика”, поманил пистолетом второго, когда тот подошел, оперативник пристегнул бандитов наручниками друг к другу.

В пылу схватки забыли о водителе “скорой”. Тот же, распахнув дверцу, саданул из автомата. Станислав и Гуров выстрелили почти одновременно. Бандит, согнувшись, вывалился из кабины, короткой очередью прочертив асфальт. Рухнул стоявший на коленях амбал, закричали женщина и ребенок.

Женщину, раненную в грудь, уложили на носилки, задвинув их в “рафик”, маленькому пацану перевязали ногу. Станислав приставил пистолет к животу “санитара”:

— Где ближайшая больница?

— Да откуда же я знаю? — он смотрел в белые глаза оперативника, явственно ощущая пулю в своем желудке. — Не стреляй, пригожусь... Там, — кивнул на “скорую”, — еще врач... Настоящий.

Врача извлекли на свет божий, Станислав приказал:

— Посмотри женщину, — и повернулся к “санитару”: — бери пацана на руки, садись рядом со мной и молись.

Станислав сел за руль, и “рафик” укатил в Склифосовского.

Во дворе начали появляться люди. Подлетела “канарейка”, появилась и “скорая”, видимо, кто-то из жильцов вызвал. “Скорая” забрала трупы, менты усадили “санитара” в свою машину. Молоденький лейтенант подошел к Гурову, вопросительно посмотрел на него.

— Отвези в МУР, передай генералу, что от полковника Гурова. Вскоре доставят еще одного. Я заеду в министерство, отпишу своему начальству рапорт и приеду в МУР. — Гуров оглядел двор, увидел валявшуюся на земле бутылку. — Подбери и отдай в лабораторию, пусть определит химический состав содержимого. Руками не хватай, заверни в газету.

— Слушаюсь, господин полковник. — Лейтенант забрал бутылку, и “канарейка” укатила.

Гуров направился к своей машине.

Куба досмотрел весь спектакль до конца и теперь отирал ладошкой мокрые от пота волосы. Он растерялся, не мог понять, как это так крепко лопухнулся. Как проглядел такое количество ментов, да не простых, а козырных сыскарей? И что он теперь скажет корешам, которые его план одобрили и дали парней и технику?

Куба проводил взглядом скрывающуюся за углом статную фигуру явно главного мента, подумал, а он сильно "мажет" на сыскаря Гурова. Уголовник приободрился, теперь есть чем прикрыться. Скажу, налетел, как на трамвай, пусть осудят. О сыскаре Гурове дважды на сходках "базар" поднимался. Одни предлагали вынести ему приговор, организовать бригаду и прикончить. Другие заявляли: мы делаем свое дело, он — свое. Но никто из его "крестников" зла на мента не держал, случалось, что Гуров людей, незаслуженно под "вышку" сунутых, на небольшие сроки переводил, с прокуратурой бодался. Против такого мента и лопухнуться не грех.

Генерал Орлов выслушал Гурова, как всегда, не перебивая.

— Все? — Орлов навалился на стол, начал без надобности перекладывать карандаши. — Станислав звонил, женщина в реанимации, но жизнь вне опасности.

— Слава Богу, хоть в одном повезло. — Гуров поднялся, открыл форточку и закурил.

— Да, Лева, ты в порядочное говно залез.

— Говно не бывает порядочным, — обронил Гуров.

— Двум богам не служат. А ты не в первый раз у потерпевшего деньги берешь. Знаю, все уходит на дело. Но деньги-то ворованные. И ты становишься морально зависимым.

— А хирург, когда уникальную операцию делает и деньги за лекарства и за импортную технику берет да еще себе на хлеб оставляет, это как? — зло спросил Гуров. — А санитарку и нянечку для персональной obsługi кто сегодня оплачивает? Другая сегодня жизнь, Петр. Другая. Тебе из высокого кабинета не видно.

— Да я тебя ни в чем и не обвиняю. Ты не левую работу делаешь, приказ министра исполняешь. Однако поберегись, парень. Не дай Бог что случится, окажешься крайним. И я тебя не спасу. А уж Станислава тем более. — Орлов развел ладонями по столу, словно хотел отодвинуть на край неприятную для обоих тему разговора. — Теперь о делах сегодняшних. Неплохо сработали, во и хвалить не за что. Два человека ранены. Взяли вы обыкновенных бандитов, а дело ставили люди иные. Здесь непонятное складывается.

— "Иные люди" боевой силы не имеют, — Гуров вернулся к столу, сел, — вот и обратились за помощью к авторитетам...

— Те люди, что твоему Турову противостоят, все имеют. И не станут похищать мастера, не обладая сидиромом. Авторитеты влезли в дело со стороны. А твои противники уже знают о происшедшем, посмеиваются. Я не удивлюсь, если кто-то из них у министра по воскресеньям обедает. Эдакие солидные высокопоставленные люди. Мелочи и грязь жизни их не интересуют. Они даже не знают, что после дождя на асфальте образуются лужи.

— И что же мне делать? Я-то по лужам каждый день шлепаю, — рассердился Гуров.

— Главное, не разбрасывайся. Уверен, авторитеты отступят. Им война с Главком и Петровкой не нужна. Не хапнули, ладно, возьмем в другом месте, пусть меньше, но проще. У Турова имеются брат и сестра? Упрись в эту пару. Разберись в их окружении, в психологии, здесь твой стадион, ты должен захватить инициативу.

Глава пятая

Туров Илья Ильич чувствовал себя превосходно, ему разрешили вставать, и он при своей неумемной энергии уже расхаживал по просторной палате. Попытался было закатить главврачу скандал, чтобы его немедленно выписали, но врач, человек бывалый, на капризы больных внимания не обращал. Заявил, будете находиться в больнице столько времени, сколько я посчитаю нужным, а хотите получить рецидив, так мы двери не запираем, милости прошу. Но обратно я вас не приму. И Туров смирился.

Когда в палате появился Гуров, Туров выставил на стол бутылку коньяка, вазу с фруктами. Небрежно поздоровавшись с полковником, насмешливо сказал:

— Насколько я понимаю, полковник, похвастаться вам нечем.

— Меня зовут Лев Иванович. Если желаете обращаться по званию, извольте говорить "господин полковник". Я на полусогнутых генералам папки не ношу.

— А вы с характером! — рассмеялся Туров.

— Вы только сейчас об этом узнали? — Гуров сел, отщипнул виноградинку. — Вчера по вашему делу короткая перестрелка случилась, из моих людей никто не пострадал. Однако тяжело ранили женщину и парнишку.

— Нужны деньги? — озаботился Туров.

— Пошлите своего секретаря в хирургическое отделение Склифа, ему скажут, какие лекарства необходимы.

— Хорошо, распоряжусь. Что произошло?

— Некоторые господа пожелали захватить вашего друга Толика. Мы поймали бандитов, с ними сейчас занимаются. Как наша история попала в поле зрения преступной группировки, мне непонятно.

— Кто-то из ваших ментов проболтался! — зло заявил Туров.

— Это вряд ли, господин Туров. Скорее информация ушла от ваших родственников.

— Какие родственники? Игоря похоронили, у меня остались сестра и младший брат. Они с преступниками не общаются. Чуть какая-то!

— Решайте, мне заниматься вашей сестрой и братом или прекратить работу? Иных путей я не вижу.

— Абсурд! — Туров наполнил рюмки коньяком, молча выпил. — Они бездельники. Не знают, как заработать рубль, тратят сколько требуется, ни в чем не нуждаются. Но, с другой сторо-

ны... Конечно... Общаются с людьми и все такое... Работайте, как считаете нужным. Да, по моим прикидкам, у вас кончатся деньги...

— Верно. Но я у вас больше денег не возьму. Мое начальство недовольно.

— Я позвоню министру, ваше начальство заткнется!

— Мой министр сегодня вице-премьер, — ответил, улыбающийся, Гуров.

— Подумаешь, фигура! — фыркнул Туров. — А вашего начальника можно уволить.

— Это вряд ли, — Гуров поморщился. — Вы, уважаемый Илья Ильич, переоцениваете власть денег.

— Но вы мой человек...

— Глупости! — перебил Гуров. — Я офицер и чиновник, обязан выполнять пожелания своего начальника. Конечно, удобнее работать, имея свободные деньги, но данный вопрос не обсуждается.

Туров присел на соседнее кресло, уставился на Гурова своими огромными голубыми глазами и с любопытством спросил:

— Вы говорите серьезно?

— Абсолютно. Я имею приказ руководства. К тому же выполняю задание.

— Господин полковник, деньги передаются из рук в руки, никто об этом не узнает. Не валяйте дурака, не старайтесь быть святее папы Римского.

— Может, вы и правы, однако, ничего не выйдет. У меня смешные принципы, уважаемый Илья Ильич. — Гуров старался не смотреть в умные и пронзительные глаза Турова. — Значит, я занимаюсь окружением ваших родственников. И если они обратятся к вам с жалобами на ментов...

— Они не обратятся! — перебил Туров и продолжил: — Почему вы не докладываете мне о Рябове и Рудине? Я же назвал вам этих гнид, уверен, они приложили руку к происшедшему.

— Возможно, — согласился Гуров. — Но с улицы к ним не подойдешь, слишком сильная охрана. А индивидуального подхода мы не имеем. Если зацепим исполнителя, тогда будем думать.

— Сидиром у них. Я без него беззащитен, они способны меня разорить. А вы собираетесь заниматься черт знает чем. Гуляющие вокруг моих родственничков придурки...

— Не стоит нервничать, уважаемый Илья Ильич, — холодно ответил Гуров. — У ваших соперников нет сидиромы, если б был, они бы действовали иначе.

Спокойствие сыщика остудило Турова.

— Да, чуть было не забыл. — Гуров недовольно покачал головой. — Прошу вас взять под свою опеку одну женщину. Ей около сорока, недурна собой, вполне может сойти за любовницу. Делать ничего не умеет, но старательна, вежлива, пунктуальна. Она может оказаться полезной в моей работе.

— Ваша сотрудница? Агент? — поинтересовался Туров.

— Нет, просто женщина из прошлого. Разрешите мне дать ей телефон вашего секретаря, пусть он о ней позаботится, устроит в какой-нибудь офис подавать кофе, на большее она не способна.

Туров помолчал, затем ответил:

– Лучше обойдемся без посредников. Пусть девушка придет сюда, мы с ней обо всем договоримся.

– Хорошо, – Гуров поднялся. – Всего вам доброго.

– Он еще помнит женщин своего прошлого, – сказал насмешливо Туров, когда за Гуровым закрылась дверь. – Ну-ну, посмотрим, так ли уж неподкупны его люди.

Узнав от своих людей в МВД о перестрелке на Бронной, Рудин позвонил Рябову и пригласил к себе домой на чашку чаю.

– Где золотой диск и твой ловкий Черт? – Рябов худеньким кулачком постучал по подлокотнику кресла. – Взял деньги, убил младшего Турова, похитил сидиром и пропал? Какие-то бандиты появились... Ты, Николаша, понимаешь, какую заварил кашу?

Хозяин, сидевший за огромным письменным столом, был сегодня в смокинге и всем своим видом походил на киношного мафиози.

– Не вали на меня, словно на мертвого. Лучше вспомни, как все начиналось. Тур разрушил наши планы по золоту. И тогда ты, Илья, высказал мысль, что “головастый” скорее всего имеет доступ к нашим компьютерам. И именно у тебя, не у меня, появилась идея заполучить сидиром Тура. Все верно?

– Верно. Но то была лишь идея. Организатором исполнения стал ты. Черт – твой человек, – ответил Рудин.

– Он человек ФСБ или дьявола, не знаю точно. Действительно, ты силен только идеями, а не их воплощением. Но вспомни, мы же с тобой все обсудили и пришли к выводу – Черт по всем статьям нам подходит, и риск минимален. Что ты хочешь от меня сегодня?

– Черт тебя подери, Николай, я не имею к тебе личных претензий! – Рябов вновь стукнул кулачком по ручке кресла. – Лишь хочу знать, что происходит? Если раньше мы думали, что беззащитны перед Туровым, то сегодня даже не знаем, в чьих руках ключи и шифры наших компьютеров и счетов в банках. Кто такой на самом деле этот Черт? Если в диске Тура содержатся все наши потроха, то в один прекрасный момент мы можем оказаться нищими.

– Никто другой не способен воспользоваться сидиромом, – стараясь не выдавать своего волнения, ответил Рябов. – Я консультировался со специалистом. Вскрыть его способен гений либо группа специалистов, обладающих большой техникой и большим временем.

– ФСБ найдет и специалистов, и технику! – воскликнул Рудин.

– Возможно. Но Черт – не Зорге, работающий за идею. Он не может довериться никому из своих коллег.

– Разумно ты все говоришь, разумно, – сказал Рудин. – Только непонятно, зачем он держит у себя опасную вещь... Не выходит на нас, не получает деньги. Мог бы увеличить гонорар, все понятно. Но так рисковать, совершить убийство и не прийти за деньгами?..

Гуров и Станислав дважды прослушали разговор магнатов. Записать его удалось благодаря тому, что Рудин побывал на приеме в мэрии, на который отправился в надежде переговорить с одним нужным человеком. На прием была приглашена и вернувшаяся со съемок Мария, Гуров же не преминул попроситься сопровождающим. Вколоть булавку-передатчик в полу смокинга Рудина оказалось делом нехитрым. Встретившись с партнером, бизнесмен не переоделся. И таким образом оперативники получили уникальную возможность прослушать совершенно конфиденциальный разговор.

— Ты гений, я устал это повторять, тем более со мной никто не спорит. Однако! — Станислав нахмурился. — Ну, узнали совершенно точно вдохновителей преступления... Но с такой записью идти в прокуратуру — только людей смешить. Кличку Черт мы проверим по картотеке, уверен, обнаружим там всяких Чертей до черта. Правда, примет никаких. Возраст предположительно от двадцати пяти до тридцати пяти, работает в ФСБ...

— Не факт, — заметил Гуров. — Думаю, сейчас он нигде не работает.

— Почему? — удивился Станислав. — Дерзость и чистота исполнения...

— Станислав! — перебил Гуров. — Что с тобой, дружище? Какая чистота? Как ты себе представляешь картину преступления?

— Я не живописец.

— Десять против одного, что Игорь вошел в кабинет брата, когда Черт стоял у открытого сейфа. Парень увидел вооруженного человека и побегал. Чистота! Ключи, сигнализация сделаны профессионально, согласен. Но не побеспокоиться о том, чтобы хозяин спал крепко до утра? И не запереть дверь кабинета! Какая чистота? Он наглый портач, этот Черт!

— Или мы чего-то не знаем, — заметил Станислав. — Надеюсь, мою болтовню о твоей гениальности ты не принимаешь всерьез?

— Скорее всего, Черт — бывший работник спецслужбы, раз сумел снять слепки с ключей и узнать, как отключается сигнализация. Наверное, бывал в доме. Надо попытаться выяснить, через кого он действовал. Может, через брата или сестру. Сосредоточимся только на них.

— Вчера Катюша была у Турова в больнице. Я с ней говорил, но она что-то не очень откровенна.

— Мне необходимо с ней увидеться.

— Оставь ее в покое, — ответил Станислав. — Наконец-то она устроилась на работу, о которой даже мечтать не могла. Пусть придет в себя, оклемается...

— Но ты понимаешь... — начал было Гуров, но друг его перебил:

— Конечно, понимаю. Туров ее вербует, и первый подход к ней он сделал очень удачно.

— И долго мы будем ждать?

— Как сложится. Катюша должна познакомиться с сестрой Турова или братом. Завяжутся у них отношения или нет, неизвестно. Но до этого она бесполезна как Турову, так и нам. Будем надеяться, что он долго не выдержит, встретится с Катериной,

начнет расспрашивать. Тогда она поймет, что он ничем от нас не отличается, а стремится ее использовать.

— Хорошо, — согласился Гуров. — Результаты допросов задержанных тебе известны? Как в МУРе обстоит дела? Предъявил следователь прокуратуры обвинение?

— Конечно, парней карета "скорой" и стрельба из автомата топт. Хотя от убитого автоматчика они открещиваются, все тянут на простую хулиганку. Никаких имен, заданий... Опера из МУРа, возможно, выжмут что-нибудь. Всплыло имя вора в законе — Куба. Мы его на Бронной видели, но к делу его не пристегнуть. Возможно, он и организовал похищение, но задержанные никогда на Кубу не покажут, им в зону идти, сам понимаешь.

— Предложения?

— Думаю, тебе следует войти в личный контакт с братом или сестрой, — ответил Станислав.

В дверь позвонили. Вернулась Мария с утренней репетиции, усталая и злая. Она швырнула сумку на диван, сбросила туфли на высоком каблуке и стала массировать пальцы ног.

— Мальчики, можете меня поздравить, — сказала она. — Сегодня мне предложили роль пятидесятилетней, сошедшей с круга, женщины. Но коллеги хороши! Никто не дернулся, мол, рано, теряем героиню, замены достойной нет. Пошло, как в плохом водевиле. А ведь все знают, что на мое место худрук приглашает современную сексапильную девчонку, которой театр просто противопоказан. В кино, за счет вывертов оператора и хорошего монтажа, еще ладно...

— Маша, прими ванну, я тебе сделаю массаж, — предложил Гуров.

— Спасибо. Но сорокалетнее тело все равно не сделаешь двадцатилетним. Сейчас я себя чувствую просто старой, никому не нужной бабой.

— Ты ляжешь спать или будешь обедать?

— А чего мне спать? Завтра я не занята.

Гуров направился на кухню.

— Могу предложить вчерашние макароны по-флотски и отварную осетрину с хреном. Пить не рекомендую.

Мария взяла с дивана сумочку и стала копаться в ней.

— Сегодня я приглашена в элитный кабак. Якобы там будет крупный французский продюсер. Он ищет партнершу для какой-то восходящей звезды. Меня пригласил приятель продюсера, русский парень. Его фамилию за последнюю неделю я от вас все время слышала. Да где же эта чертова карточка? — Марии надоело копаться в сумке, и она вытряхнула все содержимое на диван. — Вот она. — Мария взглянула на визитку и фыркнула: — Тоже мне, мировая знаменитость! Указаны только фамилия, имя и телефон. И все.

Станислав взял визитную карточку, прочитал: "Олег Гуров".

— Интересно, — Станислав вернул карточку и крикнул Гурову, который возился на кухне: — Командир, тебе имя Олега Турова что-нибудь говорит?

Гуров появился на пороге, вытирая руки полотенцем.

— Что-то знакомое, но сразу не вспомнишь.

– Этот тип приглашает Марию на ужин, якобы для знакомства с продюсером.

– Сходи, отвлекись, – сказал Гуров. – Ты девочка взрослая, разберешься. Хочешь, составлю компанию?

– Нет-нет, – рассмеялась Мария, – вручая карточку, меня предупредили, что желательно быть одной, без сопровождения. За мной должны заехать.

– Мария – красивая, обаятельная женщина, об Олеге же говорят, что он бабник, но для того чтобы пригласить Марию, не обязательно быть бабником, – рассуждал Станислав, сидя за рулем “мерседеса”.

– Ты сам-то веришь в свою болтовню? – спросил сидевший рядом Гуров. – Совпадения в жизни случаются, не спорю. Однако когда подозреваемый приглашает ужинать женщину сыщика, это уже не случайность, а продуманная акция.

– Возможно, он и знает, что Мария живет с тобой... Так ведь не женаты, а кто сегодня с кем живет, никого не волнует. Это для нас Олег Туров подозреваемый, – продолжал философствовать Станислав, – а ты для него лишь мент, который занимается делом его покойного брата. А если мент, следовательно, либо коррумпированный, либо нищий, в любом случае противник несерьезный.

– Говоришь ты правильно и все верно, – насмешливо ответил Гуров. – Только сам ни одному своему слову не веришь. Лучше подумай, зачем Олег Туров пригласил Марию на ужин?

Они сделали небольшую петлю, выкатились следом за “мерседесом”, в котором находилась Мария, на проспект Калинина и остановились не у ресторана, а на охраняемой стоянке казино.

– Я платить за вход не буду. Принципиально, – заявил Станислав.

– Если предъявим документы, то засветимся, – недовольно заметил Гуров.

– Мы и так засветимся. Или ты собираешься оставлять “Вальтер” в машине?

– Магнитный контроль?

– Обязательно! Но если хочешь, можем здесь подождать часа три.

– Идем, – Гуров вышел из машины. – Только разговаривать с охраной будешь сам.

– Как прикажете.

Станислав исчез за стеклянными дверями. Вскоре он вернулся, взял Гурова под руку, и они, минуя всякие контроли, прошли к гардеробу. К ним подошел служащий с фирменной табличкой на груди.

– Здравствуйте, я из местной охраны. У вас проблемы, или господа просто хотят познакомиться с нашим заведением?

Станислав взял парня под руку, панибратски сказал:

– Познакомиться, только познакомиться, а ты, приятель, к нам больше не подходи, занимайся своими делами.

Охранник исчез. Оперативники, минуя стайки молоденьких девиц, провожающих их равнодушными взглядами, вошли в игровой зал. Он оказался огромным, со множеством зеленых сто-

лов, у некоторых стояли люди, за иными одинокие крупные перебирали фишки.

— Ресторан на втором этаже. — Станислав с видом завсегдатая указал на лестницу. — Или вы изволите играть?

— Разыщи, пожалуйста, нашу компанию и найди столик неподалеку, — сказал Гуров. — Я буду болтаться у дверей.

— Как скажете.

Гуров с интересом разглядывал публику. Девочка лет семнадцати, в строгом платье с не бросающимся в глаза макияжем, понравилась Гурову. Они встретились взглядом, сыщик улыбку, девушка вопросительно подняла тонкую бровку. Он начал закуривать, гадая, неужели она платная? Такая молоденькая, чистенькая... Или он, старый козел, ничего не понимает, а девушка пришла сюда просто развлечься, потанцевать? Но музыка и танцы на втором этаже. Девушка и ее подруги не играют, значит, ищут клиента. Если так, то у них должен быть сутенер-охранник. Гуров пригляделся к окружающим, но никого подходящего не заметил. А может, сначала ее нужно пригласить к стойке бара или в ресторан, тогда и проявится сутенер? Пригласить ее на коктейль?

Размышления сыщика прервал Станислав, бесцеремонно толкнувший Гурова под локоть.

— Так задумчив бывает поэт в поисках рифмы. Они в ресторане, пошли. — Он увлек Гурова к лестнице.

Зал представлял собой просторный амфитеатр, внизу — круглая площадка для танцев, на которой топталась лишь одна пара.

Станислав усадил Гурова за стол. Тут же подлетел официант, принес две порции виски и блюдечко с орешками. Оказывается, Станислав уже успел сделать заказ.

— Мария с компанией сидит справа, через столик.

Гуров оглядел полупустой и полутемный зал. Все было благопристойно, чинно и достаточно скучно. На сцене певца-гитариста сменила девица в смелом декольте, но совсем без голоса. Вцепившись в микрофон, она что-то шептала о любви и погоде.

Столик, за которым сидела Мария, был на шестерых. Рядом с актрисой располагался полный лысый мужчина, с другой стороны сидел молодой, коротко стриженный блондин, Гуров, видевший Олега Турова лишь на фотографии, мог только догадываться, что это он и есть. Третий мужчина, широкоплечий атлет, смахивал на охранника, о девицах на таком расстоянии, учитывая освещение, ничего сказать было невозможно.

— Одна из них — наша Катюша, — неожиданно произнес Станислав. — Интересно, каким образом она попала в компанию?

Мимо Гурова и Станислава прошел Черт с заметно выпившей девицей. Человек, которого разыскивали сыщики, занял столик неподалеку. Розыскники не знали Черта в лицо, даже не имели его примет, а тот не знал о существовании этих ментов. Конечно, он не сомневался, что милиция его разыскивает, но такого близкого соседства не мог предположить. И все-таки Гуров обратил на него внимание. Но объяснялось это лишь тем, что мужчина и женщина не подходили друг другу. Он — высокий, хорошо сложенный, с уверенными движениями брюнет, она — невзрачная, в

плохо сидящем, вызывающе ярком платье, с ползущей по лицу косметикой. Посмотрев на странную парочку, Гуров отвернулся и забыл о них.

Прошло часа два. Неожиданно за столом, где сидела Мария, начали говорить на повышенных тонах. Затем Олег Туров вскочил и выплеснул содержимое бокала в лицо своего толстого приятеля. Тот отшвырнул стул и приготовился к рукопашной.

— Станислав, забери Марию, — поднялся Гуров.

Крячком подскочил к ссорящимся, незаметно ткнул двумя пальцами толстяка в печень, отчего тот мгновенно опустился на стул.

— Прошу меня извинить, — тихо, но твердо заявил Станислав. — Великой актрисе противопоказаны стрессовые ситуации, к тому же завтра у нее сложные съемки.

— Ты кто, собственно, будешь? — грубо спросил Олег Туров.

— Если Станислав говорит, пора домой, значит, так оно и есть, — заявила Мария, вставая. — Спасибо за компанию.

— Машенька! — воскликнул Олег.

Но Мария уже направилась к выходу, взяв под руку Гурова.

В этот момент Черт увидел сыщика и почему-то сразу понял — мужик из “конторы”.

Проводив взглядом ушедших, он подсел к столику Турова.

— Привет, Олег, — сказал Черт. — А где твоя умная сестренка?

— А, Сергей, привет, — вяло ответил Олег. — Знакомься, все свои.

— И какие красотки! — Черт поцеловал руку Катюше Сметаниной.

Глава шестая

Сергею Бестаеву природа отрезала щедро. Широкоплечий, поджарый брюнет с голубыми глазами. В школе он учился легко, считался твердым “хорошистом”. Занимался спортом, играл за сборную школы в футбол и баскетбол, бегал, прыгал. Единственный сын одинаково равнодушно относился к маме и папе. В просторной, по тем временам, трехкомнатной квартире обитала еще и бабушка, мать отца. Она вела хозяйство и почти не выходила из кухни. Отец, партийный функционер районного масштаба, когда Сережа учился в пятом классе, куда-то слинял. Мать, актриса эстрады, где она танцевала и пела, а в основном спала с руководителями легкого жанра, слез по ушедшему мужу не лила. Когда Сергей учился в классе десятом, мать не вернулась с гастролей.

В общем, родителей Сергей потерял, словно попутчиков в поезде дальнего следования, каждый забирает свои вещички и сходит на своей станции.

Школу он закончил без проблем и подал документы в Щукинское театральное училище. И вот на вступительных экзаменах Сергей Бестаев впервые получил по носу.

Известный, любимый Сергеем артист, председатель приемной комиссии, даже не дослушал “стих” Бестаева до конца, рассмеялся.

— Как говорится, жить будет, петь — никогда. — Затем посмотрел на него почему-то неприязненно и продолжил: — Молодой человек, внешность у вас подходящая, но в нашей профессии не она решает. Примите добрый совет, в театральные больше не пробуйтесь.

По сердцу царапнуло, но не в институте дело, а увидел Сергей в глазах опытного актера презрение, словно разглядел он в Сергее некий порок...

Толкнулся в МАИ, но не прошел по конкурсу, и оказался Бестаев в военкомате. Здесь его оценили по достоинству.

— Была б гвардия, направил бы в гвардию! — сказал военком, хлопая Сергея по гулкой груди. — Конечно, в моряки тебя определить следует, да год жалко, двигай десантником.

Отслужил Сергей легко. Вернулся, переоделся, и появился на улицах столицы завидный жених. Одно плохо, родители деньги присылать перестали, а бабушка померла. Тут еще Бестаева решили уплотнить, подселить соседей. Люди с детьми десятилетиями в очереди на квартиру стоят, а тут кобель одинокий в трехкомнатных апартаментах прыгает. Вроде совсем петля, да неожиданно Сергея в райисполком пригласили, к самому председателю. К великому удивлению неестественно блондинистой секретарши, "хозяйни" принял неизвестного парня без очереди.

Маленький, пузатый и почти лысый, он вышел из-за стола и неожиданно обнял Сергея.

— Вот он какой, Сереженька, вымахал, ну, садись. — И, не дав гостю опомниться, продолжил: — А Николашка, батя твой беспутный, так и пропал с концами? Слышал, он сейчас на дальнем Севере, большой фигурой стал. Мамаша не пишет? Ох, в молодости хороша была, глаз не отвести. В тебе кого больше, отца или матери?

Понимая, что ответа от него не ждут, Сергей благоразумно молчал.

— А ведь я у твоего бати в замах служил. Не обижал он меня, грех жаловаться. За добро добром платить следует, распоряджусь, никого не пустим в квартиру Бестаевых.

Хозяин беспечно болтал, но Сергей чувствовал на себе его оценивающий взгляд.

— Значит, школу закончил, армию отслужил, теперь в институт? А чего не женишься, не отбегал своего?

Сергей спокойно ответил:

— А чего я бегал-то? От самолета к вертолету да от столовой до сортира?

— И то верно. Хотя откладывать с таким делом не стоит. В историю можно вляпаться. Слушай, Серега, приходи ко мне на обед, — хозяйни перелистнул календарь. — Вот, в воскресенье и приходи, часикам к трем. Мы с тобой этого, — он звучно щелкнул себя по горлу. — А то, когда я один, меня бабы поедом едят. Договорились? Я тут неподалеку живу, на Брестской, тебе секретарша адресок черкнет. Ну, будь, не прощаюсь.

В воскресенье, еще за стол не сели, Сергей все понял. У райисполкома имелись молодая жена и дочка, ей ровесница, только выглядит похуже. Завитая блондинка с маленькими глазками,

зато с длинным носом. Фигурой она напоминала нечто из старой мебели, ножки прочные, короткие, а задница, как здоровенная тумбочка. Сергей сел за стол, взглянул на огромный нос будущей невесты и подумал, скорее в квартиру табор цыганский пуцу, чем эту "красотку". Но вести себя следует разумно, событий не форсировать, а жениховство никто никаким временем не ограничивал. Главное, не напиться до безумия и к невесте в койку не упасть.

Обед прошел превосходно. Прощаясь, хозяин хлопнул Сергея по плечу:

— В этом доме тебя ждут в любое время суток. — И добавил: — Заходи на службу, обсудим вопрос трудоустройства.

Устроит он меня, слов нет, как и не снилось, но дочку свою заставит взять. Чтобы квартиру не тронул, придется изображать жениха, а работать я лучше грузчиком пойду, рассуждал Сергей, покидая гостеприимный дом.

Через неделю Сергей снова был зван на обед, во время которого вся семья повела себя значительно активнее. Дочка дура душой, однако пару раз ухватила гостя за коленку, хозяин прямую предложил должность в исполкоме. Хозяйка была еще лаконичнее, столкнувшись с Сергеем в коридоре, твердо сказала:

— Завтра в три загляну к тебе.

Ну все, кажется, я отбежался, — подумал Сергей, — семейка бошая, живьем не выпустят.

На следующий день мадам явилась к Сергею ровно в три. И не успел он опомниться, как оказался без штанов. Встречаться они стали ежедневно, днем, и занимались любовью до изнеможения, словно олимпийские чемпионы, готовящиеся к своим главным победам.

Вскоре Сергею стало не на что жить. Он кое-что продал из дома, но денег хватило ненадолго. Тогда он обратился к приятелю детства и через неделю занялся малым нелегальным бизнесом. Одному передать, у другого взять, третьему заплатить.

Как-то его остановил участковый. Немолодой капитан, известный среди дворовой шпаны под именем дядя Вася.

— Не работаешь, Серега, — сказал дядя Вася. — Это плохо. Фарцуешь помаленьку, это еще хуже. Я давно служу и еще не встречал человека, который бы вовремя остановился. Только тюрьма, других остановок не случается. Не хочешь сидеть в тюрьме, приходи завтра к начальнику отделения. С утрачка, пока подполковника день не закрутил. От разговора тебя не убудет. А то я на тебя как на пацана смотрю, а ты вон какой лоб вымахал. Третьего дня у Елисеевского коробку с "Мальборо" принял? А та коробка на "трешник" тянет.

Сергей долго стоял и смотрел вслед удалявшемуся дяде Васе. Дело в том, что когда он принял на продажу десять блоков "Мальборо", у него были при себе доллары. И если б его в тот день взяли, разговор пошел бы уже не о "трешнике"...

На следующий день в девять утра Сергей постучал в дверь начальника отделения милиции. Услышав приглашение, вошел и доложил, как сержант должен докладывать подполковнику.

— Я слышал, Бестаев, ты в острог собрался?

— Наговаривают, товарищ подполковник, — бодро ответил Сергей.

— Ну, коли наговаривают, значит сядешь не сегодня, а послезавтра, — заметил подполковник. — Appetit хороший?

— Так точно, не жалуюсь!

— Лопаешь по нескольку раз в день?

— Так я не медведь, чтоб всю зиму лапу сосать.

— В тюрьме тоже баланду три раза в день дают, — усмехнулся подполковник. — На какие шиши живешь, вижу, после армии приоделся?

— Кручусь, как все, товарищ подполковник. — Сергея прошиб пот, разговор становился опасным.

— Как я знаю, ты черту еще не переступил, но у самого края топчешься. — Подполковник держал в зубах незажженную папиросу, видно, пытался бросить курить. — Ты, Сережа, мне по всем статьям подходишь. Здесь родился, район и ребят знаешь, и тебя каждый знает. Участковым хочу пригласить. Работа, прямо скажу, тяжелая, но со временем опером станешь. В общем, давай к нам, в школу милиции, потом по лестнице вверх, сколько дышалки хватит.

— Как обухом, товарищ подполковник, — признался Сергей. — Подумать следует.

— Пока раздумывать будешь, за колючкой окажешься. Отправляйся в кадры, десятая комната, получай направление, сегодня ты еще без наручников.

222
Через три дня Сергей Бестаев был уже курсантом средней школы милиции. Прекрасные характеристики из военкомата, милиции, отличная физподготовка дали ему зеленый свет.

А личная жизнь Сергея продолжалась в постели с мадам. Но, как известно, всему приходит конец. Однажды вечером позвонила секретарша председателя райисполкома и пригласила Сергея на утро к хозяину.

В этот раз тот не вышел из-за стола, не предложил садиться.

— Что у меня жена шлюха, я и без тебя, сопляк, знаю, — резко сказал хозяин. — Так она шлюха для людей повыше тебя рангом, а для таких, как ты, она супруга председателя. Я тебе, мразь, такую семейку подселю, что ты на дальний Север к оленям пехом отправишься и о квартирке своей забудешь!

Сергей не дрогнул, ответил спокойно:

— Зачем так круто? Я сегодня не мальчик с улицы, а без пяти минут офицер милиции. Думаю, скандал вам не нужен. Я, конечно, виноват перед вами...

— В менты подался, вот шустряк! Да ты знаешь, что начальник райуправления, полковник, передо мной по стойке "смирно" стоит? — спросил хозяин, но в его голосе металла поубавилось.

— Нарушения, допущенные мною, строго осуждаю. Обещаю, рецидивов не будет, — твердо произнес Сергей.

Хозяин неожиданно улыбнулся, пробормotal:

— Уже и слов нахватался. Ладно, иди, поганец. Все-таки мы с батей твоим не один год на ковре кувыркались.

Сергей прекрасно понимал слова председателя о батю. Дружба — лишь шелуха, дающая ему возможность отступить. Глав-

ное, он, Сергей Бестаев, из ямы выскочил, жалко, с мадам придется расстаться, но без потерь в таких делах не бывает.

Школу милиции он закончил с отличием. Меньше года проработал участковым и стал оперативником. Районная братва восприняла превращение старого приятеля в мента спокойно. Некоторые ребята остепенелись, считали, служба у Сергея не хуже всякой другой.

В стране началась перестройка, жизнь закипела по-новому. Неизвестно откуда, словно клопы, вылезла на улицу масса жулья различного калибра. Больше стало иномарок, у метро и вдоль тротуаров выросли торговые палатки. Многие знакомые Сергея начали регулярно ездить за рубеж, превратились в челноков. Цены взлетели в космос, но, казалось, народ они не смущают, покупали все кряду.

Значимость опера отделения упала, так как прибывший народ не знал Сергея Бестаева в лицо, смотрел без уважения. Он обошел свой район, пересчитал палатки, постарался запомнить новые лица. Подумал, хотя Советскую власть и отменили, но власть-то осталась, и вы скоро в этом убедитесь.

Он взял в отделении автобус и двух бойцов ОМОНа, и в один прекрасный день начал проверять документы у всех палаточников подряд, акцентируя внимание на кавказцах.

Сначала к действиям опера отнеслись несерьезно. Зубоскалили, пытались откупиться, кто бутылкой водки, кто деньгами.

— Попытка дачи взятки должностному лицу, — спокойно констатировал Бестаев. — Паспорта нет? Ребята, помогите ему... Вон туда...

Людей ставили враскоряк у машины, обыскивали, хотя права на это не имели, но обнаруженный пружинный нож или газовый пистолет компенсировали недостатки закона. Вскоре переполненный автобус подъехал к отделению милиции, где начал командовать дежурный капитан. Без паспорта, без разрешения на торговлю, сопротивление сотрудникам при исполнении... Штраф сыпался в ящик дежурного, квитанций, естественно, не выдавали.

Трех особо гонористых парней отвезли в суд, где оформили им по десять суток.

— Слушай, командир, фрукты погибнут, — сказал один кавказец.

Опытный капитан зло прищурился, приказал:

— Покажи ладони!

Парень послушно вытянул холеные руки.

— Этими руками ты выхаживал мандарины и виноград? Ты руки своего отца и деда видел? Иди, сортир мой и не попадайся мне на глаза.

Через два дня Бестаева в районе знали, завидев его статную фигуру, особо суетились пожилые торговки цветами, сигаретами, всякой мелочью.

Однажды к нему подошел кавказец в летах, предъявил паспорт с временной пропиской, сказал:

— Слушай, командир, мы видим, ты человек справедливый, два слова сказать хочу.

— Говори, отец. — Сергей сразу отметил и перстни на пальцах кавказца, и тяжелую витую цепь на волосатой шее.

— Слушай, мужчины не могут говорить стоя, на виду у всех, как голодранцы. Ты когда службу заканчиваешь?

— По-разному, а ты, отец, меня на шашлык пригласить желаешь? — в лоб спросил Сергей.

— Вах! Такой молодой и такой умный! — морщины на загорелом лице старика обозначились четче. — Шашлычную Ашота знаешь? Зайди часов в девять. Съедем по куску мяса, выпьем по стакану вина, решим, как жить в мире, не мешать друг другу. Лицо его лучилось добродушием и надеждой.

Сергей кивнул, но оговорился:

— Только учти, я не мэр города и даже не начальник отделения, законов не пишу.

— Мы понимаем. Каждая птица летает на своей высоте. — Кавказец исчез в толпе.

Бестаев зашел в отделение, поделился своими сомнениями с начальником, замом отделения по розыску.

Майор, бывалый розыскник, выслушал его недоуменно.

— Ты девицу из себя не строй, тебя же купить хотят. С ними свяжешься, кончится твоя короткая служба либо пулей, либо тюрьмой. В девять, говоришь? Я зайду, взгляну, что за народ. Брать ли тебе оружие? Сам решай. Не думаю, что торговцы станут тебе в вино отраву сыпать, чтобы отобрать именную пистолет. Но если им прикажут, все может случиться.

В общем, начальство предпочло остаться в стороне.

Когда Сергей пришел к Ашоту, стол уже был накрыт. Шашлык, фрукты, красное сухое вино, коньяк. Сергею понравилось, что народу в шашлычной было много, это успокаивало. За их столом сидело лишь четверо, что тоже неплохо, легче ориентироваться, разбираться в ситуации. Старик, пригласивший Сергея, судя по всему, пользовался авторитетом в основном из-за своего возраста, звали его Мурадом. Бестаев знал, что Мурад держал большую палатку, где две русские девушки торговали в основном спиртным, на девяносто процентов самопалом.

Явным авторитетом среди присутствующих был чеченец по имени Виктор. Скорее всего это имя он взял лишь на время присутствия в Москве, подумал Сергей. Виктор молчал,пил мало, держался крайне сдержанно. Почему-то Сергей решил, что он вооружен, потому следил за его движениями, особенно за правой рукой. Раньше среди торговцев такой парень никогда не появлялся.

Бестаев поставил бутылку красного сухого вина рядом с собой, наливал только из нее.

— Какое дело у тебя ко мне имеется? — обратился он к старику.

— Ты, командир, наших парней избил, напугал так, что они на площадь ходить перестали. А русские парни ломают ваши палатки, портят фрукты, цветы, воруют водку.

— Что предлагаешь? Мы не можем у каждой палатки постового держать, не посольство. Да и в отношении ваших джигитов ты, видимо, не в курсе. Я вчера видел пятерых, к прохожим приставали...

— Этих мы уберем, — впервые подал голос Виктор, — мелкие шакалы, они везде есть.

— Уберете, потом посмотрим, — спокойно ответил Бестаев.

— Спокойно мы будем жить, ты больше заработаешь, — сказал Мурад. — Как вы, русские, говорите, Бог велел делиться.

— Я зарплату получаю, мне не требуется. — Бестаев понимал, такой разговор в присутствии третьих лиц не ведется.

— Ты, мент... Старшего слушать положено, — неожиданно резко сказал Виктор.

— Для меня старших половина Москвы, если каждого слушать буду, меня со службы выгонят. — Сергей понимал, что оперу от торговцев что-то положено, и не принципы его удерживали, просто разговор, с его точки зрения, велся неправильно. — А вас, уважаемый гость столицы, я вообще первый раз вижу. — Он посмотрел Виктору в глаза. — Хотел бы на ваш паспорт взглянуть.

Видно, к их разговору прислушивались из-за соседних столов, так как в шашлычной стало тихо.

— Ах, тебе, мент, мой паспорт понадобился? — Виктор насмешливо улыбнулся, опустил руку в правый карман брюк.

Но Сергей его опередил, мгновенно выхватив свой "Макаров".

— Документы в кармане брюк не носят.

— Молодец! — громко сказал неожиданно появившийся майор. — А ты, Мухтар, говном оказался. — Майор ловко надел на Виктора наручники и вынул из его кармана пистолет "ТТ".

И тут все наконец заметили, что в дверях стоят два бойца с автоматами.

— О двух годах тебе только мечтать. И никто из братвы за тебя не заступится. Война уже закончилась, а ты все с оружием ходишь, и что-то далековато от Грозного.

Автоматчики в пятнистой униформе подхватили Виктора под руки. Майор сел на освободившийся стул, налил в бокал коньяка, вышел.

— Что ж это ты, Мурад, — обратился он к старику, — мирный торговец, а сидишь за одним столом с боевиком. Да еще приглашаешь моего парня? Крови хочешь?

— Не дай Бог, начальник! Всеми святыми клянусь!

— Очень легко клянешься, Мурад. Не верь ему, Сергей, и пошли отсюда. — У дверей майор остановился, сказал: — Замечу еще, что с бандитами вяжешься, паспорт порву, на сто первый километр отправлю. Да не одного, а со всей твоей шоблой. Думаешь, я не знаю, кто у тебя на базаре торгует?

Время шло, инцидент начал забываться, но руководители группировки, "обслуживающей" улицу Горького, гостиницы "Минск" и "Националь", оперуполномоченного Сергея Бестаева в один прекрасный момент поймали, и не на жирную наживку, а на пустой крючок.

Сергей выходил из отделения, когда столкнулся с одноклассником, Петькой Лещем. Морда у него была крепко помятая и мокрая от соплей и слез. Бестаев толкнул одноклассника в рыхлый живот:

— Что слюни распустил? Дом сгорел или товар умыкнули? — Он знал, что Петька промышляет челночным бизнесом, катается в Китай, Таиланд и еще невесть куда.

— О, Черт, ты меня спасти можешь! — воскликнул Петька, обвиняя школьного товарища.

— Меня Чертом лет двадцать никто не называл. И на кой мне тебя спасать, своих дел не хватает?

Чертом Сергея Бестаева прозвали в классе втором за прическу. Классная велела постричься, а он, экономя деньги, взял ножницы и обкорнал себя наголо. Мама, увидев, ахнула, попыталась собственноручно дело выправить, однако ничего не получилось. Волосы у Сережки торчали смешными кустиками, и кто-то из ребят сказал, мол, ты словно натуральный черт. Так и прилипло. Сейчас, когда Петька Лещ старую кликуху назвал, Бестаев ухмыльнулся, вспомнив детство.

— Ладно, подбери сопли, зайдем ко мне, поделишься бедой, может, полегчает. — Бестаев отвел приятеля к себе в кабинет.

Здесь Петька и вперол другу детства свою легенду. Завтра у него суд за хулиганку, вмажут пару лет, как миленькому. А он, дурья башка, занял у Митька штуку баксов, должен был вчера отдать, но Хромой, кличка Митька, как сквозь землю провалился, запил, наверное.

На опера, видно, затмение нашло, разве кто-нибудь тысячу долларов Лещу даст? Петька продолжал плакаться. Митек хоть и не в законе, но вор авторитетный, о долге на зоне через месяц узнают, положат у параша, а то и опетушат.

Бестаева передернуло:

— Не пойму, чего ты от меня хочешь?

— Объявится Митек днями, передай ему баксы, скажи, Лещ парится, а тебе кланяться велел.

Просьба одноклассника Сергею не нравилась, но как-то вежливо было отказывать жалкому, помятому Лещу.

— Зелень настоящая? — грубо спросил он.

— Серега, матерью клянусь, как можно? Сам посмотри. — Лещ вынул из кармана мятый конверт.

Сергей посмотрел бумажки на свет, словно чего понимал. Затем убрал их в карман и нравоучительно произнес:

— Салага, кто же у серьезного вора деньги взаймы берет?

Первую сотню Сергей истратил дня через три, но с зарплаты честно долг вернул обратно в конверт. Старый Митек все не появлялся. Сергей даже знакомых спрашивал, но никто Хромого не видел. Оперу и в голову не приходило, что несколько пар глаз за ним присматривают, в основном обращая внимание на расходы оперативника. Сергей не отличался особыми принципами, но свое от чужого в те годы отличал четко. Доллары не трогал, а Митек, организовавший эту затею, несказанно удивлялся человеческому терпению. Кто-то из содельников Митька, поняв суть дела, насмешливо сказал:

— Хромой, чего мучаешься, девку дай оперу. Она его вмиг потряхнет.

Совет был хорош, но реализовать его оказалось трудно. Первая же "красотка", которую подвели Бестаеву, осрамилась. Она взяла Сергея под руку и, тяжело дыша, сказала:

— Красавчик, сотня баксов, и ты получишь море удовольствия.

Сергей отстранился, оглядел проститутку.

— Сотня? — удивился он. — Так дешево? Я лично беру двести.

Но тут случилось непредвиденное: Сергей влюбился в цветочницу Люську, что появилась с ромашками на его территории. Обычная девка, не лучше других, но с совершенно потрясающей грудью. Зная свои козыри, Люська не носила лифчика, колыхала своим богатством. И сразила Сергея наповал.

Братва тут же усекла ситуацию. Переговорила с девушкой, и Сергей получил желанное. Баксы через две недели кончились, а Люська исчезла. Она торговала теперь на рынке. Восторг, за который Бестаев заплатил в валюте, раздавался за деревянные, а то и за бутылку красненького.

И тогда появился Хромой. Он подошел к Бестаеву и, скромно глядя в землю, сказал:

— Привет, командир. Я давеча с зоны "маляву" получил. Лещ сообщил, что оставил у тебя кое-что. Хотелось бы получить.

— Я их истратил, — честно ответил Сергей. Он посчитал, что хромой пожилой уголовник смирится и против представителя власти не попреет.

— То не мои деньги, общаковые, люди не поймут, следует вернуть, Черт.

— Я для тебя старший оперуполномоченный капитан милиции Бестаев. А детские клички забудь.

— Не серчай, Черт, как деньги вернешь, маршалом станешь, — ответил Хромой.

— Хорошо, — смирился Сергей, — заработаю, продам кое-что и отдам.

— Считай, с сегодняшнего дня счетчик работает. Десять процентов в день. Учитывая мою к тебе давнюю любовь. Но ты можешь отработать.

— Я воровать не пойду, — твердо сказал Сергей.

— Ты воровать и не умеешь. Напильник в руках держишь? Приходи ко мне к вечеру, столкуемся.

Митек Хромой жил в полуподвале, бывшей дворницкой, занимал две комнатки. В одной спал, в другой мастерил, чинил замки да краны. Как вскоре понял Бестаев, Хромой изготавливал уникальные отмычки, ключи по слепкам. Воровская братва мастера ценила, сама садилась, но хромого Митька не сдавала.

Сергей Бестаев, он же Черт, оказался учеником на редкость способным. У него был точный глаз и чуткие пальцы. Все свободное время Сергей пропадал в дворницкой Хромого, тачал воровской инструмент. Через месяц Хромой заявил:

— Ты свой должок погасил, можешь отправляться на все четыре стороны.

Такие слова можно было бы сказать привыкшему к зелью наркоману. Особо не напрягаясь, Черт зарабатывал в подвале несколько своих окладов. И не надо писать осточертевшие бумаги, тннуться перед дураками на ковре.

Он ушел из подвала и теперь в свободное время валялся на тахте. А вскоре начали перетряхивать все спецслужбы, в том числе и милицию. Выяснилось, что капитан Бестаев отсутство-

вал на каком-то важном совещании, и его уволили. Тогда он вернулся в подвал Хромого.

— Я знал, что ты придешь. С твоим талантом в ментах не служат. Взгляни, тут слепочек один принесли. Очень дорогой слепочек, только делал его человек безрукий. Не знаю, что и предпринять. Взгляни, может, ты что поймешь. Пятьсот зеленых аванс, за исполнение две тысячи.

Черт работал неделю, сделал три различных дубликата. Хромой ткнул корявым пальцем в один из них.

— А почему у тебя здесь выступ появился, на слепке и намека нет.

— Не знаю. Показалось, что он здесь обязательно должен быть, — ответил Сергей.

Заказчику отдали все три ключа. Подошел тот, с выступом.

— Ты, Черт, настоящий мастер, я таких не видел.

Но Бестаев в подвале не задержался, подвернулась бойкая, смазливая девица. Составили брачный контракт, согласно которому в случае развода Сергей Александрович Бестаев оставался в своей квартире и при личных посылных вещах, все остальное отходило супруге.

Глава седьмая

По указанию Гурова оперативники составили список всех знакомых Елены и Олега Туровых, а также покойного Игоря. Список получился внушительный, братья и сестра оказались людьми достаточно общительными. Крячко, брезгливо оттопырив губу, просмотрел две страницы, на которых уместились двадцать восемь фамилий.

— И что же вы, господин полковник, прикажете с этим делать?

— Полагаю, обычная форма сбора информации здесь не годится. Они, в основном, люди интеллигентные, живут обособленно, обходные маневры тут не пройдут.

— Садимся на танки и вперед! — предложил Станислав.

— Еще успеешь. Предлагаю действовать по следующему плану. Приставайте ко всем с вопросами. Случайно, вам не известно, кто мог убить Игоря? И денег не предполагаете? А врагов он имел? Оружие у него не видели? Как с людьми жил, может, ссорился с кем? Извините, а с братьями как? А с сестрой? Девушки, естественно, бывали? А какого окраса, может, платные?

Станислав многозначительно хмыкнул.

— Идею поняли, слова найдем, — сказал Котов.

— Не сомневаюсь. Едем дальше. Простите за дерзкий вопрос, а вы сами в момент убийства где находились? Ради Бога, мы вас ни в чем не подозреваем, служба у нас такая. У вас и свидетели есть? Спали дома? Может, звонил кто? Ночью не звонят. Естественно. А собака у вас есть? Может, гулять выходили?

— А если человек откажется давать показания? — спросил Станислав.

– Какие показания? Магнитофон из кармана доставать не обязательно. Вы просто беседуете, пытаетесь разыскать убийцу.

– Вдруг и беседовать не пожелают? – не сдавался Станислав.

– Прискорбно. Тогда повесточку в прокуратуру к Драчу. Что еще можно придумать?

– Спросить о друзьях и развлечениях убитого, – предложил Нестеренко. – Любимые места посещения?

– У девушки можно спросить, не была ли влюблена в Игоря, – подсказал Котов. – Эту тему можно развить.

– Вот и действуйте. А я поеду к самому. Он вчера выписался. Да, вопрос на засышку. Станислав, основное внимание на кого?

– Знаю, но не скажу, – обаятельно улыбнулся Станислав.

– Вперед, и флаг вам в руки!

Когда все вышли, Гуров, не торопясь, закурил, прошелся по кабинету. Черта, которого называли Рябов и Рудин в своем разговоре, по картотеке установить не удалось, не значился он и в компьютере Интерпола. Стало быть, убийца не из преступной среды. Выйти на него возможно только через связи семьи Туровых, которые, естественно, никакого Черта не знали, имели милого знакомого Ивана Ивановича Иванова, или как его там звали?..

Гуров позвонил Турову, справившись о здоровье, попросил разрешения навестить.

Хозяин встретил сыщика бодро. Провел в просторный кабинет, открыл бар.

– Как наш бронепоезд? Все еще на запасном пути?

– Я вот что не пойму, – сказал Гуров, разглядывая бутылки, стоявшие в баре. – Сейф открыли, увидели пачки долларов, но взяли лишь сидиром...

– Что заказывали, то и взяли, – ответил Туров.

– Допустим. А наличные деньги убийце вообще не нужны?

– Может, он бы и взял, да брат помешал.

– Все равно не сходится. – Гуров наполнил две рюмки. – Может, нам лучше воздержаться?

– Коньяк в малых дозах допустим.

– Ваше здоровье. У меня к вам просьба. – Гуров потянулся за сигаретой, но удержался. – Думаю, преступник все же несколько пачек баксов прихватил с собой. Попросите своего бухгалтера сверить наличность в сейфе с документацией, может, все-таки какой-то суммы не хватает. Мне бы это помогло. Номера на банкнотах серийные, если задержим кого, улика неопровержимая.

– А сидиром? – обеспокоился Туров.

– Прежде, чем дом построить, следует яму под фундамент выкопать.

Туров сверкнул голубыми глазами.

– А вы человек обстоятельный.

– Обязательно. В нашей профессии иначе нельзя.

– Только долго очень.

– А вы номера своих счетов смените или еще какой-нибудь фокус придумайте, чтобы посторонний к вашим деньгам доступа не имел.

— В украденном сидироме моих данных не было, я сплю спокойно.

— В таком случае свое спокойствие вы ловко скрываете, — усмехнулся Гуров.

— Что мы все обо мне печемся. Какие у вас расходы? Полагаю, деньги нужны? — поинтересовался хозяин.

— Деньги всегда нужны, — философски ответил Гуров. — Однако не возьму. Мы уже говорили на эту тему. Не будем повторяться.

— Так ведь без денег дело страдает.

— Открою секрет — не хочу в тюрьму попасть. Я, признаться, к комфорту привык.

Гуров фыркнул, качнул тяжелой головой.

— Я не всегда понимаю, когда вы шутите, а когда говорите серьезно.

— Это нас роднит. Мне тоже трудно определить, когда я шучу, а когда говорю очень даже серьезно.

Григорий Котов напросился в гости к сестре Турова Елене. Она постаралась принять оперативника как можно доброжелательнее. Приготовила чай, выставила вазочки с вареньем и вафлями. Котов взял тонкую чашку, с любопытством ее осмотрел.

— Очень красивая вещь, выполнена настоящим художником.

От неожиданности Елена смутилась, она и не помнила, чтобы кто-нибудь из гостей обращал внимание на действительно красивый сервиз, якобы некогда принадлежавший Николаю Первому.

Она закурила тонкую сигарету, напомнила:

— Вы пришли задавать вопросы.

— Один вопрос, — уточнил Котов. — Кто убил вашего брата?

На мгновение Елена опешила.

— Вы не считаете этот вопрос оскорбительным? — Она повысила голос, чувствовалось, вот-вот сорвется.

— Тогда разговора не получится, и мы не узнаем, кто убил вашего брата.

— Вас выгнать, или сами уйдете? Вы отдаете отчет в своих словах? По-вашему, я знаю убийцу Игоря и укрываю его!

Котов грустно посмотрел на нее.

— Чего молчите, не знаете, как выпутаться?

— Среди ваших приятелей существует мужчина сильный, смелый, решительный, способный на убийство? — спросил Котов. — Вопрос риторический.

— Вы считаете, чтобы выстрелить в спину, необходимо обладать всеми перечисленными качествами? — уклонилась от ответа Елена.

— А вы умная.

— Лучше бы я была хорошенькая.

— Среди ваших друзей многие бывали в загородном доме?

— Насколько я понимаю, это первый серьезный вопрос. Называя человека, я навлекаю на него неприятности.

— Но этот вопрос вам уже задавали в прокуратуре, и вы на него ответили. Я даже имена...

— Какого черта тогда задавать одни и те же вопросы? Мотаться по замкнутому кругу?

— Профессия, — ответил Котов. Он пытался понять, подозревает кого-либо Елена или нет. Она, конечно, много думает об убийстве. Не исключено, даже ведет собственное расследование. Есть у нее какая-нибудь версия?

— О чем вы так сосредоточенно думаете? — спросила Елена. — Не понимаю, как можно задавать вопрос, на который в любом случае последует лживый ответ?

— Лживый ответ, как и правдивый, несет в себе определенную информацию. Следует только правильно ее расшифровать.

— Интересно. Я раньше никогда об этом не думала.

— Предлагаю соломоново решение. Выслушайте мой ответ, если сочтете его лживым, то я откланяюсь. А если почувствуете, что говорю правду, продолжим разговор.

— Ну, хорошо, слушаю, — согласилась Елена.

— Я поставил себя на ваше место. Вот мои рассуждения. У меня убили брата, я подозреваю одного человека, но мои подозрения ни на чем существенном не основаны. Так, девичьи бредни да некоторое стечение обстоятельств. Если назову его, то человека начнут таскать на допросы, и я, в первую очередь перед собой, буду выглядеть полным дерьмом. В таком случае я бы промолчал. Вот о чем я думал.

— А я не думала, так как никого не подозреваю.

— Естественно. — Котов поднялся. Подозреваешь, девочка, еще как подозреваешь. Проговорилась.

Через два дня группа вновь собралась. Судя по лицам, никто ничего не нарыл. Хотя пара дней — не срок. Сегодня ничего, завтра, глядишь, и что-то появится.

— Валентин, я твой рапорт читал, — заявил Гуров. — Но, учитывая твою стойкую нелюбовь к эпистолярному жанру, не шибко в нем разобрался. Ленин ты, полковник, тебе легче десять верст пройти, чем одну лишнюю страницу начиркать.

— Дурные примеры, — пробормотал Нестеренко, зная, что Гуров тоже писать не любит.

— Ты бы хорошие примеры брал, — ответил Гуров. — К примеру, Станислав на четыре страницы воды набрал. Я читал, словно поэму к влюбленной девушке.

— Не влюбленной, а любимой, — недовольно поправил Крячко.

— А твой отчет, Григорий, следует на графическую экспертизу отдать. Я твою бумагу расшифровывал, словно кроссворд разгадывал. О главном смысле я просто догадался. Значит, ты, Гриша, считаешь, что Елена кого-то в убийстве подозревает? Хотя из содержания рапорта я этого не вижу.

— Ну как же, Лев Иванович, — обиделся Котов. — Я девушке говорю, что если бы, находясь на ее месте, кого-либо подозревал, то сыщику о подозрениях не сказал. Верно? Она отвечает, мол, тоже бы не сказала, так как никого не подозревает. Но она обычно строит фразы коротко, лаконично, и последнее добавление ей не свойственно. Могла бы головой кивнуть или ручкой махнуть.

Что естественно. Так нет же, она фразу всю до последнего слова выговорила. Зачем? Чтобы сыщик последние слова запомнил хорошенько.

— Больно сложно ты рассуждаешь, — заметил Нестеренко. — Бабы порой несут, не остановишь.

— А иногда и клещами не вытащишь, — вмешался Станислав. Он закончил писать новый рапорт и перебросил бумагу на стол Гурова. — В рассуждениях Григория безусловно что-то есть.

— Ты виделся с Катериной уже после того, как Котов беседовал с Еленой? Как я понимаю, одна встреча последовала за другой. — Гуров просмотрел отчет Станислава. — Она неплохая девочка, но против денег ей не устоять. А кто платит... Конечно, она не откажется от встреч с нами, но хозяин у нее теперь Туров.

— Обрати внимание, что у них общий любовник.

— Ну и что? — Гуров вновь перечитал рапорт.

— Упоминается одно и то же имя — Сергей, — заметил Станислав.

— Хорошо, хорошо, — Гуров сосредоточился. — Возможно, это один и тот же человек. Когда-то служил в милиции. Но никакого криминала я не вижу. Компания-то одна, вот и варятся в одном котле.

— Верно, — насмешливо сказал Станислав. — Только он куда-то пропал. Не позвонил Олегу, не пришел на свидание к Катерине. И ни фамилии, ни телефона его никто почему-то не знает. Но, самое главное, Елена, как бы между прочим, интересуется у Катиши, не видела ли она Сергея.

— Да бросьте вы, обычные бабские дела, — вмешался Нестеренко. — Мужика не поделили, велика важности!

— Извини, Валентин, ты не врubilся. Елена с Катей не могут делить одного мужика, — заметил Станислав.

Гуров нахмурился.

— Тут Станислав абсолютно прав. У женщин своя табель о рангах, и она строго соблюдается, через ступеньку не прыгнешь. Никогда Елена Турова при ее гордыне не станет выказывать интерес к какому-то заштатному мужику.

— Возможно, ее интерес к Сергею возник после моего разговора с ней, — предположил Котов.

— Лев Иванович, а ведь мы с тобой того человека видели, даже рядом сидели, — заметил Станислав.

— В ресторане, когда забирали Марию, высокий парень, брюнет, в твидовом сером костюме. Приметы Катерина дала?

— Bravo! — Станислав хлопнул в ладоши. — Ты начал думать, вот это прогресс.

— Не хами начальству. Я даже во сне думаю. Значит, Сергей. Через кого мы можем его установить? За их столом сидели мужчины, плескали друг другу в физиономию шампанское. Одного из них Мария должна знать, он киношный.

— У нас просто уйма информации. Но Сергей может не иметь к убийству никакого отношения.

— Он знаком с Олегом Туровым, — тихо заметил Котов.

— Как бы занять его фамилию, номер телефона, — мечтательно проговорил Станислав.

- Займись этим немедленно, — распорядился Гуров.
- Понял. — Stanislaw вышел из кабинета. Чтобы не мешать товарищам, прошел к секретарю, звонить от Верочки.
- Олег Ильич, здравствуйте, снова полковник Крячко.
- Уже соскучились?
- С начальником не повезло. Прочитал мой рапорт, остался недоволен, просит кое-что уточнить. У вас как сегодняшний день?
- Не знаю еще...
- Тогда я к вам быстренько подскочу, буквально на несколько минут.
- Что с вами делать, все равно не отстанете. Приезжайте. — Олег Туров вздохнул и положил трубку.

Stanislawу нравилась квартира Олега. Вчера сыщик побывал здесь в первый раз и сразу обратил внимание: квартира никак не походила на жилище миллионера. Да, очень просторная, трехкомнатная, с большим холлом, в углу которого стоял мраморный мальчик. Но на этом вся роскошь и кончалась. Старая, громоздкая мебель, допотопные стулья, расшатанный диван. В центре гостиной с потолка свисала огромная хрустальная люстра — предмет вождения пятидесятых годов. Чувствовалось, хозяин к вещам равнодушен или ленив, чтобы все выкинуть и заменить на новое.

Stanislaw не удержался и как бы в шутку произнес:

- Ваша квартира, Олег, напоминает склад забытых вещей, словно их в старой комиссионке покупали.

- Я консерватор. Когда брат стал миллионщиком, я поселился здесь, где мы родились, провели детство, и предупредил, если кто на мою старину позарится, голову оторву.

Сегодня Олег был не в духе.

- Простите, господин полковник, но у меня очень мало времени. Вываливайте свои вопросы.

- Да у меня, собственно, никаких вопросов не имеется, — тоскливо произнес Stanislaw.

- Зачем же тогда время у меня занимаете? Мне срочно надо ехать в милицию, ОБИР, ГАИ, черт бы вас всех побрал! — раздраженно сказал Олег.

- Случилось чего? Может, я могу помочь?

- К Илье на поклон пойду. Он уладит все мгновенно. Правда, не хотелось бы у брата одалживаться. Оттого и злюсь. У меня вчера сумку со всеми документами сперли. Два паспорта, водительские права, технический паспорт на машину.

Крячко отчетливо почувствовал фальшь. Так сразу все и украл. От чего он хотел избавиться? Скорее всего, от заграничного паспорта. Stanislaw его вчера видел, и въездной штампик ему что-то не понравился.

- Олег Ильич, мы считаем, что убийца скорее всего находится в окружении вашей семьи. — Stanislaw достал из кармана бумажку и зачитал приметы двух мужчин, чьи данные оперативники уже установили.

Олег открыл настольную записную книжку.

- О Виталии вы вчера спрашивали.
- Спасибо, запомятовал. Имя Сергей вам ничего не говорит?
- Сергей Новожилов мой близкий друг...
- Новожилова я прекрасно знаю и говорю не о нем. Сергей Высокий брюнет, вашего возраста.
- Сергей? – повторил Олег. – Кажется, с ним встречался однажды у Игоря. Но почти его не знаю. Записная книжка Игоря, кажется, у вас? Посмотрите...
- Спасибо. Извините за беспокойство. – Станислав откланялся.

Крячко поехал в Шереметьево. Вчера, просматривая паспорт Олега Турова, сыщик обратил внимание, что штампик пограничного контроля, свидетельствующий о возвращении Олега из Швейцарии, поставлен нечетко. А ведь это очень важно, – вернулся он шестого августа, то есть до убийства, или седьмого. И как в это время у Олега украли документы. Теперь вот объясняйся с пограничниками, проси, чтобы они заглянули в компьютер и уточнили дату возвращения Турова. Да еще на кого попадешь, могут потребовать официальную бумагу министерства, словно выспрашиваешь государственный секрет.

Но опасения оперативника оказались напрасны. Веселый молодой майор-пограничник посмотрел удостоверение Станислава, козырнул и бодро сказал:

– Выпейте кофейку, господин полковник, сейчас уточним.

И уточнил – Олег Туров прошел погранконтроль шестого августа. Что бы это значило? Узнав о смерти брата, ляпнул, что прилетел седьмого, чтобы не объясняться с милицией? Вполне может быть. Но возможен иной вариант. Сейчас Олег Туров попадает в число подозреваемых.

Вечером Станислав встретился с Катериной в скромном кафе. Элегантная, со вкусом одетая, модно причесанная Катерина совершенно не походила на уличную девку, которую много лет назад встретил оперативник.

– Да, Катя. Ты находишься на правильном пути, – восхищенно заявил Станислав.

Подошел официант, Крячко заказал кофе, а Катя джин с тоником.

– Я спиртное почти перестала употреблять, но сейчас вздернутая слегка. Теперь о деле. Хозяин меня видел один раз, но только кивнул и прошел мимо. К Елене без конкретного дела не подъедешь, с норовом бабенка. Братец Олег – мужик недалекий, все зависит от количества выпитого. Кстати, у него серьезный роман, но Олег почему-то его скрывает.

– Роман, говоришь? – Станислав выдержал паузу. – Катюша, лапонька, ты телефончик и имя его пассии раздобыть не можешь?

– Плевое дело. Она раньше с моей подругой дружила. Телефончик добуду, а зовут девушку Ириной. Дурочка. Олег в нее по уши влюблен, замуж зовет, а она к другому прикипела, дебилка. В Сережку втюрилась и ни в какую.

– Парень, который за ваш стол в кабаке подсел? – поинтересовался Станислав.

– Сергей меня в тот вечер из кабака снял. Я в туалет пошла, а он вроде проводить направился. Потом, когда я вышла, он меня наверх не пустил, повел в машину. Сказал, если со мной не поедешь, я твоим мужикам скажу, что ты шлюха вокзальная. Я молча на улицу вышла да как въеду ему по хारे!

– Раньше у него бывала?

– Нужен он мне, сутенер драный!

– Сейчас он вроде при деньгах, – обронил Станислав.

– Да у него не поймешь. Один вечер точно при больших деньгах был, – ответила Катерина. – Да что ты все о нем спрашиваешь, он же из ваших.

– Не понял? – насторожился Станислав. – Считаешь, Сергей служит в милиции?

– Служит он где сейчас, не знаю, – ответила Катя. – Но лет десять назад я его видела в милицейской форме. Офицер. Звания не помню. Кажется, лейтенант. Он тогда скромный был, девочек не обижал, денег не брал. Подойдет, тихо так скажет – не толкись у входа в кабак, и проходит мимо.

– Интересно, Катюша, очень интересно. Примерно в каком году это было?

– До перестройки, – она задумалась. – Я считала, он участковый. Всегда с планшеткой в руках ходил.

– От какого кабака он вас гонял?

– Я центровая была, по Горького шастала. – Катя неожиданно смутилась. – Ну и по всем ресторанам и кафе в этом районе...

– И Сергей везде появлялся? – Станислав начал уточнять места "работы" Катюши, пытаясь определить, в каком отделении служил Сергей. Если он был участковым, то его вмиг вычислить можно, там всего два отделения. С восьмидесятых годов народ, конечно, поменялся, но это пустяк, главное, чтобы Катя ничего не напутала. Самому особенно светиться не следует, министерских не любят, сто вопросов, каждому ля-ля, лучше поутру Гришу Котова послать.

– Ты чем конкретно в своем офисе занимаешься?

– Да, собственно, ничем. В свободное время учусь на компьютере работать. Иногда разрешают какую-нибудь бумажку написать. В основном о пересылке леса. Девчонки неплохо относятся, все гадают, с кем из начальства я сплю. А так, дела подшиваю, кофе разношу...

– Тебе действительно долго на том месте не продержаться. Ты, Катерина, подыскивай себе работу, а то снова у гостиницы окажешься.

– Никогда. Лучше с голода умру! – решительно заявила Катя.

– Умереть еще успеешь... – Станислав серьезно взглянул на бывшего агента. – У тебя парень есть? Не для пьянки да койки, по жизни?

– Есть! – она вызывающе взглянула на Станислава. – Ты, к примеру.

– Верно, я человек надежный. Но нужен такой мужик, чтобы не каждая собака знала, что он в ментовке служит.

Екатерина задумалась.

— А зачем?

— Хочу, чтобы ты с ним в казино сходила. Сергея посмотреть, нужен он мне.

— Да-а, Станислав. Сколько я тебя знаю, ты всегда выгоду ищешь.

— Прекрати, Катерина! Служба такая. Хочешь не хочешь, но я тебе на ноги помочь встать не только как мент.

— По старой дружбе и бескорыстно. И шмотки, и работа, и джин-тоник! Так! За Катюшину улыбку!

— Я за улыбку, Катя, самому себе ничего толкового справить не могу. За все плачу. Вот так. Это нормально, Катя. Бесплатно только у паразитов.

— Ты мне марксизм не впаривай. Говори конкретно, что надо?

— Все о Серее. Его телефон. Где живет, работает...

— Он убил кого?

— Не знаю. Увидишься, лишнего интереса не проявляй. Извинись за тот вечер, что убежала, сошлись, мол, пьяная была. Если он к тебе потянется, холодной будь.

— Так он уйдет и все.

— Значит, не судьба. Я тебя подставлять не имею права. И еще. Попроси у него тысячу баксов до завтра, скажи, очень нужно. И встречу обговори, мол, точно принесешь.

— Ладно. Сиди уж, я в твою тачку не пойду, напугал ты меня.

Катерина встала и походкой манекенщицы вышла из кафе.

Глава восьмая

— Она не дура, не авантюристка? — спросил на следующее утро Гуров, выслушав доклад друга. — Ты понимаешь, мы можем иметь на руках еще один труп?

— Не понимаю! — взвился Крячко.

— Извини. Из-за ворованных денег мы людей гробим.

— Да не учи меня за ради Бога! — Станислав хлопнул ладонью по столу. — Катюша — моя девочка, я в молодости, может, в нее влюблен был. Мне задание ей давать не следовало? Так и скажи. Я Катюшу вмиг найду и все отменю.

— Меня вчера в жар бросило, когда алиби у Олега Турова оказалось ложным. Да еще невеста объявилась, о которой никто ранее не слышал...

— Не гони лошадей, Лев Иванович, — ответил Станислав. — Валентин все проверит, тогда и пойдем, играть марш или похоронный гимн.

— У Олега мотива нет.

— А миллиарды?

— Отставить. Ты же за миллиарды не убиваешь, и я не убиваю.

— Никто с такими деньгами под руку не подвернулся...

Гуров насмешливо посмотрел на него и снял трубку звонившего телефона.

— Слушаю вас внимательно. Да, Олег Ильич. Нашли сумку с документами? Поздравляю. Где? Завалилась между сиденья-

ми вашего "мерседеса". Меньше хлопот. Паспорт, с которым вы в последний раз выезжали за границу, на месте? Прекрасно. Тогда откройте его и взгляните, какого числа вы вернулись. Вы пересекли нашу границу не седьмого, а шестого августа... Не имеет существенного значения? Но ведь в ночь с шестого на седьмое был убит ваш родной брат. Стало быть, вы попадаете в число подозреваемых. В данный момент наш сотрудник беседует с Ириной, устанавливает... — Гуров прикрыл трубку рукой, кивнул Станиславу, поясняя: — Кричит... Грохот... Как полагаешь, Станислав, в России сильнее закон или миллионы?

— Идиотский вопрос. Естественно, миллионы сильнее.

Гуров несколько секунд слушал крики Турова, затем снова прикрыл трубку рукой.

— Очень гневается, грозит снять погоны.

— Ну, это он хватил. У тебя, Лев Иванович, слишком маленькие погоны.

— Я тоже так считаю, — ответил Гуров и вновь обратился к Олегу Турову: — Прекратите истерику. За дачу ложных показаний вы отсидите трое суток на тюремной баланде. И пока ваш братец раскрутит колесо своих связей, нахлебаетесь ее вдоволь...

Семен Петрович Ярцев зашел в кабинет заместителя директора фирмы, поздоровался и сел в кресло без приглашения. Для себя отставной полковник уже решил — до конца испытательного срока он потерпит, но как только получит деньги, расстанется с хозяевами без печали.

— Семен Петрович, я пригласил вас для того, — официальным тоном произнес хозяин кабинета, — чтобы сообщить, фирма отказывается от борьбы против Турова. В принципе, вы оказались правы...

Ярцев рассмеялся.

— Надеюсь, вы не собираетесь увольнять меня сей секунд? По договору я должен отработать еще два месяца. А деньги мне нужны.

— Вот деньги вы и получите. Прямо сейчас.

— Так не пойдет. Я не кухарка и не дворник — дали рубль да прогнали со двора. Был уговор — я работаю три месяца. Вот столько я и отработаю, тогда и деньги получу. Передайте, уважаемый Степан Степанович, нашему шефу, что Ярцев, конечно, не Гуров, но лучше не связываться.

Ярцев отправился в свой кабинет, а Степан Степанович прощмыгнул к хозяину, который в этот момент разговаривал по телефону. Он жестом пригласил заместителя сесть и помолчать.

— Я все понимаю, Илья Петрович. Готов содействовать, только возможности у меня не велики.

Кротов понял, что шеф разговаривает с самим Рябовым.

— Сожалею, но с Ильей Ильичом у меня нет никаких отношений. Выражаю свои соболезнования... Уверен, все закончится хорошо. — Шеф положил трубку, молча посмотрел на заместителя, затем спросил: — Вы разговаривали с милиционером? Расстались мирно?

— Ничего подобного, Марк Михайлович, — ответил Кротов. — Он заявил, что по договору отслужит весь испытательный срок. Если желаете с ним поговорить...

— Нет уж, увольте. Вы объяснили ему, что деньги уплатят за весь оговоренный срок? — раздраженно спросил Агеев.

В этот момент в дверь постучали, и в кабинет вошел начальник контрразведки.

— Добрый день, Марк Михайлович. О, и Степан Степанович здесь, прекрасно. — Ярцев подвинул себе кресло ногой, сел. — Марк Михайлович, что-то вы неважно выглядите, грипп-зараза или неприятности какие? Могу помочь?

— Я вас, кажется, не приглашал, Семен Петрович? — сдерживая ярость, Агеев заговорил шепотом.

— Если увижу, крыша горит, мне звоночка ждать или хватать вас за портки и тащить на улицу?

— Ваш милицейский жаргон, простите...

— Да, милицейский! Я, может, желал бы Гарвардский университет закончить, но дальше школы милиции у меня не получилось. Вы сами-то, простите, ВПШ имеете и не более? Но я сейчас о другом. Во-первых, считаю, мне премию должны выписать. Господин Кротов вам объяснит за что. Во-вторых, сейчас в МУРе один из задержанных колется, что адресочек на Бронной ребяткам Узел шепнул. На Петровке народ широкий, по одному брать не умеют.

— Я ничего не понимаю! — Шеф схватился за голову. — Какая Бронная? Какой Узел?

— Знаете, как в армии говорят? Не умеешь — научим, не хочешь — заставим! Степа, введи господина в курс дела. Да, премиальные не забудьте. По нынешнему раскладу, полагаю, месячный оклад как минимум.

С Ярцевым в тот же день расплатились полностью и про месячный оклад не забыли. Но из фирмы уволили.

Рябов и Рудин обедали в ресторанчике, принадлежавшем Рябову. Порядок здесь царил строгий. Когда хозяин собирался нанести визит, то к назначенному часу ресторанчик закрывался, так что Рябов с гостями обедали в одиночестве. Хозяин занимал всегда одну и ту же кабинку, которую предварительно проверяли на предмет отсутствия прослушивающих устройств, различных "жучков" и прочей радиочепухи. Шеф-повар прекрасно знал вкусы гостей, так что заказа не делали. Закуску и спиртное ставили заранее, блюда подавались в установленном порядке всегда одной и той же молчаливой официанткой.

Сегодня обед не отличался от предыдущих, разве что оба бизнесмена страдали отсутствием аппетита.

Выпили по глотку водки, долго молчали. Наконец Рябов, стараясь говорить спокойно, произнес:

— Рассказывай, что бы ни случилось, хуже не будет.

Рудин покачал головой, как бы прикидывая, может быть хуже или нет, затем сказал:

– Звонил Черт. Привожу его слова дословно: “Мы с вами не шакомы, никаких дел не имели, меня не ищите”. И сразу же положил трубку.

– Ничего не понимаю. Зачем ему сидиром? Он же не сумеет правильно им распорядиться. От денег отказывается... Он непорядочный! – бизнесмен покрутил пальцем у виска.

– Я всю ночь думал, – произнес Рудин. – Признавать свои ошибки тяжело, но у нас нет иного выхода. Нам не по зубам Туров, и мы не имели права начинать эту войну. Теперь необходимо ее прекратить и остаться живыми.

– Ни в коем случае нельзя идти с повинной к Турову, – ответил Рябов. – Его брат мертв, и где находится сидиром, нам не известно. Он раздавит нас. К тому же на него работают официальные власти.

– Ментов необходимо купить, – возразил Рудин. – Когда нужно, они собственную тещу не разыщут.

– Менты, работающие на Турова, не продаются, – ответил Рябов. – Если они разыщут Черта и выйдут через него на нас, то... сам понимаешь. Поведение парня объясняется просто. Он понял, что на него объявлена охота, и ему сейчас ни до денег, ни до сидиромы. Спасает свою жизнь. Если его захватят, убьют сразу.

Из зала донеслись голоса, затем портьера в кабинете отодвинулась, и на пороге возникли два молодых человека. Равнодушно посмотрев на обедающих, они отступили в залу, а в кабинет вошел Илья Ильич Туров.

– Сами дерьмо и охрана у вас соответствующая, – вместо приветствия сказал он, усаживаясь на свободный диванчик. Тут же появилась официантка. Поставила перед новым гостем пузатую рюмку коньяка и блюдечко с дольками лимона.

Туров залпом выпил коньяк, как русский мужик водку, и пояснил миролюбиво, словно закадычным друзьям:

– Врачи коньяк рекомендовали, сосуды расширяет, – и уже жестким тоном продолжил: – О чем же вы договорились, воры-домушники? Я ключи к вашим компьютерам без сидиромы знаю. Велел специалистам в них по ведру дерьма вылить. Так что на ближайшее время, пока ваши спецы компьютеры очистят, вы совершенно свободны. Если, конечно, вас краснознаменная милиция не заберет.

– Рад видеть вас в полном здравии, Илья Ильич, – произнес Рябов, наконец-то пришедший в себя от столь неожиданного визита. – Но почему именно вас вы вините в постигших вас несчастьях?

– И выбрали именно нас объектами своего мщения? – добавил Рудин. – Мы вам не друзья, но и не враги...

Туров заглянул в пустую рюмку, отставил в сторону.

– Сами отдадите сидиром, или вам яйца дверью прищемить?

Бизнесмены растерянно молчали.

– Но мы ничего не знаем ни об убийстве вашего брата, ни о пропавшем сидироме. Что же нам теперь делать? – пролепетал Рябов.

– Отложить деньги на венки и обеспечить близких, – деловито ответил Илья Ильич. – Можете сходить в церковь, там подска-

жут, какие действия предпринимают люди, собирающиеся покинуть этот грешный мир.

— Есть другой вариант, — окрепшим голосом проговорил Рабов. — Я найму киллера... Тогда мы все трое окажемся заняты ожиданием. Мы — пока очистят наши компьютеры, а ты, взбесившийся пес, будешь ждать выстрела или бомбу...

Туров весело рассмеялся.

— Договорились! — Он поднялся. — Николаша, а я тебя зауважал. Маленький такой, плюгавенький, а характер имеешь. Но лучше побыстрее найди своего парня. Он тебе обойдется дешевле, чем киллер. — И вышел из кабинета.

Валентина Нестеренко отправили на поиски Сергея, который предположительно когда-то служил в милиции, обслуживая бывшую улицу Горького, ныне Тверскую. Задача казалась несложной. Нестеренко обещал вернуться к вечеру, но появился в кабинете Гурова лишь на утро третьих суток. Был он небрит, бледен, правую руку держал под пиджаком на перевязи.

Станислав вскочил ему навстречу, усадил на свое место за стол и ворчливо сказал:

— Не в тайге живем, мог бы и позвонить.

— Из Склифа попутка в министерство шла, ребята меня и подбросили.

Все было ясно без слов. Нестеренко “зацепил” Сергея, схватил пулю и упустил подозреваемого. Гуров молчал, стараясь не показать свою злость. Валентин потерял много крови, держится из последнего...

— Успокойся, Валентин. Главное, ты установил, что мы на правильном пути. А эту суку обязательно возьмем. Скажи несколько слов и отправляйся в койку.

— Его данные я прояснил в первый же день к вечеру. — Нестеренко левой рукой достал из кармана мятую бумажку в бурых пятнах. — Я звонил вам, но никого не смог застать. Тогда решил посмотреть его дом на Тверской. Не лезть в квартиру, а только посмотреть. Ждать у подъезда и регулярно звонить вам. Я был на “пятерке”, не успел припарковаться, вижу, из подъезда выходит мужчина с чемоданом. Уже стемнело, и я не мог его как следует рассмотреть, но общий вид подходил. Он сел в стоявшую во дворе “семерку” и двинул. Сами понимаете, я не должен был его отпускать. Он развернулся у телеграфа, ехал спокойно, не дергался, не проверялся. По Ленинградскому шоссе выехал на окружную, свернул в сторону Дмитровки. Думаю, вот тут-то он меня и засек. По Дмитровке проехал верст семь. Остановился возле какого-то дома. Чемодан с собой не взял. Я встал поодаль, чтобы не светиться. Прождал его всю ночь. А утром он появился. Направился к лесочку. Тут уж я точно определил, что это Бестаев. Мне надо было стоять и ждать его. Как потом понял — он проверялся. А я дернулся следом, решил, встреча у него...

Нестеренко замолчал, качнулся. Станислав подскочил к Валентину, но тот вяло оттолкнул его и продолжил:

— Я только в лесок зашел, как за спиной раздалась команда — руки за голову и повернись. У меня пистолет был в боковом кар-

мане, но понял, не успею... Я повернулся. Он шагах в семи от меня, пушку наставил и выстрелил.

— Молись, что Сергей Бестаев так плохо стреляет, — сказал Крячко.

— Бестаев отлично стреляет, — уверенно произнес Нестеренко. — Когда я нашел отделение, где он служил, первое, что мне сказали: учти, он отличный стрелок. Бестаев свободно мог мне пулю в лоб засадить, я видел, как он стволом повел, а ощутил удар в плечо. И вот что я вам еще скажу: какой же народ у нас в ментовке служит! Еле до отделения добрался, говорю ментам — меня ранили, окажите помощь, свяжитесь с министерством, ваш номер даю. А они меня обыскивать принялись. Пистолет нашли, так от радости прямо ошалели. А из меня кровь хлещет, сознание начал терять. Они же меня нюхают, может, выпивши я. На ксиву и смотреть не желают, твердят — бандитские разборки. Хорошо, капитан появился, взглянул на меня, как гаркнет: “Вы, сволочи, хотите труп на меня повесить?” Сам перевязал, кровь остановил. Ну, засунули меня в мою же машину, сержант за руль и в Склиф. Остальное неинтересно. Я утром всю наличность нянечкам отдал, чтобы они шмотки принесли. Порядки! Хоть назад к большевикам шагай...

— Не дойдешь, слабый больно. — Станислав помог приятелю подняться. — Давай-ка зайдем в сапчасть, сменим повязку, укольчик обезболивающий всобачим. Полежишь дома, подумаешь, как лопухнулся и где мы теперь твоего Бестаева искать будем.

Только сыщики ушли, позвонил Туров.

— Лев Иванович, зачем вы моего брата тюрьмой пугаете?

— Его не пугать следует, а привлечь к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, — сухо ответил Туров. — Олег под защитой миллионов себя безнаказанным чувствует, не помешало бы его отрезвить. И какая у нас гарантия, Илья Ильич, что не Олег совершил убийство?

— Он никогда не брал в руки оружие. У нас был “Макаров”, однако лет пять назад куда-то подевался.

Туров про себя выругался. Как же он, старый облезлый волк, не проверил, имеется ли в семье зарегистрированное оружие...

— Вы заявили о пропаже пистолета? Ведь не иголка.

— Честно сказать, не помню.

— Хорошо, я выясню. А братцу передайте, что ему предстоит крайне неприятный разговор в прокуратуре.

— Теперь я понимаю, почему вы отказались взять деньги на оперативные расходы. Вы подозреваете Олега?

— Нет, мы разыскиваем совсем другого человека, Илья Ильич. Желаю вам всего наилучшего. — Туров разъединился и позвонил в прокуратуру. — Добрый день, можно поговорить с помощником прокурора Драчем?

— Федул Иванович в данный момент занят. Кто его спрашивает? — голос у девушки был хорошо поставлен, чувствовалось, она знает себе цену.

— Передайте, что его просит полковник Туров.

После небольшой паузы Драч ворчливо спросил:

— Здравствуй, сыщик. Чего тебе надобно?

— Здравствуйте, Федул Иванович. Хотел узнать, ваши ребята проверяли наличие пистолета “Макаров” у семьи Туровых? И поступало ли от них заявление об утере оружия?

— Ты задним умом крепок. При допросе Елена Турова сказала, что пистолет был, и якобы о его утере сделали соответствующее заявление участковому. Но тот год назад скончался, документов никаких не имеется.

Гуров объяснил ситуацию с датой возвращения в Москву Олега Турова.

— Интересно. Вроде не мальчик, по уши влюбленный, чтобы так торопиться к своей Джульетте. Я его и девицу вызову, допрошу. У тебя все?

— Увы, Федул Иванович. Начинать с плохих новостей?

— Сам знаешь.

— Ранен Валентин Нестеренко. Большая потеря крови, но отделится. А хорошая новость — вышли на очень интересного парня. Бывший опер, приятель молодых Туровых. Неожиданно из дома пропал, Валентин его преследовал и схватил пулю. Записи. Бестаев Сергей Николаевич, уроженец Москвы. Шестидесят второго года рождения. Уволился из милиции. Последнее место работы пока не установлено. Полагаю, из Москвы он уходить не станет, все подружки и приятели тутошние. Вот у кого-то из них он и залег. Скорее, у девчонки. Большим успехом пользуется у нежного пола.

— Молодцы. А пулю, что схватил Валентин, нашли?

— Место известно, завтра с утра поедем искать.

Найти пулю в лесу — задача из области ненаучной фантастики. Но Гуров в молодости придумал выражение: “в розыскной работе случается то, чего никогда не бывает в жизни”. Если пулю все же удастся найти, и баллисты определят, что она выпущена из того же пистолета, что и убившая Игоря Турова, то убийца будет установлен точно.

Нестеренко держался молодцом да и чувствовал себя вполне прилично. Он сидел в “мерседесе” Станислава и говорил:

— Стас, как друга прошу, врежь тем мерзавцам, что надо мной измывались. Пойми, это не сведение личных счетов... Если они со мной таким образом обошлись, то как ведут себя с простыми гражданами? Они же поставлены людьми охранять.

Станислав следил за дорогой, молча кивал, наконец не выдержал:

— Валя, я не девка, чтоб меня уговаривать. Если с ними серьезно разбираться, то надо подать рапорт на имя Орлова, он в свою очередь — в инспекцию по личному составу. Но что это даст? Сволочь предупредят о служебном несоответствии, может, уволят. А кого поставят? — Станислав вздохнул.

— Стас, ты их тряхни, я на морды испуганные взгляну, мне враз полегчает, — бормотал Нестеренко, и его просительный тон так не соответствовал обычно жесткому выражению лица, что

Крячко снял телефонную трубку и позвонил в "пежо" Гурову, ехавшему следом.

— Лев Иванович, вскоре будем проезжать пост ГАИ, где измылись над Валентином. Я, конечно, могу сказать ребятишкам несколько слов, но, думаю, у тебя получится посильнее.

— Пустое дело, — ответил Гуров. — Однако просьбу Валентина обязаны выполнить.

Свернув с шоссе, машины сыщиков остановились у поста ГАИ. Гуров неторопливо вышел из "пежо" и направился к инспектору. Тот закричал:

— Что встали враскоряк? Ваши документы. И машина чадит, будто трактор.

Моторы иномарок работали бесшумно, никаких выхлопных газов не было. Гуров улыбнулся инспектору и кивнул на стеклянную будку ГАИ.

— Капитан здесь?

Инспектор почуял неладное, но гонора не сбавил:

— Сам лезь, там и узнаешь.

— Пожалуйста, позовите капитана. Из Главка просят.

Инспектор включил рацию. Вмиг из будки выскочил капитан, ловко скатился по лестнице. Но пары спиртного обговяли его.

Гуров протянул свое удостоверение, достал блокнот и ручку.

— Прошу ваши документы, капитан.

Трясущимися руками гаишник протянул удостоверение.

Сверив фотографию, на которой капитан был значительно моложе, с оригиналом, Гуров переписал данные в блокнот и миролюбиво спросил:

— Сколько лет служите?

— Девятнадцать, господин полковник.

— И все еще на посту? — удивился Гуров и направился к машинам. Гаишник держался рядом, стараясь не дышать в его сторону, но на свежем воздухе дух от капитана шел крепкий. — Дети есть? — спросил Гуров, открывая дверцу "мерседеса", в котором сидел Нестеренко. Этот вопрос капитана добил. Он еще не понимал, в чем дело, но, учитывая должность и звание гостя, чувствовал, что попался. Нестеренко взглянул на гаишника и, сморщившись, как от удара, сказал:

— Он же меня перевязал...

Сидевший за рулем Станислав усмехнулся.

— Мы ему благодарность объявим, что он тебя на шоссе не выбросил.

— Все, добились, — обреченно произнес капитан. — Я и так в штрафниках числюсь. Ваша сила! — он козырнул и пошел к будке.

— А мужик мне понравился, сопли не распустил. Просить ни о чем не стал... — рассуждал Нестеренко, когда они поехали дальше.

— Мужик неплохой, — согласился Станислав, — но замазанный.

Когда свернули на проселок, Нестеренко быстро определил место, где его подстрелили. После часа усиленных поисков, опе-

ративникам стало ясно — пуля ушла в небытие, искать ее бессмысленно.

— Неудачное ты место выбрал, Валентин, — заметил Сташлав. — Кабы здесь стояла не одна сосна, а пяток, а еще лучше здоровенный забор... — он поднял глаза на задумчиво молчавшего Гурова. — Что поделаешь, командир, не каждый раз к двенадцати девятку прикупаешь, но посмотреть следовало.

Гуров согласно кивнул.

На обратной дороге он остановил машину возле поста ГАИ, посигналил. Капитан выскочил из своего стеклянного скворечника, подлетел к Гурову. Сыщик достал блокнот, вырвал страницу, на которой записал данные капитана, и протянул ему:

— Ты, конечно, изрядная дрянь, но кое-что хорошее до конца не растерял. Попробуй сохранить, у тебя ведь дети... — Он поднял стекло, и машины умчались.

К капитану подошел инспектор, хлопнул начальника по плечу.

— Видать, понял штабист, что без свидетелей его показания не пляшут. Наш бы, защищая мундир, только посмеялся.

— Дурак ты. Полковник большой начальник, наш бы шеф перед ним в штаны наложил. — Капитан аккуратно сложил листок и убрал его в карман.

Бар, в котором встретился Станислав с Катериной, оказался маленьким, всего на пять столиков.

Станислав придвинул для спутницы стул, а сам сел в угол, лицом к входной двери. Катюша улыбулась.

— Горбатого могила исправит. — Она закурила и кивнула девушке в изящном белом фартучке: — Здравствуй, Елена.

— Катерина! — официантка чуть не выронила блокнот. — Не узнала, богатой быть! Ну, ты выглядишь на миллион долларов! Замуж вышла? — она взглянула на Станислава с любопытством.

— Собираюсь, — Катя подмигнула Крячко. — Но этот господин лишь друг юности.

— Очень приятно. Выпьете или как?

— Дай нам ваш фирменный омлет, мне джинс с тоником, а Станиславу.... — Катерина замялась.

— Станислав — несчастный извозчик, ему, пожалуйста, томатный сок.

— Сей момент, — официантка убежала.

— Учила я тебя, учила, а все бестолку. В бар вошел, не на бутылки взглянул, а быстро людей пересчитал, — усмехнулась Катя. — И за стол вы все садитесь одинаково, в угол, лицом к двери. Словно атаку отражать собираетесь.

— Ты права, Катюша, такие мы солдатики оловянные. Так у тебя в отношении Сергея конкретные соображения имеются?

— Возможно, он у кого-нибудь из своих девок и залажет... Вопрос, у кого именно? Я ведь его плохо знаю. Если деньги имеет, месяца два-три продержится. Но с девочками может возникнуть проблема. Любая вертихвостка догадается, что человек скрывается. А от кого? Хорошо, если от ментов, найдут, хозяйке ничего не сделают, потаскают на допросы и оставят в покое. Но если спрячется от своих деловых, которым большие бабки должен? —

рассуждала Катерина. — В таком случае с хозяйки три шкуры спустят, а то и “замочат”.

Станислав поморщился.

— Чего скривился? Сейчас жизнь человека плевка не стоит, а свидетели никому не нужны, — уверенно закончила она.

— Катюша, Бога ради, не употребляй жаргонные словечки... — простонал Станислав.

Она зло прищурилась.

— Кажется, я знаю, где он может спрятаться. Только нам мой совет не поможет.

— Ты скажи, а мы уж решим, поможет или нет.

— Сторожем на даче. На зиму хорошие дачи не заколачивают, селят охранника, кормят и еще деньги платят.

Станислав понимал, Катюша права, если людям охранник нужен, они его и летом возьмут, лишь бы на зиму остался.

— А среди твоих знакомых богатей имеются?

— Среди моих знакомых в основном бессовестные оперативники. Они на клещей похожи, вопьются, оторвать невозможно.

— Ну, извини.

— Ты хоть помнишь, кто меня, соплячку, блатным словечкам обучал? — Катя позвала подругу и заказала второй стакан джина.

Глава десятая

Группа собралась в девять. Хотя повторного нападения на мастера-электронщика не ожидали, Тишу оставили на Бронной.

— Чуется мне, даже если Бестаев за городом и устроится, то связь с Москвой не прервет, — сказал Станислав. — А если связь существует, мы нащупаем.

— Иного выхода не видишь? — поинтересовался Гуров.

— Лев Иванович, — подал голос Котов, — идея с дачным сторожем вполне реальная. Только не будем замахиваться на все дачи вокруг Москвы, все равно не осилим. А проедемся по хорошим дачным местам, отметим шикарные дома-новостройки.

— Можно даже не ездить. Получим данные у административного начальства, — сказал Миша.

— Не так уж много сладких мест под Москвой и найдется, — встрял Крячко. — Минус особняки правительства, куда с улицы человека не возьмут.

Все посмотрели на Гурова, который сосредоточенно молчал.

— Вы, друзья, говорили хорошие слова, а я вам скажу плохие, — начал сыщик. — Допустим, сторожа мы угадали. Только Сергей Бестаев в красивую жизнь, что вы нарисовали, не пойдет. А поселится в средней дачке, не в модном месте, услуги предложит не за доллары, а бесплатно. Скажет, дорогие хозяева, я с женой развелся, дом строю, но он готов будет только к весне, а мне нужно жилье на зиму, так я у вас вроде охраны буду. Ну, как? Годится такой вариант? Станислав, чего молчишь?

— А чего говорить, начальник всегда прав.

— И еще. Лазаю по барским особнякам, мы много чего разыщем?

— Прекрати, командир! — повысил голос Станислав. — Воткнул палец в рану и ковыряешь, ковыряешь! Все давно поняли! Наш план не годится, давай другой, который годится.

— Значит так. Станислав находит отделение милиции, где Бестаев служил. Может, что неожиданное обнаружится. Михаил выявляет любовницу Игоря, которую до сих пор так и не нашли. Нестеренко в движениях укорочен, я ему бумажную работу придумаю. Тиша держит боевой пост на Бронной. Гриша отправляется на участок, который обслуживал Бестаев, пристраивается куда-нибудь грузчиком и пытается узнать — была ли зазноба у опера. И нужно найти мастера, изготовившего дубликат ключа к сейфу. Конечно, мало шансов, что он в соседнем подвале тачает, но "наша" публика его может знать. Такой шанс имеется. Только ищите мастера аккуратно, а то за неосторожный вопрос и зарезать могут. На этом все. Бог в помощь.

Турову не давал покоя один вопрос. Почему мастер-электронщик, пьяница и золотые руки, Толик, закончив работу над сидиромом, остался жить, а не попал случайно под машину? Или другая какая напасть с ним не приключилась? Москва — город огромных возможностей, всех не перечислить.

Толик очень опасен для Турова. В чем угодно мог заподозрить Турова сыщик, только не в слабых чертах характера и не в уважении к человеческой жизни. Станислав рассказывал, как ранним утром седьмого августа тот поднимался по мраморной лестнице своего особняка и легко перепрыгнул через труп родного брата. Конечно, Туров сделал это неосознанно. Но именно в этом-то все и дело. Если бы хоть на долю секунды задумался, то изобразил бы что-нибудь, соответствующее случаю. Ведь за ним наблюдали десятки глаз.

Все сходится. Характер, обстоятельства, ценность сидиромы... Однако что-то упускается. Когда Туров узнал, что Толика пытались похитить, магнат произнес глупейшую фразу: "Полковник, если с Тепловым что-либо произойдет, я сниму с вас погоны". Идиотизм, зачем ему погоны? А может быть, Бестаев — человек Турова? Ограбление было лишь инсценировкой, которая нужна Турову-финансисту?

Сыщик подвел итог и понял, что не может ответить на два вопроса. Почему Туров не обеспокоен охраной Толика Теплова, единственного человека, имеющего доступ к содержимому сидиромы? Почему в ночь убийства Туров спокойно прошел мимо трупа брата? Равнодушен к покойному, торопился к сейфу. Понятно. Однако мог бы соблюсти приличия, но ничего подобного не сделал. А пустых, беспричинных поступков Туров не допускает.

Станислав нашел отделение милиции, где служил Бестаев, но начальник розыска уже давно сменился. Из оперативников Бестаева знал лишь капитан Осин, мужик лет сорока, усталый и ко всему равнодушный.

— Пойдем, капитан, обедать, угощаю, — предложил Крячко.

Серое лицо оперативника порозовело, движения стали ловчее и быстрее. Он засунул лежавшие на столе бумаги в сейф, схватил ментовский плащ без погон, которые, видимо, сдернул для конспирации.

Обедали в затрапезной кафешке, с несвежими скатертями и алюминиевой посудой. Здесь стойко пахло любимым социализмом. Станислав предложил пойти куда-нибудь в более приличное место, но капитан весело поздоровался с неопрятной официанткой, и пришлось смириться.

— По сто пятьдесят? — спросил Крячко.

— Побойтесь Бога, господин полковник. Водой из-под крана напоят. — Капитан резво сорвался с места и исчез за портьерой. Вскоре вернулся с бутылкой "Столичной". — Кристалловская, проверено, — радостно заявил он.

— Капитан, почему ты ходишь в такую рыгаловку?

— Воровать не умею, хожу по деньгам, господин полковник. Мне на день хозяйка восемь тыщ выделяет.

— А чего так мало?

— Так ведь дом... Двое растут, пацаны, жрать хотят. Не кормить — воровать начнут.

Выпили по второй, капитан спросил:

— А зачем вам Сережка Бестаев понадобился?

— По старому делу, — соврал Станислав. — Из зоны одна бумажка пришла, дело Бестаев когда-то вел. Хотел с ним поговорить, он исчез. Дома не живет.

— У него девок, как у сучки блох, — ответил капитан. — Неплохой парень был, но какой-то темный. В отделении каждый опер на виду, даже дела с лавочниками известны. Где рублем возьмут, где натурой. Сережка не такой, нигде, ничего, все по протоколу, однако всегда при деньгах.

— И вы, сыщики, разобраться не могли? — улыбнулся Станислав.

— Чего же в чужой карман лезть? Однажды зашел о нем разговор, потрепались и решили, что баба у него богатая. А один молодой оперок смеется. Бросьте, братцы, говорит, Серега в автомастерской подрабатывает. Поэтому и стесняется рассказывать, что черной работой занимается. У нас в сортире кран потек, работягу вызвали, он возился, возился, все без толку. А Серега напильник взял и вмиг все сделал. Да посмотрите, у него руки черные, не отмываются, от металла это.

Гуров прочел донесение Станислава и закричал:

— Где фанфары? Победный клич не слышу! Ты же разыскал его, чертов сын! И сидишь, сиротинушкой прикидываешься!

Гурова прервал телефонный звонок. Генерал просил срочно зайти.

— Вовремя, Петра обрадую! — Гуров поправил галстук, одернул пиджак, взял рапорт Крячко и отправился к Орлову.

Верочка встретила сыщика у дверей приемной, тихо сказала:

— Сначала позвонили из канцелярии Президента. Тут же прибежал генерал-полковник, тот, что Бардина замещает. Как же он грохотал, дверь дубовая дрожала.

— Не переживай, девочка. — Гуров погладил Верочку по щеке. — Знаю я, в чем дело. Пробьемся. — Он подмигнул девушке и прошел к генералу. — Здравствуй, Петр. — Гуров бросил рапорт на стол. — Да не обращай ты на них внимания. Они же за это деньги получают.

— Что ты сделал с этим миллионщиком? Укусил, что ли?

— Братца пообещал тюремной баландой угостить. — Гуров сел в кресло, вытянул ноги.

— Увольняюсь к чертовой матери! — заявил Орлов.

— Правильно. Только задержись еще ненадолго, пока я дело не добыю. Иначе будет обидно. — Гуров придвинул Орлову рапорт Станислава.

Орлов ознакомился с донесением.

— Да-а, этой информации цены нет. Сергей Бестаев, оказывается, по железу работал, а открыли-то сейф ключами неродными. Думаешь, он?

— Убежден! Найти его, конечно, трудно, но постараемся.

— Турову, как я понимаю, главное раздобыть свой аппаратик.

— Не знаю, не знаю, что для него главное... Но, сдается мне, если его люди выйдут на Бестаева раньше нас, то парню хана. Убьют. Так что у Игоря будет хорошая компания, он не соскучится.

— Фу, какой цинизм.

— Слушай, Петр. — Гуров сел на подлокотник кресла, заулыбался. — Помнишь цирковой номер, когда один акробат двоих изображает, борется. Кувыркается. В точности борьба наших правителей с коррупцией и оргпреступностью. Если бы только они при этом людей не убивали. Конечно, мне всех жалко, особенно ментов.

Орлов невольно оглянулся.

— Кончай болтать, думай, как с Туром работать будем.

— А мы к нему прокурора пошлем, пусть допросит по факту знакомства. — Гуров постучал по рапорту.

— Там нет никакого знакомства, — возразил Орлов.

— Не уверен. Когда Федул ему одно место потрет, так Туров меня словно родного примет.

— И ты пойдешь?

— Обязательно. Звони Федулу и с нарочным посылай рапорт.

Гуров вернулся в свой кабинет, насвистывая. Станислав ехидно спросил:

— Ты с наградным листом и красной коробочкой вернулся?

Гуров занял свое место, постучал пальцем по виску:

— У тебя тут что-то имеется?

— Должно быть, но за качество не отвечаем, — ответил Станислав.

— По нашему делу кое-какие шовчики не сходятся. Проверь меня, дурака, может, я на воду дую.

— Рабочее время закончилось. — Станислав посмотрел на часы. — Мне полагается, иначе никакого энтузиазма.

— Давай, валяй. — Гуров закурил.

Станислав с ловкостью бывалого официанта открыл шкаф, проделал там какие-то манипуляции и вытер губы ладонью.

– Значит так, – начал Гуров, – Некогда Анатолий Сергеевич Теплов, в быту Толик, записал большое количество цифр на золотой диск, именуемый сидиромом. Сделал это по просьбе Ильи Ильича Гурова. Последний утверждает, что прочитать запись способен лишь Толик.

– Врет, как падала, – вставил Станислав. – А ежели Толик под трамвай попадет, то Туров нищим останется?

– Без комментариев, и прошу не употреблять непарламентских выражений, – сдержанно сказал Гуров.

Станислав обиженно замолчал.

– Вопрос первый. Зачем Турову нужен живой Толик? Вопрос второй. Кому и с какой целью он назвал имя Толика?

– А за правильный ответ полагается? – Прищурившись, Станислав посмотрел на Гурова. – Ладно. Работаю исключительно на общественных началах.

Лицо Станислава изменилось, глаза из дурашливо-хитрых стали умными и проницательными.

– Постараюсь ответить. Толик остался жив, потому что мокрые дела не к лицу крупному магнату. Возможно, нет нужных связей. Убрать человека все-таки не так просто. Затем, имея золотой диск, он не помышлял о дурном. Но диск пропал. И ситуация изменилась. Туров пугается. А что если Толика все-таки захватят конкуренты, прижмут. И он валомает диск? В таком случае Толик живой не нужен.

Гуров снял трубку, набрал номер. Тиша бодро сказал:

– Привет.

– Привет. Гуров говорит. У нас изменилась ситуация. Все прогулки и даже твои выходы из дома отменяются. Напарника верну сегодня. Дверь открывать только ему и мне. Зашторь окна и следи, чтобы хозяин к ним не подходил. Какое расстояние до дома напротив?

– Снайперу только руку протянуть.

– Из такого расчета и живи. Продукты подвезем, – и положил трубку. – Вопрос третий, – снова обратился он к Станиславу.

– Я что, госэкзамены сдаю?

– Почему Туров так легко перепрыгнул через труп брата?

– Он уже знал, что Игорь мертв.

– Труп не грабили.

– Да плевать ему, – ответил Станислав. – Торопился проверить сейф. Там же сидиром находился.

– Во! – Гуров ткнул в друга пальцем. – Туров всем показывал, что сидиром дороже жизни брата.

– Надеюсь, вопросы на сегодня иссякли? – усмехнулся Станислав.

– А не существует ли сговор между Сергеем Бестаевым и Ильей Туровым?

– Исключено, – ответил Кричко. – В таком случае с бизнесменом не мог приключиться инфаркт.

– Последний вопрос, Станислав. Ответишь – выпьешь целый стакан, и я отвезу тебя домой.

– Раз такие награды, значит, на твой вопрос не существует ответа, – убежденно произнес Станислав.

— Если предположить, что Туров все-таки уже знал, что в сейфе сидироме не окажется, то почему он свалился с инфарктом?

— Не надо мне твоего барского стакана. И машины к подъезду не надо! — Станислав быстро достал из шкафа бутылку коньяка и сделал внушительный глоток.

— Ну и жулик. — Туров запер сейф. — Поехали, Станислав, кна сегодня больше не будет.

Но даже такие опытные люди порой ошибаются.

Тиша и мастер играли в подкидного дурака. Оперативник упорно проигрывал партию за партией. Ему было невдомек, что на коленях у Толика лежали карты, которыми он манипулировал в зависимости от надобности. Игра велась на интерес, выигравший пять партий рядом выпивал сто граммов.

— Так все лечение к черту полетит, — бормотал опер.

Одно утешало — еще стаканчик, и клиент уляжется спать, мо-роки меньше.

Звонок раздался неожиданно. Тиша вздрогнул, подошел к двери на цыпочках и пьяным голосом спросил:

— Кто будет?

— Будет телеграмма, — ответил женский голос.

— Хозяин спит, а я открыть не могу, замки никак не освою, — жалостливо сообщил Тиша. — Приезжий я, из Тамбова. Положите в ящик.

И тут Тиша вспомнил, что пожарная лестница проходит рядом с окном в третьей комнате.

— Так расписаться надо, — канючила почтальонша.

Тиша не ответил, достал пистолет и в это время в прихожую свалился качок в кожанке. Обучали его, видимо, в Голливуде. Ноги раскорякой, пистолет держал двумя руками.

— Руки! — хрипло выплюнул он.

Оперативник рубанул рукояткой пистолета нападавшего по голове, по принципу: куда ни врежь — мало не покажется. Бандит упал.

Полоснула автоматная очередь. Слава Богу, Толик спал на диване, стоявшем у внутренней стены, пули же разлетались веером по комнате, но в основном попадали во входную дверь и комод.

Тиша присел на корточки, зажал лицо полой куртки и швырнул гранату. По комнате поплыл зеленоватый туман. Толик сел на диване и закашлялся.

— Сука, удавим! — в комнату влетели два бандита.

Тиша удивился собственному спокойствию, будто это не первая его боевая схватка, а каждый день так развлекается. Прицельным выстрелом он уложил одного с автоматом. Другого рубанул ногой по голове. И услышал с улицы вой милицейской машины.

Буквально через минуту менты уже поднимались по пожарной лестнице:

— Всем лежать! Всем лежать! Руки за голову!

“Свои потошчут”, — подумал Тиша и угадал. Удар тяжелого ботинка пришелся по ребрам. Тиша боялся подняться, но и лежать, забившись в угол, было унижительно. Он рванулся вдоль подоконника, обдирая ребра о батарею, и заорал:

– Уголовный розыск! Старший лейтенант!

– Спокойно, старлей, спокойно! Разберемся! – человек в камуфляже закашлялся. Хотя распахнули и окна и дверь, остатки химии еще болтались в воздухе.

Старший из ОМОНа посмотрел удостоверение Тиши, спросил:

– Получается, старлей, вы один на четверых напали?

– На диване хозяин квартиры, я его охранял...

– Ладно, я всех забираю. Оружие твое пока побудет у нас, по-едем разбираться.

– Это вряд ли, – в дверях стоял Гуров. – Вы маску-то снимите, душно. Я лет тридцать с открытым лицом работаю и, как видите, пока жив. Выведите бойцов на улицу и ждите. Спасибо, лейтенант, за помощь, отметим в приказе.

Омоновцы ушли. Санитар занялся ранеными. Станислав невозмутимо расставлял мебель, приводил комнату в порядок. Толик скулит на диване, а Тиша, обхватив себя руками, пытался унять озноб.

– Тихон, вышей и хозяину плесни. Пусть собирает пожитки. Он временно с квартиры съезжает.

Лежавший пластом бандит подал признаки жизни. Попытался встать, но сил хватило только привалиться к стене. Увидев его лицо, Гуров радостно произнес:

– Александр свет Васильевич, именуемый в простонародье Лыкой. Радость-то какая! – Сыщик схватил Тишу за руку, начал трясти. – Ну спасибо тебе, сынок, не угробил родного человека. Нам с Лыкой теперь на сутки разговоров хватит. – И распорядился: – Всех задержанных на Петровку.

На улице Гуров подошел к автобусу, где сидели омоновцы, запрыгнул внутрь.

– Ну что, орлы? Еще раз спасибо! – Он повернулся к старшему. – Позвою вашему полковнику, распишу героями. Лица у вас хорошие, ребята, зачем чулки на них натягиваете? Ну, это не мое. Удачи!

По министерскому коридору друзья шли весело, словно получившие "пятерки" школьники. Дверь в приемную Орлова была открыта. Гуров поморщился.

– Верка кого-то вылавливает, – сказал Станислав.

– В жизнь не догадаться, кого именно. – Гуров направился в приемную, а Станиславу кивнул: – Ты свободен.

Лицо у Верочки было бледное. Увидев Гурова, она молча кивнула на дверь генерала. Гуров вошел. В кабинете Орлова находился начальник отдела по надзору за сотрудниками Смирнов.

– Здравствуйте. – Гуров сел, закинул ногу на ногу. – Что грустные лица?

– Не ерничай! – строго осек его Орлов.

– А откуда вы знаете, что я именно по вашу душу пришел? – спросил особист.

– Угадайте с трех раз...

– Господин Гуров, вы от ведения дела об убийстве Игоря Турова освобождены. – Орлов подал сыщику бумагу. – Распишитесь. В прокуратуре и у полковника, – генерал указал на Смирнова, – к вам имеются вопросы.

Гуров расписался, взглянул на полковника.

— Пойдем покурим. Ты задашь свой вопрос, я скажу свое "нет", и процедуру закончим. Господин генерал, а в прокуратуру мне обязательно подъезжать?

— Сначала позвони, — ответил генерал. — Идите, полковник, вы свободны.

Смирнов встал.

— Полковника Гурова прошу пройти в мой кабинет.

— Иди, иди, я скоро буду. Мы только что произвели задержание, — сказал Гуров, когда за Смирновым закрылась дверь.

Орлов недоверчиво посмотрел на сыщика.

— На квартиру Анатолия Теплового был совершен вооруженный налет — стрельба, слезоточивый газ. В общем, по полной программе.

Орлов снял трубку связи с дежурным по городу.

— Генерал Орлов. Что у нас на Бронной? Налет? Что в наличии? Труп, раненый и арестованный с "Калашниковым"? Спасибо. — Орлов положил трубку, усмехнулся. — Как же ты успел?

— Бабушка в соседней квартире живет. Замечательная старушка, скажу вам. Я ей свой телефончик оставил, мол, начнут палить, сразу звони.

— А кто в квартире был? — спросил Орлов.

— Хозяин спал. А оперуполномоченный Тиша пасьянс раскладывал.

— Так ведь у твоего опера наверняка ничего, кроме "Макарова", и не было. Садись, пиши подробный отчет. Этого парня особо выдели, себя с Крячко не забудь.

— Тут интересное совпадение получается, — задумчиво произнес Гуров. — Не успел я удивиться, что Толик так долго живет, и на тебе, к нему сразу гости заявили с арсеналом оружия. Поссорился с Ильей Туровым, пришла бумага, что я вымогаю у него деньги.

— И ты называешь это совпадениями?

— Кто конкретно дал команду отстранить меня от дела?

— Заместитель министра.

— Значит, раскрытие убийства кому-то в верхах не выгодно.

Вместо прокуратуры Гуров отправился в МУР. Постучав в безликую дверь, вошел. Арестованный налетчик сидел с перевязанной рукой и страдал. Увидев полковника, оперативник и бандит встали.

— Здравия желаю, господин полковник, — сказал опер. — Меня уже предупредили. Сейчас я бумажки приберу и перейду в соседнюю комнату. Только вы учтите, Юрий Шубин на Бронную из чистого любопытства пошел. Так что он полностью невиновный, и его требуется немедленно освободить.

— Спасибо, что предупредили, раз невиновный, тут же и освободим, — в тон оперу ответил Гуров и обернулся к задержанному: — Ну, а теперь, Юрий, рассказывай, а я слушаю...

– Лев Иванович, да я рад, что меня взяли, – неожиданно сказал Шуба. – Конечно, мне не открутиться. Но и бандитизма, вооруженного нападения у меня нет. И оружия не было.

– Так что же произошло? Толком говори.

– Да случайно я влез в эту компанию. А так у меня все шло хорошо. Ну сидел, лес валил. Так то когда было! Вот, дурак, за гроши попался. Прав был Серега, говорил, лучше с железяками заниматься, хорошие бабки иметь будешь...

– Кто такой Серега? – насторожился Гуров.

– Знакомый. Бывший мент.

– Так не бывает, – неожиданно сказал Гуров.

– Чего не бывает, – не понял Шубин, – чтобы из ментовки перли?

– После зоны ты у него на Тверской останавливался?

Лицо парня застыло, как картонная маска клоуна.

– Так вы его знаете? – Юрий откинулся на спинку стула, задумался. – Хорошо, – наконец сказал он. – Только я к его делам отношения не имею. Но Серега отличный мужик. И сейф он не брал, и парня не убивал. Вешают на него, гниды. Он только банкиров “обуд”, но те, акулы, не обеднеют... – Юрия затрясло от ненависти. – Серега прав, баксы взял и гулий.

– Ключи он делал? – спросил Гуров.

– Без понятия, чего он делал, а чего нет. Знаю только, за голову Сереги авторитеты десять штук зеленых объявили. И если узнают, что я с ним дела имел, меня и за любой колючкой достанут.

– Ты мне ничего не говорил, я ничего не слышал. И кто бы к тебе ни приходил: генералы, маршалы – ты разговариваешь только со мной.

Глава десятая

Удача. Вот уж повезло. Конечно, Бестаев парня обманул, ни к чему о своих трупах языком чесать. Но вот что за Бестаева авторитеты куш объявили, так то Ильи Ильича уши торчат.

Если братва за каждого убийцу станет баксами швыряться, никакого общака не хватит, без штанов останутся. Наверняка Гуров тысяч сто предложил, а с горки покатылось, уменьшилось.

Так рассуждал сыщик, припарковываясь у министерства. Единственное, что огорчало Гурова, – теперь ему живого Бестаева в жизни не найти. А мертвый кому он нужен?

К вечеру в кабинет Гурова и Крячко подтянулись Котов и Нестеренко.

– Наша группа распущена, и официально мы отстранены, – начал Гуров. – Вопросы?

– Будем работать или действительно разбежимся? – спросил Нестеренко.

– Если б я сегодня не повидал одного человека, то отправил бы вас, друзья, по домам. Но встреча состоялась, и фарш обратно проверить нельзя. С сегодняшнего дня наша работа является совершенно секретной, включая и Петра Николаевича.

— Напрасно. Сильного советника теряем! — заявил Станислав.

— Побережем генерала Орлова, чтобы его не порвали на стельки. И так, Валентин с Гришей здесь больше не появляются. Гуров и Крячко пишут положенные бумаги, служат. А ежели они чего не так сделают, так с них, полкашей, и спрос.

— Тем более что я про этих двоих такое знаю. — По лицу Станислава расплзалась слащавая улыбочка.

Оперативники рассмеялись. Гуров выждал, пока все успокоится, и рассказал о сегодняшнем разговоре с арестованным Юрием Шубиным.

Молчали долго.

— Чего задумались? — не выдержал Крячко.

— Станислав, вопрос на засыпку: среди обслуживающего персонала имеется подходящая для Сергея юбка?

— Для него, думаю, всегда отыщется.

— Нас интересует девушка, у которой была связь с Сергеем, — сказал Котов. — Он парень интересный, фасонистый. Полагаю, к девице, конечно, если мы ее найдем, следует отправиться мне. Мужичок я неприметный, девичьих ран не разбережу. Сергея ничем не напомяну. Придумаю легенду постелезливее, уверен, мы подружимся. И если Сергей через ее жизнь прошел, я узнаю.

Гуров согласно кивнул.

— Григорий, ты настоящий сыщик. Так, с одним решили, — он потер ладони.

— Нужен человек, в мастерской которого Сергей изготавливал ключи, — сказал Станислав.

— Имеется. Координаты его дали, — ответил Гуров. — Но учти. Он старый вор, человек мафии. Разговор с ним может не получиться.

— А если приоткрыться и на себя поманить? — предложил Станислав.

— Не стоит на него и время терять, — сказал Нестеренко. — Он колушается себе с железками... Может, еще принимает и передает информацию. Или держит небольшой общак. Ему тепло, сытно и спокойно, а главное, безопасно. Так зачем ему приключений на собственную задницу?

Гуров слушал отставного полковника и мысленно соглашался с Валентином, но одновременно понимал и Станислава. В жизни все бывает. Не попробуешь камень поднять — никогда не узнаешь, подьмен ли он.

— Хорошо, ребята, вы свободны. А мы со Стасом подскочим на Петровку...

Прибыв на Петровку, Гуров попросил оперативника вызвать арестованного Шубина на допрос.

— А я тебя знаю, — с порога заявил Шубин, указывая на Станислава. — Кажется, в восемьдесят шестом ты Филю в Марьиной Роще брал. Фамилию не помню, а зовут Стасом. Дай закурить.

— Как рука? — спросил Гуров.

— Кость не задета, а мясо заживет.

— Ты в подвале, где Сергей железо тачал, бывал?

– Ну? – Шубин задумался. – Прошлым летом заскакивали. Хозяин – хромой старик. В первый раз, когда меня увидел, обозлился. А потом ничего, отошел. Стал спрашивать, понял я, что зону он хорошо знает. А он понял, что и я не горбатый. Достал бутылку, махнули мы помаленьку. Ну еще пару раз встретились, а там у нас с Серегой и закрутилось. Меня в охрану взяли.

– Как думаешь, Юрий, дружок твой из Москвы подался? Или тут залег?

– Я о Сереге говорить не хочу. Темное дело.

– А когда ему поручили ограбить особняк, ты заказчика видел? – спросил Гуров.

– Откуда? Серегу полдня, как эстафетную палочку, передавали из рук в руки.

– Тогда почему знаешь?

– Я и не знаю ничего. Серега мне сказал, “стрелка” у меня забита, держись неподалеку, если бить начнут – поможешь.

– Никто его бить не собирался, и Сергей об этом знал. Кто ему слепок дал?

– Мы к тому времени полаялись и разбежались. Слава Богу, я к этому делу никаким краем.

– Да, Юрочка, странно все получается. – Гуров вздохнул, развел руками. – То ты в окно без оружия полез, то в нужный момент с другом полаялся. Ох ты, милая моя душа... – сыщик резко сменил тон: – Где Сергей? Кто его на Турова навел? Кто ваш человек в особняке?

– Лев Иванович, давай по-хорошему. Что ты на меня накинулся? Ну, не все говорю, признаю. Так все говорят дураки, потому как завтра покойники. На Турова его вывел, как его, запоматовал... Вроде Рудин, банкир... От него цепочка пошла, машины стали менять и всякое такое... А вот где Сергей? Его, почитай, вся Москва ищет.

Что-то в глазах Шубина мелькнуло, Гуров сделал вид, что не заметил, решил отложить разговор на завтра.

– Перерыв, Юрий. Отправляйся в камеру и вспомни, где прячется Сергей Бестаев. Я не прокурор, но за Бестаева вольную тебе гарантирую.

По крутой железной лестнице Станислав спустился в подвал, где располагалась мастерская хромого Митрича. Пахло сыростью, одинокая лампочка без абажура освещала комнату с косым потолком. Щербатый стол был завален инструментами, кусками жести.

– Добрый день, Митрич, – сказал Станислав, вытащил из-под стола пустой ящик, присел. – Серега давно заходил?

Митрич, сидя на низкой широкой скамейке, молча рассматривал незваного гостя.

– Ты извини, что мешаю, – продолжал Станислав, – но уж больно деньги нужны.

Митрич поднял голову, взглянул на Крячко с любопытством.

– На кой тебе деньги, от них забота одна. Ну, а ежели прижало, иди в банк, чего сюда приперся?

– В банке мне не дадут, – убежденно ответил Станислав.

— А тут дадут, — насмешливо сказал Митрич.

Станислав сидел, понурившись, после долгой паузы сказал:

— Серега говорил, к тебе можно обратиться, я, честно сказать, не верил, так зашел.

— Чаю выпьешь? — неожиданно спросил Митрич.

— Можво.

Хозяин снял с плитки уже горячий чайник, налил Станиславу в большую жестяную кружку.

— Ты когда его видел?

— По ранней весне, еще снег лежал. — Крячко шумно хлебнул. — В марте, наверное. Он, когда у меня служил, хороший малый был, потом закосил, легкие деньги искал.

— Он в апреле ко мне заходил, — сказал Митрич. — В порядке был, одежонка модная, сам ухоженный, чувствовалось, при бабе.

— Ну, это у него всегда имелось. Я знал одну, зашел, не застал.

— Это которая на Бронной живет? — поинтересовался хозяин.

— Нет, другая. — И Станислав сменил тему. — Сколько мы с Сережкой вместе пахали? В девяносто третьем враз обоих выгнали! Не по-людски. Значит, не одолжишь? — голос у Станислава дрогнул. — Я же не бож какой или пьяница. Перекручусь — верну.

— Деньги с неба не падают, — сухо ответил Митрич. — А сколько тебе?

— Да пустяк, штуку на пару дней. Сережку найду, он мне по старой жизни должен, вмиг верну.

— Небось, майором был? — Митрич сплюнул.

— Держи выше, да что тебе мое звание? Я о нем сам уже забыл.

Митрич из ящика с инструментами вынул толстую пачку денег, бросил Станиславу на колени.

— Отсчитай себе. Процентом не беру.

— Через неделю верну, если жив буду...

Митрич тяжело поднялся и зычно крикнул:

— Карась, пиво мне, да побыстрее! — Руку Крячко он пожал крепко. — Удачи. Серегу увидишь, скажи, что не по-людски старых корешей забывать.

— Спасибо, до встречи. — Станислав выбрался на улицу, зашагал в плотной толпе.

Конечно, слово "пиво" — маяк, и сейчас за мной двинулись такая "наружка", которой позавидовала бы любая спецслужба, — думал он. Уйти из этого района можно только на транспорте или на машине. Но сразу сесть в автомобиль для человека, только что занявшего деньги, просто смешно. Станислав спустился в метро, купил газету и поехал на другой конец Москвы, где его должен был ожидать Нестеренко.

За Станиславом шли трое парнишек лет по пятнадцати. Но проехав три станции, Крячко сумел легко оторваться от ребят. В обусловленном заранее месте он сел в серые "Жигули". Нестеренко озабоченно спросил:

— Все в порядке?

— Обязательно, как скажет шеф, — ответил Станислав.

Как и обычно, без пятнадцати девять, у подъезда дома, где жил Илья Петрович Рудин, остановились две машины. Впереди длинный с затемненными стеклами "линкольн", позади обычная "Волга".

Из подъезда вышел охранник. Осмотрев тихую улицу, заметил милиционера, заводившего мотоцикл, и стоявшего рядом с ним мужчину. Но значения этому охранник не придал, распахнул дверь подъезда, и появился Рудин, нырнул в темное чрево машины. Охранник сел на переднее сиденье, и кортеж медленно двинулся. Неожиданно навстречу "линкольну" выехал мотоцикл, развернулся боком и перекрыл машинам дорогу. Милиционер слез с мотоцикла и подошел к дверце водителя. Представившись, попросил документы. Водитель опустил стекло и залепетал:

— Ты что? Ты что?

Постукивая железом по лакированному крылу, инспектор лениво произнес:

— Водитель, я просил предъявить документы. А ну-ка, выйдите из машины.

Гуров подошел к машине с другой стороны, взглянул в заплывшие жиром глазки охранника:

— Перейдите в "Волгу".

Охранник заворочался.

— Илья Петрович, — обратился Гуров к хозяину, — нам следует поговорить наедине.

Еще не оправившись от шока, Рудин кивнул головой, и охранник исчез.

— Вот и прекрасно, — сказал Гуров, усаживаясь рядом с хозяином. — Да успокойтесь, никто вас не собирается похищать в центре Москвы. Я полковник Главного управления, старший инспектор по особо важным делам. Вам удобнее беседовать в машине или в моем кабинете?

— Можно в машине, — промямлил Рудин.

Ганшиник уехал, освободив дорогу.

— Позвоните своему секретарю, предупредите, что задерживаетесь.

— Я арестован?

— А вас есть за что арестовывать? — насмешливо спросил Гуров.

— Конечно, нет. Это все происки Турова.

— А кто такой Туров? — поинтересовался Гуров.

— Я буду жаловаться. Я с вашим министром в прекрасных отношениях.

— Не думаю, что его стоит беспокоить.

— С какой стати вы сели с мою машину?

— Вы хотели предупредить секретаря об изменении утреннего расписания.

— Ерунда какая! — Тем не менее бизнесмен позвонил секретарю. Сказал, что едет к врачу, так как неважно себя чувствует.

— Илья Петрович, сколько ошибок вы наделали за пять минут. — Гуров без разрешения закурил. Выдвинул пепельницу. —

Не спросили моего звания, не взглянули на документы. Так что возмущаться и задавать вопросы уже поздно.

— Лучше поздно, чем никогда. — Рудин нажал кнопку, и водитель остановил машину. — Кто вы и на каком основании допрашиваете меня?

Гуров протянул свое служебное удостоверение:

— Обращайтесь ко мне по имени-отчеству, так удобнее.

— А если я вообще откажусь с вами разговаривать? — Чувствовалось, силенок у Рудина прибыло.

— Имеете законное право, — согласился Гуров. — Но тогда мы поедем с вами в городскую прокуратуру, где вас официально допросят. Обратите внимание на нюансы. Здесь мы беседуем, а в прокуратуре... Я вчера вечером часа два ломал голову, как лучше организовать нашу встречу.

— Лучше для кого? — Рудин совсем ожил. — Естественно, думаю только обо мне. Как господина Рудина, дорогого, не скомпрометировать?

— За придурка держишь? — рявкнул Гуров. — Да имел я твое беспокойство! Я о себе, родимом, пекусь. Ты знаешь, что такое прокуратура? Железнодорожный вокзал, как в вагон сел — только вперед и назад, ни полшага в сторону. — Сыщик опустил стекло, закурил новую сигарету. — Илья Петрович, — совсем другим тоном продолжил он, — я с вами встретился, чтобы договориться, что мы будем с вами искать. А будем искать — Черта. То есть Бестаева Сергея Николаевича. Кстати, станем выяснять, за что вы ему аванс дали?..

— Нет. Я совершил ошибку и уже от идеи отказался.

— Вы совершили ошибку, а Сергей совершил убийство. И вы прямой соучастник. А вы говорите, прокуратура. Сейчас мы с вами побеседовали и забыли, — Гуров сделал паузу. — А прокуратура, это почти всегда — лесоповал. Никакие деньги и адвокаты не помогут.

— У вас нет доказательств, — уверенно произнес Рудин.

— Так ведь ни Бестаев, ни его напарник вас покрывать не будут. А учитывая заинтересованность в деле Турова, так и говорить не о чем.

— Насколько мне известно, Бестаева не могут разыскать.

— Что-то вам много известно по делу, Илья Петрович. Спасибо, что уделили так много времени.

— Вы наш разговор прокурору передадите? — спросил Рудин.

— К сожалению, разговоры к делу не подошьешь. Счастливо оставаться.

Глава одиннадцатая

Сергей Бестаев жил на скромной двухэтажной даче в Малаховке. Хозяева его когда-то были богатые и знаменитые. Богатство отняли власти, знаменитость съело время. А ведь всего полвека назад песни, которые они исполняли, распевала вся страна. Чуть не из каждого окна доносились их задорные уверенные голоса.

К своей даче супруги относились более трепетно, чем к городской квартире. Стены дома были увешаны афишами, имевшими ценность лишь для народных артистов — продать их было невозможно, а потому и украсть желающих не находилось. Однако супруги не сомневались: стоит им ступить за порог, как афиши тридцатых годов исчезнут со стен, икона, приобретенная в конце двадцатых ко дню их бракосочетания, бесследно исчезнет, и вообще, как оставить дом на зиму пустым в такое страшное время.

И тут, как по мановению волшебной палочки, явился сказочный принц, а согласно паспорту, Бестаев Сергей Николаевич. Он назвал хозяев по имени-отчеству, сказал, что музыкальные фильмы, в которых они снимались, оказали на его формирование как гражданина огромное влияние. А когда увидел ветхие афиши, то замер в восторге. Старые актеры были сражены наповал.

Позже пили чай. Сергей коротко рассказал о своей несложившейся жизни. С супругой пришлось расстаться, так как он материально ее не мог обеспечить. На последние деньги, что от родителей остались, купил квартиру в спальном районе, но дом сдают только к весне.

— У нас небольшая пенсия, — голосом комбрига произнес хозяин.

— Я за счастье почту, какие деньги.

В конце концов договорились. Народные артисты уехали. Сергей достал из рюкзака маленький телевизор, не подышать же здесь со скуки, вынул припасенную бутылку и стал думать, как жить дальше. Он был уверен, что менты с их "усердием" его не разыщут. Но ведь и это не жизнь. Придется подождать, пока пена оседет, а там посмотрим, решил он и начал трудовую жизнь. А она на даче была действительно трудовой — то вода закончится, то дрова.

Однажды он сунул руку в карман, где по его подсчетам должно лежать около миллиона, и выяснил, что там всего пара полтинников.

Он решил, что деньги оставил в другом пиджаке, но ехать домой было опасно. Слава Богу, сберегательная книжка и паспорт были при нем. При мысли, что придется ехать в Москву, на душе стало мутно. Не только ментов, вообще черт знает кого там можно встретить.

Два дня он не брился, затем взглянул в зеркало и довольно присвистнул: от щеголеватого Сережки Бестаева остался какой-то подозрительный тип, даже глаза куда-то подевались. Он запер гнездо "народных" и уверенно зашагал на платформу.

Удивительно, но, оказавшись в толпе, Сергей почувствовал себя уверенно. Развеселился. Найти человека в таком муравейнике совершенно безнадежно.

В сбербанке крашенная операторша спросила:

— Картошку убираете?

— Куркульские замашки тещи, — ответил Бестаев. — Чтoб эта дача сгорела. Копай да еще за деньгами бегай.

Через пять минут он уже вышел на улицу с деньгами, небольшими по сегодняшним дням, но в переводе на коньяк значительными.

И тут его кто-то дернул за рукав и тихо сказал:

— Сергей, а тебя и не узнать.

— Обознались, девушка.

Но Катя крепко вцепилась в тонкую ткань ветровки.

— Ты, парень, умом съехал, что так по Москве разгуливаешь. — Она затащила Сергея в ближайший подъезд. — Тебя не только менты ищут. Все авторитеты против тебя поднялись, награду объявили. Я решила, что тебя в городе давно нет, — быстро говорила Катя.

У Сергея похолодело внутри, девка говорила правду. Он не по словам судил, а по красным пятнам, которые расплзлись у нее по щекам.

— Откуда знаешь?

— Я с одним ментом сплю, который и вашим, и нашим... Все собираюсь кинуть его, да на улицу не хочется идти, а больше некуда.

Он осмотрел ее с ног до головы, прищурился:

— По виду не скажешь.

— Меня Гуров в фирму Турова устроил, да попросили вчера.

— Мне уехать надо, — прошептал Сергей.

— Через всю Москву на вокзал?

— Я же сюда добрался, так же и выберусь.

— Еще опером служил, — презрительно сказала Катерина. — Когда поезд приходит, с него двигает толпа, а садятся поодиночке. И смотрят отъезжающих, а не приезжающих.

— Куда же мне деваться, Катюша? Не век же в этом подъезде стоять.

— Ты хоть при деньгах?

— Куда же они делись? — Сергей решил соврать, пусть девка верит в миллионы.

— Та хреновина, которую ищут, в надежном месте?

— Не сомневайся.

— Покажи деньги, — потребовала Катя.

Сергей вынул пачку сотенных, полученных в сберкассе. Катя взглянула презрительно:

— Это ты называешь деньгами?

— Есть еще в других местах.

— Надо забрать все. Молись Богу, что меня встретил. Я твое прикрытие. Ищут одиночку, на нас вдвоем и не взглянут.

Встреча Катерины с Бестаевым не была случайной. Накануне, поздно вечером, оперативники держали совет.

— Дачи отпадают, я изучил карту,дохлое дело, — сказал Станислав. — Его можно взять только в городе.

— За продуктами и водкой идти еще рано, — возразил Котов. — Уж этим-то он запасся.

— Деньги всегда очень быстро заканчиваются. А носить крупную сумму с собой опасно.

— Деньги я бы положил в сбербанк, но не в один, а в несколько.

— Деньги, продукты, о чем вы говорите? Вспомните, наконец, о пистолете, — сказал Гуров. — Где пистолет?

— Ну, Лев Иванович. — Станислав развел руками. — Пистолет Бестаев выбросил.

— Где? Когда? Бежал по парку и по дороге в кусты зашвырнул? Собака уже давно бы нашла.

— Значит, пистолет взял кто-то из мужчин.

— Или женщин, — заметил Гуров. — Семейка та еще. Но ненавидят все они только старшего. Ведь банковские счета открыты только на него. Хочу — дам деньги, хочу — не дам. Считаешь, нормальный человек такое терпеть станет?

— Вы считаете, что убить должны были старшего, а не младшего? — спросил Нестеренко. И добавил: — И все-таки деньги у него должны уже закончиться.

— Я спрашиваю, где пистолет? — повторил Гуров. — Он может выстрелить вторично. А вы о деньгах... Кстати, в какой сберкассе, тьфу, банке, Бестаев схоронит свои деньги?

— Окраины города для него не годятся, — сказал Валентин. — Он пойдет в сбербанк в своем районе, но не возле дома. Опасно.

— И что, прикажешь дежурить во всех сбербанках округи? — спросил Станислав.

— Дежурить не надо, пошли Катерину, пусть днем погуляет...

Сергей снял деньги с обоих счетов. Они прошли Гоголевским бульваром, свернули в арбатские переулки. Возле одного трехэтажного дома Катя шмыгнула в подъезд, прижалась к стенке.

— Проверим, не притащили кого с собой. — Катерина старалась говорить спокойно, но когда закуривала, руки ее заметно дрожали. Сергей собрался выглянуть из подъезда, но она дернула его за ветровку, зашипела:

— Стой, придурок.

Они прошли черным ходом во двор, перелезли через какие-то бочки с краской и оказались в соседнем переулке. Вошли в единственный подъезд старинного дома. Поднявшись на второй этаж, Катя достала ключи, вошла в темную квартиру.

— Тетя Нина! Ты жива еще? — крикнула она.

Дверь одной из комнат открылась, в квадрате света появилась женщина неопределенного возраста и неожиданно низким голосом ответила:

— Мне-то еще жить и жить. А вот что ты, девонька, еще по белу свету шастаешь, то чудо. Никак с мужиком?

— Сережка не мужик, тетя Нина, школьный дружок.

Катя отперла свою дверь, кивнула Сергею. Он быстро прошел в большую светлую комнату с лепными высоченными потолками. Окна тоже были огромные, вверху полукруглые.

— Подожди меня здесь. Я в магазин смотаюсь. С теткой в разговоры не вступай. Она такая болтливая, что твоего молчания и не заметит.

— Комната чья? — спросил Сергей.

— Мой. От покойной матери осталась. Но живу я у отца. Он совсем плохой, за ним уход нужен.

— Так и крутишься? А клиенты?

— Устраиваюсь. Деньги давай.

Сергей протянул Кате пачку сотенных. У входных дверей Катерина крикнула:

— Теть Нин, я в магазин, надо чего?

— Всего. В холодильникедохлая мышь валяется. Да бутылочку красненького мне не забудь.

Через час они сидели за столом, еда было вдоволь, но без изысканств. Простая закуска, бутылка красного и бутылка водки.

Когда выпили по рюмочке, тетя Нина сказала:

— Люблю я тебя, бесовку. Вот стол накрыла... Хорошая ты баба, Катерина. И все при тебе, а мужика нет, — и пошла причитать.

Катя соглашалась, кивала головой, а сама думала: надо звонить Стасу. Сергею не спастись. Если ментовка возьмет, так только посадит, а если ворье накопает, то в лучшем случае сразу голову отрежут. А если попытаться вздумают, где миллионы долларов? Может, Турову позвонить? Ну уж нет, сучий потрох, он ее, как грязную тряпку, за порог вышвырнул, а она ему такие подарки делать будет? Остаются Стас с Гуровым. Все, что могут, они делают. Но что они могут? За решетку посадить. А там уж другая власть.

Тетя Нина выпила еще рюмку.

— Проводи, Катюша, ноги совсем не держат.

Катя взяла ее под руку, прихватив со стола бутылку красного. Усевшись на тахту, тетя Нина спросила:

— Чего мы с твоим будем делать?

— А чего с ним делать? — удивилась Катя. — Поживет дня два и уедет.

— А может, он беглый? Или похуже чего? Сама говоришь, давно его не видела. А с другой стороны, у него деньги имеются... Могли бы и мы пожить чуток. Как полагаешь?

— Утро вечера мудренее, так и полагаю.

Сегодня у Хромого заказ был пустяшный: сделать копию серийного ключа. Закончив работу, он выполз из своего подвала. Встал в проеме двери, опираясь на костыль, оглядел дверь. Подползла старая мухоморка, хотя сигаретами у метро торговала, а окурочек у ноги Митька подняла. Он знал, за ларек зайдет, выбросит. Но надобно засветиться перед барином, может, что и перепадет. Бабке повезло. Митек сунул ей полтинник, толком не рассмотрев купюру. Старушенция мгновенно испарилась.

— Совсем плохой стал, — вздохнул мастер, поняв, с какой бумажкой расстался, — деньги на ощупь не чувствую.

Подлетел пацан по кличке Блоха. Все время прыгал, уши больше головы и красные.

— Командир, дело, — прошептал он.

— У каждого дело, излагай. — Хромой начал заряжать папиросу смесью табака и анаши. Курить на рабочем месте он себе не разрешал.

Чуть в стороне стоял Станислав. Раздумывал, заходить сейчас к "пахану" или еще рано.

— Слушаю. — Митька зажег самопал, затянулся. Мальчонка ужом проскользнул в мастерскую.

Митька знал, такое Блоха мог себе позволить только в случае пожара. Пыхнув папироской, он тяжело вздохнул и спустился следом. Станислав бесшумно остановился у входа в подвал, прислушиваясь.

— Ну, что скажешь? — раздался голос Хромого.

— Серегу Черта видел.

— Где? Когда?

— С полчаса, на Калининском он прошел переходом, потом по Гоголевскому, тащил пьяную девку.

— Не ошибся?

— Я Серегу не знаю? Одет будто из помойки выбрался.

— Куда же он с Гоголевского девался?

— В какой-то дом вошел...

Станислав подошел к стоявшему за палаткой Нестеренко.

— Пожар. Мальчишка, кажется, нашел Бестаева. Видел пацана, что в подвал спустился? Появится, что хочешь делай, но отнеси его в отделение. И никаких контактов с посторонними. Да и с нашими ментами один на один не оставляй.

Нестеренко приподнял руку, которая была еще на перевязи. Станислав выругался — о чем они все думали раньше. Посмотрел другу в глаза и твердо сказал:

— Валентин, это твои проблемы.

Пробежав квартал, он отыскал таксофон, набрал номер Катерины. Когда она ответила в трубку, заорал:

— Ты чего выделяешь? Думаешь, его убьют, а тебя оставят?

Катерина всхлипнула.

— Немедленно двигайте к Пироговке, по ней до Садового, думаю, я вас там перехвачу. Давай!

Тут же набрал номер машины Гурова, услышав ответ, спросил:

— Ты где находишься?

— На Пресне.

— Значит, ты ближе. По Пироговке идут Бестаев и Катерина, думаю, их уже преследуют, собирай людей.

Но Катерина рассуждала иначе. Стас дурак, им с Сергеем не пройти Гоголевский, тем более не свернуть на Пироговку. В лучшем случае пристрелят... И чего она тянула, на что рассчитывала? Она положила в сумку хлеб, остатки закуски и бутылку водки.

— Сергей, если ты мне веришь, идем со мной. Иначе уйду одна, мне ваши дела неинтересны.

— Чем здесь плохо? Куда пойдём?

Катерина открыла дверь.

— Решай, жду одну минуту.

Сергей пожал плечами, вышел за ней на лестничную площадку.

Катерина не пошла на улицу, а начала подниматься по лестнице. На третьем этаже ключом открыла дверь, пропустила Сергея. Войдя следом, громко сказала:

— Олег Иванович, это Катя, поесть принесла.

Поняв, что быстро Гурову на Пироговку не успеть, Станислав позвонил дежурному, сообщил, что, по агентурным данным, на Гоголевском сейчас начнется бандитская разборка.

— Станислав, днем, в центре города, где полно людей... Сам подумай.

— Подумал. Твой аппарат мое сообщение уже записал...

Илье Турову позвонили. Абонент, не представившись, сказал:

— Интересующий вас человек находится на Гоголевском бульваре. По моим сведениям, об этом знает половина Москвы.

— Его убьют?

— Может быть. Но делом занимается полковник Гуров, и я ни в чем не уверен.

Туров положил трубку и в который раз подумал, что совершенно напрасно поспорил с гонористым сыщиком.

Во двор влетели два "джипа", в которых сидели кавказцы. Они громко разговаривали между собой, явно не зная, какой дом им нужен. Вид у ребят был воинственный и растерянный одновременно. Почти следом за ними вкатился милицейский УАЗ с двумя молоденькими сержантами. Увидев "джипы", милиционеры остановились метрах в двадцати от них. Картина получилась внушительная. Сразу же начали захлопываться форточки и окна, словно стекло могло прикрыть от пуль.

Сержанты совещались между собой.

— Чего теперь делать? — спросил один.

— Проверим документы. Доставим в отделение, как и приказано.

— Ты проверь, а я тебя прикрою, — сказал сержант, на груди которого висел "Калашников".

— Со спины? Я же буду стоять между вами. Ты меня прямо между лопатками и прикроешь. — Он включил рацию: — Второй, я седьмой, прибыли на место. У объекта находятся два "джипа", восемь "черных". Оружие не торчит, но скорее всего вооружены.

— Раскорячились, мать вашу так, окружить следовало...

Сержант выругался.

— Живы будем, научишь, как восьмерых вдвоем окружать.

— Ты как со старшим по званию базаришь, салага?

Вся эта история глупостью бы и закончилась, но нервы у одного из кавказцев не выдержали, и он выпустил длинную очередь в воздух.

Сержанты вмиг выпрыгнули из машины и начали палить по "джипам". Бандиты ответили несколькими очередями. Раздался истошный вопль.

Крячко спасло то, что его "мерседес" оказался позади милицейского УАЗика.

— Сержанты! Говорит полковник! Слушать команду! — заорал он не своим голосом.

Из "джипа" полоснула автоматная очередь, закричали на незнакомом языке. Затем уверенный голос отдал какие-то команды, моторы "джипов" заработали, и машины начали разворачиваться.

— Они же поцарапают мою ласточку, — всполошился Крячко. — Не позволю.

Он прыгнул на капот УАЗика, неторопливо прицелился, выстрелил и тут же спрыгнул на землю.

Конечно, если бы кавказцы знали Москву, то бросились бы в ближайший подъезд и через черный ход ушли бы дворами.

— Оружие на землю, руки за голову. По одному ко мне, — командовал Крячко.

Глава двенадцатая

— Снова война? — спросил старик, лизнув водочки и расправив костлявые плечи.

— А тебя на подвиги потянуло? — усмехнулся Сергей.

— Ты чего улыбишься, арестант? Я мужик здоровенный был, пока немец не укоротил. — У хозяина одна нога была ампутирована по бедро. — Мне бы специальный ботинок, я бы еще за бабкой бегал.

Выстрелы доносились из-за дома, который отделял их особняк от бульвара.

— Это не тебя, случаем, ищут? — прищурился хозяин.

— Ага, танковую бригаду двинули.

— Умолкни, — прикрикнул старик. — А чего ты, дока, ко мне залетела, когда у тебя комната этажом ниже? — Глаза у хозяина стали недобрыми.

— Поешь, — Катя сунула ему миску с кашей. — Чего допросы устраиваешь...

Хозяин послушно съел свою кашку и подвинул Сергею стакан.

— Налей, сынок.

В нижнюю квартиру стали звонить, затем застучали.

— Катерина! — раздался голос Крячко.

— Опять нажрался! — Катя дернула плечом. — Вот от него и сбежала, — взглянула она на хозяина. — Будешь голосить, куска хлеба не принесу.

— Напугала, — фыркнул хозяин.

Внизу продолжали стучать, затем в их дверь позвонили. Катя бросилась к старику, пытаясь закрыть ему рот, но не успела.

— Здесь они! Здесь!

— Откройте! Милиция!

Сергей бросился к окну, третий этаж его не смущал, но на тротуаре стояли милиционеры.

В комнату вошли Гуров и Крячко, последний деловито достал наручники.

— Успеем, — сказал Гуров и обратился к Бестаеву: — Сергей, ты почему по Москве бегашь? Я что тебе, мальчик? — И тут Гуров заметил хозяина. — Змей? А ты как сюда попал?

— Проживаю на собственной площади согласно прописке, — ответил старик.

— Я не знал, что у тебя нора есть, — удивился Гуров. — Наверное, соседям рассказываешь, что у тебя ногу фашистской миной оторвало. Как будто ты не прыгал с чужим кошельком в зубах на станции Сходня? Тесен мир, — хохотнул Гуров.

— Еще посмотрим, чей смехок будет последним! — вызывающе произнес Змей.

И как в воду смотрел. Крячко с Бестаевым первыми спустились во двор и направились к милицейскому УАЗу. Когда Гуров вышел из подъезда, то первое, что он увидел, — смешные завитушки на затылке лежащего на асфальте Станислава. Сыщик рванулся к другу и рухнул рядом.

“Ряженные” менты так внимательно следили за Гуровым и Крячко, что напрочь забыли о Сергее. Когда опомнились, парня рядом не было, он испарился.

Доверенное лицо Турова, майор Дубов, в операции не участвовал. Приехал, когда все было закончено. Сержанты, работавшие на корпорацию Турова, Дубова не любили и сейчас тихо ликовали, что захватили полковников в отсутствие майора. Узнав, что Бестаева среди задержанных нет, майор чуть не упал в обморок. Но он был опытный мент и понял, концы можно убрать только одним способом. Забрав у сержантов автоматы, предложил им сесть в УАЗик и расстрелял обоих в упор. Затем из своей машины позвонил Турову.

Тот выслушал доклад спокойно.

— Раненых офицеров отвезите в Склифосовского. Милицескую машину отгоните за город и взорвите. Она никакой экспертизы не выдержит, — и неожиданно успокоил майора. — Да ничего страшного не случилось. Имели трех врагов, теперь остался один.

— Но полковник Гуров... — забормотал майор.

— Он не наш человек. Ему полезно отдохнуть, а не лезть в пекло.

Результаты боя доложили генералу Орлову. Он не поверил своим ушам.

— Чтобы два лучших офицера дали подойти к себе сзади да еще оглушить себя! Никогда! Нет!

Генерал вызвал к себе Нестеренко и Котова, сухо пересказал содержание рапортов. Оперативники в один голос заявили:

— Исключено.

— Я догадываюсь, что там могло произойти, — сказал, немного успокоившись, Орлов. — Я на местное отделение милиции давно зуб имею. Вот что, у вас имеются два оперка... Тиша... Миша... Установите круглосуточное дежурство в палате. В Склифе мой давнишний дружок работает. Каким-то начальником или главврачом, черт их там разберет. С него должок двадцатилетний

имеется... Так что не стесняйтесь. Если он парней на ноги быстро поставит, я его прощу.

Заместитель министра генерал-полковник Владимир Сергеевич Ушаков пригласил к себе Орлова. На огромном полированном столе лежала пухлая папка.

— Ну, и что пишут? — поинтересовался Орлов и продекламировал: — «Бестаев был практически схвачен доблестным нарядом отделения, когда в дело вмешались взывшиеся невесты откуда полковники Главка. Начали давать указания. Нападавшие опомнились, открыли огонь из восьми стволов, в результате чего офицеры Главка были сбиты с ног, а экипаж отделения полностью погиб!»

— Примерно так, — сказал замминистра.

— Я пишу рапорт на ваше имя, господин генерал-полковник. Прошу провести служебное расследование. Некоторые события явно не вяжутся между собой. К примеру, не могу понять, каким образом рядовые были застрелены, а офицеры лишь оглушены?

— Версия просматривается достаточно просто, Петр Николаевич.

— Если вы имеете в виду предательство Гурова и Крячко, то об этом никто не посмеет даже подумать и тем более написать, — резко ответил Орлов.

— Однако посмели. И достаточно убедительно.

— Жильцы дома?

— Нет, зеваки с бульвара.

— Открытое лжесвидетельство. Я это место прекрасно знаю. С бульвара не видно, что происходит во дворах. Этот уникальный свидетель не ткнул носом в траву, а оказался акробатом и забрался на дерево?

Генерал-полковник рассмеялся:

— Дорогой Петр Николаевич, я же не говорю, что верю в свидетельские показания. Лишь упомянул, что таковые существуют.

Имелись три свидетеля, чьи показания порочили сыщиков. Но стоило материалам переехать из отделения милиции в прокуратуру, как двое свидетелей исчезли, а третий, поговорив с Драчем минут двадцать, попросился в туалет. Вернулся он в кабинет с сильным запахом алкоголя, быстро начал пьянеть и свалился под стол.

Стало ясно, обвинения против Гурова и Крячко слепили на скорую руку, причем «лепилы» так торопились, что вскоре сами не смогли разобраться, какая у них правая рука, а какая левая.

Через сутки после событий на загородном проселке обнаружили остов обгоревшего УАЗика и два трупа, которые с трудом удалось идентифицировать. Генерал Орлов, уверенный, что его уже ничем не удивишь, неожиданно понял, что смерть сержантов и организованный взрыв УАЗика подорвали первую ступеньку во дворце Мафии. И за поводок овчарки, тянущей по следу, держится именно он, генерал Орлов.

Сделать слепки ключей от сейфа Бестаеву помогла горничная Турова, которая была по уши влюблена в Сергея.

Бестаев получил слепки, изготовил ключи, и тут выяснилось, что для совершения кражи этого мало. Не хватало характера. Дух у Сереги оказался не тот. Он отдал горничной задаток, полученный от Рудина, и поставил на задуманном крест. И тут понял, что ключи тоже имеют цену. И лучшего покупателя, чем сам Туров, не найти. Он положил связку ключей в камеру хранения одного из вокзалов, позвонил Турову и сказал, что если в камере номер тринадцать добрый человек найдет сто тысяч долларов, то Илья Ильич Туров в камере пятьдесят пять обнаружит связку ключей от своего загородного кабинета и сейфа. Задолго до назначенного обмена Бестаев занял удобную позицию наблюдения за камерой пятьдесят пять.

Давно известно, дуракам везет. Вскоре Бестаев увидел оперативника, с которым когда-то работал. Через несколько минут другого. Развития событий Бестаев ждать не стал, уехал.

Генерал в накинутом на золотые погоны белоснежном, хрустящем от крахмала халате отправился в сопровождении дежурной медсестры в палату.

— Что же вы без цветов, господин генерал? — спросила сестричка. — Им уж тут носят, носят.

— А я несу себя, что очень даже много.

— У них даже заместитель министра был, — не унималась девушка. — С цветами, между прочим. А уж простых-то генералов мы тут за эти дни навидались... Так что вы, господин генерал, и в первую десятку не входите.

— Я, дочка, для этих паршивцев самый наиглавнейший генерал. Единственный! То все были сослуживцы, а я — отец родной.

Гуров и Крячко сидели на кроватях, увидев Орлова, вскочили.

— Отставить, всем лежать! — гаркнул Орлов.

— Накмандуешься еще. — Гуров обнял друга.

Орлов довел сыщика до кровати, затем обнял Крячко, тоже уложил в койку.

Генерал поставил стул между кроватями, занял превосходщее положение. Головы сыщиков был упакованы в марлевые шлемы, и видеть друг друга они могли только лежа на боку.

— Не уверен, что меня уже можно допрашивать, — заявил Станислав. — Волнение. Давление. Совершенно непредсказуемые последствия.

Орлов согласно кивал.

— Допрашивать нас я не собираюсь. Вы лежите и слушайте. Наконец-то я смогу высказать все, что о вас думаю, без ваших возражений и плоских шуточек. Молчите? Очень хорошо! — Орлов сцепил толстые пальцы на животе и довольно улыбнулся. — Я не стану комментировать ситуацию, — начал он, — когда два ведущих сыщика Главка одновременно подставили свои головы и оказались в нокауте. Поговорим об ином. Судя по отношениям между родственниками, дело это чисто семейное. Однако затронуты определенные финансовые круги в России и даже в Европе.

Потеряв коды и прочие заморочки, в которых я ничего не понимаю, Туров практически парализован и не способен защищать свой участок фронта.

— Наша задача — разыскать Бестаева, а не заниматься анализом чужих проблем, — сказал Станислав.

— Насколько мне известно, Бестаева разыскивают несколько человек, наших позиций в данной работе я не вижу.

— Вы бы, господин генерал-лейтенант, распорядились, чтобы нас выписали. Ведь держат из чистой перестраховки.

— Сколько надо, столько и пробудешь здесь. Взгляни на Льва Ивановича, лежит и глупости не бормочет. Знает, толку от него, — что в кабинете, что в койке — одинаково.

— От бессилия чего не выслушаешь. Прощаю, — глухо произнес Гуров. — Нужен нестандартный агентурный подход. Если бы Бестаева могли найти, его бы давно зарезали. Все, что мы знаем, авторитеты знают не хуже нас. Потому информацию надо получить там, где они считают, что никакой информации нет.

— И ты знаешь? — настороженно спросил Орлов.

— Предполагаю. Я должен выписаться сегодня, а завтра часиков в пять быть уже на месте.

— А я? — Станислав сел.

— Как себя вести будешь.

— Я пошел договариваться с врачами, вам дадут снотворное, будете спать четырнадцать часов. Ночью я за вами вернусь.

В три утра сыщики покинули свои палаты. Вышли во двор клиники, где стояло "пежо" Гурова. С Орловым попрощались молча, сухо обменялись рукопожатиями. Генерал в служебной "Волге" укатил первым. Станислав сел за руль, Гуров на заднее сиденье, и машина мягко покатила на улицу.

В Хлебном переулке, что неподалеку от Поварской, находился нужный им дом, но Станислав не затормозил возле него, а свернул в сторону Скатертного. Остаток пути проделали пешком. В подъезд вошли с интервалом в пару минут, но переулки были пусты, даже дворники еще не взялись за свои метлы.

Гуров не позвонил, а поскреб ногтем дверь, через минуту в квартире зашаркали, "глазок" затуманился. Гуров приложил к "глазку" свое удостоверение, убрал, дав хозяину возможность осмотреть себя.

Замки хозяин открывал долго, когда осталась одна цепочка, дверь приоткрылась, и мужчина тихо потребовал:

— Ну-ка, давай сюда свою ксиву.

Гуров молча отдал удостоверение. Дверь вновь захлопнулась, через секунду бесшумно распахнулась. Дмитрий Судин по кличке Хромой, или просто Митрич, опираясь на костыль, посторопился, пропуская незваных гостей.

— Сам полковник Гуров, кому скажи — не поверят. Я думал, в такую пору только бомжи шастают, — хозяин прошел в комнату. — Располагайтесь, в доме курят.

— Здравствуйте, Дмитрий Степанович, надеюсь, не слишком рано? — Гуров подошел к окну, задернул шторку.

Хозяин быстро оделся. В хорошем костюме и свежей рубашке, он совершенно не походил на мастерового из подвала, даже морщины на его задубелом лице, казалось, разгладились. Он поставил на стол самовар, бутылку "Смирновской", тарелку с дорогой колбасой, чашки, стопки.

— Значит, не добились вас... Оно и к лучшему. Тебя, — он ткнул пальцем в Крячко, — я тогда сразу расколол.

— А я и не темнил, Митя не тот человек, чтобы ему лапшу на уши вешать, — ответил Станислав.

— Мыслишь правильно, а в каких чинах будешь? — хозяин наполнил стопки.

— Полковник, — ответил Станислав.

— Ну, со свиданьем, дорогие гости. Два полковника ко мне еще не заходили. Как понимаю, вам нужен Серега. Он, грешный, сейчас всем нужен. Только заглянув в такую рань поднялись, не знаю я, где он ошивается. Так что, извините, пустые у вас хлопоты.

— Случается, Дмитрий Степанович. — Гуров чокинулся со стопкой хозяина. — Не всегда карта в масть, другой раз и вразрез купишь.

— Тот случай, — кивнул хозяин и выпил.

Гуров понял по его тону, что знает мастер, где его подмастерье обитает. Знает, но вора не отдает, хотя и рискует своей жизнью.

Хозяин начал разливать чай.

— Лев Иванович, положи руку на сердце, признайся, надоело тебе воров ловить? — спросил Митрич. — Это столько лет одно и то же, с ума сойдешь!

— Надоело — не то слово, Дмитрий Степанович! — Гуров провел пальцем по горлу. — Но я ничего другого делать не умею. Правда, случаются праздники, они мне душу согревают, человеком делают.

— Какие праздники? Это когда ты живого человека в железную клетку упрячешь?

— В прошлом году я парня одного от смерти спас. Запутали, засадили невинного, а я его на волю вытащил. — Гуров выпил чай, продолжил: — А вот тебе рядовой случай. У бабки золотишко украли, на громадную сумму... — он запнулся, вспоминая.

— Семьсот тридцать четыре рубля сорок копеек, — подсказал Станислав.

— Крохоборы, — хозяин нахмурился.

— Среди украденного крестик был, память о муже...

— Брось, Лев Иванович, неловко, словно хвастаемся, — сказал Станислав.

— Так женщина Стасу руки целовала, — закончил Гуров.

Хозяин молчал, смотрел в пол.

— Действительно, что-то я не о том. Черти вас принесли, — наконец сказал Хромой. — Не знаю я, где Серега.

— Врешь! Скажи прямо, знаю, да не скажу. А ведь Сергей — хороший парень, дурак только. Но тут его вины нет, таким мать родила, — сказал Гуров. — И кровь его будет на тебе, Дмитрий Степанович.

– А если я тебе его отдам, так на мне будет венок...

– Ничего не будет. Даже слова хорошего о вас никто не скажет.

Хромой налил себе полную рюмку, выпил и неожиданно для сыщиков назвал место, где обитал Бестаев.

– У вас времени до десяти утра. Уходите.

Котов, Нестеренко и, несмотря на протесты генерала, Крячко подъехали к солидному дому на проспекте Мира. Из сопровождавшей их “Волги” вышел мужчина в штатском, начальник отдела МУРа.

– Стас, ты никаких сюрпризов не ждешь? – спросил он.

– Если дело будет ставить авторитеты, а не “черные”, то в десять утра никто не полезет, – ответил Станислав. – Машины отгоните, сутолока ни к чему. Пусть твои ребята перекроют подъезд, мужчин, входящих после нас, не пропускать. Мои парни пройдут на этаж выше, давай свою почтальоншу.

Женщина из отделения связи, которая обслуживала данный подъезд и в доме ее все хорошо знали, позвонила в дверь.

– Вам кого?

– Ася, ты? – спросила почтальонша. – Тебе тут какой-то хахаль из Сочи триста тысяч рублей прислал.

– У кого это лишние деньги? – удивилась Ася.

Дверь открылась.

В квартиру влетели оперативники. Бестаев обреченно протянул руки.

– Ну, если тебе так хочется, – сказал Станислав и защелкнул на нем наручники.

В огромной гостиной у круглого инкрустированного столика в креслах с витыми ручками сидели Елена и Олег Туровы. Олег перебирал четки из черного блестящего дерева, Елена раскладывала пасьянс.

Туров расхаживал по дому, но гостиную старательно обходил. Наконец, Елена не выдержала, встала, подошла к бару.

– Илья! – крикнула она. – Хватит театра. Иди к нам и расскажи, что произошло.

Туров картинно остановился на пороге. В смокинге с вишневой бабочкой он походил на провинциального актера, который болтается среди дорогих декораций, не зная, чем себя занять.

– Теперь ты видишь, что деньги раздавили нашу семью, – сказала Елена. – Нас осталось трое, и мы ненавидим друг друга.

Неожиданно тихим, проникновенным голосом Туров спросил:

– Олег, за что ты убил Игоря?

Тот недоуменно уставился на брата:

– Ничего глупее не придумал?

– Где ты был в ночь с шестого на седьмое?

– Мы обсуждали этот вопрос тысячу раз, я не желаю снова отвечать на него.

– Тогда ответишь в прокуратуре.

— Прекрати, это даже не смешно. И Татьяна допрошена, и ее мать...

Олег порвал четки, и костяшки защелкали по зеркальному паркету.

— Кто-то, используя данные, хранящиеся в похищенном у меня сидироме, грабит банки, скупает акции за бесценок. На бирже банка.

— Не сходи с ума, Илья. Олег далеко не подарок, но убить Игоря он не мог.

— Почему? — Туров пожал плечами. — Если он убил свою невесту и ее мать, то почему не мог убить родного брата.

— Что ты сказал? — Олег вскочил.

— Я ждал, что ты признаешься, и мы вместе будем искать выход, — сказал Туров. — Вчера ночью женщины были убиты. Кстати, киллера тоже застрелили. Не понимаю, где наш хваленый Туров? По моим расчетам, он давно должен находиться здесь.

Туров вплотную подошел к Олегу, взял его за ладканы пиджака.

— Я сделаю все, чтобы тебя не посадили, подонок. Но деньги, которые ты занял под приданое Татьяны, тебе придется отдавать самому. Понял?

Помощник прокурора Федул Иванович Драч сидел в своем кабинете, перелистывал страницы уголовного дела. Туров и Крячко внимательно, как школьники на учителя, смотрели на него.

— Я вами недоволен, мальчики, — нарушил молчание Драч. — Мы не имеем права тратить столько времени и сил на несложное, в общем-то, дело.

— Так мы же время тратим, Федул Иванович, — ответил Туров. — Прокуратура лишь провела осмотр да допросила человек двадцать, и всех делов.

— Между прочим, на тебя еще три анонимки пришли. Теперь тебя обвиняют не во взятках, а в соучастии. Ты знаешь, что Олег Туров скрылся? И ты якобы помог ему...

— Интересно, — вяло ответил Туров.

— Я за последние дни разве что с Президентом не познакомился. Сегодня поутру ко мне заявился лично заместитель министра финансов. Полчаса объяснял, какие суммы уходят на Запад, какие кредиты заморожены и что конкретно нас ждет завтра. И, конечно, во всем виновата прокуратура.

— Можно подумать, что с вас шкурку снимают впервые.

— Но малого-то прозевали, розыскники!

— Допустим, я сейчас Олега Турова привел бы в этот кабинет, — выражение лица Турова стало мечтательным, — и что бы вы с ним стали делать, о чем беседовать?

— Да такая мямля раскололась бы вмиг. А уж добыть доказательства — дело техники! — ответил Драч.

— Мямля убивает родного брата, невесту и будущую тещу, затем на пустом месте, без единого доказательства признается в содеянном. Какая противоречивая натура!

— Доказательства добываю я, а подозреваемого приводишь ты.

— А как обстоят дела с доказательствами против Бестаева? — мягко спросил Гуров. — “Не знаю”. “Не видел”. “Не был”. Даже изготовление ключей отрицает. Если он наймет адвоката, вы его завтра на волю выпустите. — Гуров сочувственно вздохнул.

— Тут наша общая ошибка, Бестаев — пятое колесо в телеге. Обмишурились.

— Не может быть! — заявил Станислав. — Если парень к делу никакого отношения не имел, авторитеты на него не вздыбились бы. Ему в камере объявили, слово скажет, удавят. Он будет молчать до последнего вдоха.

Драч закрыл папку, аккуратно выровнял листочки.

— Вы что же из меня старого дурака делаете? Что-то знаете? И молчите!

— Федул Иванович, вы как полагаете, мы вправе иметь свои секреты?

— Что ты ползешь, как по тонкому льду? Не бойся, не замочишься.

— Я вас боюсь замочить, — ответил Гуров.

— Меня оберегать поздно, я свое отбоялся! — Драч повысил голос. — Бережливый нашелся!

— Я не за вас, за себя боюсь, — спокойно ответил Гуров. — У меня есть основание подозревать, что многие высокопоставленные шишки кровно заинтересованы в результатах нашей работы. Поэтому вам, дорогой Федул Иванович, лучше ничего не знать, а ждать, пока менты свое дело сделают. Если ошибутся, сами и ответят.

— Ну ты и дипломат, — заметил Крячко.

На следующий день Гуров, вынимая из почтового ящика газеты, обнаружил нестандартный изящный конверт. Почерк был женским, обратный адрес отсутствовал.

Гуров вскрыл конверт.

“Уважаемый Лев Иванович! Мне крайне важно вас сегодня увидеть. Буду ждать в девять вечера в кафе...” Далее следовал неизвестный Гурову адрес. Судя по всему, кафе находилось где-то на окраине. И приписано: “Прошу вас прийти одному. Елена Турова”.

Что за детские игры, подумал Гуров. Он позвонил Елене на квартиру. Трубку никто не снял.

Тогда Гуров связался с Крячко.

— Жди, я сейчас буду. Разыщи Нестеренко и Котова.

Когда оперативники собрались, Гуров коротко обрисовал ситуацию, показал письмо:

— У кого имеются соображения?

— Убийца принимает тебя за дебила. Собирается завлечь в темный угол и там прикончить, — сказал Станислав.

Оперативники переглянулись. Гриша Котов спросил:

— Лев Иванович, а почему вы не поедете к Туровой домой и не скажете простыми словами, мол, милая дамочка, мы с вами не в прятки играем. Трех человек уже убили, и я не хочу быть четвертым. Вы хотели поговорить со мной, я вас слушаю.

— Ай да Григорий! — воскликнул Станислав.

– Убийца не считает вас недоумком, Лев Иванович, – продолжил Котов. – Напротив. Умным, осторожным сыщиком. Но он видит в вас и недостаток. Вы человек самолюбивый и крайне самоуверенный.

– Во дает! Я четверть века не могу такие слова выговорить, – заявил Станислав.

Гуров покраснел.

– У меня есть и другие недостатки, – пробормотал он.

– Есть, – согласился Котов. – Упрямство. В девяти случаях из десяти оно приводит вас к успеху. И это тоже учел убийца. Он прекрасно вас изучил. Вы же всегда идете до конца. Чем отличается настоящий талант от человека очень способного? Он берется решать задачу, которая всеми давно признана не решаемой.

– Ты не подслащай мне пиллюлю, Григорий. Я и так проглочу, откашлялся сыщик.

– В общем, мое мнение – ехать в кафешку нельзя. Мадам следует перехватить по дороге. Все, что она знает, и так скажет.

– Спасибо, Григорий, за заботу обо мне, – ответил Гуров. – Одно плохо, а если мадам ничего не знает? Если встречу в кафе назначает не Елена Турова, а человек, располагающий какой-то информацией? Бойтса, потому назначает место встречи в захолустье. Может, у него с убийцей личные счёты.

– А возможно, там заготовлен коллективный могильник, – добавил Станислав.

В разговор вмешался Нестеренко:

– Если существует опасность, следует сначала определить, какова она. Какие бы ни были расчеты у убийцы, он не сомневается – опытный сыщик один не поедет. Прятать в переулках подразделение ОМОНа тоже не станет. Значит, с ним будут три-четыре оперативника. А они могут находиться и на кухне, и на чердаке, и в кладовке. Вероятнее всего, этот сарай начинят взрывчаткой, сровняют с землей. А сами будут сидеть за тысячу верст, играть в карты и пить водку.

– А мадам? – спросил Котов.

– Гриша, кому она нужна? – ответил Станислав. – Кого из семьи пощадил?

– Не ездить туда, не искать приключений, – уверенно сказал Нестеренко.

– Если мы не вступим в драку, то никогда не найдем убийцу, – Станислав повернулся к Гурову. – Лев Иванович, тебе решать.

– Разверните карту, – сказал Гуров. – Начнем с конца. Убежден, если мы разминировем кафешку, нас все равно попытаются прихлопнуть. Поэтому определим, как мы из того района уйдем. Сколько машин? Видимо, три. Я за рулем машины Елены. Мне нужен отличный стрелок на заднее сиденье.

– Предлагаю Тихона, – сказал Котов. – Крепкие нервы, прекрасно стреляет да и водит отлично.

– Ты меня вычеркиваешь из истории? – возмутился Гуров.

– Простите, Лев Иванович, но вам лучше на заднем сиденье прилечь, а не дразнить гусей.

– Верно, не увидя Гурова, они подрастеряются.

— Имеется вопрос, который я не знаю, как решить, — сказал Гуров. — Необходимо обесточить нужный нам участок. Тогда мы можем послать в кафе саперов. Они под видом электриков проверят проводку и все остальное.

Котов закрутился на стуле.

— Гриша, телись, — подбодрил его Станислав.

— Ну, есть у меня очень толковый электрик. Когда-то он работал в том районе на подстанции. Но сейчас я не знаю, может, он уже...

— Что ты крутишься, как мышь при родах. Звони, выясняй.

Котов ваглянул на Гурова, тот молча кивнул.

— Мне бы отдельный телефон.

— Саперов возьмете на Петровке? — спросил Нестеренко.

— По секрету всему свету, да и ворох бумаг потребуется.

— Так где их взять?

— Попробуем одолжить в одном месте... — Гуров придвинул к себе телефонный аппарат. Звонить он собрался заместителю министра генерал-полковнику Ушакову. Хотя они виделись всего один раз, но сыщик решил, что может обратиться на такой верх с совершенно неприемлемой просьбой. Может, потому, что генерал-полковник напоминал сыщику его отца в молодости. Другого объяснения Гуров не придумал и решительно набрал номер.

— Ушаков, — ответил уверенный голос.

— Здравия желаю, Вадим Сергеевич, беспокоит полковник Гуров. Вы могли бы принять меня по личному вопросу?

— Лев Иванович? — генерал на секунду замаялся, но тут же сказал: — Заходите.

Без предисловий и объяснений Гуров выложил свою просьбу.

— Почему вы обратились именно ко мне?

— Потому, Вадим Сергеевич, что до назначения к нам вы служили в армии. Следовательно, имеете друзей вне нашей системы.

— Вы не доверяете своим коллегам? — Не дождавшись ответа, генерал продолжил: — С какого по какой час вам требуются специалисты?

— С девятнадцати до двадцати часов. Вадим Сергеевич, не хотелось, чтобы окружающие люди поняли, что проверка целенаправленная.

Генерал проводил Гурова до дверей, протянул руку.

— Желаю удачи, Лев Иванович. Результат сообщат в вашу машину.

Котов довольно быстро отыскал старого "приятеля". Витек по-прежнему работал на старом месте электриком.

— Сделаю, — заявил он, выслушав своего благодетеля.

И Котов ему поверил. Но операция была масштабной, а Витек парень не шибко ловкий и в себе не уверенный. Потому к вечеру Григорий Котов места себе не находил. Вдруг "помощник" в последний момент струсит или случится что-то непредвиденное?

У Станислава Крячко имелся гардероб чуть ли не на все случаи жизни. Он надел задрипанный костюмчик, помятую ветровку. Затем подошел к грязной обшарпанной стене дома. Прижал-

ся к ней щекой и дернулся вниз. Слезы невольно брызнули из глаз, но эффект получился потрясающий. Станислав прижег садину йодом, посмотрел на себя в зеркало и решил, что Гуров за все заплатит. Конечно, можно было загримироваться, но опытный опер знал случаи, когда грим подводил под пулю. Выпив рюмку, закусив долькой чеснока с черным хлебом, Станислав отправился на дело.

До кафе он доехал городским транспортом, последние кварталы прошел пешком. Возле кафе разгружали рефрижератор. Станислав, ни слова не говоря, схватил какой-то ящик и поволок его по осклизлой лестнице в подвал. На третьей ходке его остановил мужчина в синем халате и брезгливо спросил:

– Ты из какой канавы вылез?

Станислав одернул курточку и потупился.

– А ну-ка, пошел отсюда, у нас без тебя воров хватает.

– Петрович! – окликнул другой мужик, тоже в халате. – Я за ним приглядываю уж с полчаса. Доходяга на стакан хочет заработать, а у меня людей не хватает. Оставь, пусть вкалывает. Потом нальем да выгоним.

– Ну смотри, – и начальник скрылся в полутемном коридоре.

По подсчетам оперативника, до отключения света оставалось минут тридцать.

Елена Турова вышла из подъезда своего дома и украдкой оглянулась. Гуров, сидя за рулем "пежо", с интересом наблюдал за ней. Отметил, как она суетлива и неуверенна.

Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

– Вам просили передать, что специалисты вошли на объект.

– Спасибо, – ответил Гуров, но на другом конце уже отсоединились.

Сыщик нервничал, чувствовал, что-то не учли. Вот и выехали рано, могут оказаться на месте до окончания работы саперов.

Олег Туров спрятался в гостинице "Украина". Подумал, если начнут проверять московские гостиницы, что маловероятно, то до этого монстра доберутся в последнюю очередь. А если доберутся? Кто защитит? Кому он нужен?

Туров сидел в офисе, говорил по сотовому телефону.

– Птенцы между собой переговариваются, – докладывал ему уверенный мужской голос. – Моя бы воля, швырнул бы горсть гороха, и забот никаких. Я не понимаю...

– А зачем тебе понимать? – усмехнулся Туров. – Лучше скажи, где мой братец обитает?

– В Москве живем, вот переберемся в Рязань, там я мигом разберусь.

– В сортире найти еще легче. Ну да ладно, этот психопат крючок заглатывает?

– Самолюбие человека куда угодно завести может.

– Лампочку Ильича включили?

– Копаются.

– Они случайно ничего лишнего не обнаружат? – спросил Туров.

– Исключено. Для этого нужны профессионалы, аппаратура, а не наши совковые электрики. Найдут разрыв, соединят два конца, выпьют по стакану и по домам.

– Ну-ну, будем надеяться.

Нестеренко оставил “мерс” Станислава в переулке позади заведения. Прошел дворами, но ничего подозрительного не заметил. Рассудил так: либо они настолько уверены, что работают без страховки, либо их машины находятся во дворе неподалеку и подлетят в случае необходимости.

Он вошел в кафе. Посетителей было мало. Всего две парочки. Нестеренко подошел к буфету.

– Садитесь за стол, вас обслужат, – устало произнесла буфетчица.

– Чего людей гонять? – Нестеренко достал деньги. – Возьму стакан и сяду.

Буфетчица пожала плечами и наполнила стакан из бутылки, на которой была прилеплена этикетка “Коньяк”. Хотя жидкость не соответствовала этикетке ни цветом, ни запахом, Нестеренко невозмутимо заплатил и прошел в зал.

Без пяти девять зажегся свет. “Электрики” ушли почему-то черным ходом. Из глубины кафе появилась фигура Станислава, который, плохо ориентируясь в пространстве и времени, плюхнулся за ближайший стол.

В зал вошли Елена и Гуров. Громко фыркнув, она сказала:

– Это общественный туалет?

– Нормальное кафе. – Он взглянул на часы, до девяти оставались считанные секунды. Затем насмешливо сказал: – Елена Ильинична, вы говорили, что нас встретит человек, который сообщит мне нечто важное.

Подошла официантка в белом фартучке. Гуров почему-то подумал, что девушка вынудила его из шкафчика, увидев неожиданно богатых гостей. Сыщик завороченно смотрел на стенные часы. Они отставали на две минуты, показывали без одной минуты девять. Руки дрожали.

– Что у вас можно выпить и не отравиться? – спросил он. – Вы, лично, что употребляете?

– Имеется “Абсолют”.

На улице взвизгнули тормоза. У входа остановились машины. Гуров схватил Елену и официантку за руки и бросился к столу Станислава, стоящему за обшарпанной четырехугольной колонной, отделявшей гостевой зал от буфета. За ним метнулся Нестеренко.

Два здоровенных амбала с “Калашниковыми” показались в дверях. Станислав и Нестеренко выстрелили одновременно, нападавшие рухнули на пол и своими телами закупорили узкий проход.

Григорий Котов распахнул дверцы “мерседеса” Кричко. Гуров буквально зашвырнул Елену Турову в салон, сел рядом. Станислав сел в машину уже на ходу.

Проскочив дворами, они вылетели в переулок, где стоял “пежо” Гурова. Он пересел в свою машину, за домами раздавались выстрелы. У Елены началась истерика.

Где-то неподалеку взывала сирена милицейской машины. "Мерседес" и "пежо" выкатились на Профсоюзную и направились к центру.

Станислав позвонил Гурову:

— Давай, гений, покажи, что ты можешь.

— Работай, — ответил Гуров и переключился на кабинет Орлова: — Петр. Мы в норме. Позвони руководству, передай благодарность.

— Мы где живем, в Москве или Грозном? — Елена вынула из сумочки пудреницу, начала приводить лицо в порядок. — Куда мы едем?

— В ваше поместье. Вас предупреждали, что в кафе ходить не нужно?

— Мне пообещали дать неопровержимые доказательства, кто убил Игоря и этих несчастных женщин... Я знаю Олега, он не способен...

— Позвоните брату, скажите, что вас едва не убили. Милиция и прокуратура везут вас в особняк, просят приехать и его. Ведь юридическим владельцем является Илья Ильич Туров.

Елена вынула из сумочки телефон.

— Могу позвонить, но Илья никуда не поедет. Я не имею на него никакого влияния.

— И все же позвоните.

Елена соединилась с братом.

— Илья, это я, — начала она, но Туров перебил:

— Ты где? Цела, здорова?

— Меня арестовали! — закричала Елена. — Везут в наше имение.

— Гуров с тобой?

— Да нет никакого Гурова. Есть прокурор. Именно он просит, чтобы ты приехал немедленно. — У нее вновь началась истерика.

Федул Иванович Драч приехал в имение раньше всех. Охрана не посмела не пустить за ворота помощника прокурора. Вскоре подкатили Гуров и оперативники с Еленой. Затем Илья Туров.

Гуров и Драч успели перемолвиться несколькими фразами.

— То, что он заманил тебя в кафе и организовал покушение, не доказывается, — заявил Драч.

— А что кафе было заминировано? Что хотел разделаться со мной и с собственной сестрой?

— Лева, это все только слова...

— А если мы найдем пистолет, из которого убили Игоря, а позже невесту Олега и ее мать? А ведь парень подарил невесте десять миллионов долларов...

— Даже найдя пистолет, никогда не докажешь, кто из него стрелял. Пальцевые отпечатки на оружии не оставляют и ребяташки, закончившие пятый класс.

К ним подбежал Туров.

— Вы прокурор? На каком основании вы здесь находитесь?

— На основании постановления о проведении в вашем доме обыска.

— Кто подписал?

Гуров рассмеялся.

— Ты еще! — Туров замахнулся.

— Советую ударить. — Гуров не шелохнулся. — Лежа в госпитале, вы сможете обдумать систему защиты.

Туров схватился за голову.

— Пройдемте в дом, покажите свои бумаги!

Помощник прокурора заполнял бланк протокола. Понятые диктовали свои данные. Закончив писать, Драч сказал, что поручает провести обыск полковнику милиции Гурову.

— Уважаемый Илья Ильич, имеется ли в доме огнестрельное оружие? — спросил Гуров.

— Мы уже обсуждали этот вопрос! — вызывающе ответил Туров.

— Хорошо. Прошу вас и понятых пройти со мной в ваш кабинет, — сказал Гуров.

Все поднялись на второй этаж.

— Я, кажется, не взял ключей. — Туров небрежно оцупал карманы.

Не только сыщики, но и все присутствующие поняли — всемогущий Илья Ильич Туров сломался. Елена подсказала:

— Илья, ключи на цепочке под жилетом, слева.

— Откройте сейф, — попросил Гуров.

Туров распахнул тяжелую дверь. Гуров повернул ручку в тайнике сейфа и боковая пластина дверцы поползла вниз. Гуров вынул из образовавшегося проема золотой диск.

— А вот и украденный сидиром.

Стоявший рядом Туров мгновенным движением выхватил пистолет. Но Гуров оказался быстрее. Он ударил ребром ладони по руке Турова, пистолет упал на пол.

— Совершенно лишнее. А вдруг ваших пальцев на пистолете не было? — спросил Гуров.

Эпилог

Станислав и Гуров сидели в своем кабинете, ждали вызова к начальству.

— Мы обнаружили тайник в сейфе при первом обыске в день убийства. Он был пуст. Почему ты так уверенно полез в него во второй раз?

— Да ни в чем я не был уверен. Но ведь двух тайников в доме не делают. И если в первый раз он был пуст, то появилась уверенность — во второй не полезут.

— А чего ты вцепился в Тура?

— Дело явно семейное. Только Тур делал деньги. А ему их явно не хватало. Деньги — наркотик...

— У него все сложилось, а сердечко прихватило, — сказал Станислав.

— Живой человек, — ответил Гуров. — Брата убил, такую комбинацию задумал. Верил... Не верил... Победил и сломался. Ты что — не видел, как олимпийские чемпионы на финише падают?..

ШАХМАТНАЯ

ЭПИГРАММА

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИННОГО

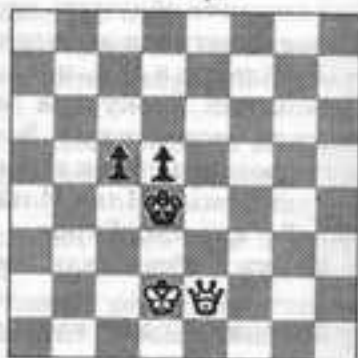
Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на VI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр, а также подводим итоги прошлогоднего конкурса трехходовок. В конкурсе 1996 г. участвовало 136 задач 73 авторов (опубликовано 53). Из конкурса исключены из-за предшественников: №№ 39, 41, 66, 67, 139, 142; № 20 – побочное решение, № 30 – дуаль.

Присуждение предварительное. Все замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

112. Ю. КАЛУГИН

Самара

Мат в 2 хода

113. В. НАЛАНДАДЗЕ

*Тбилиси,
Грузия*

Мат в 2 хода

114. В. КОВАЛЕНКО

*г. Большой Камень,
Приморский кр.*

Мат в 2 хода

a) n. e3-d4 б) Kd8-d3 в) Ce2-c4

115. Н. РЕЗВОВ

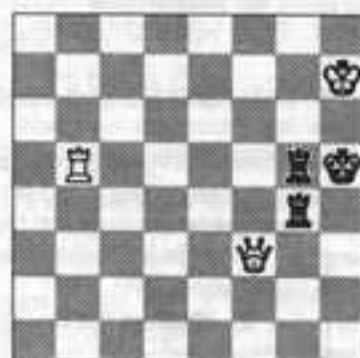
Одесса,
Украина

Мат в 3 хода

116. М. ЧЕРНУШНО

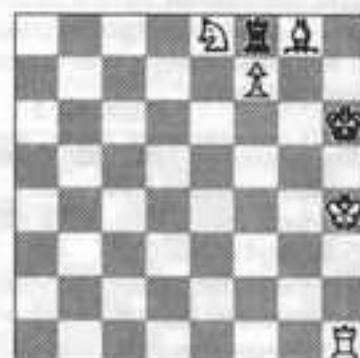
Уссурийск

Мат в 3 хода

117. С. ТИЛЧЕНКО

г. Приазовское,
Украина

Мат в 3 хода

118. Ю. СУШНОВ

Санкт-Петербург

Мат в 4 хода

119. П. ЛОУРИДАС

Германия

Мат в 5 ходов

120. А. СЕЛИВАНОВ

г. Красноуральск,
Свердловской обл.

Мат в 5 ходов

ТРЕХХОДОВКА-96

I приз

**В. ИВАНОВ, В. МЕЛЬНИЧЕНКО
М. МАРАНДЮК**

б) н. f7-f5 в) б) Ke8-d3.

II приз

М. МАРАНДЮК

б) н. d2-b2

III приз

**В. ИВАНОВ,
Н. ЧИКАНОВ**

**Специальный приз
Ю. СУШКОВ**

Конкурс трехходовых миниатюр по сравнению с "двухходовой-96" дал более скромные результаты.

I приз, **В. Иванов (Россия), В. Мельниченко, М. Марандюк** (оба - Украина).

а) 1. Cg7! [2. Cf6] Hpe7 2. f8H! [2. f8Ф? Hpd7!] Hpd8 3. Cf6x, l...Hpd7 2. f8Ф! [2. f8H? Hpe7!] Hpd8 3. Hf6x

б) 1. Hrb7! Hpd7 2. Hf6 Hpd8 3. Hf7x

в) 1. f6! Hpd7 2. Hc5 Hpd8 3. Ce7x

В своей переработке авторы отказались от правильных матов в пользу двух превращений. Несомненно, игра стала острее и тоньше! А правильные маты отсыпались в близнецах.

II приз, **М. Марандюк (Украина)**

а) 1. Cb2! Hrb4 2. d3 Hrb5 3. Cc3x

б) 1. Cb1! Hrb3 2. Hrc5 Hra4 3. Cc2x

Очень симпатичные близнецы с гармоничной хамелеонной ахо-игрой, заканчивающейся возвратом белых слонов в начальное положение и правильными матами!

III приз, **В. Иванов (Россия), Н. Чиканов (Молдова)**

1. Hd1? [2. Фе3] Hpd1 2. Ле4 Hpd2 3. Фd6x, l...Hpf1!

1. Фс3? Hpf3 2. Фе1 Hpf4 3. Лf5x, l...Hpf2!

1. Фf8! Hpd3 2. Фf2 Hpd4 3. Лd5x, l...Hpe3 2. Hrc2 Hpe2 3. Ле4x

Два правильных мата в решении и два - в лонных следах. Н сомнению, и лонные следы, и их опровержения грубоваты.

Специальный приз, **Ю. Сушков (Санкт-Петербург)**

1. Hpg5 d6 2. Hd8 d5 3. Фf4x, l...d5 2. Фg4 d4 3. Фf5x

Четкое и предельно знаменное использование последовательного блокирования пешкой полей для черного короля. Лучшая малютка конкурса!

**1-й почетн. отз.
М. МАРАНДЮК**

**2-й почетн. отз.
Л. ГРОЛЬМАН**

**3-й почетн. отз.
В. КОЖАКИН**

б) Крg5-g4

1-й почетный отклик М. Марандюк (Украина)

- а) 1. Лa4! Нрf3 2. Сa1 Нрg3 3. Лa3x
б) 1. Сс3! Нре3 2. Ла1 Нрf2 3. Сd4x
2... Нре4 3. Ле1x

Еще один механизм возврата белых фигур в начальное положение. И сожалению, игра в блоках неравноценна: в б) значительно интереснее!

2-й почетный отклик Л. Грольман (Калинин)

1. Лd2? (2. D3) Сd2 2. Нре2!, 1... Нрb1!
1. Нре2? Сd2 2. Сd4, 1... Нрd1! 1. D3? Сс5
2. Лd2, 1... Сd2!

1. Сd4! Нрd1 2. Ле6 С -, Сd2, Нрс1 2.
Нрb2, Ле1, Ле1x, 1... Сd2 2. Нре2

Насыщенная интересной игрой миниатюра. "Полкивало" дане целым первым и вторым ходами, но не получилось...

3-й почетный отклик В. Кожакин (Магадан)

1. f5! Нрg3 2. Сd6 Нрh4 3. Ле4x, 1... Нрg1 2.
Ле1 Нрf2 (h2) 3. Сh4 (d6) x

1. Нрg5? Нрg3 2. Нр4 Нрh3 3. Ле3x,
1... Нрg1! 1. D3? Нрg1 2. Нd3 Нрf1 3. Ле1x,
1... Нрg3! 1. Сd6? Нрg3 2. f5, 1... Нрg1! 1. Сс5?
Нрg1 2. Нe4, 1... Нрg3!

Перемена игры, но в изоляции силовой манере.

1-й положительный отклик С. Демидюк (Беларусь)

- а) 1. Фh8? Нрf7! 2. Нрd7? d1Ф, 1. Фh7)
Нрf7 2. fФФ, 1... НрВ 2. fБ

- б) 1. Фh7? Нрf7 2. fФФ a1Ф 1. Фh8! Нрh8
2. fФФ, 1... Нрf8 2. Нh8, 1... Нрf7 2. Нрd7 (f)

Любопытные жертвы ферзя на двух смежных полях.

**1-й похв. отз.
С. ДЕМИДЮК**

**2-й похв. отз.
И. РОТЕНБЕРГ**

**3-й похв. отз.
А. СЕРПИНИН**

б) n. d2-a2

2-й положительный отклик И. Ротенберг (Финляндия)

1. Нe3! (цугцванг) Нре5 2. Нd5 Нре6 3. Ле7x,
1... de 2. Нре2 Нре4 3. Лр4x, 1... d5 2. Нрd4 de 3.
Лр4x

Наль, но только два правильных мата.

3-й положительный отклик А. Скрипник (г. Зеленоград Московской обл.)

1. Лd5! (цугцванг) Нре5 2. Ла5! be 3. b5x,
1... Нрb8 2. Сd6 Нрс8 3. Лd8x

Оба варианта заканчиваются правильными матами.

Специальный почетный отклик В. Щептоножко (Екатеринбург), В. Новаленко (г. Большой Камень, Приморский кр.)

- Нрb4, Лh2, Сd5, Сс8 - Нрa1, пп. a2, b2

1. Нрe4 b1Ф 2. Сс3 Сd2 3. Лh1x, 1... Нрb1
2. Лh1 Нре2 3. Сf5x, 1... b1H

2. Сf5 Н - 3. Сс3x

Цеплеческое чередование вторых и третьих ходов белых. Идеальное улучшение задачи В. Щептоножко [1 похв. отз. в мемориал В. Броня, 1989 г.]

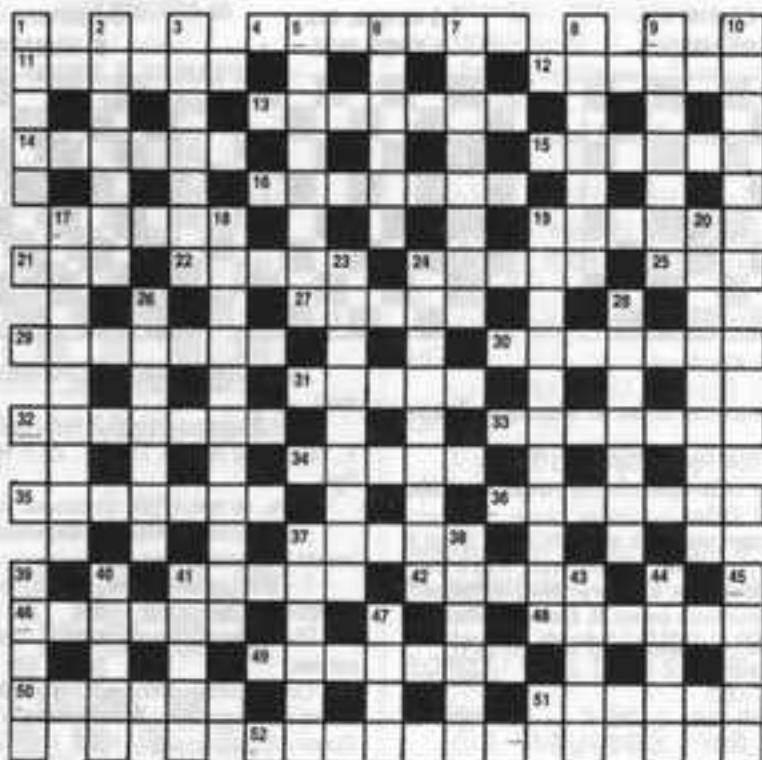
Специальный почетный отклик А. Кузнецов (г. Лутово Московской обл.)

- Нрс6, Фd8, Нр3, пп. d2, h3 - Нрb6, п. h5.

1. Нh5! (цугцванг) Нрh5 2. Фd8 Нрh4 3.
Фр4x, 1... Нрh7 2. Фf6 Нрg8 3. Фр7x, 1... Нрf7 2.
Фf6 Нрe8 3. Нр7x, ... Нрb5 2. Фd8 Нре4 3. Фd5x

Некоторое улучшение известной задачи, достигнутое перестановкой п. c2 на d2. В первоначальном варианте 1... Нрb5 заканчивался другим правильным матом; 2. Фf6 Нре4 3. Фd4x, но ход 2. Фf6 повторялся трижды!

В. Чепиловский, международный арбитр

КРОССВОРД

Составил

А. Шаповалов,

Переславль-Залесский

Ярославской

области

По горизонтали.

4. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 11. Задорный мальчуган в "Отверженных" В. Гюго. 12. "Дорогой" специалист, особенно популярный у женщин. 13. Деревня продуктивной осени А. Пушкина. 14. Самый могучий советский грузовой самолет. 15. Город в Иране, близ которого похоронен Фирдоуси. 16. Горы, куда "просится" Маша Распутина. 17. "Онаменелая капля крови" на Востоке. 19. Граф, генерал-фельдмаршал, получивший за военные заслуги титул Забалканского. 21. Сотая часть иены. 22. Собака в детстве. 24. Химический элемент, применяемый в психотерапии. 25. Дневный документ. 27. Французский скульптор, бывший отличным рисовальщиком. 29. Административно-территориальная единица. 30. "Дети по натуре ..." (Д. Мамин-Сибиряк, "Зеленые горы"). 31. Италия или камел. 32. Одиэнда, в которой Екатерина II принимала австрийского императора Иосифа. 33. Астроном, специалист по Марсу. 34. Лесная мастерница целеных объятий. 35. Везунчик. 36. "Застывшее" чувство. 37. Бельгийский художник, автор картины "Русская музыка". 41. ... Эпирик - древнегреческий философ-скептик. 42. Домашний поборник чистоты. 46. Бран между близкими родственниками. 48. Курорт на реке Прут. 49. Птица-интеллигент, по мнению зоологов. 50. Участник боя быков. 51. Чин. 52. Былинный богатырь.

Окончание на 287 стр.

"СМЕНА" – 98

В первом полугодии мы печатаем новый детектив Сергея Устинова "Стеклянный дом, или Ключи от смерти". Готовы к печати романы Д. Макдональда "Тусклый лик вины" и "Приглашение к смерти", Михаэля Барака "Операция "Энигма" и фантастика Денниса Уибли "Война в астральном мире". В портфеле редакции – романы Николая Леонова и Андрея Молчанова.

В 1998 году мы начинаем ряд интеллектуальных конкурсов и викторин с большими призами.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на _____

журнал

(индекс издания)

СМЕНА

Количество комплектов

на 1998 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на _____
журнал

(индекс издания)

СМЕНА

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество
комплектов

1

на 1998 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

В первом полугодии 1998 года остаются два подписных индекса:

70820 - для индивидуальных подписчиков; цена 11500 рублей за один номер, 34500 - за три, полугодовая подписка - 69 000 рублей (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки);

72516 - льготная подписка для библиотек, общеобразовательных школ и воинских частей: цена 10 000 рублей за один номер, 30 000 - за три, полугодовая подписка - 60 000 рублей (без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонеента!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонеента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

По вертикали.

1. Утна, похожая на гуся. 2. Любитель "заливать". 3. Заместитель министра в старой России. 5. Аптенарь с высшим образованием. 6. 0,42 гектара в Египте. 7. Чиновник в феодальном Китае. 8. Имя четырех римских пап. 9. Польский дворянин. 10. Нарточная игра, по которой проводятся международные соревнования. 17. Художник, от которого после смерти жены Сеснии отвернулась судьба. 18. Позиция Швейцарии во время второй мировой войны. 19. Разлад, разногласие. 20. Ни грамма лжи. 23. Название актера в средневековой России. 24. Русский поэт, мальчиком очень радовавшийся, если брошенный им камень сбивал курицу. 26. Очень высокий человек. 28. Хирург, давший повод большевикам соорудить мавзолей. 37. Денежная единица Португалии. 38. Фасон пальто или плаща, в котором плечо без шва переходит в рукав. 39. Форма существования однолетнего животного в оболочке. 40. Знаменитая поэма, где послушник-грузин бежит из монастыря. 41. Перебранка, размолвка. 43. Жидкость, которую олицетворяли приносимые в древности в жертву вино, мед, молоко. 44. Заключительное слово молитвы. 45. Робеспьер по обязанности на свадьбе Демулена с Лусиль. 47. Валюта страны, с весны вновь ставшей Нонго.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали.

1. Дана. 6. Эфес. 10. Чебурек. 12. Вопрос. 13. Минсер. 14. Пострел. 15. Штамп. 17. Земля. 18. Суперфосфат. 23. Календула. 25. Ингалиция. 26. Анонс. 27. Жермена. 28. Пирожина. 29. Сплот. 31. Викторина. 32. Лунавость. 35. Анекдотация. 38. ...звучи... 39. Егерь. 41. Гобойст. 43. Шнель. 44. Одесса. 45. Бискупит. 46. Игла. 47. Лень.

По вертикали.

1. Дева. 2. Нольто. 3. "Лепорелла". 4. Мустафа. 5. Ренессанс. 7. Фасоль. 8. Сорт. 9. Халмс. 11. Тибет. 16. "Будденбронг". 17. Зеналивание. 19. Падение. 20. Фермата. 21. Лягунов. 22. Диснета. 24. Анапа. 25. Индрол. 29. Онтология. 30. Туманский. 33. Воронка. 34. Ювенал. 35. Ануль. 36. ...года. 37. Нристи. 40. Ушки... 42. Царь.

Олег Закоморный

Говорят: вода камень точит, у скульптора все иначе – терпение камень точит. Ибо сперва нужно схватить зыбкий образ и отформировать его в пластилине, потом то же самое сделать в гипсе, затем отдать в отливку и только потом, получив темный и шероховатый оновалон грубого металла, доводить его до ума.

У Олега Закоморного терпения есть. Это видно по тому количеству и разнообразию скульптур, которые сделаны им всего лишь за три года после окончания суриковского института и которые теснятся теперь на полках его маленькой мастерской. Вглядываясь в них, замечаешь, что у Олега есть три любимые темы: женское обнаженное тело, балет и животные. И все это понятно и закономерено. Ведь язык скульптуры – пластина, жест, безмолвным движением тела она стремится выразить то же самое, что музыка – звуком, а литература и театр – словом: жизнь души. Вот, например, Даная молодого скульптора. Мы помним знаменитую Даная Рембрандта: Даная в момент стыдливого онеидания и сладостного предвкушения любви, у Закоморного же – человека XX века – Даная бесстыдно показана в самый пик любви, в момент наивысшей страсти. Ее гибкое и молодое тело любовь ломает, как ломает и гнет молодое деревце порыв свирепого и бурного ветра. Здесь страсть – грозная и разрушительная стихия. Хотя, кажется, что Олегу таной бурный выплеск страстей мало свойственен, его медлительной, уравновешенной натуре гораздо ближе ленивая и тягучая грация томных и малоподвижных женских тел. Недаром один из его любимых мотивов – сон, когда линии тела расслабляются, обмякают и как бы незаметно перетекают и переливаются в соседние предметы. Леда – в лебедя; еще одна обнаженная – в краба, спящий мальчик – в орла, образуя все вместе единый, красивый и живописный узор... Недаром он так любит любоваться спокойно-уверенной грацией животных: изящным поворотом головы антилопы или нежным объятием двух длинношеих, длинноногих и тонких, как балерины, фламинго.

Впрочем, все это – и женщины, и балет, и животные – так называемые малые формы, то есть формы, предназначенные для спокойного и вдумчивого домашнего созерцания. Разумеется, молодому и честолюбивому скульптору тесно и недостаточно быть в узких рамках домашнего интерьера, он стремится на улицу, к обществу. Одной из недавних работ Олега Закоморного такого рода явился бюст нашего известного эстрадного артиста Арнадия Райкина, который Олег подарил московскому Театру Эстрады. И еще одна из самых последних и, наверное, самых значительных работ молодого скульптора – работа над памятником основательницы Гнесинского института – Елены Гнесиной. По проекту Олега Гнесина сидит в кресле на высоком постаменте и с удовольствием смотрит на свое любимое детище. На эскизе, сделанном Олегом на компьютере, памятник так идеально вписывается в двор института, что создается впечатление, будто он стоит здесь по крайней мере сто лет. Руководству института проект памятника понравился, и теперь дело, собственно, только за деньгами. Отливка памятника такого размера – дело и трудоемкое и дорогостоящее и, следовательно, по нынешним временам почти невозможное, но все-таки хочется верить, что идеей этого проекта заинтересуются богатые спонсоры и он будет в конце концов осуществлен...

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Олег Занорморный. Из серии «Бронзовый танец»

